

И.И. Горелик

**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

Национальный центр законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь
Общественное объединение «Белорусский республиканский союз юристов»
Государственное учреждение «Национальная библиотека Беларуси»
Общество с ограниченной ответственностью «ЮрСпектр»

НАСЛЕДИЕ ПРАВА

И.И. Горелик

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Минск
«ЮрСпектр»
2021

УДК 34(476)(081.2)
ББК 67.404(4Бел)я44
Г67

Серия основана в 2012 году

Научный совет проекта «Наследие права»:

заместитель председателя ОО «Белорусский республиканский союз юристов» *А.А. Гавз*; советник Правового департамента Евразийской экономической комиссии *В.А. Дорошкевич*; заместитель Председателя Верховного Суда Республики Беларусь, председатель судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Республики Беларусь *А.А. Забарыца*; директор Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь *В.Д. Ипатов*; проф., д-р юрид. наук, заслуженный юрист Республики Беларусь, заместитель председателя ОО «Белорусский республиканский союз юристов» *В.С. Каменков*; доц., канд. юрид. наук, начальник главного государственно-правового управления Администрации Президента Республики Беларусь *Е.И. Коваленко*; Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь в Республике Армения *А.В. Копюк*; *О.Э. Кравцов*; директор Национального центра правовой информации Республики Беларусь *А.Ф. Мательский*; проф., д-р юрид. наук, судья Конституционного Суда Республики Беларусь *Л.М. Рыбцев*; Министр юстиции Республики Беларусь *О.Л. Слижковский*; генеральный директор ООО «ЮрСпектр» *О.В. Сломениц*; проф., д-р юрид. наук, заслуженный юрист Республики Беларусь *В.М. Хомич*

Координатор проекта: заместитель генерального директора по связям с общественностью ООО «ЮрСпектр» *Д.В. Римша*

Горелик, И. И.

Г67 Избранные труды / И. И. Горелик. – Минск : ЮрСпектр, 2021. – 480 с. – (Наследие права).

ISBN 978-985-90478-8-6

В книге представлены изданные в 1958–1982 гг. наиболее значимые труды белорусского ученого-правоведа, профессора, доктора юридических наук Иосифа Исааковича Горелика (1921–2008). Данные произведения посвящены проблемам правового регулирования пересадки органов и тканей (гомотрансплантации) и уголовно-правовому аспекту этой области медицины, правовой оценке преступлений, опасных для жизни и здоровья.

Издание предназначено для ученых-правоведов, работников законотворческих, правоохранительных органов и судов, практикующих юристов, адвокатов, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов юридических специальностей учреждений высшего образования.

УДК 34(476)(081.2)
ББК 67.404(4Бел)я44

ISBN 978-985-90478-8-6

© Горелик Б.И., Горелик И.И., 2021
© Оформление. ООО «ЮрСпектр», 2021

Содержание

От организаторов проекта

<i>В.В. МИЦКЕВИЧ. Остаться в памяти потомков.....</i>	9
<i>В.Д. ИПАТОВ. Яркий представитель жизнеутверждающей силы духа поколения победителей.....</i>	11
<i>А.Ф. МАТЕЛЬСКИЙ. Вдохновляя потомков.....</i>	14
<i>О.Ю. КНИЖНИКОВА. Наследие богатое и многогранное.....</i>	16

Об авторе

Биография И.И. Гурелика.....	18
Достойный сын белорусской земли.....	25
Воспоминания об отце.....	29

МОНОГРАФИИ

Правовые аспекты пересадки органов и тканей.....	36
Введение.....	36
Глава 1. Вопросы гомотрансплантации в действующих советских нормативных актах.....	42
Глава 2. Принципы правового регулирования гомотрансплантации.....	47
Глава 3. Право лечения гомотрансплантацией.....	52
Глава 4. Условия правомерности получения трансплантата от живого донора.....	64
Глава 5. Условия правомерности изъятия трансплантата от неживого донора.....	75

Глава 6. Гомотрансплантация и уголовное право.....	92
Примечания.....	104
Словарь медицинских и юридических терминов.....	111

**Квалификация преступлений,
опасных для жизни и здоровья..... 112**

Введение.....	112
---------------	-----

Глава 1. Понятие и общая характеристика преступлений, опасных для жизни и здоровья.....	115
--	-----

§ 1. Понятие преступлений, опасных для жизни и здоровья.....	115
---	-----

§ 2. Объект преступления.....	118
-------------------------------	-----

§ 3. Объективная сторона (деяние).....	120
--	-----

§ 4. Объективная сторона (причинная связь).....	133
---	-----

§ 5. Преступления, опасные для жизни и здоровья, и малозначительность.....	136
---	-----

§ 6. Вина.....	140
----------------	-----

§ 7. Вина (двойная форма вины).....	146
-------------------------------------	-----

§ 8. Покушение и косвенный умысел.....	153
--	-----

Глава 2. Виды, система и конструкция составов преступлений, опасных для жизни и здоровья.....	160
--	-----

§ 1. Виды преступлений, опасных для жизни и здоровья.....	160
--	-----

§ 2. Система преступлений, опасных для жизни и здоровья.....	166
---	-----

§ 3. Конструкция составов.....	170
--------------------------------	-----

§ 4. О родовом составе поставления в опасность.....	179
---	-----

Глава 3. Преступления, опасные для жизни и здоровья (поставление в опасность).....	185
---	-----

§ 1. Нарушение правил безопасности труда.....	185
---	-----

§ 2. Загрязнение воздуха.....	199
-------------------------------	-----

§ 3. Нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями.....	201
--	-----

§ 4. Нарушение правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ.....	204
--	-----

§ 5. Содержание притонов для потребления наркотиков	211
§ 6. Спаивание несовершеннолетних.....	213
§ 7. Постановление в опасность заражения венерической болезнью	226
§ 8. Незаконное врачевание.....	236
§ 9. Незаконное производство аборта	244
Глава 4. Преступления, опасные для жизни и здоровья (оставление в опасности)	261
§ 1. Неоказание помощи погибающему посторонним лицом	261
§ 2. Оставление без помощи погибающего лицом, обязанным заботиться о нем	269
§ 3. Неоказание капитаном судна помощи гибнущему на водном пути.....	273
§ 4. Неоказание медицинской помощи	277
§ 5. Оставление в опасности и убийство (разграничение составов)	298
Глава 5. Преступления, опасные для жизни, здоровья и материальных ценностей.....	305
§ 1. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта.....	305
§ 2. Управление транспортными средствами в состоянии опьянения.....	333
§ 3. Незаконное владение взрывчатыми веществами	339
§ 4. Нарушение правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами	341
§ 5. Нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях.....	345
§ 6. Загрязнение водоемов	352
Заключение	356
Примечания.....	367

Понятие неосторожного преступления.

Применение наказаний за техническую неосторожность ... 394

Признание лица особо опасным рецидивистом.....	407
Соучастие и квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к исполнителю преступления.....	413
Отдельные вопросы назначения наказания.....	418
Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду	426
Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему.....	433
СТАТЬИ	
Значение состояния опьянения при совершении общественно опасного действия (законодательство, судебная практика)	446
Развитие Особенной части Уголовного кодекса БССР 1960 г.	460
Библиографический список трудов И.И. Горелика, опубликованных в настоящем издании	478

От организаторов проекта

Валерий Вацлавович МИЦКЕВИЧ
Председатель общественного объединения
«Белорусский республиканский
союз юристов»,
заместитель Председателя
Палаты представителей
Национального собрания
Республики Беларусь

Остаться в памяти потомков

Я искренне рад, что данный выпуск проекта «Наследие права» посвящен выдающемуся юристу, доктору юридических наук, человеку с яркой биографией Иосифу Исааковичу Горелику.

И.И. Горелик – герой Великой Отечественной войны. За проявленный героизм, мужество и отвагу в боях против захватчиков он был награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степени и медалями.

Несмотря на трудности послевоенного периода, Иосиф Исаакович продолжил обучение. Он блестяще окончил Юридический институт, поступил в аспирантуру и защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации.

Научно-педагогическая деятельность И.И. Горелика прошла в стенах Минского юридического института и юридического факультета Белорусского государственного университета, где он работал доцентом, профессором кафедры уголовного права.

Работал в судебных органах Белорусской ССР, а также преподавал в Минском юридическом институте. На его лекции по уголовному праву приезжали студенты из Москвы и Ленинграда.

И.И. Горелик – автор свыше 80 научных трудов, монографий и учебных пособий. Он исследовал проблемы уголовного права, истории права, правовые аспекты трансплантации органов и тканей.

Профессор участвовал в подготовке проекта Уголовного кодекса БССР 1960 г., где особое внимание уделил анализу формирования уголовного права Беларуси до кодификации. Неоценим его вклад в разработку Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г.: именно И.И. Горелику принадлежала идея отказаться от названия раздела «Преступления против личности» в пользу названия «Преступления против человека».

Научное наследие И.И. Горелика – это публикации, в которых содержится систематизированный анализ практики правоприменения уголовного законодательства.

Сборник, который вы держите в руках, дает возможность познакомиться с удивительной биографией И.И. Горелика и с разнообразием его научных трудов, а также предоставляет уникальную возможность оценить глубину авторской мысли. Полагаю, что знакомство с данным выпуском станет источником идей для научных публикаций студентов и ученых, что будет способствовать совершенствованию и развитию права в целом и уголовного права в частности.

Вадим Дмитриевич ИПАТОВ

*Директор Национального центра
законодательства и правовых исследований
Республики Беларусь*

Яркий представитель жизнеутверждающей силы духа поколения победителей

История всегда отражается на характерах создающих ее людей. Военное лихолетье поглотило миллионы человеческих жизней и опалило своим пламенем судьбы оставшихся в живых. Но вопреки нечеловеческим страданиям и лишениям души советских людей не зачерствели и не озлобились, а наполнились силой созидания, добра и веры в справедливость. Ярким представителем жизнеутверждающей силы духа поколения победителей являлся Иосиф Исаакович Горелик, профессор, доктор юридических наук, малая толика трудов которого представлена в данном издании.

Обучение в Ленинградском юридическом институте привило Иосифу Исааковичу любовь к юридической науке, а общение с выдающимися представителями советской школы права выработало академический подход к научно-исследовательской деятельности.

Труды Иосифа Исааковича всегда отличала глубина проникновения в исследуемую проблематику, обстоятельность и научно-методологическая обоснованность, насыщенность новыми знаниями. Имея опыт работы в судебных органах, он всегда стремился связать теорию с практикой и очень много внимания уделял научно-консультативной деятельности, в том числе посредством издания ряда монографий о проблемах применения Общей и Особенной части Уголовного кодекса в практике Верховного Суда Белорусской ССР. Лекции Иосифа Исааковича по уголовному праву, насыщенные наиболее интересными и содержательными примерами из практики, всегда вызвали живой интерес у студентов, многие из которых стремились попасть в научный кружок, которым бесценно руководил этот преподаватель.

Отрадно отметить, что среди сотрудников Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь есть те, кто имел честь работать и расширять научные познания и компетенции под влиянием этого замечательного белорусского ученого-правоведа. Николай Алексеевич Бабий вспоминает: «Дух академизма пронизывал всю научную деятельность Иосифа Исааковича, и он щедро делился им со своими коллегами. Внедренные им в деятельность кафедры коллективные обсуждения подготовленных ее членами статей, монографий, учебников, диссертаций всегда проходили в атмосфере благожелательной и выискательной критики, что способствовало существенному повышению уровня научности обсуждаемых работ и было предметом белой зависти профессорско-преподавательского состава других кафедр факультета».

Иосиф Исаакович Горелик был одним из основоположников белорусской юридической науки, которые в послевоенные годы в неимоверно трудных условиях восстановления разрушенного Минска посвящали все силы подготовке будущих юристов и проведению научных исследований. В плеяде его коллег такие известные ученые-правоведы, как А.А. Головкин, В.А. Дорогин, С.Г. Дробязко, А.В. Дулов, И.С. Тишкевич, В.Ф. Чигир, В.А. Шкурко и многие другие.

Будучи участником, инвалидом и ветераном Великой Отечественной войны, награжденным двумя орденами Отечественной войны I и II степени и медалями, Иосиф Исаакович навсегда сохранил в сердце трепетное отношение к исторической памяти. Под его руководством и с его непосредственным участием студенты группы «Поиск» юридического факультета БГУ по крупицам восстанавливали судьбы прошедших сквозь огненные годы войны

студентов и преподавателей Минского юридического института, чьи фамилии увековечены на мраморных мемориальных досках и в экспозиции Музея истории юридического факультета.

Весь жизненный путь Иосифа Исааковича Горелика – яркое свидетельство жизнеутверждающей и созидательной силы духа поколения победителей.

Труды ученого, вошедшие в настоящее издание, несомненно, будут интересны многочисленным читателям, интересующимся проблемами науки уголовного права и правоприменения.

Андрей Францевич МАТЕЛЬСКИЙ

Директор Национального центра правовой информации Республики Беларусь

Вдохновляя потомков

Настоящий выпуск «Наследия права» посвящен доктору юридических наук, профессору Иосифу Исааковичу Горелику – выдающемуся ученому, внесшему значительный вклад в развитие отечественной юриспруденции и становление национальной школы уголовного права.

Иосиф Исаакович – ведущий белорусский ученый и эксперт в области уголовного права, разносторонне одаренный и талантливый человек. Юридическая наука стала его призванием.

Весомым вкладом в теорию и практику уголовного права явилась докторская диссертация «Преступления, опасные для жизни и здоровья (поставление в опасность)», защищенная Иосифом Исааковичем в 1964 г. в Ленинградском государственном университете. Он стал одним из самых молодых докторов наук в области уголовного права на всем постсоветском пространстве.

И.И. Горелик занимался педагогической деятельностью в стенах Минского юридического института и юридического факультета Белорусского государственного университета. С 1947 по 1992 г. работал доцентом, профессором кафедры уголовного права. И.И. Горелик

вел активную работу по созданию белорусской научной школы уголовного права. Во многом благодаря его опыту, энергии и высокой компетентности зародились традиции кафедры уголовного права БГУ, продолжающиеся и по сей день.

На протяжении всей профессиональной деятельности Иосиф Исаакович вел активную и плодотворную научно-исследовательскую работу. В течение длительного времени являлся членом Научно-консультационного совета при Верховном Суде БССР. Труды И.И. Горелика во многом определили стратегический вектор развития белорусского уголовного законодательства. При его личном участии были подготовлены проекты Уголовного кодекса БССР 1960 г. и Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г.

Жизнь Иосифа Исааковича тесно переплетена с важнейшими событиями в истории нашего государства. Он участвовал в Великой Отечественной войне. Награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степени и медалями. После окончания войны вел активную работу по подготовке молодых ученых и научно-педагогических кадров.

И.И. Горелик – автор более 80 научных работ, посвященных фундаментальным проблемам уголовного права и законодательства, включая монографии, учебники и учебные пособия, статьи, научно-практические комментарии законодательства. Его работы о правовых аспектах пересадки органов и тканей предопределили будущее развитие профильного законодательства в этой сфере.

В числе наиболее значимых достижений – авторство и редактирование первого двухтомного национального учебника «Уголовное право БССР. Общая часть», «Уголовное право БССР. Особенная часть» (1978). На его учебных пособиях выросли многие поколения белорусских юристов. Несомненно заслуга Иосифа Исааковича как ведущего автора научно-практического комментария к УК БССР, переизданного 7 раз.

Современная уголовная политика нашего государства выстраивается на тех гуманных идеалах и принципах, к формированию которых был причастен профессор И.И. Горелик. Его произведения не теряют актуальности на современном этапе развития белорусского государства. Это касается таких отраслевых и межотраслевых институтов уголовного права, как преступление и наказание, неосторожное преступление, обстоятельство, относящиеся к исполнению преступления, соучастие, условное осуждение, условно-досрочное освобождение.

Труды ученого, приводимые в данной книге, будут вдохновлять современное поколение на самоотверженное служение отечественной науке права.

Оксана Юрьевна КНИЖНИКОВА

*Генеральный директор
Национальной библиотеки
Беларуси*

Наследие богатое и многогранное

Иосиф Исаакович Горелик родился 3 декабря 1921 г. в Бобруйске. В 1944 г. окончил Ленинградский юридический институт, в 1947-м – аспирантуру. В этом же году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Уголовно-правовая охрана личной собственности граждан. Кража», в 1965 г. в Ленинградском университете – докторскую диссертацию на тему «Преступления, опасные для жизни и здоровья (поставление в опасность)».

Научно-педагогическая деятельность Иосифа Исааковича прошла в стенах Минского юридического института и юридического факультета Белорусского государственного университета, где с 1955 г. он работал доцентом, а с 1966 г. – профессором кафедры уголовного права БГУ им. В.И. Ленина.

И.И. Горелик – автор более 80 научных трудов, среди которых монографии, учебники, учебные пособия, научно-практические комментарии уголовного законодательства, статьи. Подготовил 3 кандидатов наук. Многие годы являлся членом Научно-консультативного Совета Верховного Суда БССР, участвовал в подготовке

проекта Уголовного кодекса БССР 1960 г., внес вклад в разработку Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г.

Участник Великой Отечественной войны. Награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степени и медалями.

Основные научные труды И.И. Горелика посвящены актуальным проблемам юриспруденции. Среди них следует отметить такие издания, как «Правовые аспекты пересадки органов и тканей» (1961); «Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья» (1973); «Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР» (1982) и т.д.

Иосиф Исаакович – автор и редактор двухтомного учебника «Уголовное право БССР» (1978), ведущий автор 7 изданий научно-практических комментариев к Уголовному кодексу БССР.

В фондах Национальной библиотеки Беларуси вниманию пользователей представлено около 30 изданий трудов И.И. Горелика, посвященных вопросам развития уголовного права.

Биография И.И. Горелика

Иосиф Исаакович Горелик родился в Бобруйске 3 декабря 1921 г. в семье рабочего. В 1929 г. поступил в бобруйскую школу № 3. Являясь учеником 8-го класса, в 1937 г. вступил в комсомол и в 1938 г. был избран секретарем комитета комсомола школы. Работал помощником начальника пионерского лагеря. В 1939 г. десятиклассник И.И. Горелик с отличием и почетной грамотой окончил среднюю школу № 29 (сейчас – № 1) Бобруйска. Здание школы (сегодня это корпус начальной школы) было построено в 1937 г. по типовому проекту «школа-госпиталь», а в 1938 г. приняла своих первых учеников. Первый выпуск школы состоялся в 1939 г., тогда ее окончили 20 учащихся. В то время воспитательная работа в школе была направлена на привитие патриотизма, подготовку к защите Родины. Вот почему многие выпускники-мальчишки поступали в военные учебные заведения.

В 1939 г. И.И. Горелик, как отличник, был принят без экзаменов в 1-й Ленинградский юридический институт. Вскоре был призван в Рабоче-крестьянскую Красную армию, служил красноармейцем в Ростове-на-Дону с октября по декабрь 1939 г., по болезни был переведен в запас. До восстановления в число студентов Ленинградского юридического института проживал в Бобруйске, находился на комсомольской работе (был старшим пионервожатым в школе).

В сентябре 1940 г. И.И. Горелик был восстановлен в числе студентов 1-го курса Ленинградского юридического института. После начала Великой Отечественной войны в течение 2 месяцев участвовал в возведении оборонительных сооружений на Карельском перешейке. В августе 1941 г. был призван в 2-е Ленинградское командное артиллерийское училище, в звании сержанта выполнял обязанности помощника командира взвода.

Училище окончил в декабре 1941 г. в звании лейтенанта. Участвовал в боях на Воронежском фронте, был командиром взвода управления артиллерийской батареи 597-го артиллерийского полка. В августе 1942 г. политотделом 40-й Армии был принят в члены Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). При выполнении боевого задания 26 сентября 1942 г. был тяжело ранен, 30 мая 1951 г. за совершенный тогда подвиг был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Находясь в госпитале, Иосиф Исаакович с сентября 1942 г. по июль 1943 г. после ампутации верхней трети левого бедра подготовился и после излечения сдал экстерном экзамены по дисциплинам за 2-й и 3-й курсы Ленинградского юридического института. В августе 1943 г. был восстановлен на 4-м курсе. Институт в период эвакуации находился в Джамбуле (ныне г. Тараз Жамбылской области, Казахстан). Будучи студентом, за отличие в учебе был удостоен Сталинской стипендии, возглавлял комсомольскую организацию института. Окончил институт с отличием 27 июня 1944 г.

После завершения учебы И.И. Горелик в течение 3 месяцев работал по распределению старшим ревизором Могилевского управления народного комиссариата юстиции и готовился к поступлению в аспирантуру. После зачисления аспирантом на кафедру уголовного права Ленинградского юридического института совмещал учебу с выполнением обязанностей секретаря партийного комитета института. Преподавал политическую экономию в Джамбульском техникуме. С переездом института в 1945 г. в Ленинград с сентября 1946 г. по июнь 1947 г. был преподавателем уголовного права Ленинградского юридического института им. М.И. Калинина (в июне 1941 г. в его составе объединили 1-й и 2-й Ленинградские юридические институты).

Иосиф Исаакович успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Уголовно-правовая охрана личной собственности. Кража» 24 июня 1947 г. Молодой ученый по распределению был направлен в Минский юридический институт.

С августа 1947 г. И.И. Горелик приступил к работе в Минском юридическом институте и по совместительству в Минском филиале Всесоюзного юридического заочного института в качестве старшего преподавателя кафедры уголовного права. В октябре 1950 г. занял должность доцента, был избран заместителем секретаря партийного бюро.

В 1954 г. Минский юридический институт был преобразован в юридический факультет Белорусского государственного

университета им. В.И. Ленина. С июня 1955 г. И.И. Горелик – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета БГУ (с 5 марта 1965 г. это кафедра уголовного права). С июля 1967 г. профессор той же кафедры.

Профессионализм и творческий потенциал И.И. Горелика как преподавателя высшей школы и ученого в полной мере раскрылся именно в годы его работы на юридическом факультете БГУ.

В конце 1940-х и начале 1950-х гг. поддерживалась идея принятия единого уголовного закона для всех республик Советского Союза – Уголовного кодекса СССР. В связи с этим в научной среде особый интерес возник в отношении источников уголовного права. На исторический аспект обратил внимание И.И. Горелик, проанализировав формирование уголовного права Беларуси до его кодификации¹.

Во второй половине 1950-х гг. в работах белорусских представителей уголовно-правовой науки стала просматриваться направленность на исследования масштабных проблем, ставших предметом будущих докторских диссертаций. И.И. Горелик проявил научный интерес к вопросам уголовно-правовой оценки таких деяний, как поставление в опасность или оставление в опасности². В частности, проблема пределов и целесообразности ответственности за поставление в опасность исследовалась им при анализе судебной

Профессор И.И. Горелик (первый слева), И.С. Тишкевич, И.И. Мартинович на заседании Совета по защите диссертаций БГУ. 1977

¹ Горелик, И.И. Уголовное право БССР до его кодификации / И.И. Горелик // Уч. зап. (Бел. гос. ун-т). – 1955. – Вып. 25. – С. 34–60.

² Горелик, И.И. Общее понятие преступления оставления в опасности / И.И. Горелик // Уч. зап. (Бел. гос. ун-т). – 1957. – Вып. 34.

практики по делам о преступных нарушениях правил техники безопасности¹.

Годом, увенчавшимся принятием Уголовного кодекса Белорусской ССР, стал 1960 г. В этом году значительное внимание уделяется научной оценке отдельных норм и институтов уголовного права в законопроекте будущего УК БССР. Важнейшей главе кодекса – главе о преступлениях против личности – И.И. Горелик и М.Н. Меркушев посвятили анализ в общесоюзном теоретическом юридическом журнале «Правоведение»².

Введение в действие в 1961 г. Уголовного кодекса Белорусской ССР послужило поводом для написания и издания первого белорусского комментария к этому уголовному закону. Авторский коллектив, состоявший из ведущих преподавателей уголовного права в БГУ – доцентов И.И. Горелика, М.Н. Меркушева, В.А. Шкурко под руководством заведующего кафедрой И.С. Тишкевича подготовил первое, а затем и второе издание этой чрезвычайно важной для практических работников книги³.

Работая над докторской диссертацией, Иосиф Исаакович публикует две монографии: «Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву» и «Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву»⁴. В 1965 г. на юридическом факультете Ленинградского государственного университета им. А.А. Жданова И.И. Горелик успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме «Преступления, опасные для жизни и здоровья (поставление в опасность и оставление в опасности)».

Эта тема оставалась главной в научных интересах Иосифа Исааковича, развитие она получила в большом труде монографии «Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья»⁵.

¹ Горелик, И.И. Судебная практика по делам о преступных нарушениях правил техники безопасности / И.И. Горелик // Правоведение. – 1957. – № 1.

² Горелик, И.И. Преступления против личности в проекте УК БССР / И.И. Горелик, М.Н. Меркушев // Правоведение. – 1960. – № 2. – С. 149–153.

³ Уголовный кодекс Белорусской ССР. Комментарий / И.И. Горелик, М.Н. Меркушев, И.С. Тишкевич, В.А. Шкурко ; под общ. ред. С.Т. Шардыко, Г.Ф. Басова. – Минск : Госиздат БССР, 1963. – 278 с.; Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР / И.И. Горелик, М.Н. Меркушев, И.С. Тишкевич, В.А. Шкурко ; под общ. ред. С.Т. Шардыко. – Минск : Беларусь, 1966. – 460 с.

⁴ Горелик, И.И. Ответственность за оставление в опасности по советскому уголовному праву / И.И. Горелик. – М. : Госюриздат, 1960. 72 с.; Горелик, И.И. Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву / И.И. Горелик. – Минск : Выш. шк., 1964. – 190 с.

⁵ Горелик, И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И.И. Горелик. – Минск : Выш. шк., 1973. – 315 с.

Однако, являясь человеком широкого научного кругозора, профессор И.И. Горелик выходит за рамки проблем уголовного права и исследует вопросы правового регулирования гомотрансплантации, условий правомерности получения трансплантата от живого и неживого донора. Выходит книга «Правовые аспекты пересадки органов и тканей»¹.

Особенность научных работ И.И. Горелика теснейшая связь юридической теории с практикой правоприменения. На протяжении многих лет Иосиф Исаакович являлся членом Научно-консультативного совета при Верховном Суде Белорусской ССР, членом Методического совета Управления исправительно-трудовых учреждений Министерства охраны общественного порядка Белорусской ССР, членом Методического совета Прокуратуры Белорусской ССР.

Многочисленные публикации Иосифа Исааковича были посвящены научному анализу практики правоприменения. Совместно с профессором И.И. Тишкевичем были написаны три научных труда, обобщающие судебную практику применения уголовного закона².

Обладая колоссальным опытом педагогической работы, И.И. Горелик возглавлял юридическую секцию Научно-технического совета Министерства высшего и среднего специального образования Белорусской ССР.

В 1970-е гг. кафедра уголовного права юридического факультета БГУ поставила целью подготовить учебники по уголовному праву, основанные на уголовном законодательстве и судебной практике Белорусской ССР. Все предшествующие учебники были подготовлены российскими авторами на основе уголовного права РСФСР. Активнейшее участие в достижении этой цели принимал И.И. Горелик как автор и как один из редакторов. В 1971-м и 1973 г. были опубликованы учебные пособия по курсу уголовного права БССР³. Опыт применения этих книг позволил в 1978 г. издать

¹ Горелик, И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей / И.И. Горелик. – Минск : Выш. шк., 1971. – 91 с.

² Вопросы уголовного права (Общей части) в практике Верховного Суда БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Выш. шк., 1973. – 222 с.; Вопросы уголовного права (Особенной части) в практике Верховного Суда БССР. – Минск : Выш. шк., 1976. – 240 с.; Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 190 с.

³ Уголовное право БССР. Часть Общая / И.И. Горелик [и др.]; под общ. ред. И.И. Горелика и И.С. Тишкевича. – Минск : Выш. шк., 1973. – 368 с.; Уголовное право БССР. Часть Особенная / И.И. Горелик [и др.]; под общ. ред. И.И. Горелика, М.А. Ефимова, И.С. Тишкевича. – Минск : Выш. шк., 1971. – 392 с.

И.И. Горелик на заседании кафедры уголовного права юридического факультета БГУ. 1980

первый в Белорусской ССР двухтомный учебник «Уголовное право БССР»¹.

Наряду с написанием солидных научных трудов, много внимания Иосиф Исаакович уделял пропаганде права среди широких слоев населения в научно-популярных изданиях².

Инвалид Великой Отечественной войны, участник боев в тяжелейший период войны, орденосец, обладатель семи медалей, среди которых «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», И.И. Горелик с особым уважением относился к тем, кто вынес это испытание.

Он организовал из студентов и аспирантов группу «Поиск» для сбора материалов об участии преподавателей и студентов Минского юридического института в Великой Отечественной войне. В 1977 г. была открыта мемориальная доска «Светлой памяти преподавателей, студентов и сотрудников Минского юридического института, павших в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны». Развивая деятельность группы, Иосиф Исаакович стал инициатором создания Музея истории

¹ Уголовное право БССР : учебник : в 2 т. / И.И. Горелик [и др.] ; под ред. И.И. Горелика. – Минск : Выш. шк., 1978. – Т. 1: Часть Общая. – 334 с.; Уголовное право БССР : учебник : в 2 т. / И.И. Горелик [и др.] ; под ред. И.С. Тишкевича. – Минск : Выш. шк., 1978. – Т. 2: Часть Особенная. – 334 с.

² Горелик, И.И. Охрана социалистической собственности в СССР: материал в помощь лектору / О-во по распространению полит. и науч. знаний БССР. – Минск, 1960. – 21 с.; Горелик, И.И. Народным дружинникам о советских законах: очерки / И.И. Горелик. – Минск : Госиздат БССР. Ред. социал.-экон. лит., 1961. – 98 с.; Горелик, И.И. Наказание и его назначение / И.И. Горелик. – Минск : Беларусь, 1978. – 92 с. – (Правовые знания – в массы).

юридического факультета БГУ. Музей был открыт 5 мая 1986 г., и профессор И.И. Горелик на общественных началах стал его первым директором.

В 1991 г. на кафедру уголовного права БГУ поступило письмо из Президиума Верховного Совета БССР за подписью Секретаря Президиума Верховного Совета Л.Н. Сыроегиной с поручением приступить к научной разработке проекта Уголовного кодекса БССР.

Кафедра уголовного права БГУ включила в план научных исследований на 1991–1993 гг. тему «Разработка теоретической концепции и юридической модели проекта Уголовного кодекса Беларуси». Разработка разделов и глав проекта кодекса была поручена всем преподавателям кафедры. Над проектом работали профессор И.И. Горелик, И.С. Тишкевич, В.А. Шкурко, доценты Н.А. Бабий, А.В. Барков, И.О. Грунтов, П.А. Дубовец, Е.В. Кичигина, В.В. Тимошенко, В.М. Хомич, преподаватели В.В. Марчук, Ю.Л. Шевцов.

Иосиф Исаакович в проекте Общей части Уголовного кодекса БССР дал научное обоснование предложенной им юридической модели норм уголовно-правового института назначения наказания и института освобождения от уголовной ответственности и наказания. В проекте Особенной части он стал автором группы норм о преступлениях против жизни, здоровья, личной свободы, чести и достоинства, половой свободы и половой неприкосновенности. Ему принадлежит идея отказаться от названия раздела «Преступления против личности» в пользу названия «Преступления против человека».

Это был последний научный труд профессора И.И. Горелика на кафедре уголовного права. В 1992 г. Иосиф Исаакович подал заявление об увольнении в связи с семейными обстоятельствами.

Связь со своими учениками и коллегами на юридическом факультете БГУ профессор И.И. Горелик поддерживал до конца своей жизни.

*Александр Владимирович БАРКОВ,
профессор, кандидат юридических наук,
заслуженный юрист Республики Беларусь,
профессор кафедры судебной деятельности
Института переподготовки
и повышения квалификации судей,
работников прокуратуры, судов
и учреждений юстиции
Белорусского государственного университета*

Достойный сын белорусской земли

И.И. Горелик награжден 2 боевыми орденами
и 7 медалями

В декабре 2021 г. исполняется 100 лет со дня рождения Иосифа Исааковича Горелика, доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного права БГУ.

Пройденный им жизненный путь вызывает глубокое уважение: фронтовик, участник боев в тяжелейший начальный период войны, инвалид Великой Отечественной войны, награжденный 2 боевыми орденами и 7 медалями, известный правовед и педагог.

На юридическом факультете БГУ, в развитие которого он внес достойный вклад, И.И. Го-

релик в течение 40 лет вел большую воспитательную работу. Нас, молодых в 1970-е гг. людей – студентов и аспирантов юридического факультета, родившихся в первое десятилетие после войны, поражало его умение как ветерана просто и ненавязчиво рассказать о сложности и трагичности военного времени, о драматических событиях в жизни преподавателей, о тех испытаниях, которые выпали на их долю. Поэтому мы не удивились, что вдохновителем и организатором поисковой работы по установлению имен студентов, преподавателей и служащих Минского юридического института (с 1954 г. – юридического факультета

Кафедра уголовного права юридического факультета БГУ.
И.И. Горелик (первый ряд, второй слева). 1982

БГУ), погибших в годы войны, оказался в 1976 г. профессор И.И. Горелик.

Мы были искренними почитателями человеческого и педагогического таланта Иосифа Исааковича, преклонялись перед его жизненной мудростью и подвигом старшего поколения. А когда некоторым из нас судьба подарила шанс стать аспирантами и преподавателями на родном факультете, с радостью оказали посильную помощь в патриотической работе. Материал собирался буквально по крупицам – в архивах, опубликованных источниках, во время переписки и встреч с родными и близкими.

Каждый из нас кто в поисковой работе, кто в мероприятиях ДОСААФ старался проявить себя, не подвести наших учителей – И.И. Горелика, И.С. Тишкевича, В.А. Шкурко, Е.В. Кичигину и других ветеранов войны. Для нас они имели особый авторитет. Они, как и наши родители, были людьми, которые вынесли на своих плечах все тяготы и лишения минувшей войны и, несмотря на ранения и сложности послевоенной жизни, получили достойное образование, стали для нас примером во всем.

Итогом кропотливой поисковой работы стало открытие 5 мая 1986 г. Музея истории юридического факультета, первым директором которого на общественных началах стал профессор И.И. Горелик. До сих пор по традиции каждый новый учебный год для первокурсников юридического факультета начинается с посещения музея.

Педагогической и научной работе коллектива кафедры уголовного права способствовала и особая творческая атмосфера,

созданная И.И. Гореликом, И.С. Тишкевичем и другими старшими товарищами. На кафедре господствовала атмосфера равенства коллег-преподавателей независимо от возраста, жизненного и научного опыта. Для меня 30-летний опыт работы в этом замечательном коллективе оказался, без преувеличения, лучшим в профессиональной деятельности.

Боевой и трудовой путь И.И. Горелика – пример честного служения народу, верности избранной профессии юриста. Он отдал много душевных и творческих сил подготовке высококвалифицированных специалистов-юристов. Его широкий кругозор, активная гражданская позиция и профессионализм всегда вызывали глубочайшее уважение.

Профессор И.И. Горелик был человеком большой эрудиции. Он не только читал лекции в вузах, но и разъяснял актуальные вопросы правовой науки и практики в печати. Иосифа Исааковича отличали изящный и образный слог, богатство языка, четкость и глубина мысли, использование сравнений, виртуозное владение и глубокое понимание освещаемых вопросов, умение доступно объяснить самые сложные правовые темы.

Невозможно забыть потрясающую атмосферу добра, мудрости и уважения при общении с И.И. Гореликом в неформальной обстановке. Он всегда оставался удивительно простым, дружелюбным, открытым человеком с замечательным чувством юмора. На его лекциях, семинарах, учебниках и научных публикациях воспитано не одно поколение белорусских юристов.

Мне никогда не забыть жизненный, педагогический и научный опыт, который посчастливилось получить благодаря Иосифу Исааковичу. Доброжелательность и требовательность старших коллег

И.И. Горелик (в центре) с преподавателями кафедры уголовного права БГУ и коллегами из Вильнюсского государственного университета у здания юридического факультета БГУ. 1979

к нам, молодым исследователям научных проблем кафедры уголовного права, и поистине отеческая забота были условием успешного завершения работ.

Хорошо известен в нашей стране и за ее пределами вклад профессора И.И. Горелика в развитие науки уголовного права. Он опубликовал свыше 80 научных трудов, среди которых монографии, учебники, учебные пособия, научно-практические комментарии уголовного законодательства, статьи. Профессор был автором и редактором двухтомного учебника «Уголовное право БССР» (1978), ведущим автором 7 изданий научно-практических комментариев к Уголовному кодексу БССР, актуальность и значимость которых для практики правоприменения трудно переоценить. Ряд публикаций И.И. Горелик посвятил исследованию вопросов конституционного права, истории и теории права, а также правового регулирования гомотрансплантации, условий правомерности получения трансплантата от живого и неживого донора, что свидетельствует о широком научном кругозоре автора.

Являясь многие годы членом научно-консультативного совета при Верховном Суде БССР и Министерстве юстиции БССР, профессор И.И. Горелик много внимания уделял совершенствованию деятельности правоохранительных органов республики, укреплению связи науки и практики, участвовал в подготовке проектов Конституции БССР и Уголовного кодекса БССР 1960 г., внес значительный вклад в разработку нового Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Земной путь И.И. Горелика закончился в ноябре 2008 г. Светлая память о замечательном человеке, достойном сыне белорусской земли навсегда останется в сердцах его учеников, друзей и коллег. Для нас крайне важно участие в сохранении научного и человеческого наследия И.И. Горелика – замечательного педагога, ученого и человека.

Издание избранных трудов И.И. Горелика – достойное продолжение просветительского проекта «Наследие права», благодаря которому все желающие могут ознакомиться с работами одного из самых известных и авторитетных юристов Республики Беларусь.

*Василий Васильевич ТИМОЩЕНКО,
доцент, кандидат юридических наук*

Воспоминания об отце

Мой отец, Иосиф Исаакович Горелик, родился 3 декабря 1921 г. в Бобруйске в семье разнорабочего и портнихи. Он стал старшим ребенком, после него родились еще два брата и две сестры. Жили небогато, поэтому роль основного помощника в семье досталась Иосифу. Надо сказать, что пронес он звание старшего через всю жизнь, помогал близким встать на ноги, поддерживал в тяжелую минуту.

Иосиф рос очень любознательным ребенком, учился с удовольствием и много читал. Бабушка рассказывала, что, будучи учеником 6-го класса, он уже писал заметки в городскую газету. Бабушка потом ходила в редакцию и получала за сына гонорар, который был каким-никаким подспорьем.

В 1939 г. Иосиф окончил среднюю школу с золотой медалью и в 1940 г. поступил в Ленинградский юридический институт.

После 1-го курса в сентябре 1941 г. его призвали в армию и зачислили в 4-е Нарвское Краснознаменное артиллерийское училище. Уже в декабре лейтенанта Иосифа Горелика направили в одну из стрелковых дивизий Воронежского фронта в должности командира взвода управления артиллерийской батареи.

И.И. Горелик (справа). Воронежский фронт, 1942

Спасая жизнь своего бойца-связиста, отец попал под пулю фашистского снайпера, был тяжело ранен и сутки пролежал на поле боя. Семье тогда отправили похоронку. А у отца начался долгий путь по госпиталям. Врачи старались спасти его от газовой гангрены, но ногу сохранить не смогли.

И.И. Горелик в Джамбуле. 1943

В это тяжелейшее время Иосиф, сражаясь со смертью, верил в Победу и мечтал продолжить учебу. По случайной случайности в городе, где размещался госпиталь, находился и эвакуированный Харьковский юридический институт. Врачи помогли отцу связаться с преподавателями. Они приносили бойцу-студенту учебники и принимали экзамены прямо в больничной палате. К моменту выписки в 1943 г. Иосиф Горелик экстерном освоил программу за два года. Позднее перевелся в родной Ленинградский юридический институт, эвакуированный в Джамбул. Превозмогая боль и осваивая полный протез ноги, окончил институт в 1945 г.

с отметкой «отлично» по всем предметам и званием Сталинского стипендиата.

В Джамбуле Иосиф встретил свою любовь – студентку Гиту Портную, она стала его женой и нашей мамой. После Победы молодая семья переехала в Ленинград, где вскоре родилась я. В 1947 г., после успешного окончания аспирантуры, отец защитил кандидатскую диссертацию. В 1948 г. его пригласили на работу в Минский юридический институт преподавателем кафедры уголовного права. Первое время жили в студенческом общежитии вместе со студентами и другими преподавателями, вместе восстанавливали здания общежития и учебного корпуса по ул. Академической.

И.И. Горелик с дочерью Инной. 1947

Родители много работали. Мама была успешным адвокатом, а папа преподавал не только в институте, но и в Высшей партийной школе, и в школе милиции.

Он был человеком многогранным. Они с мамой не пропускали ни одной театральной премьеры или выставки, были постоянными зрителями драматического театра им. Я. Купалы. После просмотра папа писал рецензии на постановки, сотрудничая со многими газетами и журналами.

Еще одно увлечение – футбол. Родители были заядлыми болельщиками.

В 1951 г. родился мой брат Борис. Папа был особенно счастлив – еще один мужчина в доме, друг и помощник, учил сына водить машину. Они чинили и машину, и протез, вместе собирали марки и ходили по грибы.

В 1954 г. Юридический институт вошел в состав БГУ в качестве юридического факультета. Отец продолжил работать доцентом на кафедре уголовного права, не переставая бесконечно учиться. Я видела, как много он работал дома. В его кабинете были рабочий стол, кресло, пишущая машинка «Эрика», книжные стеллажи и небольшие гантели.

Чтение – это отдельная страсть. Отец знал классику и современную литературу. Блестящая память позволяла ему читать наизусть стихи и отрывки из особенно понравившейся прозы. Любил творчество Василия Быкова, рубаи Омара Хайяма, Фазиля Искандера, Расула Гамзатова. Необходимую литературу заказывал в библиотеках или почтой, чтобы иметь материалы, как он говорил, под рукой: физически сидеть в читальном зале было очень трудно. Дома сформировалась огромная библиотека юридической, политической, исторической, художественной литературы. Отец создавал свои картотеки и каталоги, научился печатать.

А еще любил природу родной Белоруссии. Всегда сожалел, что в Минске нет большей «воды», чем Свислочь. В парке Горького у реки было место, где он любил посидеть на скамейке, просто глядя на воду.

Летний отдых наша семья обычно проводила на Нарочи, иногда даже в туристической палатке. Небольшой городок из палаток и дощатых летних домиков на три месяца превращался в шумный табор, населенный университетскими преподавателями и их семьями. Все знали всех. Дети сбивались в стайки и свободно носились по округе. Вечерами бесконечные гости перемещались от одной компании к другой, и это броуновское движение профессорско-преподавательского состава затихало только под утро. Кстати,

именно там летом 1967 г. мы узнали о решении ВАК присвоить И.И. Горелику звание профессора кафедры уголовного права.

И.И. Горелик с внучкой Элиной. 1984

Вообще в нашем доме всегда собирались большие компании друзей. Папа, несмотря на внешнюю ученую строгость, был человеком общительным с неистощимым чувством юмора. Достаточно сказать, что долгие годы он собирал слова, выражения и курьезные ситуации из судебной практики. Часть его обширной коллекции опубликовали, но, к великому сожалению, целиком книга «Юристы шутят» свет так и не увидела.

Желание привить сыну любовь к маркам как к источнику познания мира обернулось для отца тем, что он сам увлекся и стал серьезным филателистом. Собирал тематические серии и отдельные марки из истории покорения космоса, истории революции, с портретами, живописью.

В турпоездке в ГДР поразил группу и экскурсовода знанием истории и узнаванием старых памятников и картин в Дрезденской галерее. Он лично положил цветы и попросил сфотографировать его у подножия памятника русскому солдату в Трептов-парке. Все, что так или иначе было связано со Великой Отечественной войной, было свято для отца как часть судьбы его страны, его народа и его лично. Среди его наград – ордена Великой Отечественной войны 1-й и 2-й степени и медали.

На юридическом факультете БГУ отец организовал группу «Поиск», которой успешно руководил многие годы. Участники группы собирали информацию о студентах и преподавателях Минского юридического института, ушедших на фронт.

Ордена и медали И.И. Горелика

Торжественное открытие мемориальной доски, посвященной памяти погибших в годы войны, состоялось 3 ноября 1977 г.

Преподавание было неотъемлемой частью профессионального альтер эго отца. Он очень любил работу со студентами, был талантливым лектором и терпеливым наставником. Многочисленные аспиранты и практикующие юристы с гордостью называли себя учениками Горелика.

Мой брат рассказывал: «Однажды мне понадобилось передать папе ключи от квартиры. Я приехал на факультет. Оказалось, что пара еще только началась и мне придется ждать перерыва. Подойдя к аудитории, увидел, что дверь приоткрыта (было очень жарко), и я стал прислушиваться. Отец читал лекцию. К сожалению, в коридоре слов было не разобрать, но аудитория, безмолвно внимающая словам лектора, периодически взрывалась смехом. Прозвонел звонок на перерыв, и вслед за студентами появился папа. Я передал ключи, мы что-то обсудили, и я, заинтригованный реакцией студентов, спросил:

– А что ты им сегодня читаешь?

– Система наказаний в советском уголовном праве.

Я опешил:

– Ну и что там такого уж смешного?

– Когда в лекции читаешь сложный материал, слушатель быстро устает и ты читаешь стенке. Но если необходимые в контексте примеры будут содержать курьезы и анекдотичные ситуации, они запомнятся навсегда, а с ними и суть самой лекции.

Я, будучи сам в это время преподавателем архитектурного факультета БПИ, с радостью принял на вооружение эту лекторскую мудрость отца».

Несмотря на то что тяжелый деревянный протез до конца жизни стал его постоянным спутником жизни, папа очень много ходил. Обязательные прогулки на свежем воздухе в любую погоду, и это знал весь факультет. Об отце говорили: «После лекций и небольшой передышки Горелик идет по проспекту». Он с юмором замечал: «В душе я турист».

Отец очень жалел, что его жажда увидеть все своими глазами была ограничена. Тем не менее видеть памятники архитектуры и современные шедевры помогал ему мой брат-архитектор. Они вместе любили рассматривать художественные альбомы. Боря рассказывал, а папа, как обычно, что-то записывал для себя.

Жизнь нашего отца пришлось пережить на время суровых лихолетий: от разрухи 1920-х и террора 1930-х гг., через кровопролитный

мрак Второй мировой и непосильно тяжкий труд послевоенного строительства до времени застоя и лихорадки перестройки. Сын малограмотных родителей, сделавший себя сам, прожил сложную жизнь. Он вытащил счастливый билет – его не убила война. Мощная природа преодолела тяжелое ранение, а сильный характер помог состояться судьбе. Нам, его детям, всегда будет мниться, что наш любимый папочка, опираясь на палку, все еще идет по проспекту...

*Инесса Иосифовна ГОРЕЛИК,
дочь,
кандидат биологических наук*

Монографии

Правовые аспекты пересадки органов и тканей

Публикуется по книге: Горелик, И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей / И.И. Горелик. – Минск : Высш. шк., 1971. – 91 с.

Мы должны щедро отдавать человечеству
наши знания о силах природы,
создав предварительно гарантии
против злоупотребления ими.

А. Эйнштейн

Введение

Трансплантация (латинское *transplantare* – ‘пересаживать’) – пересадка органа или ткани на другую часть тела того же организма или на другой организм. В первом случае говорят об ауто-трансплантации (аутопластике). Вопросы ауто-трансплантации в настоящей работе не рассматриваются.

Пересадку тканей или органов от одного человека к другому называют гомотрансплантацией (гомопластикой), а пересадку от представителя другого вида, в частности человеку от животного, – гетеротрансплантацией (гетеропластикой). В настоящей работе термины «гомотрансплантация», «гомопластика» и «трансплантация» применяются как идентичные.

Пересадки человеку от других лиц органов и тканей, в том числе переливание жидкой ткани – крови, предпринимались давно, но оказывались безуспешными. История сохранила секретный приказ папы Иннокентия VIII, поверившего в возможность продлить свою жизнь за счет крови, взятой у молодых и перелитой ему. Три мальчика были принесены в жертву, но их кровь лишь ускорила его смерть¹ (*сноски смотри в примечаниях к разделам на стр. 104–110. – ред.*). В 1503 г. сицилийский врач Брайко пытался пересадить кожу одного человека для восстановления носа другого человека. Безуспешными были и многочисленные попытки гомотрансплантации, предпринятые в начале текущего века Алексисом Каррелем, хотя и в совершенстве освоившим техническую сторону такой операции².

С открытием групп крови проблема лечения переливанием ее была решена. Как лечебный метод переливание крови в СССР получает все более широкий размах. «Переливание крови служит важным средством в борьбе за жизнь человека при тяжелых травмах, сопровождающихся шоком, при гнойно-септических состояниях, отравлениях, ожогах, лучевых поражениях, болезнях кроветворных органов, многих детских болезнях, туберкулезе и т.д. Широко применяется переливание крови в современной хирургии»³.

Причины неудач при гомотрансплантации органов и тканей обнаружались с открытием тканевой несовместимости. Это открытие повлекло поиски и создание иммунодепрессивных средств, с применением которых гомотрансплантация стала давать положительный, хотя пока еще временный успех.

В связи с этим следует различать пересадку ткани и пересадку органа. Различие является принципиальным. Если пересаженная ткань выполняет роль лишь временной «заплаты», необходимость в которой по мере регенерации собственной ткани постепенно отпадает⁴, то пересаженный орган должен полностью и навсегда заменить негодный собственный орган.

В силу особенности пересадки ткани, несмотря на то что в конечном счете она отторгается реципиентом⁵, эта операция получила широкое распространение. В 300 научно-исследовательских и лечебных учреждениях СССР еще к началу 1968 г. было проведено около 10 000 операций по пересадке кожи, костей, нервных стволов, реберных хрящей и других тканей⁶.

Что касается органов, то весьма распространена пересадка почки. Во всем мире проведено более 3500 таких операций, в которых использовались почки от умерших или от родственников. В СССР к началу 1971 г. было произведено 96 таких пересадок.

Известны случаи пересадки других органов (печень, гортань, желудок, глаз). Сенсацией была пересадка сердца 55-летнему Луису Вашканскому от погибшей в автомобильной катастрофе 25-летней Денис Дарваль, проведенная К.Н. Барнардом 3 декабря 1967 г. в больнице Гроте Схюр (г. Кейптаун, Южная Африка). За первой пересадкой сердца последовали такие же операции в ряде других стран. К началу 1971 г. в мире зафиксировано 165 операций по пересадке сердца.

Вследствие отторжения чужого органа пересадка его имеет временный успех. Из указанного числа пересаженных сердец лишь 20 продолжают биться. Однако отдельные результаты весьма положительны. Филипп Блайберг, которому К.Н. Барнард пересадил сердце 2 января 1968 г., прожил 19 месяцев и 15 дней. Жив Франсуа Витриа, которому профессор Анри пересадил сердце 27 ноября 1968 г. в клинике Сантини в Марселе.

«Сфинксы древнего Египта, русалки славян, леопардо-человек Герберта Уэллса и человек-амфибия Александра Беляева – вот вехи фантазии людей, мечтающих о тех временах, когда станет возможным пересаживать и приживлять ткани и целые органы от одного организма другому»⁷. В успехе операций по пересадке органов люди увидели начало превращения фантазии в действительность. Однако вместе с надеждами возникли серьезные опасения возможных злоупотреблений великим открытием, каким является гомотрансплантация.

В связи с этим представляют интерес высказывания, опубликованные в печати капиталистических стран. «Ньюсуик» (США, Нью-Йорк) спрашивает: «Когда кончается долг врача по сохранению жизни пациента? Как решить: кому умереть, а кому жить? Кто это должен решать – врач, счетно-решающая машина, правительство?»⁸

Лауреат Нобелевской премии по медицине доктор В. Фореман (ФРГ) заявил: «Разве не чудовищна картина, которую мы сейчас наблюдаем? В одной операционной врачи в напряжении склоняются над больным, настолько тяжелым, что его сердце и легкие подключены к аппарату "искусственное сердце – легкие"». А в это же самое время в соседней операционной в таком же напряжении пребывает другая группа врачей. Все инструменты полностью готовы к операции... Врачи склоняются над своим молодым пациентом, который из последних сил пытается победить смерть. Но медики отнюдь не стремятся ему помочь: они ждут только одного – когда же, наконец, можно будет вскрыть это беззащитное тело и вынуть сердце, которое должно спасти кого-то другого»⁹.

Автор статьи «Дилеммы пересаженного сердца», опубликованной в «Геральд Трибюн» (Париж), Ф. Льюис предсказывает: «Заклоченных в концлагерях, и виновных, и невиновных, уже не станут умерщвлять в газовых камерах. Их будут хорошо кормить, с ними будут прекрасно обращаться. Потому что их начнут держать про запас, как доноров – носителей нужных для пересадки органов. А врачи медленно, но верно превратятся в палачей и падших ангелов»¹⁰. Один из врачей ФРГ сказал, что после произведенной К. Барнардом операции по пересадке сердца «даже тяжелобольные потеряли покой. Они все время думают, что у них что-нибудь вырежут»¹¹.

В обществе частной собственности и платной медицины опасности возможности злоупотребления выдающимися успехами медицины в деле пересадки органов имеют основания: великие открытия здесь нередко превращаются в зло.

Социалистический строй, его моральные принципы и организация нашего здравоохранения исключают почву для подобных опасений. В социалистическом обществе наука служит интересам всех людей, а не отдельным группам. Развитие медицины у нас не угрожает обществу. Однако социалистический строй, его моральные устои и организация здравоохранения сами по себе не исключают возможности отдельных злоупотреблений. Чтобы их исключить, должен быть создан прочный правовой заслон.

В свете изложенного понятны призывы медиков и юристов разрабатывать не только технические и иммунологические, но и юридические вопросы трансплантации органов и тканей. Министр здравоохранения СССР академик Б.В. Петровский пишет: «Пересадка органов – волнующая проблема, решение которой открывает перед человечеством большие перспективы радикального и эффективного лечения ряда заболеваний... Ее нужно всеми силами развивать в научном плане, разрабатывать ее технические, иммунологические, юридические и организационные разделы»¹².

Журнал «Советское государство и право» отмечает, что «развитие медицины на современном этапе выдвигает перед юридической наукой вопросы, связанные с правовым регулированием возникающих новых отношений между донором и реципиентом, такого рода больным и хирургом и т.д.»¹³. О необходимости разработки нормативных актов, определяющих принципиальную возможность использования для пересадки тканей и органов от живых доноров и от трупа и регламентирующих порядок и условия взятия органов и тканей, пишет член-корреспондент Академии

медицинских наук профессор М.И. Авдеев. Он указывает, что «проведение такого рода лечебных мероприятий особого характера потребует, несомненно, и правового регулирования»¹⁴.

В то же время встречается и недооценка значения правового регулирования гомотрансплантации. Отдельные авторы говорят, что «нужно доверять совести врача, т.к. никакие юридические законы не могут ее заменить»¹⁵. Согласиться с этим нельзя. Юридическое регулирование и совесть врача вовсе не конкурируют. Врач – даже самый добросовестный и самой высокой квалификации – должен знать, что он имеет право делать и где его права кончаются, должен знать круг своих обязанностей и последствия их невыполнения. Без юридических законов здесь не обойтись. Закон облегчит работу врача и защитит его благородный труд от упреков и нареканий, неизбежных в таком сложном деле, как лечение, особенно лечение пересадкой органов и тканей.

Нельзя, наконец, не учитывать и того, что встречаются врачи, недобросовестно относящиеся к своим обязанностям. Практике такие случаи известны. А что касается гомотрансплантации, то для таких врачей поле злоупотреблений расширяется. Для них закон будет известным сдерживающим фактором. Насколько медикам ясно значение профилактики заболеваний, настолько юристам известно значение угрозы ответственности в деле профилактики правонарушений.

Решение правовых вопросов пересадки органов может показаться преждевременным, т.к. такие пересадки либо остаются экспериментальными, либо только вышли из этой стадии и еще не накоплен опыт, который мог бы быть использован при конструировании правовых норм.

Так или иначе, но пересадки органов, в том числе от живого донора, производятся. Нераспространенность тех или иных отношений само по себе не исключает необходимости их правовой регламентации. Случаи регламентации редких в практике отношений в законодательстве не редки. Из года в год количество, например, осужденных в БССР за оставление в опасности (ст. 125–127 УК) не выходит за рамки одного – трех человек, а в отдельные годы их и вовсе нет.

На этом основании, однако, вопрос об исключении из УК указанных статей даже не возникал. Общеизвестно, что количество дел той или иной категории еще не определяет значения тех или иных законов. Правовая регламентация отношений, которые уже возникли, содействует развитию желательного для общества направления в этих отношениях, а в части отношений, связанных

с ответственностью, хотя они и единичны, их правовая регламентация имеет несомненное предупредительное значение.

Что касается отсутствия опыта, который мог бы быть использован при конструировании норм, регулирующих гомотрансплантацию, то возможные по этой причине недостатки после их обнаружения могут и должны быть устранены в процессе последующего совершенствования правовых норм.

Правовое регулирование перечисленных вопросов тем более необходимо, что лечению гомотрансплантацией принадлежит большое будущее. «Правда» 19 февраля 1968 г. писала: «Советская медицина будет и впредь все шире использовать новейшие достижения различных отраслей науки и техники. Именно на этом пути лежит решение сложных медико-биологических проблем, к которым относится, в частности, пересадка органов».

О значении лечения пересадкой органов и тканей в медицине будущего свидетельствует создание в Москве Института трансплантации органов и тканей Академии медицинских наук СССР и центров трансплантации органов в других городах. Всестороннее правовое регулирование гомотрансплантации должно содействовать развитию нового метода лечения, использованию открытий, каким является пересадка органов и тканей, в интересах человека, созданию надежного правового заслона, исключающего какую бы то ни было возможность злоупотреблений в этом деле.

Между тем правовые аспекты гомотрансплантации в литературе едва затронуты. В СССР библиография темы исчерпывается несколькими статьями, опубликованными в правовых журналах.

Настоящей работой автор пытается в какой-то мере восполнить этот пробел в советской правовой литературе. Он ставит своей целью проанализировать имеющиеся правовые акты, показать их существенную неполноту, обосновать принципы правового регулирования гомотрансплантации и на их основе высказать суждения о желательном решении в праве общих и специальных вопросов пересадки органов и тканей.

Глава 1

Вопросы гомотрансплантации в действующих советских нормативных актах

1. Постановление от 15 сентября 1937 г.
2. Инструкции о пересадке роговицы и о пересадке других тканей.
3. Правовое регулирование переливания крови.
4. Оценка действующих нормативных актов.

1. Действующие в СССР нормативные акты о гомотрансплантации основаны на постановлении СНК СССР от 15 сентября 1937 г. «О порядке проведения медицинских операций», которым Народному комиссариату здравоохранения было предоставлено «право издавать обязательные для всех учреждений, организаций и лиц распоряжения о порядке осуществления лечебных и хирургических операций по пересадке роговиц глаз от умерших, переливанию крови, пересадке отдельных органов и т.д.»¹.

Этим и исчерпывается относящаяся к гомотрансплантации часть постановления от 15 сентября 1937 г.

2. На основании этого постановления 16 февраля 1954 г. был издан приказ министра здравоохранения СССР «О широком внедрении в практику окулистов операции пересадки роговиц», который обязал «офтальмологические учреждения и прежде всего институты глазных болезней и глазные клиники медицинских институтов усовершенствования врачей во всех необходимых случаях производить операции пересадки роговиц, для чего... организовать получение этими учреждениями необходимых для пересадки роговицы глаз умерших людей»². Одновременно с названным приказом принята инструкция Министерства здравоохранения СССР «Об использовании глаз умерших людей для операции пересадки роговицы слепым»³.

Инструкция от 16 февраля 1954 г.:

во-первых, разрешает врачам-окулистам, работающим в надлежаще оборудованных для глазных операций клиниках и больницах Союза ССР, брать глазное яблоко от трупов людей для пересадки роговицы больным, нуждающимся в этой операции (ст. 1);

во-вторых, говорит, что на изъятие глаз у трупов людей, умерших в лечебных учреждениях, а также доставленных в морг, предварительного разрешения родственников умершего не требуется «при обязательном условии необезображивания лица умершего» (ст. 2);

в-третьих, допускает изъятие глаз у умершего не ранее, чем через два часа после смерти, факт которой установлен двумя врачами в письменном виде (ст. 3);

в-четвертых, разъясняет, что изъятие глаз может быть произведено до вскрытия трупа, а что касается трупов, доставленных в морг, то изъятие глаз может иметь место с согласия заведующего моргом, отказ которого предоставить от трупа трансплантат должен быть им мотивирован письменно. От трупов, подлежащих судебно-медицинскому исследованию, глаз может быть взят лишь с согласия судебно-медицинского эксперта (ст. 5);

в-пятых, определяет порядок оформления изъятия трансплантата: составляется акт за подписями врача, производящего это изъятие, и представителя учреждения, в ведении которого находится труп (ст. 4).

Таким образом, упомянутые приказ и инструкция регламентируют лишь вопросы трансплантации роговицы.

Отдельные нормы, регламентирующие вопросы трансплантации других тканей, содержатся в Правилах направления, приема, порядка исследования, хранения и выдачи трупов в судебно-медицинских моргах, являющихся приложением к приказу министра здравоохранения СССР от 10 апреля 1962 г. № 166 «О мерах улучшения судебно-медицинской экспертизы в СССР»⁴.

В ст. 20 названных Правил указывается следующее: «Допускается изъятие трупного материала для медицинских учреждений, проводящих работы по заготовке и консервации некоторых тканей с целью их трансплантации, при этом:

а) ткани (кожа, реберные хрящи, кости и т.д.) могут быть изъяты только с разрешения судебно-медицинского эксперта, производящего исследование трупа;

б) изъятие тканей от частей тела (прикрытых одеждой) допускается только в случаях, когда это не может воспрепятствовать правильной судебно-медицинской диагностике при первичном и, возможно, повторном исследовании трупа;

в) изъятие тканей не должно сопровождаться обезображиванием трупа; при необходимости должна производиться последующая реставрация».

Аналогичные положения содержатся в письме Главного судебно-медицинского эксперта Министерства здравоохранения СССР от 12 апреля 1957 г. № 392 «О предоставлении институтам травматологии и институтам переливания крови некоторых тканей от трупов умерших людей»⁵. Отмечая начало разработки консервирования некоторых тканей от трупов и большую значимость данного

мероприятия в научном и практическом отношениях и его огромное значение в деле спасения жизни и сохранности здоровья советских людей, письмо обязывает судебно-медицинскую экспертизу оказывать соответствующим инстанциям всемерную помощь в получении необходимого биологического материала.

Как видно, регламентируются лишь вопросы пересадки от трупа тканей (роговица, реберные хрящи, кожа, кости и другие ткани). Биологическим материалом являются трупы умерших в лечебных учреждениях или доставленных в морг. Правило об изъятии тканей не ранее двух часов после смерти установлено только для случаев изъятия глазного яблока для пересадки роговицы и не регламентировано для случаев изъятия других тканей.

Действующие Правила судебно-медицинского исследования трупов, утвержденные Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР 19 декабря 1928 г. и Народным комиссариатом юстиции РСФСР 3 января 1929 г.⁶, указывают, что «в научных и научно-практических целях допускается вскрытие трупов... не ранее полчася после смерти» (примечание к ст. 10). Отсюда следует, что изъятие тканей для трансплантации может иметь место не ранее указанного времени.

На изъятие тканей не требуется согласия родственников умершего, но необходимо «разрешение судебно-медицинского эксперта в отношении трупов, подлежащих экспертизе, или согласие заведующего моргом в отношении трупов, доставленных в морг, но не подлежащих экспертизе. Регламентируется порядок оформления изъятия трансплантата.

3. На основании постановления СНК СССР от 15 сентября 1937 г. «О практике проведения медицинских операций» приняты нормативные акты, регламентирующие донорство крови. Еще до принятия этого постановления Совнарком РСФСР в постановлении от 22 апреля 1935 г. «О кадрах доноров»⁷ дал принципиальную оценку донорства, признав его «особо полезной общественной функцией и добровольным актом».

Определив обязанность медицинских учреждений за каждое взятие крови выдавать донору денежную компенсацию, постановление от 22 апреля 1935 г. в то же время указывает, что «донорство не должно превращаться в профессию. Каждый донор вправе отказаться в любой момент от предоставления крови для переливания».

Принципиальная оценка донорства получила свое реальное подтверждение и в постановлении секретариата ВЦСПС от 8 июля 1935 г.⁸, в котором установлено, что «в случае инвалидности или

смерти донора, наступившей в связи с выполнением донорских функций, доноры или члены семьи, состоящие на их иждивении, обеспечиваются пенсиями по правилам и нормам, установленным для случаев трудового увечья».

Акты, принятые на основании постановления СНК СССР от 15 сентября 1937 г. (инструкция Министерства здравоохранения СССР от 3 мая 1956 г. «О медицинском освидетельствовании, учете и порядке получения крови от доноров»⁹ и Положение о работе органов здравоохранения и обществ Красного Креста и Красного Полумесяца по комплектованию доноров, утвержденное Министерством здравоохранения СССР и исполкомом СОКК и КП от 26 мая 1958 г.¹⁰), подробно регламентируют, кто может быть донором, что является противопоказанным к донорству, нормы взятия крови у мужчин и женщин в зависимости от процента гемоглобина в их крови и т.д.

Установлено, что донором крови может быть лицо не моложе 18 лет при условии полного физического развития и здоровья организма, что взятие крови у донора в возрасте до 20 лет разрешается в дозе не более 350 мл. Предусмотрена обязанность доноров выдавать расписку о том, что они знают об ответственности за сокрытие своего заболевания сифилисом.

Развивая ранее данную оценку донорства, Положение от 26 мая 1958 г. указывает, что «донорство в СССР – это проявление высокого социалистического гуманизма и добровольный акт товарищеской помощи, оно всемерно поощряется и признано почетной общественно полезной функцией». Действующие нормативные акты в достаточной мере регламентируют вопросы переливания крови, вследствие чего в дальнейшем изложении более об этом речи не будет.

4. Обращаясь к оценке остальных актов о гомотрансплантации, следует прежде всего сказать об их ведомственном характере: указанные вопросы гомотрансплантации регламентируются инструкциями Министерства (Народного комиссариата) здравоохранения СССР. Между тем, как известно, инструкция – это «собрание правил, определяющих порядок и условия осуществления какой-либо деятельности, применения законов, указов и актов правительства»¹¹. Упомянутые инструкции не только определяют порядок и условия пересадки тканей, но и устанавливают существенные права и обязанности определенной категории лиц: работников судебно-медицинской экспертизы и родственников умершего, определяют момент изъятия трансплантата. В настоящее время в СССР нет законов, указов или актов правительства, регламентирующих вопросы трансплантации.

Предоставив Министерству здравоохранения СССР право определять порядок осуществления лечебных и хирургических операций по пересадке тканей и органов, правительство в своем постановлении от 15 сентября 1937 г. не сформулировало нормы, порядок и условия применения которых был бы определен инструкциями Министерства. Очевидно, поэтому последние вышли за рамки, обычно свойственные содержанию инструкции. Но дело не только в этом. Авторитет нормативного акта определяется не только его содержанием, но и тем, каким органом он принят. Регламентация всех вопросов гомотрансплантации в инструкциях не содействует созданию должного отношения и к их содержанию.

Говоря об оценке действующих актов о гомотрансплантации, следует далее сказать об их существенной неполноте: вне правового регулирования остались вопросы пересадки органов от трупа и пересадки органов (почки) и тканей от живого донора.

Арсенал правовых средств регулирования гомотрансплантации крайне беден: вопросы пересадки органов и тканей нашим правом либо прямо не регулируются, либо в урегулированной части нуждаются в изменениях. Кроме того, действующие нормативные акты о гомотрансплантации являются общесоюзными или республиканскими. Очевидно, что в вопросах пересадки органов и тканей нет и не может быть каких-либо особенностей местного значения. В области гомотрансплантации правовые нормы должны быть едиными для всей страны и содержаться в общесоюзных нормативных актах.

Верховным Советом СССР 19 декабря 1969 г. приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении. Они не содержат каких-либо специальных норм о лечении гомотрансплантацией, но формулируют следующее принципиальное положение, относящееся, очевидно, и к пересадке органов и тканей: «В интересах излечения больного и с его согласия... врач может применить новые, научно обоснованные, но еще не допущенные к всеобщему применению методы... лечения. Порядок применения указанных методов... лечения устанавливается Министерством здравоохранения СССР».

На этой основе должен быть разработан и принят специальный нормативный акт (не менее чем на уровне постановления Совета Министров СССР), регулирующий гомотрансплантацию. Порядок и условия применения этого закона явятся содержанием для инструкции Министерства здравоохранения СССР.

Глава 2

Принципы правового регулирования гомотрансплантации

1. Вопросы, подлежащие правовому регулированию.
2. Принципы права и принципы правового регулирования.
3. Принципы для материально-правовых норм.
4. Принципы для право-процедурных норм.

1. В специальном нормативном акте о гомотрансплантации необходимо прежде всего сформулировать право лечения пересадкой органов и тканей. Считать, что оно сформулировано в части 1 ст. 34 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении, указывающей, что «в медицинской практике применяются методы диагностики, профилактики и лечения, лекарственные средства, разрешенные Министерством здравоохранения СССР», вряд ли было бы правильным.

Лечение гомотрансплантацией принципиально отличается от всех других методов лечения, поскольку требует донора. Последнему причиняется вред или создается опасность причинения вреда. Поэтому на применение этого метода лечения одного разрешения Министерства здравоохранения СССР недостаточно. Необходима подробная правовая регламентация лечения гомотрансплантацией: кто, где и при каких условиях может производить такие операции, отношение реципиента к пересадке и т.д.

Далее, правовой регламентации подлежат по крайней мере следующие вопросы:

а) условия правомерности трансплантации от живого донора: кто им может быть, каким требованиям должен удовлетворять, пределы значимости его согласия на роль донора и т.д.;

б) право изъятия органа или ткани от трупа: зависимость возможности изъятия трансплантата от причин смерти; значение согласия или несогласия родственников либо судебно-медицинского эксперта на использование органов или тканей умершего; значение прижизненного согласия или несогласия на роль донора на случай смерти и т.д.;

в) порядок принятия и оформления медицинского заключения о гомотрансплантации: оформление согласия или несогласия реципиента на операцию; оценка и оформление согласия живого донора предоставить трансплантат; порядок констатации момента смерти намеченного донора и т.д.;

г) допустимо ли вознаграждение за трансплантат.

Регламентация указанных и других вопросов приведет к созданию правовых норм, которые можно будет разделить на две группы. Первую из них образуют правовые нормы, регулирующие право лечения гомотрансплантацией от живого или неживого донора и возникающие в этой связи отношения между врачом, реципиентом, донором и другими лицами. Эти нормы можно назвать материально-правовыми. Вторую группу образуют нормы, призванные регулировать порядок осуществления права лечения пересадкой органов и тканей. Эти нормы можно назвать право-процедурными.

Подобная дифференциация правовых норм о гомотрансплантации отражает различия в характере этих норм, регулирующих либо вопросы содержания, либо вопросы формы. Приведенное разграничение необходимо для формулирования принципов правового регулирования гомотрансплантации.

2. Наука, как известно, различает принципы права и принципы правового регулирования. Принципы права выражают уже воплощенные в праве руководящие начала (основные положения), характеризующие его содержание¹. Принципы правового регулирования – это лишь руководящие идеи, которые предлагаются для закрепления в праве. Говоря о принципах права, мы отражаем настоящее в праве. Говоря о принципах правового регулирования, мы прогнозируем будущее право.

Принципы права помогают установить пробелы в законодательстве и указать пути их устранения. Таким пробелом является, в частности, отсутствие в советском праве всестороннего регулирования лечения гомотрансплантацией. Устранению этого пробела должно предшествовать определение принципов правового регулирования гомотрансплантации. Содержание правовых норм о пересадке органов и тканей, то или иное решение правовых вопросов будет зависеть от избранных законодателем принципов при их решении. К. Маркс говорил, что стоит только поставить «в качестве исходного пункта дурные принципы – и вы получите надежное правовое основание для дурных выводов»².

Отражая руководящие начала, характеризующие право, принципы права становятся в то же время и руководящими идеями при определении путей устранения пробелов в законодательстве. Иначе и не может быть, поскольку принципы вновь созданных законов не могут и не должны противоречить принципам всей правовой надстройки. Поэтому, формулируя принципы правового регулирования отдельных правовых институтов, один из которых должен образовать нормы, регулирующие гомотрансплантацию

органов и тканей, следует опираться на общие принципы социалистического права.

3. К числу таких принципов, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме, принадлежит прежде всего принцип социалистического гуманизма.

В применении к отдельным правовым институтам общий принцип социалистического гуманизма трансформируется согласно особенностям регулируемых отношений. В вопросах пересадки органов и тканей эта особенность состоит в наличии определенной коллизии интересов больного и донора. Она особенно ощутима, когда донором является живой человек, поскольку без причинения ему вреда невозможно оказание помощи реципиенту.

Коллизия интересов возникает и в случаях, когда донором становится неживой человек. Это достаточно подтверждается тем, что, когда жизнь больного-реципиента может быть спасена только за счет пересадки ему свежего органа, он, да и хирург будут ждать его от предполагаемого донора.

Академик Академии медицинских наук СССР В. Кованов в связи с трансплантацией сердца пишет: «Тут уж хирург поставлен перед выбором: кого спасать? Потенциального ли донора – человека, попавшего в силу грозных обстоятельств на самый край жизни, или реципиента, который тоже уже ступил на этот трагический рубеж? Быть или не быть? – вот какая поистине гамлетовская возникает коллизия»³. И далее: «Нетрудно представить, какая напряженная, нервная обстановка создается в операционной. Совесть врача кричит: не торопись, в пострадавшем еще теплится искорка жизни. А разум хирурга требует: не упusti последнего мгновения, когда сердце еще может забиться, от этого ведь зависит еще одна жизнь»⁴.

Неизбежность, по крайней мере для большинства случаев, коллизии интересов больного-реципиента и донора требует определения их приоритета, без чего немыслимо какое бы то ни было правовое регулирование пересадки органов. М.И. Авдеев ставит перед юристами вопросы: «Можно или нельзя воспрепятствовать взятию роговицы у одного из родителей для их слепого ребенка? А на практике и это может встретиться. Можно или нельзя брать ткани у несовершеннолетних для брата, сестры при согласии родителей, опекунов?»⁵

Какие вообще ткани можно брать от живого донора? Можно ли брать от него орган? Кто может быть живым донором? Может ли быть биологическим материалом мертвое тело, если смерть была насильственной?

Без предварительного определения приоритета интересов невозможны обоснованные ответы на поставленные и другие вопросы, уже возникшие или могущие возникнуть в связи с гомо-трансплантацией. То или иное содержание правовых норм в конечном счете определится в зависимости от того, будет ли отдано предпочтение интересам донора либо больного-реципиента.

В социалистическом обществе возможно лишь одно решение проблемы интересов: предпочтение интересов донора. В соответствии с этим принцип социалистического гуманизма, трансформируемый к рассматриваемой группе отношений, может быть сформулирован как принцип оптимальной заботы об интересах донора. Согласно этому принципу должны решаться все материально-правовые вопросы, связанные с трансплантацией органов и тканей.

4. Что касается право-процедурных вопросов гомо-трансплантации, то и их регламентации должно предшествовать определение правового принципа регулирования. Такой принцип в медицине по существу уже реализован: наиболее сложные вопросы, связанные с процедурой установления диагноза болезни и способов лечения, решаются консилиумом врачей, т.е. по принципу коллегиальности.

Известно скептическое отношение отдельных авторов к этому принципу. Ю. Шрейдер, например, говорит: «Нельзя исходить из того, что коллегиальное решение врачей гарантирует от ошибок в определении судьбы больного – лечить ли его или пустить на изготовление протезов для других больных. Нет, консилиум (или диагностическая машина) только снимает тяжесть ответственности с каждого отдельного человека и облегчает ему ответственность безответственного, а следовательно, дурного выбора. Напрасно ждать, что наука даст нам рецепты, гарантирующие от дурных этических решений. Есть что-то стоящее над любым личным, коллегиальным или машинным мнением. Есть глубокая ответственность человека перед истиной»⁶.

Конечно, если составляющие консилиум врачи недостаточно компетентны, чтобы принять решение со знанием дела, то в таком случае коллегиальность не станет гарантией от ошибок. Но она станет такой гарантией, если недостаточная компетентность имеется лишь у отдельных членов консилиума и даже у всех, за исключением одного, если подкрепить коллегиальность требованием единогласия членов консилиума. Во всяком случае при таких обстоятельствах коллегиальность будет гарантией от дурного выбора. Коллегиальность не станет гарантией от злоупотреблений,

если все члены коллегии к ним стремятся. Однако если к злоупотреблению стремятся отдельные члены коллегии, то коллегиальность становится такой гарантией.

Преимущества коллегиальных решений перед единоличными выявлены многовековым опытом в области государственного управления, партийного руководства, юстиции, медицины. Эти преимущества порождаются самой сущностью коллегиальности: возможностью обмена мнениями, оценки аргументов, дискуссий и т.д. При глубокой ответственности врача перед истиной коллегиальность содействует ее рождению, облегчает возможность разумного и ответственного, а не дурного и безответственного выбора. Принцип коллегиальности следует узаконить при решении вопросов о всех сложных случаях гомотрансплантации, какими по крайней мере являются лечение пересадкой органа, оценка согласия донора на взятие от него парного органа (почки) или ткани, определение момента взятия трансплантата от трупа.

Принципы оптимальной заботы об интересах донора и коллегиальности, будучи положенными в основу правового регулирования операций, связанных с гомотрансплантацией, способны при их должной конкретизации обеспечить надлежащее содержание проектируемых норм.

Глава 3

Право лечения гомотрансплантацией

1. Особенности лечения гомопластикой.
2. Органы, возможные для пересадки.
3. Отношение реципиента к пересадке.
4. Пересадка трансплантата несовершеннолетнему.
5. О вознаграждении за трансплантат.
6. Право-процедурные вопросы.
7. Гомотрансплантация и расизм.

1. Между пересадками органа от живого и неживого донора имеются существенные различия, достаточные, чтобы служить основанием для их раздельного правового регулирования. В то же время наличествуют не менее существенные особенности, одинаковые для всех случаев гомопластики и являющиеся достаточным основанием для общего правового регулирования. Поэтому узаконению метода лечения трансплантацией от живого донора и определению условий его правомерности должно предшествовать определение права и условий правомерности лечения гомотрансплантацией вообще и уже на этой основе, с учетом особенностей пересадки, установление права и условий правомерности трансплантации от живого донора.

Что касается трансплантации от неживого донора, то, хотя она и узаконена, условия ее правомерности определены далеко не полностью.

В отличие от других хирургических операций, в процессе которых орган или ткань удаляются или «ремонтируются», при любой гомотрансплантации на место удаленного органа или ткани ставится такой же, взятый у другого лица. Этим определяется первая особенность лечения гомопластикой, состоящая в том, что пересадка трансплантата связана с причинением или опасностью причинения вреда донору. Реальный вред всегда причиняется, если донором выступает живой человек. Опасность причинения вреда имеется, если трансплантат берется у трупа, поскольку сознательно или ошибочно может быть неправильно констатирован момент смерти намеченного донора.

Лечить гомотрансплантацией, и в этом состоит вторая особенность этого метода лечения, могут лишь врачи весьма высокой квалификации, возрастающей по мере сложности операции по пересадке трансплантата. Поэтому при пересадке органов выступает группа врачей-специалистов. Кроме того, для производства таких

операций необходимо специальное оборудование и специалисты для его обслуживания, что еще более расширяет круг лиц, участвующих в операции.

Из первой особенности лечения гомотрансплантацией следует, что применение этого метода должно быть признано возможным лишь в качестве крайнего средства, когда иным путем спасти жизнь или восстановить функции органа больного-реципиента не представляется возможным.

Академик Б.В. Петровский в связи с этим говорит: «Мы должны рассматривать больного даже в самой тяжелой стадии его болезни в плане всех максимальных возможностей спасения жизни современными апробированными средствами. А их у нас... очень много. Это заставляет предъявить всем учреждениям и врачам, которые занимаются пересадкой тканей и органов, основное и абсолютное категорическое требование: если больной, например, перенесший инфаркт миокарда или страдающий хронической коронарной недостаточностью... может жить без пересадки даже с известным риском – лучше пусть живет с большим сердцем. Ведь сколько тысяч больных, перенесших инфаркт миокарда, хорошо компенсируются и живут и работают многие годы»¹.

Относительно возможности пересадки сердца реципиенту Б.В. Петровский замечает, что это должно производиться «только в том случае, если оно остановилось и больной погиб, т.е. находится в состоянии мнимой или клинической смерти и никакие средства реанимации не помогают восстановить его функции, или в случаях конечных стадий неизлечимых болезней... Это требование должно соблюдаться при трансплантации любого органа»².

Заметим, кстати, что международное совещание медиков, состоявшееся в июне 1968 г. в Женеве, в своем коммюнике признало, что операции по пересадке сердца могут считаться показанными только в тех случаях, когда никакие терапевтические средства или хирургическое вмешательство иного плана не могут внести улучшение в состояние больного и предотвратить летальный исход.

Согласно второй особенности операций по пересадке органов и тканей они могут производиться только в определенных медицинских учреждениях и не менее точно определенным кругом лиц. И это понятно. Чтобы пересадить сердце или почку, надо обладать поистине профессорскими знаниями и ювелирной техникой.

Первую в СССР пересадку сердца 4 ноября 1968 г. провела группа докторов наук, профессоров во главе с главным хирургом Вооруженных сил СССР, выдающимся медиком А.А. Вишневым.

Если в прошлом резекция желудка была по плечу лишь корифеям хирургической мысли и действий, то сейчас эту операцию считает для себя легко доступной молодой хирург с двух-трехлетним стажем³.

Естественно, что число специалистов, способных производить пересадки, будет увеличиваться, но трансплантация сердца, почки, легких, печени, желудка, гортани и в будущем будет делом более или менее ограниченного круга лиц. В норме о праве лечения гомотрансплантацией должно быть указано, что Министерство здравоохранения СССР определяет круг учреждений и специалистов, которым разрешается производить операции по пересадке органов⁴, а министерства здравоохранения союзных республик (в РСФСР – отделы здравоохранения областных Советов депутатов трудящихся) – круг учреждений и специалистов, имеющих право пересадки тканей. Бланкетная конструкция этой части нормы о праве лечения гомотрансплантацией позволит органам здравоохранения по мере развития техники пересадок органов и тканей координировать круг учреждений и лиц, которым разрешаются такие операции.

2. Пересадка жизненно необходимых органов имеет целью спасение жизни реципиента. В связи с этим представляет интерес вопрос о пересадке мозга.

Известный нейрохирург Роберт Уайт говорит: «Я не вижу никакой проблемы при пересадке сердца, легких и других органов человеческого тела. Но я вижу эту проблему при пересадке мозга или, лучше сказать, при пересадке головы. Индивидуальность человека – в его мозге, а не в почках и не в печени. Пересаживая голову, мы "пересаживаем" человека. Это тот единственный случай, когда в результате операции исчезает личность реципиента и остается личность донора»⁵.

Нельзя согласиться лишь с тем, что при пересадке мозга остается личность донора. Индивидуальность человека не только в его мозге. Она, очевидно, характеризуется и его физиономией (чертами лица). Еще не вникая в вопрос о том, что это за человек, мы судим о том, он ли это в первую очередь и по его физиономии. Реципиент с чужим мозгом, сохранив физиономию, становился бы, однако, другим человеком. Но и мозг донора в чужом теле не сохраняет личности донора. Кто признает А. за А., если его мозг будет жить в теле, ранее принадлежавшем другой личности? Очевидно, что при пересадке мозга складывалась бы нечеловеческая ситуация, создавались бы своего рода сфинксы и химеры в возможно наихудших изданиях.

Пересадка мозга не сохраняет кому-либо жизни как жизни личности. Кажется ясным, что трансплантировать можно любые органы, кроме мозга.

3. Право лечения пересадкой органов и тканей неразрывно связано с проблемой оценки отношения реципиента к такой операции.

До принятия Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении в литературе обсуждался вопрос о значении согласия больного на операцию. На этот счет имелись и определенные правовые нормы. И хотя последние, а равно высказывания медиков, непосредственно не имели в виду операций по пересадке органов и тканей, они заслуживают внимания.

Статья 20 постановления ВЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1924 г. указывала, что «хирургические операции производятся с согласия больных». Инструкция Народного комиссариата здравоохранения СССР от 1 сентября 1940 г. о применении новых медицинских средств и методов указывала, что такие средства и методы могут применяться, «когда имеется на это согласие больного». В то же время примечание к ст. 20 постановления от 1 декабря 1924 г. указывало, что «операцию, необходимую и неотложную для спасения жизни... врач может произвести... и без согласия больного, когда он находится в бессознательном состоянии».

Что касается хирургических операций лицам моложе 16 лет или душевнобольным, то ст. 20 этого постановления требовала для их производства согласия родителей или опекунов. Такого согласия не требовалось лишь в случаях, когда операция необходима для спасения жизни и родители или опекуны не могут быть опрошены без риска опоздания.

Профессор Н.И. Гуревич считал, что если жизни больного угрожает опасность, но он не соглашается на операцию, то врач должен «осуществить операцию, не считаясь с мнением больного»⁶.

Более определенно эту мысль высказал Ю. Эдель: «Если необходима срочная операция для предотвращения неминуемой смерти и хирург чувствует себя во всеоружии опыта и знаний – больно-го не о чем спрашивать, его нужно оперировать»⁷.

По мнению Г. Топровера, оперировать без согласия больного следует там, «где шансы велики, значительны», и не следует, «где они малы и весьма сомнительны»⁸.

Различия между приведенными точками зрения в конечном счете несущественны. Предпринимается ли попытка убедить больного в необходимости операции либо врач этого не делает, но если хирургическое вмешательство способно сохранить жизнь,

то, по мнению упомянутых и других медиков, оно должно быть произведено независимо от согласия больного.

Ф. Бердичевский пытается обосновать такой взгляд ссылкой на крайнюю необходимость. Сравнивая взгляды Ю. Эделя и автора настоящей работы, высказанные им в 1960 г. и состоящие в том, что сознательное волеизъявление больного, отказывающегося от предложенной операции, не должно нарушаться⁹, Ф. Бердичевский пишет, что «первая точка зрения представляется более правильной, т.к. правовой основой для нее является институт крайней необходимости»¹⁰.

Автор, однако, не указывает, в чем состоит связь между крайней необходимостью и несогласием больного на операцию. Если Ф. Бердичевский имеет в виду то, что хирургическая операция является единственным средством спасения жизни больного и, следовательно, «опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами»¹¹, что и является одним из условий правомерности крайней необходимости, то этого далеко не достаточно.

Сущность крайней необходимости как института, устраняющего общественную опасность и противоправность действий, подпадающих под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, состоит в том, что, когда опасность угрожает нескольким интересам, каждый из которых охраняется законом, и спасти один можно лишь за счет причинения вреда другому, то закон разрешает спасти более ценное за счет менее ценного. Такой коллизии интересов нет при производстве хирургической операции хотя бы для спасения жизни больного, не желающего, чтобы ее спасали. Поэтому ссылка на крайнюю необходимость в рассматриваемой ситуации не является предметной.

Так как мнение о допустимости хирургической операции без согласия больного, находящегося в полном сознании, не согласовывалось с действовавшим законом, то один из упомянутых авторов предлагал внести в него соответствующие изменения¹². Однако законодатель не изменил своих взглядов. Статья 35 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении гласит:

«Хирургические операции производятся... с согласия больных, а больным, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и психически больным – с согласия их родителей, опекунов или попечителей. Неотложные хирургические операции производятся врачами без согласия самих больных либо их родителей, опекунов или попечителей только в тех исключительных случаях, когда

промедление в проведении операции угрожает жизни больного, а получить согласие указанных лиц не представляется возможным».

В части, касающейся взрослых и душевно здоровых больных, такая норма должна быть введена и в нормативный акт о гомо-трансплантации.

Мнение о необходимости производства хирургической операции для спасения жизни больного независимо от его согласия на такую операцию, хотя он и находится в полном сознании, представляется неприемлемым вообще и в отношении операций, связанных с пересадкой жизненно важных органов, в особенности.

Нет никаких оснований игнорировать свободное волеизъявление больного. Нужно лишь, чтобы больной отдавал себе отчет в последствиях своего несогласия на операцию, что врач должен разъяснить ему. Если, несмотря на это, больной отказывается от операции, она не может быть произведена. Иное решение вопроса было бы ничем не оправданным вмешательством в естественное право человека жить или не жить. Бессмысленно принуждать человека жить, если он этого не желает. Именно поэтому при всем отрицательном отношении нашей морали к самоубийству оно, как и покушение на самоубийство, не является противоправным деянием. Сознательный отказ от жизнеспасательной операции есть то же самоубийство или по крайней мере мало чем от него отличается.

Что касается операции по пересадке органов, то отказ от нее может быть продиктован особыми мотивами, отсутствующими при отказе от других хирургических операций. Такими мотивами могут быть знание пока еще кратковременности функционирования чужих органов и нежелание подвергать опасности донора. И пока не будет преодолен барьер несовместимости, нет оснований хотя бы для какого-либо упрека реципиенту, не желающему подвергаться серьезным испытаниям лишь для кратковременного продления жизни.

4. Что касается пересадки органов и тканей лицам, не достигшим 16 лет либо душевнобольным, то зафиксированное в действующем законе право врача оперировать таких лиц лишь с согласия их родителей или опекунов, в том числе тогда, когда операция необходима для спасения жизни, вызывает возражения. Правда, в упоминаемой ст. 35 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении говорится, что если промедление в проведении операции угрожает жизни больного, а получить согласие родителей, опекунов или попечителей

«не представляется возможным», то операция производится. Однако это дополнение мало что меняет.

Представим себе такую ситуацию. Родители находятся в помещении больницы. Врачу это известно. Он обращается к ним за согласием, но не получает его и поэтому не может оперировать.

Заменяя согласие больного согласием его законных представителей, законодатель, очевидно, руководствовался тем, что несовершеннолетние либо душевнобольные не отдадут себе полного или частичного отчета в вопросах жизни, смерти и здоровья, недостаточно понимают или вовсе не сознают значения предстоящей операции и последствий ее несовершенства. Если это так, то почему вопрос о том, оперировать или не оперировать, должны решать родители или опекуны? Возможно, законодатель основывается на том, что родители или опекуны могут действовать только в интересах своих детей и подопечных. Для подавляющего большинства случаев это безусловно так.

Однако присущая родителям любовь к своим детям может у отдельных из них сопровождаться религиозными предрассудками, диктующими решения, которые по своим последствиям прямо противоположны их намерениям и желаниям. Практике такие случаи известны. Например, по приговору народного суда 2-го участка Пинского района Брестской области от 28 сентября 1959 г. осужден К., который на почве сектантских побуждений умышленно оставил без медицинской помощи малолетнюю дочь, страдающую туберкулезным менингитом. Когда участковый врач, узнав о болезни ребенка, явилась по своей инициативе к К. на квартиру и предложила госпитализировать девочку, К. не только отказался это сделать, но и запретил врачу производить лечение на дому.

Не исключается и возможность случаев безразличного, а то и неприязненного отношения к своим детям. Что касается опекунов, то их действительное отношение к подопечным может быть продиктовано и корыстной заинтересованностью. Так или иначе, но признание того, что оперировать детей, не достигших 16 лет, и душевнобольных можно лишь с согласия их законных представителей, предоставляет возможность этим представителям проявить неприязненное отношение к детям и душевнобольным в законной форме несогласия на их оперирование.

Требую согласия родителей или опекунов на производство детям или душевнобольным операции, необходимой для спасения их жизни, закон тем самым вообще предоставляет им право распоряжаться жизнью ребенка или душевнобольного. Между тем такое право родителям и опекунам не принадлежит.

Соглашаясь с критикой ранее действовавшего закона (новый закон содержит ту же норму), Н.И. Загородников пишет, что «может быть необходимо установить, чтобы эти вопросы решались коллегиально, с участием родителей, не исключительно и не только родителями»¹³. Если несогласие родителей при обсуждении вопроса в коллегии будет означать, что операция не может быть произведена, то создается ситуация, ничем не отличающаяся от той, которая предусмотрена ст. 35 Основ законодательства о здравоохранении. Если же несогласие родителей парализуется противоположным мнением врачей, то в этом случае участие родителей в предлагаемой Н.И. Загородниковым коллегии теряет смысл.

Поэтому во всех случаях, когда трансплантация необходима для спасения жизни, она должна быть произведена ребенку или душевнобольному. Родители и опекуны должны быть поставлены об этом в известность, им должна быть разъяснена необходимость операции, но согласие у них не должно испрашиваться. Об этом и должно быть записано в нормативном акте о гомотрансплантации.

Отрицание необходимости согласия родителей на производство операции вызывает вопрос о возрасте больного, с наступлением которого требуется его согласие на операцию, поскольку он находится в сознательном состоянии. Лицо, хотя и достигшее 16 лет, как отмечалось, еще не отдает себе достаточного отчета в вопросах жизни, здоровья и смерти. Очевидно, пока оно не достигло более высокого возраста, было бы негуманным основываться на его согласии и несогласии на операцию. Представляется поэтому целесообразным Положение о производстве хирургических операций, связанных с пересадкой органов и тканей с согласия больных, распространить на лиц, достигших 18-летнего возраста.

5. При обсуждении правовых проблем лечения гомотрансплантацией возникает и вопрос о вознаграждении за трансплантат. Характер социального строя в определенной мере накладывает отпечаток на отношение к этому вопросу. В капиталистических странах безработица и низкий жизненный уровень трудящихся порождают предложения ими своих органов и тканей в интересах материального обеспечения семьи.

Например, в сентябре 1968 г. 42-летний чилийский рабочий Оскар Рене Бараон, отец шести детей, пять месяцев не имеющий никакой работы, поместил в газете объявление: «Продаю почку»¹⁴. Женщина из Ниццы, подписавшаяся инициалами Р. М., 2 марта 1968 г. поместила в парижском еженедельнике «Пари-матч» объявление о продаже своего сердца «за большую сумму денег».

Она пишет: «У меня ничего другого нет, и я хочу это сделать ради своей семьи... Я ничего не жду от жизни... В то время как благодаря мне богатый больной сможет приобрести для себя 30 лет жизни... Ни один богатый больной не должен колебаться перед этой сделкой, выгодной обеим сторонам».

Атмосфера бизнеса подстегивает и к торговле органами и тканями умерших. Платность медицинской помощи в капиталистических странах¹⁵ содействует в целом материальной вознагражденности за трансплантат. Однако даже в капиталистических странах большинство ученых высказываются против купли-продажи трансплантата.

Отрицание платы за органы и ткани аргументируется различием от живого донора и от трупа. В первом случае обычно указывают на то, что органы и ткани человеческого тела не имеют цены. *Mambrogum humanorum aestimatio nemo dominus membrorum suorum* – ‘нет цены члену человеческого тела’, ‘никто не хозяин своему телу’. Эта формула, однако, не воспрепятствовала установлению платы за трансплантат в ФРГ и некоторых штатах США, в чем, очевидно, и сказывается атмосфера бизнеса.

Отрицание вознаграждения за трансплантат ссылкой на упомянутую формулу не представляется убедительным. В конце концов цену тканям и органам человеческого тела можно установить, и истории права это известно¹⁶. Очевидно, решать вопрос следует исходя не из того, имеют ли органы и ткани цену, а из того, нужно ли платить за них: выгодно ли это донору, обществу, повлияет ли платность трансплантата на снабжение медицинских учреждений донорским материалом.

М.И. Авдеев, отмечая, что ткани и органы не могут быть предметом купли-продажи, в то же время пишет: «Если донор за свою кровь может получить вознаграждение, то почему он же не может и не имеет права за вознаграждение дать часть своей кожи или кости?... Возможно, что донорство таких тканей, как кожа, кость, хрящ, за вознаграждение особых возражений и не вызовет»¹⁷.

По нижеуказанным основаниям такая аналогия представляется несостоятельной.

Между донорством крови и донорством тканей имеется существенная разница. Прежде всего она состоит в том, что в донорстве крови неизмеримо большая потребность, чем в донорстве тканей. Поэтому плата за сдачу крови является средством увеличения числа доноров, растущего не только за счет развития сознательности, но и за счет материального стимулирования. Что касается тканей от живого донора, то потребность в них

не столь велика с учетом того, что в большинстве случаев нужные ткани могут быть с неменьшим успехом взяты от неживого донора.

Далее. Получение ткани от живого донора – болезненный процесс для последнего, и донор на определенное время сам становится больным и нуждается в лечении, чего не бывает с донором крови. И лишь высокая сознательность донора тканей определяет его решение на такую роль. Вознаграждение в таком случае может стать оскорбительным для него. Высокие порывы, определенное самопожертвование невозможно положить на материальные веса и оценивать в рублях.

Донорство крови со стороны одного и того же лица может быть неоднократным, донорство тканей – однократно и редко повторимо. Хотя бы и поэтому в первом случае материальное вознаграждение может быть дополнительным, а возможно, и единственным стимулом к очередной сдаче крови. Во втором случае надобность в таком поощрении отпадает.

Наконец, плата за ткань противоречила бы моральному кодексу строителей коммунизма, составной частью которого являются такие нравственные принципы, как товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного¹⁸. Плата за ткань содействовала бы проникновению в такие отношения элементов корысти и оказывала бы отрицательное моральное воздействие на личность донора. Поэтому следует согласиться с Б. Дачевым (Народная Республика Болгария), считающим, что пересадка от данного донора не может быть допущена, если согласие дано им за вознаграждение¹⁹. Недопустимым получение денег за трансплантат считает и Ю. Радзицкий²⁰ (ПНР).

Безвозмездное получение ткани от живого донора не повлияет на снабжение медицинских учреждений донорским материалом. В конечном счете плата за трансплантат не в интересах общества.

Признание безвозмездной дачи живым донором ткани не исключает морального стимулирования донорства. Будучи проявлением высокого чувства товарищества и взаимопомощи, оно должно поощряться и в социалистическом обществе. Для этого имеется достаточно средств – от благодарности общественности и государственных организаций до правительственных наград.

Что касается выплаты вознаграждения родственникам умершего за взятые от него органы и ткани для пересадки, то все авторы социалистических стран, касавшиеся этого вопроса²¹, одинаково отрицают вознаграждение, поскольку труп не может быть предметом сделки. Купля-продажа органов от умершего к тому же

противоречила бы элементарным нормам социалистической, да и общечеловеческой морали.

6. Ввиду сложности операции по пересадке органа или тканей согласно принципу коллегиальности необходимость ее должен решать консилиум врачей. Представляется, что в его составе должны быть лечащий врач, хирург, которому разрешены такие операции, и заведующий отделением, а при пересадке жизненно необходимых органов – еще ведущий хирург и главврач больницы (клиники). Заключение о пересадке должно считаться принятым при единогласии всех членов консилиума.

Что касается оформления согласия больного, то врачи, обсуждающие этот вопрос применительно к хирургическим операциям вообще, расходятся во мнениях. В некоторых больницах у больного отбирается особая расписка. Как правильно отмечает И. Огарков, «отрицательное влияние такой процедуры на психику больного совершенно очевидно, т.к. расписка на операцию есть по существу расписка на возможный роковой ее исход»²².

Развивая этот аргумент, И. Ожогов ссылается на Р. Пароняна, «который рекомендует щадить больного, не пугать его подпиской о согласии на операцию. Врач обязан вселять в него бодрость и уверенность в благоприятном исходе операции. В противном случае поведение хирурга было бы жестоким»²³. Представляется правильным мнение Г. Топровера о достаточности устного согласия больного, которое должно быть зафиксировано в истории болезни²⁴.

Таким же образом следует оформлять и согласие реципиента на пересадку ему чужих органов или тканей.

Другое дело оформление несогласия на операцию. Требование от реципиента расписки может оказаться дополнительным аргументом и повлиять на ранее принятое им решение не оперироваться. Расписка об отказе от трансплантации, подписанная реципиентом, должна быть приложена к истории его болезни. Если он не пожелал дать такую расписку, этот факт подтверждают в истории болезни своими подписями члены консилиума.

7. В полном соответствии с принципами коммунистической морали и советского здравоохранения в нашем обществе не может быть какой-либо дискриминации при лечении вообще, гомотрансплантацией в частности. Тот или иной метод лечения, каким бы сложным и дорогостоящим он ни был, применяется в социалистическом обществе, где медицинское обслуживание бесплатно, в зависимости от того, в какой мере больной в этом нуждается, а не в зависимости от того, кем он является.

Советские люди осудили имевшую место возню в правительстве Южно-Африканской Республики в связи с тем, что больному Блайбергу было пересажено «черное» сердце преждевременно погибшего африканца. Еще при жизни Блайберга правительство собралось на заседание, чтобы решить, что делать с телом Блайберга в случае его смерти: хоронить ли на кладбище для белых, предварительно вынув «цветное» сердце, или на кладбище для черных. Правое крыло правящей партии предложило в случае несогласия Блайберга хоронить сердце отдельно, считать его черным и отправить на кладбище для африканцев. Такое предложение поддержали министр юстиции и шеф полиции.

Из-за разногласий решение не было принято²⁵. Однако, что более важно для страны, где произведена первая в мире операция по пересадке сердца, правительство ЮАР запретило трансплантацию «черных» сердец.

В 1967 г. в Англии было принято решение (впоследствии отменное под давлением общественности) не прибегать к оживлению сердца больных старше 65 лет.

Советским людям достаточно понятны причины подобных обсуждений и решений, соответствующих законам апартеида и эксплуататорской морали.

Глава 4

Условия правомерности получения трансплантата от живого донора

1. Правовая оценка операции для получения трансплантата.
2. Согласие донора.
 - 2а. Условия правомерности согласия.
 - 2б. О взятии трансплантата у малолетних с согласия их родителей.
 - 2в. Другие условия правомерности согласия.
3. Лица, могущие быть донорами.
4. Трансплантация и крайняя необходимость. Момент оценки ценностей.
5. О правомерности пересадки почки от живого донора.

1. Те или иные правовые аспекты пересадки от живого донора зависят прежде всего от оценки действий, направленных на получение трансплантата. Если эти действия не являются деликтными, то отпадает надобность в обосновании их правомерности. Напротив, если они оказываются в числе деликтных, то необходимы определенные условия, при которых деликтность отпадает и действия становятся общественно полезными.

Анализ действий, направленных на получение трансплантата от живого донора, не оставляет сомнений в том, что они относятся к деликтности высшей степени, т.е. являются преступными. Это видно хотя бы из того, что для получения трансплантата донор должен подвергнуться хирургической операции, в результате которой его здоровью причиняется вред. Даже минимальный вред выражается в причинении донору легких телесных повреждений, не вызывающих утраты трудоспособности или расстройства здоровья. Действующее законодательство относит к таким повреждениям «поверхностные повреждения в виде небольших ран, кровоподтеков, ссадин и т.д.»¹.

В зависимости от того, какие ткани или органы ампутруются у живого донора, телесные повреждения согласно принятой классификации могут быть легкими без расстройства здоровья или утраты трудоспособности; легкими, влекущими кратковременное расстройство здоровья или незначительную утрату трудоспособности; менее тяжкими, т.е. вызывающими длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату трудоспособности менее чем на одну треть.

При ампутации у донора органа (почка, глаз) ему причиняются тяжкие телесные повреждения. Если к сказанному добавить,

что врач, производящий хирургическую операцию для получения трансплантата, сознает (а иначе и быть не может), что причиняет вред донору, то наличествуют все объективные и субъективные признаки, образующие в совокупности состав преступления: легкого, менее тяжкого или тяжкого телесного повреждения².

Это обстоятельство и диктует необходимость выявления и законодательного закрепления условий, при которых действия, направленные на получение от живого донора трансплантата, утратили бы противоправность. Таким условием не может быть преследуемая врачом цель спасения жизни или восстановления функций утраченного или болезненного органа реципиента. Цель сама по себе гуманная, однако она не может оправдать действий врача, поскольку для ее достижения он причиняет телесные повреждения другому лицу, здоровье которого также охраняется законом.

Поскольку действия врача, связанные с получением трансплантата от живого донора, являются общественно опасными, постольку условия, при которых они утрачивают противоправность и превращаются в правомерные, следует искать в институтах уголовного права. К таким институтам, имеющим непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу, относятся согласие потерпевшего и крайняя необходимость.

Задача исследователя состоит в том, чтобы трансформировать содержание этих институтов на основе учета особенностей гомотрансплантации и принципа оптимальной заботы об интересах донора. Иначе без этого невозможно сформулировать желаемое определение в будущем нормативном акте условий правомерности гомотрансплантации от живого донора.

2. Прежде всего для получения трансплантата необходимо согласие донора.

Человек в физиологическом смысле – это его живое тело, и, пока оно живое, никто не может отторгать от него какие бы то ни было части: ни ткани, ни органы. В этом состоит элементарная гарантия обществом человеку его сущности – телесной целостности. Стоит от нее отказаться – и прочные нити, объединяющие людей в общество, будут разорваны и общечеловеческое станет едва ли возможным.

Насильственное отторжение от человека его телесной части – крайнее выражение бесчеловечности независимо от того, почему и кто это делает. Такое отторжение от человека его телесной части ведет еще и к тому, что в своих глазах он перестает чувствовать себя человеком.

Таким путем наиболее сильно попирается человеческое достоинство. С какой бы стороны ни рассматривать насильственное отторжение от человека органа или ткани, оно противоречит элементарной человечности³.

Согласия не требуется при невольном донорстве, когда ткань стала ненужной человеку, но может быть полезной другому. Например, если в больницу доставили человека с разможенными в результате аварии стенками глазницы и пострадавший глаз не спасти, но роговая оболочка цела и может вернуть зрение другому лицу, то согласия на это у невольного донора испрашивать нет надобности⁴. В таком случае, однако, необходимо согласие судебно-медицинского эксперта.

2а. Согласие потерпевшего исключает общественную опасность и противоправность действий лица, основывающихся на этом согласии, если оно удовлетворяет определенным условиям. В трансформации к рассматриваемой проблеме согласие донора должно быть признано правомерным, если оно исходило от вменяемого лица, достигшего определенного возраста, и было добровольным волеизъявлением.

Невменяемый не может быть донором. Лишенный способности отдавать себе отчет в своих действиях душевнобольной не может отдавать себе отчета и в последствиях взятия у него трансплантата. Гарантия обществом человеку его телесной целостности распространяется и на душевнобольного. Использование его тканей для пересадки другим было бы злоупотреблением состоянием невменяемого, его неспособности руководить своими поступками и усугубило бы и без того несчастное положение больного.

Принцип оптимальной заботы об интересах донора выдвигает дополнительное условие правомерности трансплантации органов и тканей, относящееся к возрасту донора. До определенного возраста организм человека еще полностью физически не сформировался. Не случайно, как уже отмечалось (гл. 1), установлено, что донором крови может быть лицо не моложе 18 лет «при условии полного физического развития организма» и что взятие крови у донора в возрасте до 20 лет ограничено дозой не более 350 мл.

Хирургическое вмешательство, связанное с ампутацией ткани, является не менее серьезным, чем взятие крови. Поэтому, как нам представляется, этот возраст должен быть установлен как 20-летний. Очевидно, можно допустить взятие кожи в строго определенных (в максимуме) размерах и у лиц, достигших 18 лет. Во всяком случае, в порядке подготовки предлагаемых правовых норм Министерство здравоохранения СССР должно представить

законодателю обоснованные предложения о возрасте донора тканей. Лица, не достигшие возраста, который будет установлен, не могут быть донорами, хотя бы они добровольно и из самых высоких побуждений к этому стремились.

Советская действительность богата примерами того, как массы людей откликаются на призывы дать кровь или кожу оказавшимся в опасности больным. Однако высокая оценка благородства не должна сопровождаться злоупотреблением добрыми порывами людей. И даже в тех случаях, где нет других доноров, требования, предъявляемые к возрасту донора, должны строго соблюдаться.

26. Принцип оптимальной заботы об интересах донора диктует и решение вопроса о возможности взятия тканей и органов у малолетних для их братьев и сестер с согласия родителей. В частности, возникал вопрос о том, возможна ли пересадка роговицы слепому брату или сестре для восстановления реципиенту функций хотя бы одного глаза за счет лишения на один глаз зрения донора⁵.

На первый взгляд такая операция как будто целесообразна: слепому возвращается зрение, и донор его в целом не лишается. Однако при ближайшем рассмотрении такая операция оказывается по меньшей мере неэтичной. Гарантии обществом каждому человеку его телесной целостности распространяются на всю его жизнь, в том числе на детский возраст. В последнем вследствие несмышленности и беспомощности человек тем более нуждается в такой гарантии и защите.

Общество поэтому не может предоставить родителям право распоряжаться тканями и органами своих детей. Предоставление такого права было бы неэтичным не только с позиций момента трансплантации, но и с позиции будущих отношений между донором, реципиентом и их родителями. Наряду с чувством исполненного долга, способным возникнуть с получением соответствующей информации, в других случаях, напротив, может появиться и получить развитие чувство неприязни и враждебности к реципиенту. Объективным условием появления такого чувства явится осознание донором своей частичной физической неполноценности, обусловленной ампутацией в детском возрасте глаза.

Чувство неприязни и враждебности может быть еще более сильным в отношении родителей, с согласия которых произошли в детстве такие события. И очевидно, трудно сказать, какие из этих чувств будут более частыми. Во всяком случае, чувства неприязни не исключаются, и они формировали бы отношения не только между донором, реципиентом и их родителями, но, что не менее важно, и между донором и обществом, которое предоставило

право родителям распоряжаться его телесной целостностью. Нетрудно представить себе общественные последствия таких отношений: в лице этих людей общество имело бы готовых недругов.

Неправомерность таких операций нам представляется очевидной. Никто не может давать согласия за другого и тем самым распоряжаться его телом. Согласие должно быть личным, и в перечне условий правомерности согласия донора это обстоятельство должно быть отражено.

2в. Согласие донора, вменяемого и достигшего определенно-го возраста, должно быть добровольным. Наилучшим вариантом является согласие, данное по инициативе донора. В таком случае сознание исполненного долга укрепляет моральный актив донора и облегчает перенесение физических невзгод, естественных в связи с операцией. В случае когда предполагаемой донор не проявляет инициативы, возможна подсказка. Разумеется, ни о каком психическом давлении на предполагаемого донора не может быть и речи.

Добровольное согласие есть согласие, данное свободно и сознательно, не под влиянием психического или физического насилия. Психическое насилие имеется, если предполагаемого донора вынуждают на такую роль под угрозой физического насилия, истребления имущества или разглашения позорящих сведений. Физическое насилие имеется, если предполагаемому донору причиняются физические страдания с целью заставить его дать трансплантат. Психическое или физическое насилие может применяться либо по отношению к предполагаемому донору, либо по отношению к близким ему людям, с тем чтобы заставить его стать донором.

Если о согласии, данном под влиянием насилия, стало известно после операции, то поворот уже невозможен и речь может идти разве только о каком-либо воздействии на вынуждавшего. Поэтому в добровольности согласия следует убедиться до производства ампутации.

Для признания согласия добровольным необходимо, чтобы донор отдавал себе отчет в ближайших и отдаленных для себя последствиях взятия у него трансплантата. Поэтому предполагаемый донор должен получить необходимую информацию от врача. Без такой информации либо при введении донора в заблуждение относительно последствий для него операции согласие не будет сознательным волеизъявлением. Согласно этому и принципу оптимальной заботы об интересах донора в законе следует зафиксировать обязанность врача разъяснить предполагаемому донору неизбежные и возможные для него последствия дачи им трансплантата.

Об этом должна быть сделана соответствующая запись в истории болезни.

Согласие донора на операцию для взятия трансплантата целесообразно оформлять его распиской, прилагаемой к его истории болезни.

3. Обычно донорами являются родственники больного, для оказания помощи которому они готовы на любые лишения и добровольно предлагают себя для этой роли. Это вовсе не означает, что ими и следует ограничить круг доноров. Такое решение вступило бы в противоречие с принципами коммунистической морали.

В.И. Ленин говорил: «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: "каждый за себя, один бог за всех"... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: "все за одного и один за всех"»⁶.

Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат – нравственные принципы морального кодекса строителей коммунизма, записанные в Программе КПСС⁷. На этих принципах основаны правовые нормы. Например, право необходимой обороны согласно ст. 13 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик предоставляется у нас для защиты от общественно опасных посягательств общественных интересов, а также «личности и прав обороняющегося или другого лица», а согласно ст. 14 тех же Основ не являются преступными действия, совершаемые для устранения опасности, угрожающей общественным интересам, а также «личности или правам данного лица или других граждан...»

В указанных случаях закон не различает, в интересах кого – родственника или постороннего – действовало лицо, защищая человека от опасности. На помощь находящемуся в опасности человеку приходит и донор. Поэтому круг лиц, могущих быть донорами, не должен ограничиваться родственниками больного. Донором может быть любое лицо, добровольно желающее помочь больному, подвергая для этого себя операции.

Согласие донора может быть обусловлено его желанием использовать трансплантат для им указанного реципиента. В таком случае, как правило, считает Я. Штепан (ЧССР)⁸, трансплантат не может быть пересажен другому реципиенту, и это должно быть отражено в законе. Иное решение может повлечь отказ донора в даче трансплантата и нежелание возможных доноров быть ими.

Донор, которому безразлично, для кого будет использоваться его трансплантат, может проявить интерес к реципиенту. И в такой информации ему не следует отказывать, как не следует отказывать

реципиенту в информации о своем доноре. В целях укрепления социальных связей между людьми целесообразно всячески содействовать взаимной осведомленности реципиентов и доноров, кроме тех случаев, когда по каким-либо причинам кто-либо из них желает остаться неизвестным для другого.

4. Согласия донора, удовлетворяющего указанным выше условиям, самого по себе недостаточно для исключения общественной опасности и противоправности причинения ему телесных повреждений. Люди высоких моральных качеств способны на любое самопожертвование в интересах страждущего. Если медицина будет руководствоваться лишь согласием донора, то это может повлечь ущерб социальным интересам. Поэтому для устранения противоправности при причинении донору телесных повреждений в связи с получением трансплантата необходимо наличие условий, относящихся к крайней необходимости.

Согласно ст. 14 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик «не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, угрожающей... личности... данного лица... если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами и если причиненный вред является менее значительным, чем предотвращенный вред».

На основании этой нормы получение трансплантата от живого донора будет правомерным при наличии двух условий:

1) оказание помощи больному, в интересах которого производится пересадка, невозможно другим путем;

2) донору причиняется менее значительный вред, чем предотвращенный вред больному-реципиенту. Трансплантация не будет правомерной при отсутствии хотя бы одного из этих условий.

Первое условие означает, что пересадка является правомерной, если иного пути оказания эффективной помощи не было. Это условие правомерности гомотрансплантации отражено в общей норме о праве лечения пересадкой органов и тканей. Однако в случаях трансплантации от живого донора оно приобретает более широкий смысл. Если, например, возможно было получение трансплантата от неживого донора, то причинение вреда живому донору не может быть оправдано. Тем более такого оправдания не будет, если эффективное лечение было возможно без трансплантации, но врач обратился к этому средству, избрав живого донора. Оперированию должно предшествовать принятие

врачебного заключения о необходимости пересадки и именно от живого донора.

Хотя отторжение чужой ткани наступает независимо от того, пересажена ли она от живого или неживого донора, в первом случае трансплантация несколько более эффективна. Из 1187 пересадок почки, произведенных в мире на 1 января 1967 г., в течение первого года выжило 55 % больных при пересадке от живых родственных доноров и 21 % – при пересадке от трупов и неродственных доноров⁹.

Что касается второго условия, то взвешивание причиненного вреда донору и предотвращенного реципиенту должно производиться на весах медицины, а не на социальных весах. Перед медициной люди разделяются только по их болезням. Она лечит тело безотносительно к социальной ценности его владельца. Перед ней одинаковы и гений, и злодей. И какую бы социальную ценность ни представлял гений, его жизни или здоровью не может быть принесено в жертву здоровье хотя бы самого отъявленного негодяя.

В социалистическом обществе, о чем уже говорил М.Д. Шаргородский, «право должно исходить из того, что жизнь всех людей равноценна»¹⁰. Когда медицина отходит от этой основы, она перестает быть медициной и ее служители становятся палачами, какими и были гитлеровские «ученые-медики», экспериментировавшие на злосчастных жертвах фашистских застенков. «Человечество может только запятнать проклятием и позором самую память о таких выродившихся антропоидах, сравнение которых с животными было бы незаслуженным оскорблением животных»¹¹.

Сравнение ценностей на весах медицины не исчерпывает проблемы правомерности получения трансплантата от живого донора, поскольку оно может проводиться либо на момент трансплантации, либо с учетом будущих последствий пересадки как для донора, так и для реципиента. Обычно при крайней необходимости ценности сравниваются на момент совершения действий, вызывающих эту необходимость. При трансплантации от живого донора такой момент оценки не учитывал бы будущих последствий для донора, здоровье которого в связи с потерей органа будет ухудшаться.

Сегодня, например, его трансплантат спас жизнь больному реципиенту и на момент пересадки сохранено более ценное за счет причинения вреда менее ценному. Однако в последующее время, близкое или более или менее отдаленное, положение может измениться.

Что касается эффективности пересадки для реципиента, то, если даже операция произведена *lege artis*, нельзя не учитывать того, что, пока не преодолен барьер несовместимости, пересаженный больному орган приносит лишь временный успех. Если, иначе говоря, больному-реципиенту продлевается жизнь на незначительное время за счет сокращения жизни донора, то о крайней необходимости уже говорить не приходится.

Возможны и иные рассуждения. После пересадки неотвратимая прежде опасность для больного-реципиента устраняется и положительный результат операции налицо. Что касается будущих последствий такой операции для получившего трансплантат, то к ним следует относиться оптимистически с учетом прогресса медицины. Относительно же последствий для донора, то они не неизбежны, а лишь вероятны. На основе таких рассуждений легко прийти к выводу о достаточности сравнения ценностей на момент трансплантации.

При всем уважении к такому мнению, с которым мы еще встретимся ниже, оно представляется неприемлемым и не согласуется с принципом оптимальной заботы об интересах донора. Очевидно, при трансплантации сравнение ценностей должно производиться до пересадки, но не на момент пересадки, а с максимальным учетом того, что может в будущем потерять донор и приобрести больной-реципиент. Согласно этому ампутации у донора органа для пересадки должно предшествовать тщательное исследование всего его организма для выяснения и определения возможных последствий, с одной стороны, и корреляции таких последствий с эффективностью помощи получателю органа – с другой.

5. В связи с этим заслуживает особого внимания вопрос о правомерности пересадки почки от живого донора. Доктор медицинских наук Р. Петров пишет: «Вполне возможно, что найдутся люди, которые будут говорить, что... незачем продлевать мучения больных, лишая почек их родственников... Да и я сам иногда так думаю. И все-таки лечить надо до последней надежды. Сегодня мы пересадили почку. Больной еще живет полгода, год; но за это время может быть решена какая-нибудь очень важная деталь проблемы, и полгода, подаренные больному, обещают превратиться в долгую жизнь»¹².

Здесь только о реципиенте. А где о здоровье и жизни донора? Ведь раздельно решать вопрос о пользе операции для реципиента безотносительно к последствиям ее для донора невозможно.

Конечно, нельзя не согласиться с тем, что лечить надо до последней надежды, но нельзя согласиться с тем, что это можно делать за счет здоровья, тем более за счет жизни другого лица. Что касается перспектив, то ссылка на нее не может служить аргументом хотя бы потому, что такой ссылкой можно оправдать все, что угодно.

Иной аргумент в пользу пересадки почки от живого донора приводит И. Ярмолинский, старший научный сотрудник группы трансплантации почек Института клинической и экспериментальной хирургии Министерства здравоохранения СССР. Он говорит: «Операция – это всегда риск: в каком-то минимальном проценте случаев смерть может наступить даже после удаления зуба или вскрытия панариция. А удаление почки – вмешательство куда более серьезное... Переступить этот психологический барьер, решиться оперировать здоровых людей было совсем не легко и не просто. И если мы все-таки взяли на себя такую моральную ответственность, то огромную роль в этом сыграли наши доноры. Они шли с такой душевной щедростью, с таким оптимизмом и отвагой, причем приходили не только родственники, но и друзья, сослуживцы, знакомые, что погасить этот порыв, лишить их надежд было бы с нашей стороны малодушием»¹³.

Аргумент, на наш взгляд, еще менее приемлемый, чем ссылка на перспективу. Нет, не является малодушием отказ воспользоваться душевной щедростью доноров-добровольцев! Какая мать не отдаст почку и самую жизнь для спасения (пока кажущегося спасения) сына или дочери? 74-летняя итальянка Маринелли покончила самоубийством, с тем чтобы роговица ее глаза была использована для пересадки ее слепому сыну Карио, чтобы он мог видеть. Заплатить за чужую ткань она не имела возможности, и своей смертью она дала сыну зрение¹⁴.

Очевидно, в большинстве случаев и разъяснение последствий не заставит мать отказаться от самопожертвования. Но ведь душевной щедростью, оптимизмом и отвагой людей злоупотреблять не принято.

Сказанное выше о соотношении ценностей всецело относится и к рассматриваемому вопросу. Продолжительность жизни человека с чужой почкой невелика. По данным академика Б.В. Петровского, основанным на опыте произведенных им 22 пересадок почки от живого донора, максимальная длительность функционирования пересаженной почки 2 года и 8 месяцев¹⁵. По официальным данным международной статистики, из 336 операций по пересадке почки от живых доноров 322 кончились трагически в течение первого года¹⁶.

При таких результатах вряд ли убеждает ссылка академика Б.В. Петровского на то, что поскольку почка – орган парный, то «взять его от живого донора – родственника больного не опасно для жизни донора»¹⁷. Безусловная опасность взятия почки от живого донора является достаточным основанием не делать этого ради продления жизни реципиента на столь короткое время.

Нельзя цифрами показать сокращение сроков жизни доноров почек. Однако и без математических выкладок очевидно, что они становятся непоправимыми инвалидами.

Ампутация почки у живого донора ни при каких обстоятельствах не оправдывается крайней необходимостью. Кроме того, что в результате такой операции не спасается более ценное за счет причинения вреда менее ценному, опасность для больного реципиента может быть устранена иными средствами – пересадкой трупной почки. Как правильно отмечает И.С. Ярмолинский, «не следует рисковать здоровьем здоровых, если есть другой, более "бескровный" путь»¹⁸.

Институт крайней необходимости в формулировке, содержащейся в уголовном законе, для регулирования вопросов гомотрансплантации, как видно, неприемлем. Следуя ст. 13 Основ уголовного законодательства, можно оправдать любые действия, направленные для спасения более ценного блага за счет причинения вреда менее ценному, если это было единственным средством спасти более ценное. Согласно этой статье оказывается правомерным умерщвление человека для спасения нескольких жизней: одному пересадить сердце, двум другим – по почке и т.д. Поэтому условия правомерности получения трансплантата от живого донора следует сформулировать отдельно и специально для таких хирургических операций.

В предлагаемом нормативном акте должны быть названы следующие условия правомерности гомотрансплантации от живого донора: отсутствие возможности оказать эффективную помощь реципиенту иным путем, кроме пересадки от живого донора; достижение последним определенного возраста и его вменяемость; личное согласие донора; причинение ему с учетом последствий операции для его здоровья в будущем меньшего вреда по сравнению с устраненным от реципиента.

Глава 5

Условия правомерности изъятия трансплантата от неживого донора

1. Постановка проблемы об источниках трансплантационного материала.
2. О согласии родственников на взятие от умершего органа или ткани.
3. Круг родственников, у которых испрашивается согласие.
4. Трансплантаты от умерших в лечебных учреждениях.
5. Варианты правовой регламентации взятия трансплантата от умерших насильственной смертью.
6. Трансплантат от умерших от несчастного случая.
7. Трансплантат от умерших от умышленного и неосторожного убийства.
8. Трансплантат и самоубийство.
9. Прижизненное согласие или запрещение на роль донора.
10. Определение момента взятия трансплантата.

Лечение трансплантацией от неживого донора выдвигает две проблемы, которых нет при лечении пересадкой от живого донора: проблему источников получения органов и тканей и проблему момента взятия трансплантата от намеченного донора.

1. Потенциальные доноры в зависимости от места смерти и ее причин могут быть разделены на умерших в больницах (клиниках) или вне этих учреждений, на умерших естественной¹ или насильственной смертью. При этом возможно прижизненное согласие на роль донора на случай смерти и, наоборот, прижизненное запрещение использовать после смерти органы и ткани для пересадки другому лицу.

Проблема источников трансплантационного материала может быть решена по-разному: от права использовать органы и ткани от определенной группы трупов до права брать трансплантаты от любого трупа. От того или иного решения зависит большая или меньшая возможность удовлетворения потребностей в таком материале. А потребности эти будут расти², особенно после того, как будет преодолен барьер несовместимости.

Однако при определении источников получения трансплантатов законодатель не может руководствоваться только тем, какая существует потребность в них. Он должен считаться с веками сложившимся отношением людей к мертвому телу, с чувствами родственников умершего.

Определяя, от каких умерших возможно изъятие трансплантатов, законодатель должен подумать и о том, чтобы исключить или

во всяком случае максимально ограничить возможность злоупотреблений. Вопросы трансплантации от неживого донора должны быть регламентированы таким образом, чтобы ни одно лицо не могло в интересах больного-реципиента и в ущерб другим лицам воспользоваться новым методом лечения.

Таким образом, при определении источников получения органов и тканей от неживого донора законодателю следует учитывать три фактора: потребности в трансплантатах, отношение родственников умершего к его телу и необходимость создания правового заслона от возможных злоупотреблений при поисках «запасных частей» для реципиентов. Сложность правового регулирования состоит в том, чтобы умело сочетать указанные факторы.

Об этой сложности свидетельствует и разницей в законодательстве разных стран. Например, в Италии разрешается производить пересадку органов любого умершего лица, за исключением случаев, когда это лицо при жизни выразило свое несогласие быть донором³. Во Франции запрещается использовать для трансплантации лишь трупы самоубийц и жертв преступления, но разрешается брать трупы погибших от автоаварий⁴. В Бразилии запрещено для пересадки пользоваться органами от человека, который стал жертвой преступления или любой автомобильной катастрофы⁵. По законам штата Мичиган (США) использование трупа для трансплантации возможно только с согласия родственников⁶. В Польской Народной Республике по закону от 30 декабря 1949 г. для взятия органов и тканей от умерших дома требуется согласие родственников, а от умерших насильственной смертью и пока не снят «арест» с трупа – согласие прокурора⁷.

В СССР регламентирован лишь порядок изъятия тканей от людей, умерших в лечебном учреждении или доставленных в морг, согласно которому на изъятие не требуется согласия родственников, но необходимо согласие заведующего моргом, а в отношении трупов, подлежащих экспертизе, – согласие судебно-медицинского эксперта.

2. Мнения о необходимости согласия родственников умершего на использование органов его тела для трансплантации различны.

Отмечая, что пересадка органов – новый этап в медицине, Ю. Крелин пишет, что в связи с этим «поставлено или вновь создано, а может быть, просто надумано несколько нравственно-этических проблем». Надуманной автор считает проблему согласия родственников на взятие у умершего органов. «Проблема эта возникла почему-то на уровне пересадок сердца. А почки?

А трупная кровь? В этих случаях мы не спрашиваем. И никто не считал это до сей поры безнравственным»⁸. Согласно этому Ю. Крелин не сомневается в том, что нет надобности спрашивать согласия родственников.

Согласиться с таким мнением нельзя. Прежде всего неверно, что проблема эта возникла лишь «на уровне пересадок сердца». Она возникла с появлением лечения гомотрансплантацией. Не будь такой проблемы, не было бы надобности в нормативных актах специально оговаривать, что «на изъятие тканей от трупа не требуется согласия родственников умершего»⁹ и что «родственникам умерших при необходимости надлежит разъяснить значение проводимых мероприятий для оказания лечебной помощи пострадавшим»¹⁰. Сам факт законодательной оценки отношения родственников к взятию у умершего трансплантатов, а не характер этой регламентации свидетельствует о наличии такой проблемы.

В доказательство ее отсутствия иногда ссылаются на то, что родственники обычно не возражают против взятия трансплантата от умершего. Относительно взятия сердца один из авторов пишет, что «почти неизвестны в мировой практике случаи, чтобы родственники погибшего возражали против этого»¹¹. Однако – и это хорошо известно работникам судебно-медицинской экспертизы – нередки протесты родственников не только против взятия органов и тканей от умершего, но и против самого вскрытия мертвого тела.

В связи с этим следует заметить, что отношение родственников умершего к взятию трансплантата в какой-то мере определяется тем, какой орган предполагается взять. Они, как правило, нетерпимы к любой ампутации, если она связана с обезображиванием трупа. Что касается сердца, то согласие на его извлечение имеет мотивом не только оказание помощи другому человеку, но и мысль, может быть и подсознательную, что в жизни спасенного человека найдет свое продолжение жизнь того, сердце которого будет биться в груди реципиента. Ведь в народном сознании сердце – это не только мотор, как его квалифицирует медицина, но и душа человека, его доброе сердце, его характер и т.д.

Дороти – вдова Хаупта рассказывает: «Когда хирурги спросили меня, могут ли они использовать сердце Клайва, я была сначала слишком потрясена, чтобы ответить, но потом сказала, что они могут это сделать... Меня утешает сознание, что его сердце кому-то еще дает жизнь». После встречи с Ф. Блайбергом Дороти спросили о чувствах, которые она испытывала, глядя на человека, в груди которого билось сердце ее мужа. «Надо ли мне отвечать на этот вопрос?» – тихо промолвила она¹².

Решая вопрос о согласии родственников на взятие трансплантата от умершего, нельзя не учитывать отношение человечества к телу умершего. Любовь к человеку определяет и отношение к его телу (мертвому). Этим объясняются поиски тел погибших, процедура подготовки захоронения, забота о способах и местах захоронения, законы об ответственности за осквернение могил и т.д.

Такое отношение к мертвому телу – древнейшее чувство, унаследованное современными людьми, стоящими на самом высоком уровне цивилизации. И с этих позиций использование тела умершего для трансплантации во всех случаях без согласия родственников противоречило бы нормам общечеловеческой нравственности. Необходимо в какой-то мере учитывать и то, что человеку свойственно думать не только о жизни, но и о смерти и что ему небезразлично отношение после смерти не только к его имени, но и к его безжизненному телу.

В пользу необходимости согласия родственников говорит и третий аргумент. Невозможность взятия трансплантата от умершего без согласия его родственников была бы серьезным заслоном от злоупотреблений. Непринятие должных мер для спасения жизни предполагаемого донора либо иное искусственное создание такого донора запрограммированным убийством стало бы едва ли целесообразным ввиду отсутствия уверенности заинтересованных лиц в получении согласия родственников на использование органов умершего.

Руководствуясь этими соображениями, автор в прошлом пришел к выводу о необходимости во всех случаях согласия родственников для получения трансплантата от умершего¹³. Однако дальнейшее изучение вопроса показало, что такое недифференцированное решение не является правильным, поскольку не учитывает всех возможных утилитарных аспектов проблемы. В частности, не учитывались все возможные для данного метода лечения последствия истребования согласия родственников.

Если во всех случаях такое согласие необходимо, то каждый раз, независимо от причин и места смерти предполагаемого донора, его надо спрашивать, для чего потребуются время, всегда драгоценное для качества и самой пригодности трансплантата. Если, например, предполагаемый донор умер в больнице, то, пока будет получено согласие родственников на взятие органа, последний окажется для пересадки негодным. Что касается получения такого согласия родственников заранее на случай возможной смерти предполагаемого донора, то, как видно, сама постановка вопроса предполагает отрицательный ответ.

В итоге складывается такое положение, при котором необходимость во всех случаях согласия родственников на взятие трансплантата от умерших привело бы к серьезному ограничению медицинских учреждений в получении трансплантационного материала и тем самым к крайнему ограничению лечения методом гомопластики.

Рациональное решение проблемы согласия родственников требует поэтому учета не только ее нравственных, но и всех утилитарных сторон.

Необходимость согласия родственников ставится под сомнение на том основании, что право наследования поможет распространяться на труп¹⁴. Право наследования имущества имеет целью гарантировать человеку, что прижизненные заботы о своих близких сохраняют силу и после его смерти. Поэтому отсутствие права наследования на труп можно аргументировать разве только отсутствие права на вознаграждение за органы и ткани умершего, взятые для трансплантации. Во всяком случае, обоснование ненужности согласия родственников ссылкой на отсутствие права наследования на труп вовсе игнорирует нравственную сторону проблемы и ведет к другой крайности.

Учет всех нравственных и утилитарных соображений ведет к дифференцированному решению проблемы согласия родственников.

По нашему мнению, согласие родственников следует признать необходимым лишь в двух случаях:

- 1) когда смерть была естественной и наступила вне лечебного учреждения;
- 2) когда смерть наступила в лечебном учреждении или была насильственной, но взятие трансплантата сопряжено с обезображиванием мертвого тела.

Взятие трансплантата в первом случае без согласия родственников едва ли мыслимо, разве только немирным путем. Однако такое обращение с родственниками усилило бы их горе и явилось бы жестокостью и грубым попранием элементарных норм человечности. Не случайно, если естественная смерть наступила вне лечебного учреждения и причина ее ясна, то и вскрытие не производится; что касается второго случая, то необходимость согласия родственников диктуется нравственно-этическими соображениями, о которых уже говорилось.

Требование согласия родственников в определенной мере ограничит источники получения трансплантатов, однако ограничение не будет значительным, поскольку, если смерть наступила дома,

фактор времени в большинстве своем и так лишает ткани и органы умершего трансплантационных качеств. Трансплантации, влекущие обезображивание трупа, редки, и дополнительные ограничения, связанные с необходимостью согласия родственников, также заметно не ограничат источников трансплантационного материала.

В остальных случаях, не требующих согласия родственников, им должно быть разъяснено значение оказания помощи другому лицу пересадкой органа от умершего. Врач должен и может найти путь к сознанию скорбящего родственника и не смотреть на эту обязанность формально. В упоминавшемся нормативном акте об этой обязанности врача говорится, и ее следует сохранить и в законе о лечении гомотрансплантацией.

3. При положительном решении вопроса о необходимости в указанных случаях согласия родственников понадобится определить их круг. Очевидно, судьбу тела следует вручить тем, с кем человек при жизни был связан наиболее тесными узами. Законодательно уже приходилось определять круг таких лиц, когда он решал вопрос о наследовании имущества.

Статья 532 Гражданского кодекса РСФСР (ст. 527 Гражданского кодекса БССР) делит наследников на две очереди: наследниками первой являются дети (в том числе усыновленные), супруг и родители; наследниками второй очереди – братья и сестры, дед и бабушка со стороны отца и со стороны матери. Кроме того, в этом законе определено, что если ко времени открытия наследства нет в живых того из родителей, который был бы наследником, то по праву представления его заменяют его дети (внуки и правнуки наследователя). Наследниками являются также нетрудоспособные лица, состоявшие на иждивении умершего не менее одного года до его смерти.

Применительно к рассматриваемому вопросу круг перечисленных лиц должен быть сокращен. Прежде всего из него следует исключить лиц, не достигших совершеннолетия и по этой причине неспособных принять рациональное решение. Далее, его следует ограничить лицами, находящимися в момент смерти родственника в этом же населенном пункте. Иначе фактор времени сделает согласие бессмысленным: трансплантат не будет годным.

Что касается наследников второй очереди, то обращение к их согласию целесообразно признать необходимым лишь при отсутствии наследников первой очереди. Обращение к наследникам по праву представления целесообразно при отсутствии иных наследников. Наконец, при отсутствии наследников-родственников согласие должно испрашиваться у упомянутых иждивенцев.

С учетом прижизненных отношений умершего со своими родственниками не следует обращаться за согласием к тем, кто был, если это уже известно, лишен наследства по завещанию.

При указанных ограничениях число родственников все же может быть значительным, и опрос всех потребовал бы времени, весьма драгоценного для целей трансплантации. Поэтому представляется, что если число родственников более двух, то достаточно согласия большинства из них.

Указав в законе, в каких случаях необходимо согласие родственников, остальную детализацию можно отразить в инструкции Министерства здравоохранения.

Что касается оформления согласия родственников, то, с учетом их состояния, оно должно быть до предела упрощено. Представляется, что о какой-либо расписке, написанной ими, не может быть речи. Достаточно их подписей на тексте, заготовленном врачом, который будет вскрывать тело.

4. Наиболее доступным трансплантационным материалом являются органы и ткани умерших в лечебных учреждениях.

Согласно инструкции о порядке вскрытия трупов в лечебных учреждениях, утвержденной приказом министра здравоохранения СССР от 20 июня 1959 г. № 316, «все трупы лиц, умерших в стационарных лечебных учреждениях, как правило, подвергаются вскрытию (ст. 1). Главному врачу принадлежит право отмены вскрытия в исключительных случаях. Отмена вскрытия не допускается:

- а) в случаях смерти больных, пробывших в лечебном учреждении менее суток;
- б) в случаях, требующих судебно-медицинского исследования;
- в) при инфекционных заболеваниях и при подозрении на них;
- г) при специальных научных показаниях в целях подробного и точного изучения болезни;
- д) во всех случаях неясного прижизненного диагноза (ст. 3)»¹⁵.

Следовательно, взятие трансплантата в процессе вскрытия умерших в стационарных лечебных учреждениях является вполне естественным.

Установлено, что ткани могут быть взяты от частей тела, прикрытых одеждой, и что при взятии ткани следует избегать обезображивания трупов, применяя по возможности последующую реставрацию¹⁶. Если избежать обезображивания невозможно, то на изъятие ткани, что уже отмечалось, следует признать необходимым получение согласия родственников.

Трупы умерших в лечебных учреждениях естественной смертью находятся в распоряжении администрации этого учреждения,

и, очевидно, следует установить, что и взятие трансплантата возможно с разрешения администрации (главврача). Это разрешение заносится в историю болезни за подписью главврача. По понятным причинам следует установить, что отказ главврача предоставить органы и ткани умершего для пересадки должен быть письменным с указанием причин отказа.

5. Сложен вопрос о возможности использования для трансплантации органов и тканей лиц, умерших насильственной смертью. С одной стороны, здесь наилучший и значительный в количественном отношении¹⁷ трансплантационный материал, с другой – здесь и наибольшие возможности для злоупотреблений. Задача законодателя состоит в том, чтобы найти такое решение, которое позволило бы в максимальной степени использовать этот источник трансплантатов и в такой же степени исключить возможность злоупотреблений.

В связи с этим рассмотрим все возможные варианты решения.

Первый – запрещение использовать для трансплантации органы и ткани умерших насильственной смертью. Такое решение, исключив возможность злоупотреблений в поисках «запасных частей», лишит, однако, медицину наилучшего источника трансплантатов, ограничит применение метода лечения пересадкой тканей и органов, что в конечном счете не в интересах общества.

Второй – установление неограниченного права использования органов и тканей от умерших насильственной смертью. При таком решении медицина получит значительный и ценный источник трансплантатов, но откроется широкое поле для злоупотреблений в поисках доноров, что также не в интересах общества.

Остается третий путь – некоторое ограничение в использовании трансплантата от умерших насильственной смертью, которое сведет до минимума возможности злоупотреблений в поисках «запасных частей». Этот путь согласуется и с принципом оптимальной заботы об интересах донора, в данном случае предполагаемого донора.

Для определения объема ограничений необходимо различать насильственную смерть, которая может быть запрограммирована заинтересованными лицами, и насильственную смерть, которая не может быть запрограммирована. В первом случае взятие трансплантата должно быть безусловно запрещено.

В связи с этим необходимо обратиться к определению насильственной смерти. Судебная медицина определяет ее как «смерть от всякого рода внешних воздействий: механических повреждений, кислородного голодания, лучистой энергии и других воздействий»¹⁸.

При этом различаются три вида насильственной смерти: несчастный случай, убийство, самоубийство.

6. Единого понятия несчастного случая нет ни в законодательстве, ни в теории. Оно, если можно так выразиться, децентрализовано согласно потребностям того или иного правового института либо специфике обязанностей, присущей определенной деятельности.

Так, Правила смешанного страхования жизни определяют несчастный случай путем перечня причин, вызвавших смерть. Согласно § 3 (п. «б») этих Правил страховая сумма выплачивается, если смерть застрахованного наступит от несчастного случая, происшедшего при движении транспорта, при работе на машинах, при пользовании оружием и инструментами или в результате взрыва, обвала, ожога, ушиба, удара молнии, действия электрического тока, обмороживания, нападения злоумышленника, нападения животного, внезапного отравления (кроме отравления алкоголем).

Судебно-медицинское вскрытие трупа, имея задачу установить причину смерти и подтвердить или исключить насильственную смерть, в последней лишь условно различает три вида. Во всяком случае, разграничение несчастного случая и убийства выходит за рамки судебной медицины.

В технической литературе несчастный случай определяется как «происшествие, при котором в результате внезапного внешнего воздействия последовало повреждение человеческого организма...»¹⁹

Суммирование указанных определений приводит к тому, что к несчастному случаю относят смерть от действия стихийных сил природы, собственной неосторожности потерпевшего, невиновных действий других лиц, неосторожных действий других лиц и даже умышленных действий других лиц. Столь широкое определение несчастного случая отождествляет невиновное, неосторожное и умышленное лишение жизни другого лица и лишает возможности различать запрограммированное и незапрограммированное лишение жизни.

Поскольку понятие убийства четко определено в уголовном законодательстве, постольку лишь на его основе можно выяснить понятие несчастного случая, исключив из последнего насильственную смерть, являющуюся убийством.

Убийством является противоправное умышленное или неосторожное лишение жизни другого лица. Из родового состава неосторожного убийства²⁰ законодатель выделяет случаи неосторожного причинения смерти нарушением правил эксплуатации источника повышенной опасности (моторный транспорт, промышленное

оборудование, опасные вещества). При этом в отдельных статьях применяется термин «несчастный случай»²¹, в других говорится о смерти потерпевшего²², в третьих – о тяжких последствиях²³.

Выделение в отдельные составы преступлений случаев насильственной смерти от неосторожных действий других лиц при эксплуатации ими источников повышенной опасности связано в основном лишь с тем, что в этих случаях, поскольку угроза создается для многих лиц, устанавливается повышенная ответственность виновного. Однако это, как и различное наименование в законе насильственной смерти, не меняет ее оценки как неосторожного убийства, являющегося преступлением.

В итоге несчастным случаем остается насильственная смерть, вызванная стихийными силами природы, собственной неосторожностью либо невиновными действиями других лиц. Такая смерть не может быть запрограммирована, и поэтому тела погибших могут быть трансплантационным материалом. Указав на это в законе, последний следует снабдить примечанием, в котором и определить понятие несчастного случая.

Взятие трансплантата может иметь место с разрешения судебно-медицинского эксперта. Следует сохранить содержащееся в действующей инструкции положение, согласно которому отказ эксперта предоставить органы и ткани для пересадки должен быть письменным с указанием причин отказа. Такой порядок будет содействовать наиболее рациональному решению экспертом вопроса о заборе трансплантата.

7. Убийство с целью получения трансплантата может быть запрограммировано, и если такое нельзя предотвратить одной лишь угрозой смертной казни за это преступление, т.к. всегда остается надежда не быть разоблаченным, а возможно и самопожертвование для спасения жизни близкого человека – реципиента, то предотвратить это можно категорическим запрещением использовать трансплантат от донора при малейшем подозрении в умышленном его убийстве.

Неосторожное убийство не может быть запрограммировано, и использование трансплантата от погибших таким путем не может привести к злоупотреблениям.

Юридическая оценка насильственной смерти как умышленного либо неосторожного убийства в ряде случаев сопряжена с трудностями, для преодоления которых требуется время. Это повлечет известную утрату трансплантационного материала. Однако трудности не следует преувеличивать. В мертвом теле, когда погиб мозг, известное время можно поддерживать искусственное кровообращение и тем самым сохранить нужный трансплантат

до выяснения возможности его ампутации. Дальнейшее развитие медицины даст новые способы сохранения более или менее длительное время мертвого тела для целей трансплантации.

В сомнительных в криминалистическом отношении случаях можно изъять нужный трансплантат, с тем чтобы использовать его после выяснения юридического характера насильственной смерти²⁴. Поэтому следует предусмотреть право следователя запрещать или разрешать такое изъятие, а после того, как отпали подозрения в запрограммированности убийства или содействия ему, – право следователя разрешить использование изъятых органов и тканей для пересадки.

Кроме того, к тому времени, когда лечение методом гомотрансплантации станет распространенным, получит дальнейшее развитие и методика расследования преступлений, и для ряда случаев определения субъективной стороны убийства достаточно будет времени, не опасного для целей трансплантации. Так или иначе, но в сомнительных случаях весы должны склоняться в сторону презумпции умышленного лишения жизни и тем самым невозможности забора трансплантата. Это правило должно быть отражено в законе. В нем также должно быть указано, что в любом случае использование органов и тканей от убитого может иметь место лишь с согласия судебно-медицинского эксперта и что следователь вправе запретить взятие трансплантата, если имеются обоснованные подозрения в том, что убийство было умышленным.

Запрещение следователем использовать мертвое тело для целей трансплантации, его разрешение на изъятие органов и тканей для консервации, а равно разрешение на возможность их использования для пересадки являются первоначально устными и обязательны для судебно-медицинского эксперта. В возможно кратчайшее время названные запрещения и разрешения должны быть подтверждены следователем письменно.

8. Использовать трансплантаты самоубийц можно и нужно, поскольку злоупотребления здесь невозможны, ибо самоубийство третьи лица не могут запрограммировать. Надо учесть и то, что сознание будущего самоубийцы о судьбе его тела может стать мотивом отказа от самоубийства.

Самоубийство может быть и следствием преступных действий других лиц. Как известно, «доведение до самоубийства... путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства» является преступлением (ст. 105 УК БССР). Уголовные кодексы РСФСР, Казахской, Грузинской и Литовской ССР ограничивают понятие уголовно наказуемого доведения до

самоубийства, формулируя состав этого преступления как «доведение лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства... путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства»²⁵. Уголовный кодекс Таджикской ССР (ст. 110) считает преступлением доведение до самоубийства при условиях, аналогичных указанным в УК РСФСР, но не требует материальной или иной зависимости потерпевшего от виновного, если имеет место доведение до самоубийства несовершеннолетнего.

Доведение до самоубийства с целью использования потерпевшего в качестве донора невероятно вследствие того, что жестокое обращение более или менее длительный процесс воздействия на потерпевшего и заинтересованное лицо не может запрограммировать доведение до самоубийства для получения трансплантата.

Возможны подговор или содействие самоубийству. Воздействие на потерпевшего в таких случаях не является скольконибудь длительным. Преступление это, кроме того, является умышленным.

Действующие кодексы, выделяющие такой состав преступления, разделяются на две группы. Кодексы первой группы ограничивают ответственность случаями подговора или содействия самоубийству несовершеннолетнего или заведомо невменяемого²⁶. Кодексы второй группы предусматривают наказание за содействие или подговор к самоубийству любого лица независимо от его возраста и психического состояния²⁷.

Советские уголовные кодексы отказались от выделения специальных составов подговора или содействия самоубийству несовершеннолетнего или невменяемого. Эти составы были известны большинству уголовных кодексов 1926–1928 гг. В настоящее время такие действия рассматриваются как умышленное убийство. Что касается подговора или содействия самоубийству совершеннолетнего и вменяемого человека, то преступлением они согласно действующим уголовным кодексам советских республик не являются.

Согласно особенностям подговора или содействия самоубийству они могут быть запрограммированы для получения трансплантата, и использование его создало бы возможность для злоупотреблений. Поэтому такой источник получения трансплантационного материала не должен быть разрешен. Следует отметить, что вследствие единичности случаев самоубийства по подговору или содействию такой способ изыскания «запасных частей» для гомопластики мог бы быть только крайне редким.

9. Принцип оптимальной заботы об интересах донора ведет к неприемлемости предложения брать письменное согласие от находящихся в больнице пациентов быть донорами на случай смерти. О таком предложении пишет «Ньюсуик» (Нью-Йорк): «Предполагается, что в больницах будущего от пациента потребуется заполнение специальной формы, гарантирующей его согласие на роль донора в случае смерти»²⁸.

Это предложение неприемлемо, потому что оно способно вызвать у больного неверие в желание врачей серьезно лечить его и сознание обреченности. Последнее, в свою очередь, подрывает жизненный тонус больного и поэтому не согласуется с принципом оптимальной заботы об интересах донора. В социалистическом обществе ни сейчас, ни в больницах будущего нет и не должно быть места таким формам добывания «запасных» органов. И об этом должно быть ясно сказано в законе.

Представляется неприемлемым и предложение лауреата Нобелевской премии Ледерберга (американского биолога), чтобы человек имел при себе письменное согласие быть донором, удостоверяемое двумя свидетелями. В таком случае при надобности он может воспользоваться трансплантатом от другого, который, имея такой же документ, умер.

С позиции социалистической морали должен быть отвергнут и договор между больным и медицинским учреждением о согласии первого для определенной вознаграждение отдать свое тело после смерти для трансплантации, являющийся разновидностью предыдущих предложений. Законы ряда штатов Америки (Калифорния, Нью-Йорк, Сев. Дакота, Оклахома, Аризона, Айова²⁹) гарантируют действительность прижизненного согласия на использование тела после смерти. В условиях капиталистического общества такой договор является для больного средством обеспечения своих близких. В социалистическом обществе подобные мотивы невозможны, а такие договоры исключены.

М.Д. Шаргородский считает допустимым прижизненное согласие быть донором на случай смерти³⁰. Мы воспринимаем это в том смысле, что лицо не иначе как по своей инициативе и без какого-либо давления извне завещает свое тело медицинскому учреждению для целей трансплантации. Против такого завещания нет оснований возражать. Б. Дачев считает, что такие завещания являются нравственными и что наследники не могут препятствовать их исполнению³¹.

Особый характер завещания требует деликатности в его правовом оформлении. Очевидно, не может быть речи о нотариальном

или ином государственном удостоверении такого завещания. Для признания его силы достаточно распоряжения дарителя, написанного его рукой и им подписанного.

Другое дело прижизненное запрещение быть донором на случай смерти.

По разным причинам человек может не желать быть донором после своей смерти и определенно сказать об этом в завещании. Однако признание обязательного действия такого завещания-запрета на роль донора таит определенную и значительную опасность: если такие завещания получают распространение, что не исключено, то медицинские учреждения будут существенно ограничены в трансплантационном материале. Руководствуясь только этим, следовало бы признать, что завещание – запрет на роль донора после смерти не имеет силы.

Такое решение, однако, противоречило бы принципу оптимальной заботы об интересах донора. Задача состоит в том, чтобы сочетать интересы донора и интересы общества. Такое сочетание возможно, если оценка завещания – запрета на роль донора после смерти будет согласована с правилами вскрытия мертвого тела. Если вскрытия не требуется, то действие завещания-запрета должно быть признано и родственники своим согласием отменить его не могут. Если вскрытие необходимо, то взятие в таком случае трансплантата уже ничего не меняет.

В итоге следует прийти к выводу, что завещание-запрет имеет силу лишь тогда, когда не требуется вскрытия мертвого тела.

По соображениям этического порядка в законе о трансплантации об этом, как нам представляется, говорить не следует. Взятие трансплантата в такой ситуации следует считать само собой разумеющимся.

Суммирование предлагаемых случаев взятия органов и тканей от неживого донора без согласия родственников приводит к тому, что они совпадают со случаями обязательного вскрытия, за исключением тех, где убийство могло быть запрограммировано. Поэтому в законе нет необходимости перечислять источники трансплантатов (умершие в больницах либо от несчастного случая, неосторожности других лиц или покончившие жизнь самоубийством). Достаточно объединить их в одну группу трансплантатов от трупов, подлежащих обязательному вскрытию.

10. Последней проблемой в правовом регулировании трансплантации от неживого донора является определение момента взятия трансплантата.

Для пересадки нужен жизнеспособный орган, что вызывает стремление раньше его получить. Это стремление способно

породить злоупотребление. Опасения и тревоги, о которых говорилось во введении к настоящей работе, связаны прежде всего с проблемой момента взятия трансплантата у умершего.

Б. Петровский пишет: «И вот перед хирургом появляется дилемма: с одной стороны, необходима пересадка свежего органа, с другой стороны, недопустимо брать орган даже у тяжело больного или перенесшего травму, но еще живого человека, у которого не погасли функции сердца, легких, мозга и имеется надежда на оживление... Необходимо принять абсолютно все меры для оживления такого человека (искусственное дыхание, трахеотомия, остановка кровотечения при травме, трепанация черепа при кровоизлияниях в мозг, наконец, закрытый или открытый массаж сердца...). Врачи, определяющие допустимость пересадки, должны иметь трезвую голову, быть объективными»³².

При всей важности этого качества для человека вообще, врача в особенности его недостаточно. Необходимо исчерпывающее правовое обеспечение этой проблемы. Оно должно включать прежде всего обязанность врача принять все меры, о которых сказано выше. Необходимо, далее, зафиксировать в законе обстоятельство, свидетельствующее о моменте смерти предполагаемого донора и момент взятия трансплантата.

Момент смерти – понятие подвижное. Медицина решала его в разное время неодинаково. Если еще недавно человек считался умершим с момента прекращения деятельности сердца, то современная медицина считает этим моментом прекращение деятельности головного мозга. Это положение уже узаконено во Франции³³ и признано Международной организацией здравоохранения.

Вскрытие не следует немедленно за моментом смерти. По действующим правилам, принятым еще в 1929 г., «в научных и научно-практических целях допустимо вскрытие трупов клиническими и больничными учреждениями... не ранее получаса после смерти»³⁴. Изъятие глаз у умершего для пересадки роговицы допускается не ранее чем через два часа после смерти³⁵. Медики считают, что такой срок слишком велик для взятия органов и его необходимо пересмотреть в сторону сокращения³⁶.

Юрист не может ставить перед собой задачи подробного рассмотрения этих вопросов, всецело относящихся к области медицины. Момент смерти и момент, с наступлением которого можно брать от трупа орган или ткань, должны быть определены медиками. Однако эти моменты должны быть в деталях зафиксированы в законе. Пусть их определит с необходимым научным обоснованием самый компетентный медицинский орган в качестве

рекомендации законодателю. Но лишь последний может узаконить это мнение, и им должны руководствоваться все хирурги, как бы они ни расходились во взглядах на этот предмет.

Не менее важным в этой проблеме является решение вопроса о том, кто констатирует смерть намеченного донора.

В буржуазных странах, где платная медицинская помощь, проблема представляется весьма острой. Врач, которому предстоит оперировать реципиента, не сможет осуществить пересадку и не получит гонорара, если не будет донора. Он материально заинтересован в последнем, и по этим причинам объективность при определении момента смерти донора может ему изменить.

Конфликты на этой почве уже имели место. В 1969 г. во время драки в Хьюстоне (США) был тяжело ранен Н., который через две недели скончался. Когда его сочли умершим, знаменитый по пересадке органов хирург Кули извлек сердце Н. и пересадил больному С. Факт смерти донора был установлен лишь врачами из операционной группы Кули. Адвокаты высказали сомнение в том, что к моменту операции Н. был действительно мертв, и возбудили дело в суде против хирурга.

В социалистическом обществе правильное решение вопроса о том, кому предоставляется право констатации смерти донора, является дополнительной преградой против возможных злоупотреблений.

При трансплантации от неживого донора необходимо констатировать его смерть, извлечь трансплантат, удалить больной орган реципиента, заменить его донорским. Эти действия могут совершить две, три или четыре группы врачей. Максимальная объективность возможна лишь в случае, когда смерть донора констатируется группой врачей, не участвующих в последующих операциях. Такой вариант был использован во время первой трансплантации сердца в СССР 4 ноября 1968 г.: смерть донора констатировала группа врачей в составе реаниматолога, нейрохирурга, электрофизиолога и двух судебных медиков, и никто из них в операции трансплантации не участвовал. Соответственно решен вопрос законодательством Франции, согласно которому смерть донора должна быть констатирована двумя врачами, не заинтересованными в производстве последующих операций³⁷.

Вопрос этот обсуждался на 22-й ассамблее Международной медицинской ассоциации, проходившей в Сиднее в августе 1968 г. В ее работе принимали участие видные деятели медицины более чем 50 стран, в том числе Советского Союза. В Сиднейской декларации указывается, что определение момента смерти остается

ответственностью врача, который констатирует его на основе клинических данных, дополняемых в случае необходимости показаниями диагностических приборов. Декларация далее указывает, что медицина исходит не из возможности искусственного поддержания жизни отдельных клеток и тканей, а из возможности сохранить пациенту жизнь. Важен прежде всего не момент умирания отдельных клеток и органов организма, а уверенность в том, что процесс необратим, к каким бы средствам для этого ни прибегали.

В декларации содержится рекомендация: если речь идет о пересадке органов, то смерть должны констатировать два или более врачей, которые никаким образом не могут быть непосредственно связаны с трансплантацией органов. Эта рекомендация должна быть принята и узаконена. Сомнений нет в том, что смерть донора должна констатироваться единогласием группы врачей. Что касается их количества и специализации, то рекомендации законодателю по этой части должны предоставить компетентные органы здравоохранения, и на этом основании они должны быть отражены в инструкции.

Немаловажное значение имеет и то, кто назначит такую группу врачей. Для достижения максимальной объективности группы представляется, что она назначается хотя бы частично из лиц, непосредственно не работающих в клинике, где будет произведена пересадка органа. Назначение следовало бы оформлять приказом того органа здравоохранения, в ведении которого находится медицинское учреждение, получившее право производства операций по трансплантации органов. Заключение о смерти подписывается всей группой врачей и прилагается к истории болезни донора.

Что касается группы реципиента, то ее персональный состав предрешается лицами, которым предоставляется право производства таких операций.

Поскольку изъятие трансплантата и его пересадка – единый процесс и от техники извлечения донорского органа зависит возможность его трансплантации, постольку не противопоказано участие группы реципиента или его отдельных представителей и в группе донора. В первой операции по пересадке сердца в СССР группа донора и группа реципиента в основном составе совпадали: три человека из четырех от группы донора после взятия сердца присоединились к трем членам группы реципиента.

Персональный состав групп донора и реципиента, видимо, должен формироваться главврачом клиники, его распоряжением, зафиксированным в истории болезни реципиента. Изъятие трансплантата оформляется записью в истории болезни донора с подписями всех врачей группы донора.

Глава 6

Гомотрансплантация и уголовное право

1. Постановка вопросов.
2. Гомотрансплантация и неоказание медицинской помощи.
3. Гомотрансплантация и врачебная неосторожность.
4. Посягательство на интересы живого донора.
5. Убийство для взятия трансплантата.
6. Правовая оценка неправильного определения момента смерти донора.
7. Должностные деликты врачей.

1. В предупреждении злоупотреблений в области гомотрансплантации известное значение имеют уголовно-правовые нормы, карающие за общественно опасные деяния. Такими деяниями в отношении реципиента могут быть несовершенство пересадки, которая была бы единственным средством спасения его жизни либо устранения недуга, или ее ненадлежащее совершение.

В отношении живого донора наиболее опасными действиями будут взятие ткани без его согласия; взятие ткани у лица, которое не может быть донором; понуждение к даче ткани; получение парного органа (почки, глаза) у донора с его согласия. Предельно опасным явилось бы убийство человека с целью взятия трансплантата либо неправильная констатация момента смерти предполагаемого донора.

Гомотрансплантация может сопровождаться и другими нарушениями закона о пересадке органов и тканей: подделкой документов о пересадке трансплантата; участием врачей, констатировавших смерть донора, в последующих операциях по извлечению трансплантата и его пересадке реципиенту; нарушением принципа коллегиальности в решении вопросов трансплантации и т.д.

В настоящей главе ставится задача выяснения соответствия действующего уголовного законодательства будущему закону о пересадке органов и тканей и формулирования в случае необходимости предложений по его дополнению с целью всестороннего правового обеспечения нового метода лечения и недопущения злоупотреблений.

2. Согласно ст. 126 УК БССР и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик является преступлением «неоказание помощи больному без уважительных причин лицом медицинского персонала, обязанным согласно установленным правилам оказывать помощь». Наказание усиливается,

если то же деяние «повлекло или заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие последствия».

Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом медицинского персонала может выражаться и в несовершении операции по пересадке больному трансплантата от другого лица. Бланкетная конструкция этой нормы позволяет распространить ее и на случаи несовершения трансплантации. Однако обращение к «установленным правилам», на которые опирается ст. 126 УК, ставит вопрос об их уточнении.

Согласно ст. 33 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении «лицам, пострадавшим от несчастных случаев или оказавшимся вследствие внезапного заболевания в состоянии, требующем срочной медицинской помощи, эта помощь оказывается безотлагательно... Медицинские и фармацевтические работники обязаны оказывать первую неотложную медицинскую помощь гражданам в дороге, на улице, в иных общественных местах и на дому».

Как видно, больным, неоказание медицинской помощи которому квалифицируется по ст. 126 УК, является не любое лицо, которое нуждается в помощи, а лишь лицо, которое нуждается в первой неотложной помощи в связи с несчастным случаем или внезапным заболеванием, опасным для жизни.

Между тем необходимость в гомотрансплантации может возникнуть не только в связи с указанными причинами, но, что чаще всего бывает, в связи с медленно развивавшимися заболеваниями, лишенными свойства внезапности. Большинство уже имевших место пересадок почки и пересадки сердца были совершены вовсе не в связи с внезапным заболеванием реципиента, а после уже более или менее длительного его пребывания в клинике.

С другой стороны, необходимость пересадки может быть обусловлена целью не спасения жизни, а восстановления функций зрения, детородных органов, наращивания какой-либо части лица и т.д.

В названных случаях отказ или уклонение врача от совершения пересадки оказывается не подпадающим под действие ст. 126 УК. Поэтому в инструкции Министерства здравоохранения СССР, которая должна быть издана в развитие названной ст. 33 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении и для конкретизации ст. 126 УК, следует предусмотреть такие нормы, согласно которым уголовно наказуемым неоказанием медицинской помощи считалось бы и неоказание помощи больному хотя бы и не по причине внезапности заболевания, а равно в случаях угрозы его здоровью, если не будет произведена пересадка.

Предполагаемые нормы позволяют сохранить действующий уголовный закон и применять его при отказе или уклонении от производства гомотрансплантации, где она необходима для спасения жизни или сохранения здоровья.

Разумеется, при современном состоянии гомотрансплантации органов обязанность делать такие операции еще не существует. Но речь идет о будущем, когда такие операции станут обычным методом лечения и уклонение от их производства будет таким же преступлением, каким сейчас является уклонение от оказания неотложной медицинской помощи.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 126 УК БССР (ст. 128 УК РСФСР), являются лица медицинского персонала, обязанные согласно установленным правилам оказывать медицинскую помощь. В соответствии с ранее сформулированным предложением (см. гл. 3) при несовершении гомотрансплантации субъектом преступления могут быть лишь лица, которым разрешено и которым специально предписано производить такие операции.

Наконец, поскольку правовые нормы, регулирующие гомотрансплантацию, предполагаются общесоюзными, такими должны быть и уголовный закон об ответственности за неоказание медицинской помощи, и инструкция, на которую он опирается. К тому же это устранил и некоторый разнобой, содержащийся в уголовных кодексах союзных республик, формулирующих состав неоказания медицинской помощи¹.

3. Ненадлежащее выполнение пересадки, повлекшее летальный исход либо причинение вреда здоровью, есть врачебная ошибка. Последняя является объективной категорией, зависящей исключительно от состояния развития медицинской науки на данном этапе, т.е. на момент производства трансплантации, а не на момент рассмотрения дела в суде. Врачебной ошибкой и называется лечение, не соответствующее состоянию медицинской науки в момент осуществления лечения. Такая ошибка всегда связана с нарушением определенных правил, уже известных медицинской науке, является лечением, выполненным не *lege artis*.

Состояние медицинской науки в области гомотрансплантации таково, что отработана техническая сторона этой операции, обеспечивающая полный успех при пересадке тканей, поскольку они играют роль «временной заплаты», создающей условия для регенерации собственной ткани, и обеспечивающая при пересадке органов успех, более или менее временный в зависимости от действия иммунодепрессивных средств, направленных на задержание

процесса отторжения. Все это должно учитываться при определении наличия или отсутствия врачебной ошибки в области гомотрансплантации.

Врачебная ошибка вообще и при гомотрансплантации в частности сама по себе не является деликтом. Она лишь первое условие его наличия. Вторым выступает причинная связь между ошибкой и наступившими последствиями, третьим – вина врача. Поэтому ответственность лица, выполняющего медицинское вмешательство, за повреждение здоровья или смерть возникает лишь тогда, когда само вмешательство было выполнено не *lege artis*, если между установленным нарушением правил и отрицательным исходом существует причинная связь и если исполнявшему медицинское вмешательство можно приписать вину.

Вина при врачебной ошибке может быть только неосторожной. Если врач сознательно нарушает правила врачевания, сознавая возможность последствий и реально не рассчитывая на их предотвращение, его деяния выходят за рамки ошибки. Само представление об ошибке вообще и врачебной в частности исключает умысел.

Мы не ставим целью анализировать понятие неосторожной вины, поскольку определение ее видов в законе (ст. 9 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик) и их теоретическая характеристика в литературе² в целом распространяются и на неосторожность как условие ответственности за врачебную ошибку.

Отметим лишь две особенности, связанные с вменением неосторожности при врачебной ошибке.

Прежде всего неосторожность не исключается на том основании, что операция была произведена с согласия реципиента, ибо оно давалось на лечение *lege artis*³. Поскольку операции по пересадке, как предполагается, будет иметь право делать только точно и персонально определенный круг лиц, постольку исключается ссылка на незнание, вызвавшее ошибку. Если оно и имело место, его нельзя учитывать в качестве обстоятельства, исключающего вину, ибо врач не возражал против включения его в число имеющих право производства гомотрансплантационных операций.

В действующем советском законодательстве нет специального состава врачебной неосторожности, и она квалифицируется как неосторожное убийство или неосторожное причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения⁴. Такая квалификация не отражает специфики врачебной неосторожности, и по следующим основаниям целесообразно выделить самостоятельный состав врачебной неосторожности.

Статьи об ответственности за неосторожное убийство и неосторожное причинение телесных повреждений в основном имеют в виду бытовую неосторожность. Это подтверждается тем, что неосторожное причинение вреда личности в связи с отправлением виновным своих профессиональных функций или какой-либо другой специальной деятельности обычно выделяется законодателем в отдельные составы преступлений.

Например, наезд по неосторожности на человека при управлении автомобилем транспортом предусмотрен ст. 206 УК БССР. Если неосторожное причинение смерти явилось следствием нарушения работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил движения, то имеется состав преступления, предусмотренный ст. 82 того же кодекса. Упомянутые последствия, явившиеся результатом небрежного хранения огнестрельного оружия, рассматриваются как преступление, указанное в ст. 214 УК БССР⁵.

Специальной деятельностью является и врачевание. Его специфика состоит в том, что оно основывается на определенных правилах, требует соответствующих знаний и поручается дипломированным специалистам. Тем более эта специфика присуща лечению гомотрансплантацией. Врачебная неосторожность, как и неосторожность в вышеупомянутых случаях специальной деятельности, является следствием нарушения определенных правил, обеспечивающих безопасность данной деятельности. И по тем же основаниям, по которым выделены в отдельные составы неосторожное причинение вреда личности нарушением правил профессиональной или специальной деятельности, следует выделить и состав врачебной неосторожности.

Другой аргумент в пользу выделения такого состава связан с предупредительно-воспитательной целью уголовного закона. Достижение этой цели в значительной мере зависит от того, как воспринимается закон, точнее, ясны ли содержащиеся в нем запрет или предписанное им поведение.

Логика и опыт свидетельствуют о том, что медицинские работники не считают, во всяком случае в большинстве своем, что законы об ответственности за неосторожное убийство или неосторожное причинение телесных повреждений имеют в виду и совершаемые ими ошибки и упущения, повлекшие причинение вреда больному. Они не считают свои ошибки и упущения, повлекшие смерть больного или причинение вреда его здоровью, убийством либо уголовно наказуемым телесным повреждением. В наступлении таких последствий врачи в какой-то мере склонны видеть

неизбежные издержки своей профессии, имеющей дело с людьми больными.

Выделение специального состава врачебной неосторожности способно было бы в определенной мере, а может быть, и полностью исключить подобные взгляды, ибо сделало бы требования уголовного закона более предметными, предельно ясными. Предупредительно-воспитательная цель такого закона была бы наилучшим образом достигнута.

Наконец, выделение состава врачебной неосторожности, в том числе неосторожности, связанной с лечением гомотрансплантацией, позволило бы предусмотреть ответственность и за создание опасности для жизни и здоровья больного. Сравнительный анализ уголовного законодательства показывает, что во всех случаях, связанных с деятельностью, требующей особой осторожности и точности, нарушение правил безопасности признается преступным и при отсутствии последствий, но при возможности их наступления.

Достаточно напомнить о случаях утери на операционном поле марли и инструментов⁶, вынуждающих к новому хирургическому вмешательству. Однако любой юрист окажется в затруднении, если ему придется припомнить случай привлечения врача за такую забывчивость к уголовной ответственности, если летальный исход был все-таки предотвращен. Выделение предполагаемого состава и его формулирование как материально-формального позволит и такую опасную неосторожность признавать деликтной.

Объектом преступления, предусмотренного в предлагаемом составе, будет жизнь или здоровье больного. Его объективной стороной – нарушение правил врачевания, которое повлекло или могло повлечь смерть больного либо причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений. Данный состав преступления будет иметь место при неосторожной вине и специальном субъекте – лице медицинского персонала, в обязанности которого входит оказание медицинской помощи (врач, фельдшер, акушерка, медицинская сестра).

Что касается санкции, то при ее конструировании необходимо учитывать возможности суда дифференцировать наказание в зависимости от наступления последствий, их тяжести, характера нарушений. Следует также учитывать санкции, предусмотренные за бытовую неосторожность и неосторожность, связанную с профессиональной и специальной деятельностью⁷.

4. Правовая оценка общественно опасных действий в отношении живого донора не вызывает затруднений. Получение от него

трансплантата неизбежно сопряжено с причинением вреда его здоровью, и о деликтности речь может идти лишь в случаях, когда вследствие врачебной ошибки и неосторожной вины врача донору причинен вред больший, чем вытекающий из самого факта получения трансплантата.

Остальные деликтные действия в отношении живого донора могут быть только умышленными. Взятие ткани без согласия донора либо у лица, которое не может быть донором, является не чем иным, как умышленным причинением телесного повреждения.

Если законодатель согласится с тем, что живой человек не может быть донором парного органа, хотя бы он добровольно и по своей инициативе предложил его для другого лица, то взятие такого органа врачом должно быть квалифицировано как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения.

В одном случае – понуждении кого-либо к даче трансплантата – действующий закон не содержит каких-либо оценок. Понуждение, субъектом которого, очевидно, будет лицо, действующее в интересах реципиента, не может рассматриваться как подстрекательство, поскольку донор, давая трансплантат, не совершает преступления. Понуждение образует соучастие лишь в случае, когда виновный действует в сговоре с врачом, и тогда он – соучастник последнего в причинении им телесного повреждения.

Иные случаи понуждения, посягающие на интересы личности, ее свободу распоряжаться собой, своим телом, должны быть признаны преступлением, состав которого может быть сформулирован как понуждение кого-либо к даче тканей для пересадки другому лицу⁸. Понуждение в таком случае будет преступлением независимо от того, достиг ли виновный цели. Максимальный предел наказания поэтому не может быть ниже, чем за умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения, а при безрезультатном понуждении допустимо применение мер общественного воздействия.

5. Убийство с целью изъятия трансплантата – серьезная опасность для человека, которая может возникнуть с распространением метода лечения пересадкой органов и тканей. Правовой заслон, о котором говорилось в начале настоящей работы, должен быть поставлен прежде всего и главным образом против этой опасности. Другие ситуации, которые можно себе представить в будущем в связи с развитием гомотрансплантации, ничем не отличаются от уже известных случаев для медицины вообще. Они так же стары, как сама медицина. Новым может быть разве только понуждение живого донора к даче трансплантата, о чем говорилось выше.

Можно представить себе следующие виды убийств: убийство, совершенное вне медицинского учреждения близким реципиенту человеком или по его подстрекательству наемным лицом; убийство, совершенное врачом; в лечебном учреждении и путем злоупотребления своей профессией. Последнее может быть осуществлено неправильным лечением либо неоказанием медицинской помощи.

Убийство из-за угла, как можно назвать первый вид лишения жизни для изъятия трансплантата, менее вероятно, т.к. следы насильственной смерти явятся достаточным основанием, исключаящим возможность взятия трансплантата. Более вероятно убийство в клинике. И хотя такое предположение само по себе способно вызывать неприятные чувства и возражения у медиков, при всем уважении к их благородной профессии, логически такие случаи возможны, и поэтому следует создать такой правовой заслон, чтобы они оказались невозможными.

Установление за упоминаемое убийство самого сурового наказания необходимо, но недостаточно, поскольку виновный может пойти на риск и даже пожертвовать собой во имя близкого человека. Поэтому, и это главное, нужно сделать так, чтобы для реципиента из такого убийства нельзя было извлечь выгоду.

Ни одним из составов умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах, известных действующему законодательству, случаи лишения жизни для изъятия трансплантата не охватываются. Статья 100 УК БССР, например, предусматривает умышленное убийство при следующих отягчающих обстоятельствах:

- «а) из корысти;
- б) из хулиганских побуждений;
- в) в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга;
- г) двух или более лиц;
- д) женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности;
- е) совершенное с особой жестокостью или способом, опасным для жизни многих людей;
- ж) с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сопряженное с изнасилованием;
- з) совершенное особо опасным рецидивистом либо лицом, ранее совершившим умышленное убийство, за исключением убийства, предусмотренного статьями 102 и 103 настоящего кодекса» (эти статьи предусматривают умышленное убийство в состоянии сильного душевного волнения и убийство при превышении пределов необходимой обороны).

Статья 102 УК РСФСР, кроме перечисленных, к отягчающим обстоятельствам относит также убийство, совершенное на почве кровной мести.

Следовательно, случаи лишения жизни для изъятия трансплантата пришлось бы квалифицировать как простое умышленное убийство, караемое лишением свободы на срок до 10 лет, в то время, когда совершение этого преступления при отягчающих обстоятельствах влечет лишение свободы на срок от 8 до 15 лет либо смертную казнь. Так, в частности, наказывается убийство из корысти.

Не менее опасно убийство с целью изъятия трансплантата. В первом случае виновный приобретает материальную выгоду, ради которой уничтожает жизнь другого человека. При этом, разумеется, не имеет значения, действует ли преступник в своих личных интересах либо в интересах близкого ему лица. Во втором случае виновный для другого приобретает нечто большее, чем материальную выгоду: он дарит ему здоровье или продлевает жизнь за счет жизни другого. В обоих случаях виновный ни во что не ставит чужую жизнь. И то, что одна жизнь спасается за счет другой, не делает убийство для изъятия трансплантата более мягким преступлением.

Напротив, такое убийство представляется более тяжким, чем убийство из корысти. Оно является таким, потому что:

- ⊕ выражает взгляд на другого человека как на существо, годное лишь для того, чтобы его резать и употреблять;
- ⊕ порождает неуверенность человека в своей телесной целостности;
- ⊕ если совершается врачом, то подрывает доверие не только к служителям медицины, но в социалистических странах и к самому государству, ибо, оказавшись в больнице, больной вступает в отношения не только с врачом, но и с государством в целом;
- ⊕ какие бы то ни было экономические преобразования сами по себе не способны исключить это преступление в то время, когда убийство по мотивам корысти исчезнет с ростом материального благосостояния.

Убийство, совершенное с целью использования органов и тканей потерпевшего для пересадки другому лицу, следует признать не только лишением жизни при отягчающих обстоятельствах, но убийством при особо отягчающих обстоятельствах, предусмотрев за такое преступление лишь смертную казнь. Такая угроза может стать эффективным предупреждением для людей, помышляющих спасти одного человека за счет жизни другого человека.

6. Заведомо неправильная констатация смерти намеченного донора, который является жизнеспособным и ему не оказывается медицинская помощь, с тем чтобы использовать его органы для другого, ничем не отличается от умышленного убийства.

Иной представляется оценка преждевременной констатации смерти донора, который вследствие полученных повреждений является нежизнеспособным. Такая ситуация будет в том случае, когда никакие действия, в том числе пересадка органа от другого лица, не могут спасти жизнь пострадавшего.

Однако и здесь преждевременная констатация смерти есть убийство. Жизнь человека священна, несмотря на ее большую или меньшую продолжительность. Врачи, констатирующие смерть, которая еще не наступила, хотя неминуемо и через самое короткое время наступит, совершают преступление.

В то же время такое убийство существенно отличается от ранее упомянутого. Если в первом случае оказание соответствующей помощи сохраняет жизнь, то во втором ее сохранить невозможно. Если в первом случае врачи сознают, что своим бездействием и преждевременной констатацией смерти они обрекают человека на смерть, то во втором они сознают невозможность сохранения жизни и именно поэтому и для того, чтобы обеспечить реципиента жизнеспособным трансплантатом, преждевременно фиксируют смерть донора.

По указанным объективным и субъективным особенностям убийство во втором случае должно быть отнесено к неправомерному лишению жизни при смягчающих обстоятельствах, как это, например, имеет место при даче яда уже обреченному и испытывающему тяжелые физические страдания больному.

Формулируя составы умышленного убийства при смягчающих обстоятельствах, законодатель отнес к ним убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, вызванного насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего, и убийство при превышении пределов необходимой обороны⁹. Кодексы десяти союзных республик признают смягчающим обстоятельством еще и убийство матерью своего ребенка во время родов или непосредственно после родов¹⁰. Ни под один из них анализируемое преступление не подпадает.

Однако выделение такого состава убийства представляется по тактическим соображениям нецелесообразным. Оно могло бы создать у врачей ложное представление о том, что законодатель заранее выдает частичную индульгенцию на злоупотребления, а у больных вызвало бы недоверие к медицине, тревогу за свое будущее и отрицательную оценку самого закона.

Квалифицируя преждевременную констатацию смерти нежизнеспособного донора как простое умышленное убийство¹¹, суд располагает достаточным количеством правовых средств для разумного решения вопроса о характере наказания.

7. Общественно опасные деяния возможны при документации пересадки органов и тканей: оформлении решения о необходимости пересадки, удостоверении согласия или несогласия реципиента на операцию, заключении о смерти предполагаемого донора и других записей в истории болезни. Ее квалификация зависит от того, является ли врач должностным лицом.

В советской литературе и в судебной практике утвердилось мнение, что при выполнении своих профессиональных функций врачи не являются должностными лицами, но они становятся ими при выполнении организационно-распорядительных функций. В частности, такие функции врач выполняет при выдаче или удостоверении определенных документов. Например, Верховный суд РСФСР признал врача-гинеколога Э. должностным лицом на том основании, что Э. выдавала справки об освобождении от работы и этим самым использовала свое служебное положение, в данном случае злоупотребляя им¹².

Выполнением организационно-распорядительных функций являются и вышеупомянутые записи в истории болезни. Если при этом совершаются подлоги, то они должны расцениваться применительно к ст. 171 УК БССР (и соответствующим статьям уголовных кодексов других союзных республик), согласно которой «внесение должностным лицом в корыстных целях или из иных личных побуждений в официальные документы заведомо ложных сведений, подделка, подчистка или пометка другим числом, а равно составление и выдача заведомо ложных документов при внесении в книги заведомо ложных записей» является должностным подлогом.

Эта статья в достаточной мере может быть отнесена к числу правовых средств, необходимых для создания правового загона на пути возможных злоупотреблений в области гомотрансплантации. К их числу следует отнести и ст. 166 и 168 УК БССР (и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик), которые предусматривают ответственность за «злоупотребление... служебным положением, т.е. умышленное использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы, если оно совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и причинило существенный вред... охраняемым законом правам и интересам граждан», и халатность,

т.е. «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения, причинившее существенный вред... охраняемым законом правам и интересам граждан».

В частности, злоупотреблением служебным положением или халатностью, преступлением или проступком в зависимости от наличия или отсутствия упомянутого в названных статьях существенного вреда будут следующие деяния: нарушение принципа коллегиальности при решении вопросов гомотрансплантации; предоставление врачам, констатировавшим смерть предполагаемого донора, возможности участвовать в последующих операциях по извлечению трансплантата или его пересадке реципиенту; допуск к производству пересадки лиц, не имеющих права на подобные хирургические операции; необоснованный отказ главного врача или судебно-медицинского эксперта предоставить трансплантат; санкционирование использования для пересадки органов и тканей от лиц, которые не могут быть донорами.

Как видно, действующие уголовные законы в основном способны обеспечить создание правового заслона от злоупотреблений в деле трансплантации. Предлагаемые дополнения, по мнению автора, сделают их максимально эффективными в достижении этой цели.

Примечания

Введение

- ¹ А. Левин. У истоков тайны тысячелетий. «Неделя». 1968. № 10.
- ² Р. Петров. Сфинксы XX века. М., 1967. С. 51–56.
- ³ Положение о работе органов здравоохранения и обществ Красного Креста и Красного Полумесяца по комплектованию доноров, утвержденное Минздравом СССР и исполкомом СОКК и КП 26 мая 1958 г. «Законодательство по здравоохранению». Т. 6. М., 1963. С. 361.
- ⁴ Например, ткань костного мозга, пересаженная от донора, приживается всего на одну-две недели, но за это время клетки костного мозга размножаются и стимулируют процесс кроветворения в организме реципиента.
- ⁵ Ткани, лишенные антигенных свойств (например, роговица, сердечный клапан), не отторгаются, и проблемы совместимости при их пересадке не возникает.
- ⁶ Наука здоровья (передовая). «Правда». 1968. 19 февраля.
- ⁷ Р. Петров. Сфинксы XX века. С. 5.
- ⁸ За рубежом. 1968. № 1. С. 24.
- ⁹ За рубежом. 1968. № 10. С. 29.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Г. Гурков. За и против. «Комсомольская правда», 1968, 19 марта.
- ¹² Правда. 1968. 1 февраля. О необходимости решения правовых проблем пересадки говорят также медики Г. Соловьев, М. Перельман и И. Кирпатовский в статье «Трансплантация органов и тканевая несовместимость». «Медицинская газета». 1968. 24 мая.
- ¹³ «Советское государство и право». 1968. № 9. С. 83.
- ¹⁴ М.И. Авдеев. Правовое регулирование пересадки органов и тканей. «Советское государство и право». 1968. № 9. С. 83.
- ¹⁵ И. Амосов. Спорное и бесспорное. «Литературная газета». 1968. 21 февраля.

Глава 1

- ¹ СЗ СССР. 1937. № 62. Ст. 274.
- ² Сборник организационно-методических материалов по судебно-медицинской экспертизе. М., 1960. С. 213.
- ³ Там же. С. 214. Ранее действовала инструкция Народного комиссариата здравоохранения СССР от 27 января 1938 г. «Об использовании глаз умерших людей для операции пересадки роговицы слепым».
- ⁴ Приказ министра здравоохранения СССР № 166 от 10 апреля 1962 г. «О мерах улучшения судебно-медицинской экспертизы в СССР». М., 1962. С. 36.
- ⁵ Сборник организационно-методических материалов по судебно-медицинской экспертизе. М., 1960. С. 215–216.
- ⁶ Там же. С. 113.
- ⁷ СУ РСФСР. 1935. № 13. Ст. 126.

- ⁸ Бюллетень ВЦСПС. 1935. № 20.
⁹ Законодательство по здравоохранению. Т. 2. Кн. 2. М., 1957.
¹⁰ Законодательство по здравоохранению. Т. 6. М., 1963. С. 361.
¹¹ Юридический словарь. М., 1953. С. 239.

Глава 2

- ¹ С.С. Алексеев. Общая теория социалистического права. Свердловск, 1963. С. 150; Общая теория государства и права. Л., 1961. С. 294.
² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 1. С. 151.
³ В. Кованов. Пересадка сердца – проблемы медицинские и человеческие. «Юность». 1969. № 3. С. 70.
⁴ Там же. С. 72.
⁵ М. Авдеев. Правовое регулирование пересадки органов тканей. «Советское государство и право». 1968. № 9. С. 85.
⁶ Ю. Шрейдер. Будем ответственны. «Знание – сила». 1968. № 7. С. 16.

Глава 3

- ¹ Б. Петровский. Пересадка органов. «Правда». 1968. 1 февраля.
² Там же.
³ Хирургия. 1948. № 5. С. 17.
⁴ Приказами министра здравоохранения СССР № 464 и 465 за 1969 г. пересадки почек разрешено осуществлять в Институте трансплантации органов и тканей АМН СССР, в клиниках урологии 2-го Московского ордена Трудового Красного Знамени медицинского института имени Н.И. Пирогова, госпитальной хирургии Военно-медицинской ордена Ленина Краснознаменной академии имени С.М. Кирова, факультетской хирургии Кемеровского медицинского института, факультетской хирургии медицинского факультета Тартусского государственного университета.
Решено также организовать центры пересадки почек на базе хирургической клиники медицинского факультета университета в Вильнюсе, института урологии в Киеве и республиканской урологической клиники-больницы в Баку (Здоровье. 1970. № 4. С. 28).
⁵ Р. Уайт. Пересадка мозга – «недопустима» или «невозможна». «Литературная газета». 1968. 20 ноября.
⁶ Н.И. Гуревич. Несколько замечаний о статье доц. И.А. Бычкова «Юридические вопросы в хирургической практике». «Хирургия». 1948. № 5. С. 16.
⁷ Девятая расширенная конференция Ленинградского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов. Л., 1955. С. 164.
⁸ О юридических вопросах в хирургической практике. «Хирургия». 1951. № 9. С. 5.
⁹ И.И. Горелик. Ответственность за оставление в опасности. М., 1960. С. 42–43.

¹⁰ Ф.Ю. Бердичевский. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970. С. 57.

¹¹ Статья 14 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г.

¹² Девятая расширенная конференция Ленинградского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов. Л., 1955. С. 164.

¹³ Н.И. Загородников. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 19.

¹⁴ Правда. 1968. 25 сентября.

¹⁵ Пребывание в кейптаунской больнице Гроте Схюр Филиппа Блайберга обошлось в 34 000 долларов. Двухнедельное нахождение в клинике Пало-Альто Майка Касперака, которому пересаживал сердце профессор Н. Наумвей (США) 6 января 1968 г. стоило 25 000 долларов, а каждый день пребывания в госпитале Фредерика Уэста, которому 3 мая 1968 г. пересадили сердце профессор Д. Росс (Лондон), обошелся в 1200 долларов.

¹⁶ Речь идет о тех законах Средневековья, которые в качестве наказания за причинение телесных повреждений предусматривали денежную компенсацию потерпевшему, различную в зависимости от значения поврежденного органа. См. М.Д. Шаргородский. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. М., 1957. С. 41–42.

¹⁷ М.И. Авдеев. Правовое регулирование пересадки органов и тканей. «Советское государство и право». 1968. № 9. С. 85. Я. Штефан (ЧССР), отмечая недопустимость в социалистическом обществе платы за трансплантат, в то же время считает, что по аналогии с платой за кровь следует выдавать донору пособие «для восстановления сил» (Pravnik. 1968. № 4. S. 332).

¹⁸ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 120.

¹⁹ Б.К. Дачев. Правни проблемы на присаждането на органи и тъкани. «Социалистическое право». 1968. № 5. С. 32.

²⁰ См. Nowo prawo. 1968. № 9. S. 1326.

²¹ Советское государство и право. 1968. № 9. С. 85; Социалистическое право. 1968. № 5. С. 33; Pravnik. 1968. № 4. S. 332; Nowo prawo. 1968. № 9. S. 1327.

²² И.Ф. Огарков. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л., 1966. С. 24.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ В. Бегун. Расисты и сердце Блайберга. «Советская Белоруссия». 1968. 13 сентября.

Глава 4

¹ Правила определения степени тяжести телесных повреждений, предусмотренных УК РСФСР 1960 г. «Советская юстиция». 1961. № 13; Правила аналогичного наименования, действующие в других союзных

республиках, а также ст. 112 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

² Статьи 108, 109, 112 УК РСФСР; ст. 106, 107, 110 УК БССР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

³ В известный период широко применялось членовредительство в качестве наказания за преступления. Современная цивилизация не знает таких наказаний. Лишь в нескольких странах они еще сохранились как пережиток феодализма (М.Д. Шаргородский. Современное буржуазное уголовное законодательство и право. М., 1961. С. 101, 104).

⁴ Л. Фридланд. По дорогам науки. Л., 1954. С. 107.

⁵ М.И. Авдеев. Правовое регулирование пересадки органов и тканей. «Советское государство и право». 1968. № 9. С. 85.

⁶ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 108.

⁷ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 119–120.

⁸ J. Stepan. Transplantace tkani a organu z pravnino glediska. «Pravnik». 1968. № 4. S. 332.

⁹ Хирургия. 1968. № 5. С. 7.

¹⁰ М. Шаргородский. Новые вопросы права в связи с развитием техники и естествознания. В кн. «Вопросы современного развития советской юридической науки». М., 1968. С. 10.

¹¹ Н. Гуревич. Несколько замечаний к статье доц. И.Я. Бычкова. «Хирургия». 1948. № 5. С. 16.

¹² Р. Петров. Сфинксы XX века. С. 166–167.

¹³ И. Ярмолинский. На пороге эры трансплантации. «Наука и жизнь». 1968. № 4. С. 89.

¹⁴ Zicie Warszawi. 1970. 3 марта.

¹⁵ Б.В. Петровский. Пересадка органов. «Хирургия». 1968. № 5. С. 9.

¹⁶ Р. Петров. Сфинксы XX века. С. 174.

¹⁷ Эврика. М., 1969. С. 257–258.

¹⁸ Наука и жизнь. 1968. № 4. С. 91.

Глава 5

¹ Естественной является смерть физиологическая (от старости или физиологического недоразвития) или преждевременная (от болезней или скоропостижная). См.: М.И. Авдеев. Судебная медицина. М., 1949. С. 298–299.

² Даже сейчас, когда пересадка сердца еще редкая операция, имели место случаи отсутствия трансплантата, в результате чего профессор Дентон Кули в Хьюстоне (США) в 1968 г. вынужден был пересадить больному сердце барана, а 4 апреля 1969 г. другому больному – искусственное сердце, замененное через 65 часов сердцем женщины, умершей от болезни мозга.

³ Коррьере дела сера. 1968. 7 мая. С. 7 (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1968. № 5. С. 48).

⁴ Закон 20/X 1947 г. Państwo i prawo. 1964. № 1. S. 56.

- ⁵ За рубежом, 1968, № 38. С. 21.
- ⁶ Państwo i prawo. 1964. № 1. S. 56.
- ⁷ Nowo prawo. 1968. № 9. S. 1322.
- ⁸ Ю. Крелин. Пути назад нет! «Знание – сила». 1968. № 7. С. 17.
- ⁹ Сборник организационно-методических материалов по судебно-медицинской экспертизе. М., 1960. С. 113.
- ¹⁰ Там же. С. 215.
- ¹¹ О. Мороз. За жизнь человека. «Литературная газета». 1969. 1 января.
- ¹² А. Дорозинский, К.-Б. Блюэн. Одно сердце – две жизни. М., 1969. С. 126, 131.
- ¹³ И. Горелик. Правовые аспекты пересадки органов и тканей. «Советское государство и право». 1968. № 9. С. 92. М.Д. Шаргородский также считает, что согласие родственников умершего обязательно и должно быть оговорено в законе (см.: Вопросы современного развития советской юридической науки. Научная конференция, посвященная 50-летию советского государства и права. Тезисы докладов. Л., 1968. С. 12). Отмечая, что врачи должны уважать скорбь близких, Б. Дачев, однако, допускает взятие трансплантата и без их согласия, оправдывая это крайней необходимостью (Б. Дачев. Правни проблеми на присаждането на органи и тъкани. «Социалистическо право». 1968. № 5. С. 33).
- ¹⁴ М.И. Авдеев. Правовое регулирование пересадки органов и тканей. «Советское государство и право». 1968. № 9. С. 86.
- ¹⁵ Сборник организационно-методических материалов по судебно-медицинской экспертизе. М., 1960. С. 203–205.
- ¹⁶ Письмо Главного судебно-медицинского эксперта Министерства здравоохранения СССР № 392 от 12 апреля 1957 г. о предоставлении институтам травматологии и гематологии и институтам переливания крови некоторых тканей от трупов умерших людей. «Сборник организационно-методических материалов по судебно-медицинской экспертизе». С. 215.
- ¹⁷ Каждые сутки на земном шаре умирает от несчастных случаев около 20 000 человек (20 % от общего числа умирающих за сутки).
- ¹⁸ Судебная медицина. М., 1968. С. 244–245.
- ¹⁹ Б.В. Цейтлин. Техника безопасности в машиностроении. М., 1952. С. 24.
- ²⁰ Статья 104 УК БССР (ст. 106 УК РСФСР): «убийство, совершенное по неосторожности, – наказывается...»
- ²¹ Статья 82 УК БССР (ст. 85 УК РСФСР) и т.д.
- ²² Статья 206 УК БССР (ст. 211 УК РСФСР) и т.д.
- ²³ Статья 212 УК БССР (ст. 217 УК РСФСР) и т.д.
- ²⁴ Известно, что после смерти человека почка живет 60–80 минут. Но уже сейчас в условиях гипотермии жизнь извлеченной почки удается продлить в 10–20 раз. Цейлонским медикам удалось продлить срок хранения глаз до 44 часов. В настоящее время Цейлон ежегодно вывозит за границу около 200 глаз.
- ²⁵ Статья 107 УК РСФСР.

²⁶ Статья 118 УК Корейской Народной Демократической Республики 1950 г.

²⁷ Статья 138 УК Югославии 1951 г. Статья 127 УК Болгарии 1968 г.

²⁸ Сердце, жившее 18 дней. «За рубежом». 1968. № 1.

²⁹ Państwo i prawo. 1964. № 1. S. 56.

³⁰ М. Шаргородский. Новые вопросы права в связи с развитием техники и естествознания. «Вопросы современного развития советской юридической науки». Л., 1968. С. 12.

³¹ Социалистическое право. 1968. № 5. С. 313.

³² Б. Петровский. Пересадка органов. «Правда». 1968. 1 февраля.

³³ Геральд Трибюн. 1968. 25 апреля.

³⁴ Правила судебно-медицинского исследования трупов, утвержденные Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР 19 декабря 1928 г. и Народным комиссариатом юстиции РСФСР 3 января 1929 г. «Сборник организационно-медицинских материалов по судебно-медицинской экспертизе». М., 1960. С. 109.

³⁵ Инструкция Министерства здравоохранения СССР от 16 февраля 1954 г. Там же. С. 214.

³⁶ М.И. Авдеев. Правовое регулирование пересадки органов и тканей. «Советское государство и право». 1969. № 9. С. 87.

³⁷ Геральд Трибюн. 1968. 25 апреля.

Глава 6

¹ Не считая отдельных редакционных различий. Состав данного преступления одинаково сформулирован в уголовных кодексах БССР, РСФСР (ст. 128), ЛитССР (ст. 129), МССР (ст. 115), ЛатвССР (ст. 116), ТаджССР (ст. 137), АрмССР (ст. 129) и ТССР (ст. 137).

Уголовные кодексы УССР (ст. 113) и КиргССР (ст. 115) формулируют ответственность за неоказание медицинской помощи, «если это заведомо могло повлечь тяжкие последствия для больного», и относят к отягчающему обстоятельству наступление таких последствий.

Уголовные кодексы КазССР (ст. 111) и ГрузССР (ст. 131) формулируют простой состав подобно УК РСФСР и относят к отягчающему обстоятельству только наступление тяжких последствий. УК УзбССР (ст. 109), не выделяя отягчающего обстоятельства, формулирует состав как неоказание медицинской помощи, которое «заведомо могло повлечь тяжкие последствия», а УК ЭССР (ст. 126) формулирует состав как материальный, ограничивая ответственность случаями, когда «наступили тяжкие последствия».

² В. Макашвили. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957; А. Пионтковский. Учение о преступлении. М., 1961; Б. Куринов. Понятие неосторожности в Основах уголовного законодательства... «Вестник МГУ. Сер. X. Право». 1960. № 3; П. Дагель. Проблемы вины в советском уголовном праве. «Ученые записки Дальневосточного государственного университета». Вып. 21. Ч. 1. 1968; И. Филановский. Преступления, совершаемые по неосторожности. «Правоведение». 1969.

№ 2; Т. Сергеева. К вопросу об определении преступной небрежности. «Советское государство и право». 1947. № 4; М. Гринберг. Понятие преступной самонадеянности. «Правоведение». 1962. № 2.

³ Б. Дачев. Правни проблеми на присаждането на органи и тъкани. «Социалистическо право». 1968. № 5. С. 35.

Это замечание сделано Б. Дачевым в связи с пересадкой А. Кантровицем в Бруклинской больнице Нью-Йорка 9 января 1968 г. сердца 29-летней женщины, вес которой составлял 45 кг, 58-летнему Луису Блоку, весившему 77 кг. Реципиент на следующий день умер. Хотя о весе тела донора и тела реципиента было известно заранее, операция была произведена.

⁴ См., например: Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1963. № 4. С. 6 (дело Гринько).

⁵ См. также ст. 137, 208–212, 215, 217, 219 УК БССР и соответствующие статьи УК других союзных республик.

⁶ Суммированные данные о таких случаях приведены в кн.: И. Огарков. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л., 1966. С. 110–116.

⁷ За выделение состава врачебной неосторожности в разное время высказывались юристы и врачи. См.: А. Левин. Несчастный случай и неосторожность при врачевании. «Еженедельник советской юстиции». 1927. № 13. С. 374; Г. Бобкова-Басова. Уголовная ответственность врачей. «Советская юстиция». 1939. № 11. С. 18; Ю. Едель. До питания про криминальну відповідальність за лікарські злочини. «Радянське право». 1959. № 3. С. 58; П. Дагель. Об уголовной ответственности врачей. «Советская юстиция». 1964. № 19. С. 14; и т.д.

⁸ По УК ГрузССР такие действия подпадают под ст. 135, предусматривающую ответственность за «принуждение другого лица посредством насилия или наказуемой угрозы к совершению или несовершению каких-либо действий».

⁹ Статья 102, 103 УК БССР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

¹⁰ Например, ст. 96 УК УССР.

¹¹ Статья 101 УК БССР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик.

¹² «Бюллетень Верховного суда РСФСР». 1969. № 5. С. 5; «Бюллетень Верховного суда РСФСР». 1969. № 8. С. 7 (дело Р.).

Словарь медицинских и юридических терминов

Антиген – вещество, которое при введении в организм вызывает выработку в нем антител, отторгающих чужие ткани.

Антигена – вещества, вырабатываемые клетками в ответ на антигены и соединяющиеся с антигенами, обезвреживая их.

Вменяемость – способность нести ответственность за свои деяния.

Иммунодепрессивные средства – средства, задерживающие процесс отторжения донорских тканей и органов.

Крайняя необходимость – такое положение лица, при котором только путем причинения вреда охраняемым законом интересам оно может спасти более ценные интересы, охраняемые законом.

Невменяемость – неспособность отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния.

Неосторожность – в советском уголовном праве одна из форм вины, выступающая в виде преступного легкомыслия или в виде преступной небрежности. При преступном легкомыслии лицо предвидит возможность наступления общественно опасных последствий своего деяния, но легкомысленно рассчитывает их предотвратить. При преступной небрежности лицо не предвидит возможности наступления общественно опасных последствий своего деяния, но должно было и могло их предвидеть.

Офтальмология – наука о глазных болезнях и их лечении.

Панариций – гнойное воспаление тканей пальца.

Подстрекательство – склонение другого лица к совершению преступления.

Реанимация – оживление отдельных органов и всего организма.

Регенерация – восстановление организмом утраченных или поврежденных тканей.

Реципиент – человек, которому пересаживают от другого человека (донора) ткань или орган.

Соучастие – умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления.

Состав преступления – совокупность указанных в законе признаков, характеризующих данное преступление; юридическая характеристика преступления.

Субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее определенного возраста, указанного в законе, и несущее уголовную ответственность за совершенное преступление.

Субъективная сторона преступления – внутренняя сторона преступления, характеризующая отношение сознания и воли деятеля к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям.

Трахеотомия – оперативное вмешательство, заключающееся в разрезе дыхательного горла с последующим введением в него особой трубки.

Умысел – в советском уголовном праве одна из форм вины, выражающаяся в том, что лицо сознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит его общественно опасные последствия и желает их или сознательно допускает наступление этих последствий.

Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья

Публикуется по книге: Горелик, И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И.И. Горелик. – Минск : Высш. шк., 1973. – 315 с.

Введение

Забота о человеке – основа всей деятельности Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства. Все для человека: высококачественное и разнообразное питание, добротная и красивая одежда, благоустроенные жилища, культурный отдых. «КПСС ставит задачу всемирно-исторического значения – обеспечить в Советском Союзе самый высокий жизненный уровень по сравнению с любой страной капитализма»¹.

Советское правительство осуществляет широкую программу, направленную на предупреждение и решительное сокращение болезней, ликвидацию массовых инфекционных заболеваний, на дальнейшее увеличение продолжительности жизни.

Для Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства дорога жизнь каждого советского человека, как и далеко не безразлична судьба других народов мира². Поэтому Советский Союз прилагает все усилия к тому, чтобы обеспечить на земле прочный и длительный мир, предотвратить ядерную войну. Заключение по инициативе Советского правительства

Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой, конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении³ и других международно-правовых актов – проявление огромной заботы о жизни и здоровье нынешнего и будущего поколений людей.

Забота о человеке – это также охрана его личных, имущественных, трудовых, жилищных и иных законных прав и интересов. Этой цели служат правовые нормы, в том числе уголовно-правовые. Важное место среди последних занимают нормы, карающие за посягательство на жизнь и здоровье.

«В обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности»⁴. Исторический смысл этих слов Программы Коммунистической партии Советского Союза состоит в том, что только социалистическому строю по плечу задача искоренения преступности.

Преступления нетерпимы в социалистическом обществе. Особенно нетерпимы посягательства на жизнь и здоровье человека. Такие посягательства образуют преступления против жизни и здоровья или преступления, опасные для жизни и здоровья.

К первым действующий Уголовный кодекс⁵ относит умышленное убийство – ст. 100–103 (ст. 102–105), доведение до самоубийства – ст. 105 (ст. 107), неосторожное лишение жизни – ст. 104 (ст. 106), умышленные телесные повреждения – ст. 106–110 (ст. 108–112), истязание – ст. 111 (ст. 113), неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение – ст. 112 (ст. 114) и заражение венерической болезнью – ч. 3 и 4 ст. 113 (ст. 115). Перечисленные преступления (они в работе не рассматриваются) характерны тем, что признаются оконченными при наступлении указанных в законе последствий.

Законы об ответственности за преступления, опасные для жизни и здоровья, признают преступлением само деяние, создающее конкретную угрозу для жизни и здоровья, или неотвращение виновным такой угрозы, созданной другими лицами или силами природы. В составах этой группы преступлений наступление последствия либо не влияет на правовую оценку содеянного, либо образует квалифицированный вид данного преступления.

Анализу этих законов, весьма важных в деле охраны жизни и здоровья граждан, правовой оценке (квалификации) предусмотренных ими общественно опасных деяний и посвящена настоящая работа.

Советская литература об ответственности за преступления против жизни и здоровья весьма многочисленна⁶. Определены понятия этих преступлений, их виды и система, подробно проанализированы соответствующие правовые нормы. Много потрудились советские криминалисты над совершенствованием законов об ответственности за убийство и причинение телесных повреждений, систематически изучается и обобщается судебная практика.

Что касается преступлений, опасных для жизни и здоровья, то в литературе уделено внимание отдельным конкретным составам, которые мы относим к этой группе преступлений. Лишь сравнительно новые составы преступлений, включенные в наши уголовные кодексы в 1970–1972 гг. (например, поставление в опасность заражения венерической болезнью, спаивание несовершеннолетних), еще недостаточно изучены. Само понятие преступлений, опасных для жизни и здоровья, их система изучены мало⁷. Более того, оспаривается сама попытка выделения отдельной группы преступлений, опасных для жизни и здоровья⁸.

Поэтому настоящей работой автор стремится не только проанализировать составы данной группы преступлений, но и показать, что для ее выделения имеется достаточно оснований,

Автор изучил судебную практику Белорусской ССР по делам о преступлениях, опасных для жизни и здоровья. Изучение показало, что имеет место недооценка социальной опасности этих преступлений. Поэтому хотелось бы также привлечь внимание к этим преступлениям и содействовать преодолению неправильного к ним отношения на практике.

Кроме того, анализ действующего законодательства и судебной практики позволил сформулировать отдельные предложения, принятие которых могло бы улучшить анализируемые нормы, дополнить их и улучшить практику борьбы с преступлениями, опасными для жизни и здоровья.

Глава 1. Понятие и общая характеристика преступлений, опасных для жизни и здоровья

§ 1. Понятие преступлений, опасных для жизни и здоровья

Преступление, опасное для жизни и здоровья, есть общественно опасное деяние, которым создается или бездействие-невмешательство, которым не устраняется конкретная опасность для жизни и здоровья других лиц при неосторожном отношении виновного (при поставлении в опасность) или отсутствии вины (при оставлении в опасности) к ненаступившим последствиям.

Законы об ответственности за убийство и телесные повреждения в совокупности с законами об ответственности за предварительную преступную деятельность очерчивают область уголовно-правового вмешательства случаями причинения смерти, вреда здоровью и умышленного отношения к таким последствиям, которые, помимо воли виновного, не наступили⁹.

Если бы этим ограничивалась область уголовно-правовой охраны жизни и здоровья, то за пределами преступного оставалось бы поведение, создающее конкретную опасность для жизни и здоровья человека или не отвращающее ее при условии, что в том и другом случае последствия, не охватываемые умыслом виновного, не наступили. Такое поведение и есть преступление, опасное для жизни, здоровья. При этом законы одних стран ограничивают ответственность в зависимости от рода деятельности, которой создается конкретная опасность для жизни и здоровья человека. Законы других стран таких ограничений не содержат. Первые из них неодинаково оценивают один и тот же род деятельности, признавая или не признавая преступлением создание им опасности. Так, законы большинства капиталистических государств не признают преступлением создание конкретной опасности для людей нарушением правил техники безопасности; законы социалистических государств, напротив, считают такие нарушения преступлением.

Степень опасности правонарушения для интересов господствующих классов – основной критерий, руководствуясь которым, законодатель признает преступными те или иные деяния. Этим объясняется, в частности, и неодинаковая оценка нарушений правил техники безопасности, создающих конкретную опасность для жизни и здоровья трудящихся. Однако мерило общественной

опасности деяния для интересов господствующих классов, объясняющее в итоге различное содержание уголовных кодексов эксплуататорских и социалистических государств, еще не объясняет разнobia в оценке одних и тех же конкретно опасных деяний в государствах с одинаковым строем. Так, по-разному оценивается в социалистических странах поставление в опасность заражения тяжелой болезнью, создание опасности нарушением правил движения автотранспорта, неоказание помощи погибающему посторонним лицом. Очевидно, разнობой вызван несовпадением мнений о степени опасности соответствующих деяний, методах борьбы с ними и т.д.

Один факт совершения запрещенных деяний, не повлекших реального вреда общественным отношениям, как правило, еще не создает оснований для уголовной ответственности, но когда такие деяния создают конкретную угрозу для жизни и здоровья людей или хотя бы одного человека, это уже является достаточным основанием для уголовно-правового вмешательства¹⁰. Этим и должен руководствоваться законодатель, признавая преступным создание конкретной опасности для жизни и здоровья человека.

Насыщение промышленности и сельского хозяйства машинами и агрегатами прогрессирующей сложности и мощности, транспорта все большим числом движущихся механизмов возрастающей скорости, рост ассортимента сильно действующих на организм человека средств, широкое применение изотопов – эти и другие достижения нашего века, облегчая и украшая жизнь человека, в то же время несут новые для него опасности. Чтобы свести их к минимуму, а может быть, и вовсе устранить, что, вероятно, возможно, следует совершенствовать меры и средства безопасности. Активным вспомогательным средством в этой борьбе являются меры принуждения к соблюдению правил безопасности, в том числе уголовно-правовые, карающие за такое поведение, которое, вследствие того что определенные правила были нарушены, создает конкретную угрозу для жизни или здоровья людей.

Что касается бездействия-невмешательства, когда жизни кого-либо угрожает конкретная опасность, то элементарные правила человеческой морали диктуют необходимость признания такого бездействия преступлением.

В.И. Ленин говорил: «Мы будем работать, чтобы вытравить проклятое правило "каждый за себя, один бог за всех"... Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило "все за одного, один за всех"»¹¹.

«Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат» – нравственные принципы морального кодекса строителя коммунизма, записанные в величайшем документе современности – Программе КПСС¹².

Оказание помощи человеку, которому угрожает опасность, честный и сознательный советский гражданин считает своим долгом. Самоотверженность и героизм при спасении человека перестали быть в условиях советской действительности исключительным явлением.

Однако еще имеют место случаи неоказания помощи лицу, попавшему в беду, вызванные безразличием к судьбе другого человека. Автомашина сбила велосипедиста. В кабине шофера, нарушившего правила движения, сидел гражданин П. Вместо того чтобы оказать помощь пострадавшему и на машине отвезти его в больницу, он вместе с водителем оттащил потерявшего сознание и истекающего кровью человека в сторону от дороги. А ранение не было смертельным. Однако оставленный без помощи человек погиб¹³.

Нельзя, не вступая в противоречие с правилами человеческого общежития вообще, социалистического в особенности, оставлять безнаказанными таких лиц. И главное состоит не в том, будет ли виновный подвергнут уголовному наказанию или дело о нем передадут в товарищеский суд для применения мер общественного воздействия, а в суровой государственной оценке эгоиста, лишённого элементарных моральных качеств. А такая оценка лучше всего достигается признанием оставления человека в опасности преступлением.

Советские ученые последовательно стоят на таких позициях. А.А. Пионтковский говорит: «Проявление грубого эгоизма в виде неоказания помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, когда ее можно было оказать, во всех случаях заслуживает не только морального осуждения, но и уголовного наказания»¹⁴. Это положение вошло во все вузовские учебники по уголовному праву, на которых воспитывались и воспитываются советские юристы.

Признание создания конкретной опасности для жизни и здоровья человека или неоказания помощи погибающему поведением, образующим состав преступления, имеет несомненное предупредительно-сдерживающее значение. Если бы была возможна статистика предупреждающего значения уголовно-правовой угрозы, то она, вероятно, дала бы немалые цифры того, скольких

человек угроза удержала от совершения преступления, ибо, как отмечает М.Д. Шаргородский, имеется «категория морально неустойчивых и поэтому склонных к совершению преступлений лиц, но которые не совершают преступления потому, что боятся наказания»¹⁵.

§ 2. Объект преступления

По объекту посягательства преступления, опасные для жизни и здоровья, ни в чем не отличаются от преступлений против жизни и здоровья. Их групповым объектом является личность в системе социалистических общественных отношений, а непосредственным – жизнь и здоровье в системе тех же отношений.

Личность человека выходит за рамки только биологического понятия и является понятием социальным независимо от того, в каком обществе человек живет. Однако положение личности в обществе определяется системой господствующих общественных отношений, которые создают определенные условия для жизни и деятельности людей, объем их прав и обязанностей. Значение этих условий не следует ни недооценивать, ни переоценивать, ибо наряду с ними действуют определенные субъективные факторы, способные усилить или, напротив, ослабить эти условия.

В системе капиталистических общественных отношений личность трудящегося человека охраняется лишь в той мере, в какой буржуазия вынуждена это делать. Объективные и субъективные факторы содействуют всемерной охране эксплуататорского меньшинства. Пределы же вынужденной защиты эксплуатируемого большинства определяются соотношением классовых сил в стране, организованностью рабочего класса и его партии, борющейся за интересы трудящихся.

В системе социалистических общественных отношений личность получила всестороннюю защиту, человек действительно стал самым ценным капиталом. Объективные условия в социалистическом обществе на стороне личности. Действие этих условий усиливается заботой Коммунистической партии и государственного аппарата об интересах личности, но сила объективных факторов может быть ослаблена нарушением законов, что в какой-то мере имеет место, поскольку, как показывает практика, значительная часть лиц, совершающих преступления, опасные для жизни и здоровья, не привлекается к ответственности.

С такими нарушениями нужно бороться, чтобы они не ослабляли объективную силу социалистических общественных отношений.

Указание на общественные отношения при определении объекта преступлений против личности способствует уяснению действительного содержания уголовно-правовой охраны жизни, здоровья, чести и т.д., охраны не на словах, а на деле. Такое указание, кроме того, отражает связь между понятием общего объекта и объекта конкретных преступлений. В советском уголовном праве, как известно, общим объектом всех преступлений являются социалистические общественные отношения. Общий объект определяет содержание объекта конкретных преступлений – непосредственного объекта, но из этого вовсе не следует, что в качестве объекта каждого конкретного преступления должна рассматриваться какая-то доля общественных отношений. Это во всяком случае спорно в отношении рассматриваемых преступлений. Ни жизнь, ни здоровье не являются общественными отношениями, что, однако, не устраняет связи между общим, групповым и непосредственным объектами преступления. Объективно существующая связь между ними находит отражение в указании при определении группового и непосредственного объекта на соответствующую систему общественных отношений, от которой в итоге зависит содержание и характер охраны жизни и здоровья людей.

Признание объектом рассматриваемых преступлений жизни и здоровья человека в системе социалистических общественных отношений вовсе не бесспорно.

Если объектом ряда преступлений, опасных для жизни и здоровья, все признают жизнь и здоровье, то объектом некоторых преступлений этой группы называют все, что угодно, только не жизнь и здоровье. Так, объектом преступного нарушения правил техники безопасности называют условия труда¹⁶ или безопасность условий труда¹⁷, объектом незаконного врачевания – порядок охраны народного здоровья¹⁸ и т.д.

С определением объекта отдельных преступлений, опасных для жизни и здоровья, трудно согласиться. Ни условия труда, ни порядок охраны народного здоровья не являются тем, ради чего изданы соответствующие уголовные законы. Условия труда – лишь средство обеспечения безопасности жизни и здоровья людей. Определенный порядок охраны народного здоровья для того и необходим, чтобы защитить людей от невежественного врачевания. В указанных случаях закон охраняет жизнь и здоровье людей.

Отдельные преступления из числа рассматриваемых по характеру своему или юридической конструкции имеют своим объектом не только жизнь и здоровье, но и материальные ценности. Однако вследствие этого они не перестают быть преступлениями, опасными для жизни и здоровья.

Непосредственным объектом преступлений, опасных для жизни и здоровья, являются жизнь и здоровье других лиц. Создание конкретной опасности для самого себя не находится в сфере карательного воздействия.

С., работая прицепщиком тракторной картофелесажалки, во время посадки картофеля, в нарушение правил техники безопасности, перешел с задней площадки, где он должен был находиться, на переднюю часть картофелесажалки и стал проталкивать ногой в выходное отверстие застрявший картофель. Во время проталкивания С. был захвачен звездочкой за брюки, его левая нога была затянута под вedomый вал и раздроблена¹⁹. С., разумеется, не прилегался к уголовной ответственности.

Советское уголовное право не знает ответственности даже за покушение на самоубийство, совершенное сознательно. Тем более не может быть ответственности за создание конкретной опасности для самого себя, совершенное по неосторожности.

Создание опасности для своего здоровья иногда преследуется, потому что оно глубоко затрагивает общественные интересы и имеется отдаленная угроза здоровью нации. Поэтому ряд уголовных кодексов признает преступлением потребление наркотиков²⁰.

Объект преступлений, опасных для жизни и здоровья, конкретизируется в составах этой группы преступлений. Объектом одних преступлений может быть жизнь и здоровье, других – только жизнь, третьих – жизнь, здоровье и материальные ценности. При этом в одних случаях объектом является жизнь и здоровье конкретной личности, в других – жизнь и здоровье неопределенного круга лиц.

§ 3. Объективная сторона (деяние)

С объективной стороны преступления, опасные для жизни и здоровья, характеризуются деянием, создавшим конкретную опасность для жизни и здоровья, или бездействием-невмешательством, не отвращающим такую опасность, возникшую помимо поведения виновного.

Конкретно опасным является такое действие, с совершением которого созданы условия для наступления смерти или телесных

повреждений, причем указанные последствия могут наступить, если бы даже никаких других действий виновный не совершил²¹. Такие последствия могут наступить, говоря словами одного из юристов ГДР, «по законам природы или жизненному опыту с большой вероятностью»²².

Совершение конкретно опасных действий закономерно влечет смерть или телесные повреждения. Закономерными считаются «такие явления, которые необходимым, естественным образом вытекают из всей совокупности условий. Когда даны определенные условия, то неизбежно возникают и определенные явления»²³. Закономерность основана на детерминированности явлений, их связи и взаимодействии. Поэтому закономерность есть «не что иное, как такое сцепление причин и следствий, такая связь явлений, которые обуславливают определенное, совершающееся с естественной необходимостью течение событий»²⁴.

Прием локомотива на занятый путь влечет аварию или крушение. Выдача больному ядовитого вещества в значительно большей, чем это предписано врачом, дозе влечет отравление. Работа у агрегата, опасные места которого не ограждены, влечет смерть или увечье работника. Такие последствия являются закономерным результатом соответствующих нарушений правил безопасности.

Однако не каждое конкретно опасное действие фактически вызывает такие последствия. Марксистская диалектика, как известно, признает существование наряду с необходимостью объективной случайности. Последняя «всегда так или иначе связана с необходимостью, является формой проявления необходимости, а необходимость, в свою очередь, имеет своим дополнением случайное»²⁵.

Конкретно опасными мы и называем такие действия, которые закономерно влекут смерть или телесные повреждения, хотя бы на этот раз в силу случайности они и не привели к таким последствиям. Вмешательство других лиц, стечение обстоятельств и другие факторы могут быть и нередко бывают причиной того, что конкретно опасные действия в том или ином случае не приводят к закономерно вытекающему из них последствию.

Так, шофер несъемной дрезины Г. и его помощник Б. во время следования по перегону, будучи в нетрезвом состоянии, уснули, проехав два раздельных пункта и выехав навстречу пассажирскому поезду. Чтобы предотвратить крушение, дежурный по станции предупредил соседние станции о происшедшем, и Г. и Б. были разбужены взрывом петард, после чего они остановили дрезину.

Действиями Г. и Б. были созданы все условия для крушения, и хотя благодаря вмешательству других лиц все обошлось благополучно, они были осуждены за нарушение правил безопасности движения, которое могло причинить тяжкие последствия²⁶. Лишь благодаря случайности не было опасных последствий в результате нарушения правил безопасности движения шофером Г. Последний на повороте мокрой дороги развил недозволенную скорость, вследствие чего машина сорвалась в кювет и опрокинулась, а сидевший в кузове пассажир был выброшен, но поврежденный ему не было причинено, т.к. он упал в наполненную водой яму. Не была повреждена и автомашина²⁷.

Случайность, благодаря которой конкретно опасные действия не вызвали тяжких последствий, не исключает ответственности виновного в совершении таких действий. Рассматривая дела о преступлениях, опасных для жизни и здоровья, Верховный Суд СССР указывал, что ненаступление по не зависящим от виновного обстоятельствам последствий, которые могли быть результатом действий или бездействия виновного, не снимает с последнего ответственности²⁸.

При конкретно опасных действиях причинение или непричинение смерти или телесных повреждений иногда в определенной мере зависит от поведения потерпевшего. Так, незаконная выдача сильнодействующих ядовитых веществ не может привести к отравлению, если покупатель не употребит их. Однако таким нарушением создана опасность для жизни и здоровья покупателя, да и не только его. Желает этого виновный или нет, но отравление может иметь место. Поэтому при оценке инкриминируемых виновному действий как конкретно опасных поведение потерпевшего не принимается в расчет.

Конкретно опасные действия – категория объективная. Достаточно установить, что совершенное действие является таким, которое способно повлечь смерть, телесное повреждение или материальный ущерб, хотя фактически они и не наступили, и такое действие должно быть признано конкретно опасным. Если, например, малолетнему дано заряженное ружье, из клетки выпущен на волю опасный зверь или локомотивом управляет пьяный машинист, то не может быть двух мнений о том, создана ли подобными действиями конкретная опасность для жизни и здоровья человека. Нет преступления, опасного для жизни и здоровья, если совершенное данным лицом действие не создает конкретной опасности. Так, Верховный Суд СССР признал необоснованным осуждение Б. за то, что у него во время спуска в шахту был обнаружен табак. Осуждение было бы

обоснованным, если бы Б. курил в шахте²⁹, поскольку в условиях взрывоопасного производства взрыв может быть вызван курением, а не наличием табака, что само по себе не создает опасности для людей.

Признавая преступными конкретно опасные действия, законодатель в ряде случаев в той или иной форме указывает на их опасность для жизни и здоровья и тем вводит такую опасность в признаки состава. Так, ст. 212 (217) говорит о таких нарушениях правил хранения, использования, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ, которые «могли повлечь тяжкие последствия».

В других случаях законодатель не вводит конкретную опасность в признаки состава. Так, ст. 216 (221), говоря о незаконном врачевании, не упоминает об опасности этих действий для жизни и здоровья человека.

В первом случае о конкретной опасности действий мы судим на основании непосредственных указаний закона. Во втором случае наши суждения основываются на свойствах запрещенных действий.

Обращение законодателя к той или иной конструкции составов конкретно опасных для жизни и здоровья людей действий не является случайностью. Она отражает свойства запрещенных действий, дает им своеобразную оценку и создает определенные обязанности для судебно-следственных органов.

Введение конкретной опасности в признаки состава преступления, опасного для жизни и здоровья, прежде всего означает, что не все нарушения данной группы обладают одинаковым свойством создавать угрозу для людей. Упомянутая конструкция состава нарушений правил хранения, использования, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ требует дифференцированной оценки имевших место нарушений и преступными признает лишь те из них, которые создали конкретную опасность.

Обычно законодатель прибегает к такой конструкции, когда действия одной и той же группы обладают неодинаковыми свойствами. Вследствие этого органы расследования и суд должны не только установить, что определенное нарушение имело место, но что оно создало конкретную опасность. Если нарушение не создало такой опасности, то оно во всяком случае не может быть признано преступлением, опасным для жизни или здоровья.

Конкретная опасность не вводится в признаки состава, когда всем действиям группы потенциально свойственна угроза для жизни или здоровья людей, а отсутствие этого свойства оказывается исключением. Если действия являются такими, которые не могут не создавать опасности для жизни или здоровья, то, очевидно, нет надобности включать в законодательную характеристику состава указание на возможность последствий. Так, занятие врачеванием при отсутствии необходимых познаний опасно для жизни или здоровья не только при применении неправильных методов лечения, но и при использовании безвредных средств, поскольку в последнем случае больной упускает благоприятный момент для настоящего лечения. Поэтому в ст. 216 (221) и нет указаний на возможные последствия незаконного врачевания. Это вовсе не означает, как отмечает В.Н. Кудрявцев, что каждый случай незаконного врачевания приводит к ухудшению здоровья пациента. Такой исход, возможно, наступит в одном из десяти случаев. Однако последствия действий настолько тяжки, что все они признаются общественно опасными³⁰. Одинаково оценивая все действия данной группы, законодатель требует от судебных и следственных органов установления лишь того, что данные действия, запрещенные законом, совершены виновным, и не требует доказательства того, что эти действия создают конкретную опасность. Последняя заложена в самих деяниях, признаваемых в силу такого их свойства общественно опасными и наказуемыми.

К конкретно опасным примыкают абстрактно опасные для жизни и здоровья людей действия. Последние характеризуются тем, что создают не саму опасность, а лишь условия для ее возникновения. Чтобы появилась конкретная опасность, требуется совершение виновным еще каких-либо действий. Если между совершением абстрактно опасных действий и моментом, когда должен наступить результат, имеется разрыв – отсутствие действий виновного, создающих опасность, то при совершении конкретно опасных действий этого разрыва нет³¹.

Абстрактно опасным действием является, например, незаконное изготовление, хранение и ношение огнестрельного оружия. Владя таким оружием, виновный еще не создает конкретной возможности наступления смерти или телесных повреждений. Она возникает лишь тогда, когда совершаются действия, в результате которых, помимо воли виновного, оружие может причинить вред другому лицу (например, неправомерное ношение заряженного оружия или передача его душевнобольному).

Абстрактно опасные действия еще не могут создать конкретной возможности для наступления смерти или телесных повреждений. Поэтому абстрактно опасные действия не относятся к преступлениям, опасным для жизни и здоровья, а в большинстве случаев вообще не признаются преступными либо караются менее строго, чем конкретно опасные действия.

В других случаях, наказывая абстрактно опасные действия наравне с конкретно опасными (например, в составе, предусмотренном ст. 219 УК) или даже более строго (например, ст. 220 за посев без разрешения опийного мака карает более строго, чем ст. 219 за сбыт наркотических средств), законодатель стремится пресечь социально опасную деятельность на ее более дальних подступах к охраняемым законом общественным отношениям и тем самым не допустить саму возможность создания угрозы для людей.

Конкретная возможность наступления смерти или телесных повреждений, создаваемая преимущественно активными действиями виновного, может быть вызвана и бездействием. Должностное лицо, обязанное выдать работающему на высоте предохранительный пояс, но не сделавшее этого, своим бездействием создало опасность для жизни этого рабочего. Стрелочник, не выполнивший распоряжение о переводе стрелки, вследствие чего поезд проследовал на путь, где ведутся ремонтные работы, создал опасность для участников этих работ. В подобных случаях опасная ситуация создана бездействием и не имела бы места, если бы не было этого бездействия.

Однако сущность бездействия не всегда одинакова. Работник службы спасения на водах, не оказавший помощи тонущему, как и работник железной дороги, заметивший во внеслужебное время неисправность пути, по которому должен был проследовать локомотив, и не принявший мер к ее устранению, тоже бездействует, но ни тот, ни другой не создают конкретной опасности.

Бездействие бездействию рознь. Между тем в уголовно-правовой литературе бездействие обычно рассматривается в качестве единого понятия. Так, Н.Д. Дурманов пишет, что «всякий внешний человеческий поступок может быть совершен в форме действия или бездействия»³² и что «бездействие... так же, как и действие, представляет внешнее поведение человека и так же, как и действие, производит изменение в объективном мире»³³.

В характеристике общего понятия преступления как предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния

приведенные положения являются безусловно правильными. Однако при разграничении конкретных составов преступлений такая дифференциация человеческих поступков оказывается недостаточной. В частности, единое понятие бездействия не дает возможности разграничить создание конкретной опасности и неоказание помощи при уже возникшей угрозе для жизни, правильно оценить случаи смерти человека, жизнь которого могла быть спасена при оказании ему помощи. Единое понятие бездействия создает также трудности для законодателя, когда он конструирует составы преступлений, опасных для жизни и здоровья³⁴.

В связи с этим имеет важное значение дифференциация бездействия, проведенная О.С. Иоффе, который различает обязанность совершения определенных действий в целях предотвращения опасной ситуации, наступление которой способно повлечь вредные последствия, и обязанность совершить те или иные действия в целях предотвращения последствий, которые могут наступить в результате опасной ситуации, возникшей помимо поведения бездействовавшего³⁵.

Такая дифференциация бездействия непосредственно связана с понятием рассматриваемых преступлений. Лишь неисполнение обязанности по предотвращению возникновения опасной ситуации может и должно быть приравнено к действию, создающему конкретную опасность. Когда опасность возникла помимо поведения бездействовавшего, он может нести ответственность только за неоказание помощи. Иначе говоря, следует различать бездействие, создающее опасность, и бездействие-невмешательство.

Бездействие создает конкретную опасность тогда, когда при совершении соответствующего действия не было бы этой опасности. Если бы должностное лицо снабдило работающего на высоте предохранительным поясом, а стрелочник выполнил распоряжение о переводе стрелки, то опасность не возникла бы. Особенность такого бездействия состоит в том, что в момент, когда необходимо было действовать, конкретная опасность еще не существовала, но из-за бездействия события развивались до степени возникновения такой опасности.

В таком случае на бездействовавшем должна лежать обязанность воспрепятствования возникновению опасности. Только при наличии такой обязанности бездействовавшего можно винить в том, что он допустил создание опасности. Тем самым понятие бездействия, равнозначного действию, тесно связано с понятием

обязанности действовать для предотвращения возникновения опасной ситуации.

Основания такой обязанности следует искать в служебных функциях лица, законе либо договоре.

Конкретную опасность создает бездействие такого лица, которое занимает должность, связанную с обязанностями предотвращения опасных последствий, и находится при исполнении служебных обязанностей. При этом не имеет значения, является это лицо должностным или не должностным. Машинист, уснувший во время движения локомотива; руководитель предприятия, не установивший аппарат для обезвреживания выбрасываемых в воздух отходов производства; врач, не сделавший противостолбнячной инъекции раненому; начальник склада, оставивший в доступном посторонним лицам месте взрывчатые вещества, – все они не сделали того, что должны были сделать в силу своих непосредственных обязанностей, и тем самым создали опасную ситуацию.

Обязанности по охране жизни и здоровья людей возлагаются на человека законом. Родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей, а равно состоящих на их иждивении совершеннолетних, но нетрудоспособных детей, а совершеннолетние и трудоспособные дети – своих нетрудоспособных родителей. Неисполнение таких обязанностей влечет гражданско-правовые последствия, а при уклонении от уплаты алиментов – уголовную ответственность, как за уклонение от уплаты алиментов. Если же вследствие такого уклонения создается непосредственная угроза для жизни и здоровья, то имеет место создание бездействием конкретной опасности.

Обязанности по охране жизни и здоровья других лиц вытекают из договора независимо от того, в какой форме он заключен. Няня, не осуществляющая надзора за ребенком, заботу о котором она приняла на себя, повинна в создании опасности, если вследствие ее бездействия такая опасность возникла.

Вменяя создание конкретной опасности бездействием, необходимо указывать основания обязанности действовать.

Таким образом, бездействие создает конкретную опасность и приравнивается к активному действию, если оно удовлетворяет трем условиям: к моменту возникновения обязанности действовать опасная ситуация еще не существует; на бездействовавшем в силу его непосредственных служебных функций, закона или договора лежала обязанность действовать, чтобы предотвратить возникновение такой ситуации; вследствие бездействия такого лица события развиваются до степени возникновения опасной ситуации.

Другое дело – бездействие-невмешательство, имеющее место при отсутствии непосредственной обязанности воспрепятствовать развитию опасной ситуации. В обоих случаях бездействия наличествует конкретная опасность для жизни и здоровья человека. Разница в объеме обязанностей: при бездействии, создавшем опасность, виновный должен был предотвратить само возникновение опасности, при бездействии-невмешательстве – лишь оказать помощь, чтобы устранить уже возникшую опасность.

Этим определяется неодинаковая социальная опасность бездействия-невмешательства и бездействия, приравняемого к активному действию, и разница в конструкции ответственности за них. Для ответственности за бездействие, создавшее опасность, нет надобности в специальной норме. Статья об ответственности за создание опасности охватывает создание этой опасности как активными действиями, так и бездействием. Статья 137 (140), например, карая за нарушение правил охраны труда, распространяется на нарушения-действия и нарушения-бездействие.

Бездействие-невмешательство менее опасно: оно образует состав преступления, если имеется специальная на этот счет норма в уголовном законе.

Сознание необходимости действовать для предотвращения вреда, который может наступить вследствие обстоятельств, не связанных с поведением бездействовавшего, менее распространено, чем сознание обязанности воздержаться от деяний, приносящих вред. Поэтому возможность требовать под угрозой наказания совершения полезных обществу действий более ограничена, чем требование воздержаться от совершения опасных деяний.

Законодатель учитывает объективные и субъективные особенности указанных форм бездействия. Если конкретно опасное действие (и приравненное к нему бездействие), наказуемо, когда создана угроза для жизни, здоровья и материальных ценностей, то бездействие-невмешательство вызывает ответственность, когда опасность угрожает жизни потерпевшего³⁶ и помощь могла быть оказана без серьезного риска для себя или других лиц. Однако в действующем кодексе особенности упоминаемых форм бездействия учитываются недостаточно. Создание конкретной опасности карается лишь в определенных случаях в зависимости от способа ее создания, и нет родового состава данного преступления. Имеет место и смешение разных форм бездействия: в ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) говорится как об ответственности за

бездействие-невмешательство, так и за бездействие, создавшее опасность для жизни.

Таким образом, с объективной стороны преступления, опасные для жизни и здоровья, выражаются либо в создании (действием или бездействием) конкретной опасности для жизни и здоровья человека и материальных ценностей (именуются в дальнейшем поставлением в опасность), либо в неотвращении такой опасности, созданной помимо бездействовавшего (именуются в дальнейшем оставлением в опасности).

Преступления, опасные для жизни и здоровья, юридически считаются оконченными деяниями при создании конкретной опасности или ее неотвращении. Наступление последствий – смерти, телесных повреждений или причинение материального ущерба – выходит за рамки составов этих преступлений.

Такие преступления всегда называли формальными, беспоследственными, в отличие от материальных, где в качестве оконченого состава наказуемы действия, повлекшие определенные, в законе указанные последствия.

Деление преступлений на формальные и материальные некоторыми авторами оспаривается. Исходя из того что «последствиями должны быть признаны не только изменения, происходящие в сфере внешней физической природы, но и факты, относящиеся к сфере политической, психической и моральной»³⁷, А.Н. Трайнин, положивший начало этому спору³⁸, считает упомянутое деление неправильным.

Сторонники того, что нет беспоследственных преступлений, указывают, что последствия материальные поддаются установлению, другие же последствия не поддаются ни измерению, ни конкретизации³⁹. В то время, когда в последнем случае одни говорят о формальных, беспоследственных преступлениях, другие возражают против деления преступлений на формальные и материальные⁴⁰. Спор, следовательно, сводится к терминологии, а не к существу вопроса. Как указывает А.А. Пионтковский, различие между формальными и материальными преступлениями «следует рассматривать как техническую терминологию, от которой можно отказаться, если имеется возможность предложить нечто лучшее»⁴¹. Во всяком случае мнения противников деления преступлений на формальные и материальные «находятся, – как отмечает М.Д. Шаргородский, – в противоречии с имеющимися... составами "поставления в опасность", которые тем и характерны, что

карают за самое действие без наступления определенного результата»⁴². Наличие таких составов, существенно отличающихся от тех, в объективную сторону которых включается наступление указанного в законе результата, и вызывает необходимость в определенной терминологии.

Не признавая наличия беспоследственных преступлений, некоторые авторы различают две формы последствий: последствия в узком смысле (определенные изменения во внешнем мире, предусмотренные составом преступления) и последствия в широком смысле (вред, причиненный общественным отношениям)⁴³. Другие различают причинение фактического ущерба объекту и создание угрозы причинения такого ущерба⁴⁴. В составах постановления в опасность признается вторая форма последствий. Но и здесь вопрос не выходит за рамки терминологии. Скажем ли мы, что при постановлении в опасность последствием является вред, причиненный социалистическим общественным отношениям, или создание конкретной возможности причинения вреда жизни, здоровью или материальным ценностям, или что наступление последствий выходит за рамки их составов, – ничего по существу не изменяется. Главное состоит в том, что в преступлениях, опасных для жизни и здоровья, в качестве оконченного преступления наказуемо само поведение, конкретно опасные действия, которые не причинили, но могли причинить смерть, телесные повреждения или материальный ущерб, или бездействие-невмешательство, когда жизни другого угрожала опасность.

Как указывает А.А. Пионтковский, «различие между "формальными" и "материальными" преступлениями и соответствующее этому различие в конструкции состава преступления реально существует в действительности и в советском уголовном законодательстве, и отвергать его – значит спорить против очевидных фактов»⁴⁵.

Преступления, опасные для жизни и здоровья, – беспоследственные, формальные преступления. Этим они отличаются от материальных преступлений, совершением которых одновременно может быть создана конкретная опасность для жизни и здоровья людей. Такими, например, преступлениями являются умышленное разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них, подвижного состава или судов, средств связи или сигнализации, которое могло повлечь крушение поезда, аварию корабля – ст. 83 (86), умышленное уничтожение или повреждение социалистического или личного имущества граждан, совершенное путем поджога или иным общепасным способом, – ст. 96 (98), ч. 2; 146 (149), ч. 2.

От поставления в опасность они отличаются тем, что:

а) в качестве оконченного состава здесь преследуется наступление соответствующих материальных последствий – уничтожение или повреждение имущества;

б) создание этими преступлениями опасности для жизни или здоровья возможно, но не обязательно;

в) эта опасность, если она имеет место, может быть конкретной или абстрактной⁴⁶.

Внешне к материальным преступлениям примыкает незаконное производство аборта, если исходить только из того, что при прерывании беременности имеет место изгнание плода. Однако при совершении аборта создается конкретная опасность для жизни и здоровья женщины. Создание такой опасности объективно присуще аборту, даже произведенному по всем правилам врачебного искусства.

При оценке аборта с этих позиций он оказывается формальным преступлением. Очевидно, нужно исходить из того, что является главной целью уголовно-правового преследования аборта – охрана плода и тем самым обеспечение роста народонаселения или охрана жизни и здоровья женщины.

Исходя из того факта, что при легализации абортотворения они у нас все же преследуются, если совершаются вне больниц или других лечебных учреждений или хотя бы в этих учреждениях, но не врачами, следует прийти к выводу, что целью наказуемости аборта всегда является охрана жизни и здоровья женщины. Правовая же охрана плода имеет место наряду с охраной жизни и здоровья и то лишь в тех случаях, когда аборты запрещены. При этом важно отметить, что наш законодатель отказывается от уголовно-правовой охраны плода во имя охраны жизни и здоровья женщины, ибо разрешает совершение аборта в надлежащих условиях и надлежащими лицами, чтобы уберечь женщину от совершения этой операции в условиях максимальной для нее опасности. Незаконный аборт поэтому следует отнести к преступлениям, опасным для жизни и здоровья⁴⁷.

Как уже отмечалось, наступление смерти, нанесение телесных повреждений выходит за рамки этих преступлений. Включение таких последствий в конститутивные признаки состава преступления, опасного для жизни и здоровья, привело бы к утере им своей специфики и превращению его в преступление против жизни и здоровья. Иначе говоря, ограничение ответственности за действия, которые могли бы рассматриваться как преступление,

опасное для жизни и здоровья, наступлением последствий означает не что иное, как дробление составов преступлений против жизни и здоровья. Выделение, например, состава нарушения правил движения на автотранспорте, повлекшего причинение кому-либо смерти, является не чем иным, как созданием специального вида неосторожного убийства. Такое выделение не изменяет пределов уголовно-правового вмешательства⁴⁸, очерченного нормой об ответственности за неосторожное лишение жизни, и лишь дает возможность, учитывая опасность способа причинения, предусмотреть повышенную ответственность.

Включение в объективную сторону не собственно наступления последствий, а лишь конкретной возможности их наступления является спецификой рассматриваемых преступлений. Это вовсе не означает, что последствия, если они фактически наступили, не должны учитываться. Законодатель в ряде случаев рассматривает наступление смерти, нанесение телесных повреждений или причинение материального ущерба в качестве обстоятельства, влекущего повышенную ответственность.

Иногда законодатель объединяет в одном составе как те конкретно опасные деяния, в результате которых смерть или телесные повреждения наступили, так и те, которые могли вызвать их наступление. При такой конструкции состава стирается грань между преступлением против жизни и здоровья и преступлением, опасным для жизни и здоровья, несмотря на их очевидную неодинаковую общественную опасность. Никак нельзя, например, отождествить действие, повлекшее смерть, и действие, создавшее конкретную угрозу жизни. Поэтому действующие уголовные кодексы союзных республик правильно разграничивают преступления, опасные для жизни и здоровья, и преступления против жизни и здоровья, прежде в ряде случаев объединявшиеся в одном составе⁴⁹. Однако этот принцип не доведен до конца. Так, ст. 217 (222) объединяет в одном составе нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, «если оно повлекло или могло повлечь распространение заразных заболеваний»⁵⁰.

Большинство уголовных кодексов советских республик и зарубежных социалистических стран определяет ответственность за сам факт оставления в опасности безотносительно к наступившим последствиям. Другие уголовные кодексы⁵¹ включают в составы оставления в опасности указание на последствия – смерть или телесные повреждения и тем самым ограничивают область уголовно наказуемого вмешательства при оставлении без помощи, признавая, что если, несмотря на бездействие виновного, с потерпевшим

ничего не случилось, то уголовная ответственность не должна иметь места.

Наступление или ненаступление последствий не зависит от виновного в бездействии, является случайностью или результатом вмешательства других лиц и поэтому не может оказывать решающего влияния на оценку поведения виновного. Следовательно, включение в признаки отдельных составов оставления в опасности наступления смерти или нанесения телесных повреждений лишено оснований.

§ 4. Объективная сторона (причинная связь)

Сторонники и противники каузальности бездействия одинаково исходят из того, что бездействие едино. В спорах по этой проблеме они, однако, оперируют фактами (примерами) бездействия противоположного свойства. Сторонники каузальности бездействия берут примеры из области бездействия, создающего опасность, противники – из области бездействия-невмешательства. По этой причине, если опираться на иллюстративный материал, аргументы тех и других представляются одинаково убедительными.

Какая разница между действием лица, нажавшего не ту кнопку на пульте управления, что вызвало катастрофу, и того, кто не нажал в нужное время нужную кнопку, что повлекло такие же последствия? В первом случае – действие, во втором – бездействие, а в итоге каузальность бездействия очевидна. Так именно и утверждается в литературе: «Человек работает на сложном агрегате, его деятельность состоит в наблюдении за машиной и совершении время от времени необходимых движений. Положим, он совершил неправильное движение, вызвавшее катастрофу. Очевидно, результат причинен этим его действием. Но, положим, он забыл совершить нужное движение по регулированию машины, и произошла катастрофа. Столь же бесспорно, что причиной катастрофы явилось его бездействие».⁵²

Однако есть разница между тем, кто сбросил с лодки в воду (действие) не умеющего плавать человека, отчего он утонул или мог утонуть, и тем, кто, видя это и имея возможность оказать помощь, не сделал этого (бездействие). Опять действие и бездействие, но различная природа их представляется очевидной, и имеются основания говорить о том, что такое бездействие не причиняет вреда. Так, М.Д. Шаргородский пишет: «При бездействии причинная связь отсутствует вообще. И вопрос, который нужно решать

в этом случае, не в том, когда бездействие является причиной наступившего результата, а только в том, когда субъект отвечает за бездействие. Решение вопроса заключается в том, что, если преступник, не желая наступления преступного результата, не совершил действие, которое мог и должен был совершить, его бездействие должно рассматриваться как самостоятельное преступление и караться лишь тогда, когда оно специально предусмотрено законом. Когда преступник желал наступления преступного результата и сознательно бездействовал для того, чтобы результат наступил, то, хотя причинной связи нет, виновный отвечает как за причинение, ибо он обязан был действовать»⁵³.

Парадокс состоит в том, что одна сторона, оперируя фактами бездействия, создающего опасность, делает вывод о каузальности бездействия вообще. Другая же сторона, оперируя фактами бездействия-невмешательства (или имея их в виду), делает вывод о некаузальности бездействия вообще.

Нам представляется, что проблема причинной связи при бездействии должна решаться дифференцированно, в зависимости от формы бездействия. При бездействии, создающем опасность, поскольку оно ничем не отличается от активного действия, вопрос о причинной связи должен решаться так же, как и при совершении действия. При бездействии-невмешательстве опасность не создается и последствия из него не вытекают. Поэтому вопрос о причинной связи при бездействии-невмешательстве не должен возникать.

Согласно этому традиционный тезис «вопрос о причинной связи бездействия и наступивших общественно опасных последствий решается так же, как и при совершении активного действия», содержащийся едва ли не во всех учебниках советского уголовного права, следовало бы уточнить, определив, что «вопрос о причинной связи при бездействии, за исключением бездействия-невмешательства, решается так же, как и при совершении активного действия». А далее следует указать, что объективным основанием ответственности за бездействие-невмешательство является неисполненная обязанность действовать, если имеется специальная уголовно-правовая норма, признающая такое бездействие преступлением.

Вопрос о причинной связи в преступлениях с материальным составом решается ретроспективно: анализируется связь между совершенным деянием и уже наступившим результатом и принимается решение о наличии либо отсутствии причинной связи. Авторы, признающие в составах поставления в опасность их

последствием создание опасного для жизни и здоровья людей состояния и относящиеся на этом основании такие преступления к материальным, соответственно решают вопрос и о причинной связи. Как указывает Т.В. Церетели, «опасное состояние должно считаться наступившим с того момента, когда объект посягательства вступил в сферу действия опасных сил»⁵⁴. Между деянием лица и таким опасным состоянием должна существовать причинная связь. И при таком взгляде вопрос о причинной связи решается ретроспективно: анализируется связь между совершенным деянием и уже наступившим опасным состоянием и принимается соответствующее решение.

Однако при ином и, на наш взгляд, правильном понимании материальных преступлений составы постановления в опасность к ним не относятся. Трудно назвать последствием опасность, созданную для жизни, здоровья или материальных ценностей действием или бездействием лица, если фактически этим благам ущерб не причинен.

Тем не менее в преступлениях постановления в опасность вопрос о причинной связи не снимается. Он решается лишь по-иному в связи со спецификой этих преступлений. В отличие от преступлений с материальным составом, где вопрос о причинной связи решается ретроспективно, в составах постановления в опасность он решается перспективно. Здесь невозможна реальная фиксация связи между действием (бездействием) и последствиями ввиду отсутствия последних. При постановлении в опасность надлежит установить причинную связь между действием (бездействием) и возможными последствиями. Иначе говоря, следует установить, является ли инкриминируемое виновному действие (бездействие) таким, которое вызвало бы наступление последствий.

Как уже отмечалось, при постановлении в опасность отсутствие последствий является следствием вмешательства других лиц, находчивости потерпевшего, счастливого стечения обстоятельств и других причин, не зависящих от воли виновного, поэтому при рассмотрении дел о таких преступлениях следует установить, благодаря какому обстоятельству последствия не наступили. Причинная связь между действием (бездействием) и возможным последствием имеется, если, мысленно исключив обстоятельство, воспрепятствовавшее наступлению результата, мы приходим к выводу, что он наступил бы. Напротив, если мы приходим к выводу, что при отсутствии внешнего вмешательства результат все равно не наступил бы, то это будет означать,

что возможность последствий отсутствовала и исследуемое деяние не могло быть причиной возможных последствий. Отсутствует тем самым объективное основание для уголовной ответственности.

§ 5. Преступления, опасные для жизни и здоровья, и малозначительность

Специфика преступлений, опасных для жизни и здоровья, определяет особенности применения к ним ст. 7 Основ уголовного законодательства. Последняя указывает, что «не является преступлением действие или бездействие, хотя формально содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности».

Анализу этой нормы в советской литературе уделено большое внимание⁵⁵. Однако особенности ее применения к формальным составам, в частности анализируемым, не исследовались.

Само наличие такой нормы является естественным следствием материального определения преступления как прежде всего общественно опасного деяния, посягающего на социалистические общественные отношения, как указывал А.Н. Трайнин, «наличие в действиях субъекта состава преступления в достаточной мере обосновывает применение к виновному уголовной санкции. Отсюда, однако, еще нельзя делать общего вывода, что наличие состава всегда и безусловно влечет уголовную ответственность... В системе социалистического уголовного права возможность отказа от уголовного преследования, несмотря на формальное наличие состава, покоится на органическом сочетании формальной и материальной оценки преступления»⁵⁶. Такая возможность и предоставлена ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства.

Н.Д. Дурманов указывает, что деяние может быть малозначительным по двум признакам: свойствам объекта, на который направлено посягательство, и характеру действия или бездействия⁵⁷.

Детализируя второй из них, Т.В. Церетели и В.Г. Макашвили называют три признака для определения малозначительности: общественную значимость объекта посягательства, степень возможности причинения вреда данным деянием и размер возможного вреда⁵⁸.

Вследствие большой социальной ценности жизни и здоровья посягательства на эти блага признаются преступными, когда создана конкретная опасность причинения вреда, хотя

фактически он еще не был причинен. Поэтому по свойствам объекта посягательства ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства не может быть применена к преступлениям, опасным для жизни и здоровья.

Характеризуя степень возможности причинения вреда данным деянием, Т.В. Церетели и В.Г. Макашвили пишут: «Если действие, направленное на причинение общественно вредного последствия, настолько отдалено от него, что не создает реальной возможности его наступления, не создает непосредственной угрозы повреждения объекта... то такое действие по общему правилу малозначительно»⁵⁹. Значение этого критерия для применения ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства к материальным преступлениям не вызывает сомнений. Применение же его к таким формальным преступлениям, какими являются преступления, опасные для жизни и здоровья, оказывается невозможным.

Как уже отмечалось, объективная сторона постановления в опасность выражается в деяниях, создающих конкретную опасность для жизни и здоровья. Если деяние, направленное на причинение общественно вредного последствия, настолько отдалено от него, что не создает реальной возможности для его наступления, то нет и самого конкретно опасного деяния. В таком случае то, что совершено, даже формально не содержит признаков, предусмотренных уголовным законом.

Применение упоминаемого критерия малозначительности к преступлениям, опасным для жизни и здоровья, может привести к тому, что все они попадали бы под этот критерий и законы об ответственности за такие преступления утратили бы значение.

Другое дело третий критерий – размер причиненного вреда, как указывают все авторы, касавшиеся правовой оценки малозначительности деяния как обстоятельства, устраняющего уголовную ответственность, следует иметь в виду не размер действительно причиненного вреда, а размер вреда, который мог быть вызван деяниями лица.

Это положение применимо лишь к тем из преступлений, опасных для жизни и здоровья, в конструкции которых наряду с формальным выделяется материальный состав. Если действительно причиненный вред вследствие его малозначительности не образует состава материального преступления, но мог быть причинен значительный вред, то имеет место формальный состав данного преступления.

Особенность таких составов не всегда учитывается практикой. Так, оправдан за малозначительностью причиненного ущерба

А., преданный суду за то, что он не подложил тормозной башмак под колесо вагона сборного поезда, стоявшего под уклон, вследствие чего хвостовая часть его после расцепки с головной частью пришла в движение и столкнулась с хвостовой частью другого (грузового) поезда, отчего были повреждены вагоны и причинен ущерб на сумму 57 руб.⁶⁰.

Если бы ст. 82 (85) предусматривала ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта лишь в случае наступления последствий, указанных в ее первой части, то применение ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства не вызывало бы в данном случае сомнений. При наличии же и формального состава нарушений правил безопасной работы транспорта ошибка суда очевидна. Если состав преступления образуют нарушения, которые могли повлечь тяжкие последствия, то фактическое причинение малозначительного вреда при обстоятельствах, когда могли наступить тяжкие последствия, должно рассматриваться как преступление с формальным составом.

В преступлениях с формально-материальными составами оценка малозначительности тесно связана с тем, как определены последствия, при наличии которых имеет место материальный состав преступления. Между тем далеко не совершенное их определение в законе неизбежно влечет разнотолкование и затрудняет практическое уяснение малозначительности. Так, ст. 212 (217) различает нарушения правил хранения, использования, перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ, которые «могли повлечь тяжкие последствия» (ч. 1) и повлекшие «тяжкие последствия» (ч. 2). По мнению одних авторов, тяжкими последствиями следует считать смерть, тяжкие телесные повреждения или значительный материальный ущерб⁶¹. По мнению других, к таким последствиям относятся смерть, тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, существенный материальный ущерб⁶²; по мнению третьих – гибель людей, их заболевание, значительный материальный ущерб⁶³; по мнению четвертых, – гибель людей, причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, либо причинение средней тяжести телесных повреждений многим лицам, либо значительный материальный ущерб⁶⁴. Несмотря на разнотолкование приведенных определений, они в части, относящейся к посягательству на личность, являются все же точными. Можно встретить и такие определения тяжких последствий: «несчастные случаи с людьми, причинение крупного ущерба предприятию, взрыв или авария на производстве и т.д.»⁶⁵.

Соответственно первому взгляду причинение нарушением указанных в ст. 212 (217) правил менее тяжких телесных повреждений образует состав преступления, предусмотренный ч. 1 этой статьи. Соответственно же второй точке зрения в этом случае следует применить ч. 2 ст. 212 и т.д.

Различное определение «тяжких последствий» оказывает влияние и на оценку малозначительности. Фактическое причинение незначительного материального ущерба согласно ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства исключает наличие материального состава, предусмотренного ч. 2 ст. 212 (217). Однако если в этом случае могли быть причинены менее тяжкие телесные повреждения, то наличие состава, предусмотренного ч. 1 ст. 212 (217), уже оказывается спорным.

Хотя представляется более правильным второй взгляд, поскольку термин «тяжкие» охватывает собой как тяжкие, так и менее тяжкие (они тоже «тяжкие») телесные повреждения, законодателю не следует прибегать к неточным терминам, во всяком случае, когда это связано с правовой оценкой посягательств на здоровье человека, где выработаны точные понятия⁶⁶. Они и должны быть использованы при наименовании последствий, которые могут наступать от действий, создающих конкретную опасность для здоровья.

Ставить вопрос о применении понятия малозначительности к преступлениям с формальным составом можно, как пишет Н.Д. Дурманов, «если для состава преступления достаточно возможности причинения вреда, а неосторожное действие или бездействие могло причинить только незначительный ущерб»⁶⁷. Приведенное положение говорит лишь о неосторожных деяниях, хотя конкретная опасность причинения вреда может быть создана и умышленными деяниями. Оно также не учитывает различий в описании признаков преступлений с формальным составом.

Если в обрисовке последних содержится указание на возможность наступления определенных последствий, а содеянное угрожало меньшими последствиями, то на основании ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства состава преступления не будет. Не будет, в частности, состава загрязнения водоемов, предусмотренного ст. 218 (223) Уголовного кодекса, в случае сброса в них такого количества отходов промышленного предприятия, которое могло причинить лишь малозначительный ущерб рыбным запасам.

Малозначительность как обстоятельство, устраняющее общественную опасность содеянного, относится к характеристике деяния, а не деятеля. Поэтому самая отрицательная характеристика

личности не может служить основанием для признания состава преступления в деяниях, являющихся малозначительными. Нельзя согласиться с теми авторами⁶⁸, которые считают, что опасность лица в ряде случаев может быть основанием для неприменения ч. 2 ст. 7 Основ уголовного законодательства, хотя совершенное субъектом деяние и было само по себе малозначительным.

К таким случаям авторы относят повторность деяния, но повторность малозначительного деяния превращает его в уголовно наказуемое лишь в случаях, когда она предусмотрена законом в качестве условия уголовной ответственности и тем самым является элементом состава преступления. В остальных случаях признание повторности малозначительного деяния условием уголовной ответственности противоречило бы закону.

С другой стороны, никакие заслуги инженера по технике безопасности, допустившего эксплуатацию опасных агрегатов без ограждающих приспособлений, дежурного по станции, отправившего локомотив на занятый перегон, не могут служить основанием для признания деяния малозначительным, хотя вредные последствия не наступили, как правильно писал С.Ф. Кечемян, «норма права должна применяться невзирая на лица»⁶⁹. Положительная характеристика может учитываться лишь при выборе санкции.

§ 6. Вина

Преступления, опасные для жизни и здоровья, со стороны субъективной характеризуются умыслом или неосторожностью к деянию и отсутствием умысла к возможным последствиям. При поставлении в опасность имеется умысел или неосторожность к деянию и неосторожность к возможным последствиям. При оставлении в опасности – умысел на бездействие-невмешательство и отсутствие вины к возможным последствиям.

При умышленном создании опасности характер психического отношения к ненаступившим последствиям определяет, будет ли содеянное квалифицироваться как поставление в опасность или покушение на убийство или телесное повреждение. Умысел к ненаступившим последствиям образует покушение на преступление против жизни и здоровья (см. § 8 этой главы). Психическое отношение к ненаступившим последствиям при поставлении в опасность может выражаться только в форме неосторожной вины. Поэтому поставление в опасность, с объективной стороны тождественное с покушением, юридически не может квалифицироваться как

покушение, предполагающее умышленное отношение к ненаступившим последствиям. Этим поставление в опасность отличается от покушения на убийство или на причинение телесных повреждений либо причинение вреда имуществу, наказуемость которого (покушения) обеспечивается нормами об ответственности за неоконченную преступную деятельность.

Что касается оставления в опасности, то оно может быть вменено лишь тому, кто имел возможность оказать помощь, но бездействовал. С другой стороны, чтобы такую возможность реализовать, необходимо сознавать, что потерпевшему угрожает опасность. Это определяет содержание субъективной стороны оставления в опасности, если оно выразилось в бездействии-невмешательстве. Кто знает об опасности, угрожающей другому лицу, и имеет возможность оказать помощь, но не делает этого, тот бездействует умышленно.

Осознание виновным в бездействии-невмешательстве опасности, угрожающей оставленному без помощи, является необходимым условием квалификации содеянного как оставления в опасности. Только исходя из этого можно дать правильную оценку психического отношения виновного в неоказании помощи к ненаступившим (или наступившим) последствиям.

Сознавая опасность, которая нависла над потерпевшим, виновный в бездействии-невмешательстве предвидит возможность или даже неизбежность гибели потерпевшего, не оказывая ему при этом помощи, виновный если и не желает, то во всяком случае сознательно допускает следствие, безразлично к нему относится. Если такое психическое отношение к последствиям можно назвать умыслом, то без этого умысла оставление в опасности немислимо.

Однако умыслом в уголовно-правовом смысле является определенное отношение к последствиям «своего действия или бездействия» (ст. 8 Основ уголовного законодательства), как уже отмечалось, при бездействии-невмешательстве конкретная опасность для потерпевшего создана не действием или бездействием виновного. Она возникла помимо его поведения. При оставлении в опасности, где виновный не создавал опасной ситуации, последствия не являются результатом его действий. Отношение виновного к последствиям здесь не в умысле на их причинение, а в понимании неизбежности или возможности их наступления.

Можно не согласиться с такой трактовкой и считать, что если виновный в бездействии-невмешательстве, сознавая опасность, предвидел и желал или сознательно допускал возможность гибели

оставленного без помощи, то его отношение к последствиям является умышленным. В таком случае умысел становится обязательным спутником оставления в опасности. Значит, в каждом оставлении в опасности нужно видеть убийство или покушение на убийство. Однако такой вывод противоречит самому факту существования норм об ответственности за оставление в опасности. Поэтому субъективная сторона бездействия-невмешательства при оставлении в опасности исчерпывается умышленным бездействием – при понижении опасности, угрожающей оставленному без помощи.

Другое дело оставление в опасности, которому предшествовало создание опасной для потерпевшего ситуации – ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127). Субъективная сторона такого оставления в опасности выражается в умышленном или неосторожном создании опасности при неосторожном отношении к ненаступившим (или наступившим) последствиям.

Преступления, опасные для жизни и здоровья, по субъективной стороне отличаются от усеченных составов. Встречающееся в литературе отождествление названных преступлений с усеченными составами является ошибочным. Так, в одном из учебников уголовного права усеченным составом признается нарушение правил техники безопасности, которое могло повлечь утрату трудоспособности, а также оставление в опасности⁷⁰.

Усеченные составы характерны тем, что в них момент окончания преступления перенесен на какую-либо стадию предварительной преступной деятельности. Вследствие этого преступное поведение, не повлекшее материальных последствий и в обычных случаях рассматриваемое как покушение или приготовление, квалифицируется в качестве оконченного деликта. Если не ограничить понятие оконченного состава указанием на материальные последствия, то предшествующая деятельность, если не облекать ее в форму усеченного состава, будет рассматриваться как покушение. Так, усеченным составом является разбой, т.е. «нападение с целью завладения чужим имуществом граждан, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой применения такого насилия» – ст. 143 (146) УК. Если же сформулировать этот состав как «завладение чужим имуществом посредством нападения, соединенного с насилием...» и т.д., то он перестанет быть усеченным и насилие, опасное для жизни и здоровья, совершаемое с целью завладения чужим имуществом, не приведшее, однако, к достижению этой цели, будет рассматриваться как покушение на разбой.

Другое дело преступления, опасные для жизни и здоровья. Если в состав поставления в опасность внести изменения, указав на

последствия (смерть или телесные повреждения), то деятельность, рассматривавшаяся до такого изменения как поставление в опасность, не будет рассматриваться как покушение, предполагающее умысел к ненаступившим последствиям. Так, в ч. 3 ст. 137 (ч. 3 ст. 140) предусмотрена ответственность за нарушение правил техники безопасности, повлекшее смерть человека или причинение тяжких телесных повреждений нескольким лицам. Предусмотренные ч. 1 этой же статьи нарушения правил техники безопасности, если они могли повлечь упомянутые последствия, вовсе не образуют усеченного состава преступления.

Что касается оставления в опасности, то введение в признаки состава наступления смерти оставленного без помощи ничего не изменит, но лишь повлечет исключение из области уголовно наказуемого поведения неоказание помощи, если, однако, потерпевший не погиб. При такой материализации состава неоказание помощи при фактическом отсутствии последствий не превратит содеянное в покушение, т.к. отсутствует (и, как уже отмечено, иначе быть не может) умысел на причинение смерти.

Различие между усеченным составом и составом преступления, опасного для жизни и здоровья, заключается в том, что оконченным преступлением признается в первом случае предварительная преступная деятельность, соединенная с умыслом к ненаступившим последствиям, а во втором случае – преступная деятельность, соединенная с неосторожным отношением к ненаступившим последствиям (поставление в опасность) или выражающаяся в умышленном бездействии-невмешательстве (оставление в опасности).

Если не будет создан усеченный состав, то при наличии соответствующего состава, являющегося оконченным при наступлении последствия, предшествующая деятельность, не приведшая к результату, будет квалифицирована как покушение на совершение преступления. В случае же, когда не создан состав преступления, опасного для жизни и здоровья, нет ответственности за создание конкретной опасности при неосторожном отношении к ненаступившим последствиям, нет ответственности за бездействие-невмешательство. Различие между упомянутыми составами заключается, следовательно, и в рамках уголовно-правового вмешательства, не изменяющихся при отказе от конструкции состава как усеченного, но суживающихся при отказе от состава поставления в опасность или оставления в опасности.

Неосторожное преступление, каким является и поставление в опасность, в каждом отдельном случае менее опасно, чем

соответствующий по другим элементам состав умышленного преступления. Однако в условиях технического прогресса и всевозрастающего значения внимательности неосторожные преступления в своей совокупности становятся опаснее умышленных⁷¹. Это обстоятельство определяет повышенное внимание к вопросам ответственности за неосторожность. Вина и к самой конструкции этой формы вины и ее видов.

Теневые стороны технического прогресса побудили некоторых зарубежных авторов высказаться за то, чтобы в нашу техническую эру вернуться к объективному вменению, наказывая и в уголовном порядке за само нарушение правил эксплуатации технических средств, которое повлекло или могло повлечь тяжкие последствия, независимо от того, мог ли деятель их предотвратить. Это предложение неприемлемо и, очевидно, продиктовано повышенным страхом перед отрицательными последствиями технического прогресса и переоценкой значения уголовно-правовых средств борьбы вообще и с нарушениями норм безопасности при эксплуатации источников повышенной опасности в частности.

Объективное вменение чуждо социалистическому уголовному праву и уже по одному этому должно быть отвергнуто. Оно, кроме того, неспособно достичь каких-либо утилитарных целей.

Прав М. Угрехелидзе, отмечая, что «угроза наказанием не может воздействовать на лицо, которое в момент совершения объективно вредного поступка не способно так напрячь свои силы, чтобы выполнить требования правопорядка» и что «объявление наказуемым случайного причинения вреда в процессе осуществления... опасной деятельности заставило бы всех и каждого постоянно опасаться возможности наступления каких-либо случайных последствий. Такая ответственность превратилась бы в тормозящую силу как для технического прогресса, так и для социального прогресса в целом»⁷².

Заслуживает внимания предложение М.Д. Шаргородского увеличить объем требований к лицам, эксплуатирующим источники повышенной опасности, и соответственно этому расширить по отношению к ним рамки преступной небрежности. М.Д. Шаргородский считает, что «человек в современном обществе должен отвечать за то, что он принимает на себя ответственность за деятельность или действия, с последствиями которых он справиться не в состоянии», что «от гражданина можно и должно требовать, чтобы он не занимался такой деятельностью, с которой справиться не в состоянии» и что «субъект должен отвечать в случае,

когда он по своей вине оказался в такой ситуации, с которой он не состоянии справиться»⁷³. Должны, например, отвечать лицо, не имеющее водительских прав, но взявшееся за управление автомобилем и вследствие незнания правил создавшее опасную ситуацию, которую оно в силу незнания правил предвидеть не могло; инженер, управляющий агрегатом и создавший опасную ситуацию потому, что из-за незнания совершил неправильные действия, если соответствующие знания он должен был иметь; врач, который прописал больному значительно повышенную дозу сильнодействующего препарата, хотя его учили тому, какой должна быть норма, но он не усвоил этого и поставил жизнь больного под угрозу.

Действующая формула преступной небрежности «лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, хотя должно было и могло их предвидеть», основанная на сочетании объективной обязанности и субъективной возможности предвидеть, исключает в приведенных примерах небрежность даже при наличии последствий. Очевидно, для подобных случаев, когда лицо обязано было знать то, чего не знало, и оно повинно в незнании либо взялось за дело, требующее профессиональных знаний, которых у него не было, формула небрежности могла бы быть ограничена обязанностью предвидеть («должно предвидеть»).

И здесь не будет объективного вменения, поскольку лицо хотя и не могло предвидеть общественно опасных последствий своего деяния, но в том, что такой возможности не было, оно само повинно.

Трактуя действующее определение небрежности, многие авторы и сейчас признают эту форму вины в поведении упомянутых выше лиц при наличии с их стороны обязанности предвидеть, хотя они не могли предвидеть из-за отсутствия по своей вине знаний⁷⁴. Однако такое толкование не основано на законе, и следовало, развывая предложение М.Д. Шаргородского, из общего понятия преступной небрежности выделить по отношению к названным выше лицам формулировку, содержащую указание на один критерий этой вины – обязанность предвидеть общественно опасные последствия своих деяний.

Расширение понятия преступной небрежности в отношении определенной категории лиц отразится и на понятии преступлений, связанных с поставлением в опасность, расширит область уголовно наказуемого поведения, связанного с эксплуатацией источников повышенной опасности.

§ 7. Вина (двойная форма вины)

Неоднородность психического отношения виновного к деянию и к последствиям, свойственная поставлению в опасность (когда деяние совершено умышленно), вынуждает рассмотреть возражения против разграничения вины к деянию и к последствиям (двойной, смешанной или сложной формы вины, как ее называют разные авторы) вообще и в формальных составах в частности.

Хотя большинство советских криминалистов признают двойную форму вины, возражения оппонентов заслуживают внимания. Их анализ и оценка помогут лучше выяснить специфику рассматриваемых преступлений, их субъективной стороны.

По мнению А.Б. Сахарова, разграничение вины означает «разрыв между действиями лица и причиняемым ими вредным результатом, образующим в своем единстве общественно опасное посягательство. Для советского уголовного права действие вне причиненного им последствия столь же безразлично, как и последствие вне причинной связи с определенным действием виновного лица». А.Б. Сахаров далее указывает: «Именно потому, что характеризующая всякое преступление общественная опасность заключается в причинении действиями лица того или иного ущерба интересам социалистического государства, советского общества, закон и теория конструируют каждую из возможных форм вины – умысел и неосторожность как определенное отношение лица к общественно опасному характеру последствий своих действий». Наконец, к разграничению вины к действию и вины к последствиям судебная практика, по мнению А.Б. Сахарова, не прибегает и, следовательно, в этом не нуждается⁷⁵.

Такого же мнения придерживается Н.Ф. Кузнецова. «Утверждения о двойной вине в пределах одного состава, – пишет Н.Ф. Кузнецова, – являются искусственными и на практике способны внести путаницу в квалификацию преступлений. В самом деле, мыслимо ли неосторожно причинить умышленный ущерб или, наоборот, умышленно причинить неосторожный ущерб? Достаточно только поставить такой вопрос, как становится очевидной его несуразность». Называя составы нарушений правил безопасности труда и нарушений правил безопасности движения транспорта, составы, которые и нас интересуют, Н.Ф. Кузнецова говорит, что «практически для квалификации указанных преступлений установление вины отдельно в отношении действия и результата ничего не дает». И далее: «В судебной практике нельзя встретить

дел, в которых судьи констатировали бы одну форму вины в отношении действий и другую – в отношении последствий этих действий»⁷⁶.

Утверждение о том, что закон конструирует каждую из возможных форм вины лишь как определенное отношение к общественно опасным последствиям, не соответствует определению умысла действующим законом. Статья 8 Основ уголовного законодательства (ст. 8 УК) говорит, что «преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий». В приведенном определении законодатель говорит как о психическом отношении лица к своим деяниям, так и о его отношении к последствиям.

Хотя, как видно, один из аргументов А.Б. Сахарова не соответствует действующему закону, он все же заслуживает внимания. Ранее действовавший закон (ст. 6 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г.), который имеет в виду А.Б. Сахаров, в определении умысла действительно говорил лишь о психическом отношении деятеля к общественно опасным последствиям своих действий, признавая действующими умышленно лиц, которые «предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление».

Дело, однако, не в этом. Изменение формулировки умысла не связано с какой-либо позицией законодателя в отношении разграничения вины к деянию и последствиям. В новой формулировке умысла законодатель признал необходимым элементом этой формы вины осознание деятелем общественной опасности совершаемого им деяния. Другое дело неосторожная вина, имеющая место, если лицо «предвидело опасность наступления общественно опасных последствий своего действия или бездействия, но легкомысленно рассчитывало на их предотвращение либо не предвидело возможности наступления таких последствий, хотя должно было и могло их предвидеть» (ст. 9 Основ уголовного законодательства, ст. 9 УК). Сознание общественной опасности деяния обычно не свойственно неосторожной вине. И если при преступном легкомыслии виновный и сознает такую опасность, то в соответствии с законом это не влияет на оценку вины как неосторожной.

Наличие или отсутствие в формулировках умысла и неосторожности указаний на определенное психическое отношение

виновного к совершаемым им общественно опасным деяниям связано лишь с тем, признается ли оно элементом данной формы вины, и не может служить аргументом ни в пользу двойной формы вины, ни наоборот.

Уже ссылаясь на действующий закон, другие авторы отрицание двойной формы вины аргументируют тем, что она противоречит законодательной конструкции умысла и неосторожности и потому не основана на законе⁷⁷.

Как отмечает П.С. Дагель, двойная форма вины, «не подпадая полностью под определение умысла и неосторожности, находится в рамках виновного совершения общественно опасного деяния. Она построена на сочетании признаков умысла и неосторожности и не выходит за рамки этих признаков. Поэтому ее существование исключается действующим законодательством, признание ее не противоречит закону»⁷⁸.

В разграничении вины к деянию и к последствиям А.Б. Сахаров усматривает разрыв единого психического процесса между действиями лица и причиняемым ими результатом, но это лишь кажущийся разрыв. Анализируя понятие, мы расчленим его на составные части, памятуя об их единстве. Иначе, и это общеизвестно, нельзя понять явление. Уясняя понятие конкретного состава преступления, мы выделяем в нем признаки, характеризующие объект, объективную сторону и т.д. Но это не означает, что мы разрываем состав данного преступления. Уяснение части – путь к пониманию целого. Различая в одном составе вину к деянию и к последствиям, мы не перестаем оценивать их как признаки, характеризующие субъективную сторону состава в целом. Как отмечается в литературе, А.Б. Сахаровым не учитывается, что «единое психическое отношение, составляющее содержание вины, может быть неоднородным по отношению к деянию и к последствиям, а это и является основанием для конструирования смешанной формы вины»⁷⁹.

Лишены основания и ссылки А.Б. Сахарова и Н.Ф. Кузнецовой на то, что судебная практика не прибегает к разграничению вины к деянию и к последствиям. Напротив, она прибегала к этому задолго до принятия Пленумом Верховного Суда СССР постановления от 9 апреля 1965 г. № 2, в котором было записано: «...разъяснить судам, что в автотранспортных преступлениях отношение виновного к нарушению правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств может выражаться как в форме умысла, так и в форме неосторожности, а к наступившим последствиям – только в форме неосторожности» (п. 2)⁸⁰. По делу

Егоровой, например, в 1946 г. Пленум Верховного Суда СССР, подвергнув детальному анализу субъективную сторону совершенного ею преступления методом разграничения вины к действию и вины к последствиям, указал, что «Егорова, нанося умышленно удар мальчику, вместе с тем по неосторожности причинила ему опасное для жизни телесное повреждение, повлекшее в дальнейшем его гибель»⁸¹. Пленум признал неправильной квалификацию действий Егоровой как умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, указав, что здесь имело место неосторожное убийство. По другому делу Пленум Верховного Суда СССР отметил: «Горбунов нанес удар в ногу умышленно, а к последствиям своих действий отнесся неосторожно»⁸².

Разграничение вины к деянию и к последствиям не только не вносит путаницы в судебную практику, как считает Н.Ф. Кузнецова, а, наоборот, помогает в решении конкретных дел. Н.Ф. Кузнецова правильно говорит о несуразности постановки вопроса о неосторожном причинении умышленного ущерба. Однако здесь имеет место неудачная постановка вопроса. Из разграничения вины к деянию и к последствиям никак не вытекает возможность неосторожного причинения умышленного ущерба, ибо очевидно, что тот, кто действует неосторожно, может относиться к последствиям не более как неосторожно.

Что касается выражения «умышленно причинить неосторожный ущерб» (Н.Ф. Кузнецова), то оно нуждается лишь в редакционной правке. Следует говорить о «неосторожном ущербе, причиненном умышленным действием». И это будет означать, что виновный сознавал, что он делает, но не предвидел, хотя должен был и мог предвидеть наступление последствий или предвидел возможность наступления общественно опасных последствий, но легкомысленно рассчитывал на их предотвращение.

И в этом уже нет несуразности. А. знает, что, выезжая на нерегулируемый и непросматриваемый перекресток, следует вначале убедиться в том, что нет транспорта, следующего наперерез. Однако А., не сделав этого, выезжает на перекресток и сталкивается с машиной. А. сознательно нарушил правила движения и в этой части действовал умышленно, но его отношение к результату было неосторожным.

Основным аргументом Г. Кригера против двойной формы вины является то, что она якобы «оставляет без ответа важнейший вопрос – умышленным или неосторожным при смешанной форме вины следует считать в целом совершенное преступление»⁸³. Сторонники двойной формы вины действительно не отвечают на

этот вопрос, но лишь потому, что не ставят его перед собой, между тем его решение не является трудной задачей.

В преступлениях с материальным составом (именно по отношению к таким преступлениям закон конструирует умысел и неосторожность) преступление является умышленным или неосторожным в зависимости от психического отношения субъекта к последствиям. Это в равной мере относится и к тем преступлениям с формальным составом, элементом которых является возможность наступления последствий.

Другое дело составы преступлений с квалифицирующими обстоятельствами. Но и здесь квалификация их как умышленных или неосторожных не вызывает затруднений. Если умышленным является преступление, сформулированное в родовом составе, то таким же будет и преступление, сформулированное в специальном (видовом) составе, хотя бы по отношению к квалифицирующему обстоятельству требовалась неосторожная вина. Иначе быть не может. Если преступление, сформулированное в родовом составе, является умышленным, а в санкции видового состава предусмотрена повышенная ответственность ввиду наличияотягчающего – квалифицирующего обстоятельства, то преступление с таким дополнительным признаком никак не может быть неосторожным. Такими, в частности, умышленными преступлениями являются преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 106 (108), ч. 2 ст. 96 (98), ч. 2 ст. 146 (149)⁸⁴.

Необходимость разграничения вины к деянию и к последствиям вытекает во всяком случае из факта наличия преступлений, опасных для жизни и здоровья, в частности поставления в опасность. Без такого разграничения здесь не обойтись. Оно необходимо для разграничения поставления в опасность и покушения на убийство или причинение телесных повреждений. Но дело не только в этом. Деяния, создающие конкретную опасность, при наличии неосторожности к ненаступившим последствиям могут быть умышленными или неосторожными. Ознакомление с законодательством показывает, что в одних случаях закон не различает, создана ли конкретная опасность умышленно или неосторожно⁸⁵, в других – в зависимости от формы вины – конструирует отдельные составы создания такой опасности⁸⁶, в третьих случаях неосторожное создание конкретной опасности вовсе не считает преступлением⁸⁷. Возможны, следовательно, ненаказуемое неосторожное создание конкретной опасности при неосторожном отношении к ненаступившим последствиям, наказуемое неосторожное создание такой опасности при таком же отношении к последствиям

и различная ответственность за умышленное и неосторожное создание конкретной опасности⁸⁸.

При этих условиях разграничение вины к деянию и вины к последствиям приобретает большое практическое значение. Отказ от отдельного рассмотрения вины к деянию и вины к последствиям лишает возможности выяснить специфику преступлений, опасных для жизни и здоровья, отграничивать их от других преступлений. Что, например, означает указание, что нарушение техники безопасности с субъективной стороны может быть совершено как умышленно, так и неосторожно⁸⁹? Будет ли иметь место этот состав при умышленном нарушении техники безопасности, соединенном с умыслом к последствиям, которые не наступили? Как следует, например, квалифицировать действия К., который на почве ревности решил убить З.? Работая запальщиком, К. после производства отпалки не записал в отпалочную книгу невзорванный патрон и направил З. бурить в той бурке, где находился этот патрон, не предупредив об опасности. Произошел взрыв, но З. случайно не был убит⁹⁰. Наступает ли в таких случаях ответственность за поставление в опасность нарушение правил техники безопасности или за покушение на убийство? Критикуемая формулировка дает основания для любого решения и поэтому не обосновывает ни одного из них.

Если без разграничения вины к деянию и вины к последствиям нельзя выяснить специфику хотя бы одной группы преступлений, в частности рассматриваемых, то одно это является достаточным аргументом в пользу такого разграничения.

Признавая существование двойной формы вины, отдельные авторы считают, однако, что ее нет в формальных составах, следовательно, и в анализируемых⁹¹. Это мнение не учитывает того, что конструкция таких составов не одинакова. Одно дело формальные составы, элементом которых является возможность наступления последствий, другое – остальные преступления с формальным составом. Двойной вины нет лишь в последних, поскольку здесь наказуемо само деяние и вопрос о возможных последствиях не ставится. Когда же речь идет о формальных составах первой группы, то виновного совершения деяния недостаточно, необходимо, чтобы это деяние было таким, которое могло вызвать последствия, случайно не наступившие. По отношению к таким возможным последствиям необходимо выяснить субъективное отношение субъекта. Тем самым в этой группе преступлений с формальным составом, к числу которых относится и поставление в опасность, двойная форма вины существует.

Особенностью дискуссии о двойной форме вины является то, что ее противники, ранее отрицавшие разграничение вины к деянию и последствиям без каких-либо оговорок, в дальнейшем стали допускать исключения. Одни авторы признают двойную форму вины в составах, в которых деяние наряду с прямыми последствиями может вызвать еще и производные последствия, являющиеся квалифицирующим или только отягчающим обстоятельством⁹². Другие дополняют к этим еще и составы, в которых говорится о возможности наступления последствий⁹³.

Являются ли последствия производными и образуют квалифицирующее либо отягчающее обстоятельство или они включены в элементы основного состава преступления – вопрос технико-юридический, хотя и связанный с той или иной оценкой степени опасности содеянного, отраженного в характеристике состава. Так, ст. 146 (149), ныне предусматривающая в ч. 1 ответственность за умышленное уничтожение личного имущества граждан, причинившее «значительный ущерб потерпевшему», а в ч. 2 – те же действия, если они повлекли «человеческие жертвы или иные тяжкие последствия», может быть сформулирована таким образом, что названные последствия будут объединены в рамках одного состава. Согласно взглядам противников двойной формы вины, допускающих, однако, вину при наличии производных последствий, разграничение вины к деянию и последствиям при предположительном объединении указанных частей закона уже невозможно, т.к. последствия в таком случае не будут носить характер производных.

Если, далее, допустима двойная форма вины в составах, где говорится о возможности наступления последствий, то почему она не допустима в составах, где говорится о наступивших последствиях?

Исключения, допускаемые противниками двойной формы вины, свидетельствуют о необходимости разграничения вины к деянию и последствиям (наступившим или возможным) во всех случаях⁹⁴.

Такое разграничение является незаменимым методом изучения субъективной стороны преступления, который не относится к области законодательного регламентирования. Если такой метод изучения способствует лучшему познанию, то его следует сохранить и распространить. Криминалисты пользуются им, что не мешает, а помогает науке и судебной практике.

Признание необходимости разграничения вины к деянию и к его последствиям вовсе не означает, что оно должно проводиться в каждом случае.

Очевидно, что если у виновного был умысел, например, на лишение потерпевшего жизни, то и действия, которые он совершил ради этого результата, были умышленными. Если же отношение к смерти было неосторожным, то вопрос о том, наступила ли она от умышленных или неосторожных действий, законодатель в большинстве случаев не связывает с квалификацией. Однако квалификацией инкриминируемых виновному действий еще далеко не исчерпывается их правовая оценка, ибо, назначая наказание в пределах, установленных законом, по которому квалифицировано преступное поведение, «суд, руководствуясь социалистическим правосознанием, учитывает характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность» (ст. 93 Основ уголовного законодательства, ст. 36 УК). Как отмечается в литературе, «кроме установления психического отношения лиц к последствиям его деятельности, что необходимо для признания наличия или отсутствия состава определенного преступления, судебные органы заинтересованы в установлении психического отношения лица к самому действию, ибо действие является причиной результата. Установление психического отношения лица к самому действию помогает определению степени виновности лица, что обеспечивает, в свою очередь, индивидуализацию наказания»⁹⁵.

§ 8. Покушение и косвенный умысел

Важное значение в определении понятия преступлений, опасных для жизни и здоровья, имеет проблема оценки косвенного умысла к ненаступившим последствиям.

Создание опасности, совершаемое с прямым умыслом, квалифицируется как покушение на преступление против жизни или здоровья, что же касается правовой оценки косвенного умысла к ненаступившим последствиям, то большинством авторов и практиков отрицается сама возможность покушения при такой форме вины. Применительно к рассматриваемым преступлениям вопрос сводится к тому, будет ли при косвенном умысле к наступившим последствиям состав поставления в опасность либо покушение на преступление против жизни или здоровья.

Противники конструкции покушения на преступление, совершаемое с косвенным умыслом, исходят из того, что поскольку покушение есть начало исполнения преступного намерения, то такого намерения нет при косвенном умысле или, что то же самое,

покушаться можно только на совершение того, чего желаешь, а при косвенном умысле нет желания последствий. Далее отмечается, что конструкция покушения с косвенным умыслом противоречит определению покушения в действующем законе, согласно которому эта стадия преступления есть «действие, непосредственно направленное на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного» (ст. 15 Основ уголовного законодательства, ст. 15 УК).

Еще указывают, что при косвенном умысле виновный допускает возможность последствий и нет оснований выбирать наиболее тяжкое из них и вменять ему в вину, что покушение при совершении преступления с косвенным умыслом неизвестно судебной практике⁹⁶. В польской литературе высказано мнение, что если признать возможным покушение с косвенным умыслом, то в каждом аборте нужно видеть покушение на убийство⁹⁷.

Относительно первого довода можно сказать, что честный человек действительно не делает того, что может привести к преступным и к тому же нежелаемым последствиям, которые он предвидит. Преступник же именно потому, что он преступник, действует, не смотря на сознание, что от этих действий могут наступить последствия, к причинению которых он не стремится. Если преступник сознавал возможность наступления от его действий, совершенных с другой целью, общественно вредных последствий, то нельзя при этом сводить все к тому, желал он их или нет. Желание или нежелание последствий, которые могут наступить от социально опасных действий, это, по выражению В. Бугайского (ПНР), лишь «чувственная окраска»⁹⁸.

Не случайно закон не различает преступления, совершаемые с прямым и с косвенным умыслом⁹⁹. Оспариваемое же мнение приводит к расчленению единого понятия, умысла. Приходится признавать, следуя этой теории, что если при умысле последствия наступили, то форма умысла значения не имеет, если же они не наступили, то начинается дифференциация, противоречащая единству умысла.

То, что закон не различает преступления по формам умысла, свидетельствует об их одинаковой опасности, несмотря на некоторые особенности в психическом отношении к содеянному. Если, следовательно, действующий с прямым и действующий с косвенным умыслом одинаково отвечают за последствия своих сознательных действий, то одинаковой должна быть и ответственность за сознательные действия, случайно не приведшие к последствиям¹⁰⁰.

Оспариваемое мнение нарушает принцип одинаковой опасности разных форм умысла и приводит к тому, что опасность преступления, совершенного с косвенным умыслом (если при этом обошлось без последствий), становится иной и меньшей. Как указывает Э. Немировский, «преступное настроение субъекта, характерное для этого вида умысла, не изменяется от того, что не наступил результат, который субъект предвидел как возможный или очень вероятный и представление о котором не удержало его от деяния: служитель зверинца, который, желая насолить хозяину, выпустил из клетки тигра при таких условиях, что он мог легко загрызть кого-либо из публики или служителей, должен отвечать за покушение на убийство, если тигра успели пристрелить прежде, чем он причинил кому-либо из присутствующих вред»¹⁰¹.

Конструкция покушения с косвенным умыслом не противоречит формулировке покушения в действующем законе, как это показал П.С. Дагель. Статья 15 Основ уголовного законодательства говорит о «направленности действия», а не о желании субъекта создать реально наступившие последствия. Формулировка «действие, непосредственно направленное на совершение преступления» характеризует объективную направленность этого действия на причинение вреда объекту. Об этом свидетельствует слово «умышленное», поставленное перед словом «действие», которое ограничивает сферу понятия «покушение» областью умышленных преступлений, но не только преступлений, совершаемых с прямым умыслом. Если бы слова «действие, непосредственно направленное» подразумевали прямой умысел, то слово «умышленное» было бы излишним. Действия, совершенные с косвенным умыслом в отношении преступного последствия, также непосредственно направлены на совершение преступления¹⁰².

Нет оснований утверждать, что тот, кто предвидел возможность наступления множества преступных последствий (в том числе тяжких) и хотя не желал ни одного из них, но все же действовал, сознавая конкретную возможность их наступления, является менее социально опасным, чем тот, кто предвидел одно последствие и желал его. Кажется, что такой субъект, действующий с косвенным умыслом, не только не менее опасен, но более опасен, как правильно писал Б.С. Утевский, «лицо, действующее с эвентуальным умыслом, в гораздо большей степени приносит в жертву своим личным интересам интересы государства и других людей, чем лицо, действующее с прямым умыслом»¹⁰³. И если при косвенном умысле виновный предвидит среди множества возможных

последствий и тяжкие, то имеются все основания вменять их ему в вину.

Судить об этом можно по характеру действий, обстановке, во время которой они были совершены, и личности виновного с точки зрения того, насколько он отдавал себе отчет в том, какие могли наступить последствия.

Если фактически наступившие последствия оказались менее тяжкими по сравнению с теми, которые могли наступить, то виновный должен отвечать за покушение на причинение этих более тяжких последствий, поскольку он предвидел возможность их наступления. Так, в частности, действия А., выразившиеся в том, что он из хулиганских побуждений несколькими автоматными выстрелами ранил гражданку Р. в живот и в руку, причинив тяжкие телесные повреждения, следовало квалифицировать как покушение на убийство, а не умышленное причинение тяжких телесных повреждений, как квалифицировано это преступление Военной коллегией Верховного Суда СССР¹⁰⁴.

Признание покушения с косвенным умыслом будет иметь большое предупредительно-воспитательное значение. Сознание виновным, действующим с косвенным умыслом, что он понесет ответственность за наиболее тяжкие последствия, которые могли наступить, хотя случайно не наступили, способно удержать его от совершения общественно опасных действий.

Нельзя также согласиться с тем, что признание возможности покушения с косвенным умыслом означает, что всякий криминальный аборт становится покушением на убийство.

Врач, совершая незаконный аборт, предвидит возможность смерти или тяжких телесных повреждений, но это предвидение *in abstracto*, а не *in concreto*. Рассчитывая на свои знания и опыт, врач полагает, что вследствие принятых им мер предосторожности эти последствия не наступят. Речь может идти поэтому лишь о неосторожности в виде преступного легкомыслия. Лицо же, не имеющее специального медицинского образования, в силу своего невежества не сознает всей опасности аборта для жизни и здоровья женщины, а если и сознает, то по той же причине рассчитывает на свой опыт, умение. И здесь можно говорить лишь о неосторожности в форме преступной небрежности или легкомыслия.

Следовательно, производит ли незаконный аборт врач или лицо, не имеющее специального медицинского образования, отношение к возможным последствиям – смерти, тяжким телесным повреждениям – является неосторожным. Если в том или ином случае будет установлен косвенный умысел виновного к смерти

или тяжким повреждением, то он должен нести ответственность за покушение на убийство или причинение тяжких телесных повреждений. Во всяком случае характерным для незаконного аборта является не косвенный умысел, а неосторожность по отношению к возможности наступления упоминаемых последствий.

В качестве аргумента против конструкции покушения с косвенным умыслом указывают на трудности доказывания наличия такого покушения¹⁰⁵. Но такие трудности характерны вообще в случае покушения, независимо от того, с каким видом умысла приходится иметь дело¹⁰⁶.

Таким образом, при косвенном умысле к наступившим последствиям имеется *de lege ferenda* покушение на преступление против жизни и здоровья. Постановление в опасность имеет место при неосторожном отношении к ненаступившим последствиям.

Отрицание покушения с косвенным умыслом официально подтверждено постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 3 июля 1963 г. № 9 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве», в котором сказано, что «в соответствии со ст. 15 Основ уголовного законодательства... деяние виновного может быть признано покушением на убийство лишь в тех случаях, когда оно было непосредственно направлено на лишение жизни другого человека и, следовательно, совершалось с прямым умыслом»¹⁰⁷.

Хотя это разъяснение касается лишь одного преступления, оно фактически воспринято практикой и большинством авторов в качестве общего положения.

Отрицание покушения с косвенным умыслом ведет к недооценке общественной опасности тяжких посягательств против личности, что можно проиллюстрировать на отдельных делах из судебной практики.

А. признан виновным в том, что, будучи в нетрезвом состоянии, взял мелкокалиберную винтовку и пошел в клуб, где беспричинно открыл огонь по танцующим, случайно никому не причинив вреда¹⁰⁸. Г., тоже в нетрезвом состоянии, выйдя на балкон, открыл стрельбу по окну противоположного дома. Он стрелял так долго, что по вызову соседа успели прийти работники милиции. Одна пуля прошла в сантиметре от виска оперуполномоченного. Расстреляв обойму, Г. спокойно положил винтовку и... сел за пианино поиграть «буги»¹⁰⁹. В. и В. на мосту через залив Ладожский г. Сортавала беспричинно приставали к М., нанесли ему удары, выражались нецензурными словами, а затем сбросили его с моста. Потерпевший, оказавшись в воде на расстоянии 8,5 м от берега, выплыл лишь с помощью

постороннего человека¹¹⁰. К. на почве ранее происшедшей ссоры с А., в то время когда он находился на противоположной стороне улицы, произвел в него неприцельный выстрел, причинив тяжкие телесные повреждения¹¹¹.

Подобных примеров в судебной практике немало, и число иллюстраций легко продолжить. Однако и приведенных достаточно, чтобы видеть, что отсутствие последствий в одних случаях и причинение телесных повреждений, а не смерти в последнем случае – абсолютная случайность. К. отвечает за умышленное причинение тяжких телесных повреждений, а П., Г. и В. и В. – за хулиганство. Так и были квалифицированы действия виновных. Случайные обстоятельства определили такую квалификацию, а не характер действий виновных и содержание их умысла.

Признание конструкции покушения с косвенным умыслом позволило бы во всех случаях квалифицировать действия виновных как покушение на убийство, что соответствовало бы степени опасности содеянного.

Отрицание покушения с косвенным умыслом обострило значение вопроса о допустимости предвидения неизбежности последствий при такой форме умысла.

Большинство авторов признают, что предвидение виновным неизбежности последствий должно означать, что он действует с прямым умыслом. Это аргументируется по-разному: тем, что само название косвенного (эventуального) умысла означает, что результат здесь эventуален, т.е. может наступить, но может и не наступить (А.Н. Трайнин); тем, что при предвидении неизбежности последствий нельзя говорить, что виновный их не желал (А.А. Пионтковский); тем, что лицо может относиться безразлично к общественно опасным последствиям, если оно предвидит лишь возможность их наступления (В.Д. Меньшагин)¹¹².

Анализ и критика приведенных взглядов даны в литературе¹¹³. Отметим лишь следующее. Наличие косвенного умысла и при предвидении неизбежности последствий не противоречит определению видов умысла в законе. Статья 8 Основ уголовного законодательства (ст. 8 УК) различает виды умысла по элементу воли, а не сознания.

Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров провели анкетирование 100 юристов-практиков (22 судей и 78 прокурорско-следственных работников), имеющих высшее юридическое образование. Среди прочих им был поставлен вопрос о том, правильна ли распространенная точка зрения, согласно которой предвидение виновным неизбежности наступления общественно опасных последствий всегда свидетельствует о прямом умысле на совершение

преступления, на который ответили «да» – 66, «нет» – 27 проанкетированных¹¹⁴. Утверждение, что предвидение неизбежности последствий несовместимо с их нежеланием есть решение, принимаемое судящим субъектом, а не субъектом преступления. Как быть, если, предвидя неизбежность последствий, виновный все-таки их не желает? Ведь там, где косвенный умысел является пристройкой к прямому умыслу, побочные последствия не являются целью действий виновного, но, предвидя неизбежность последствий, к которым он стремится, субъект может предвидеть и неизбежность нежелательных последствий.

Без учета проблемы покушения с косвенным умыслом то или иное разграничение форм умысла не имело бы принципиального значения. Однако при отрицании конструкции покушения с косвенным умыслом разграничение видов умысла приобретает иное значение. Если предвидение неизбежности последствий означает наличие только прямого умысла, то покушение становится возможным. Тем самым сужается понятие косвенного умысла, расширяется понятие прямого умысла, и соответственно становится шире область покушения на совершение преступления.

Признание большинством авторов предвидения неизбежности последствий свойством только прямого умысла можно объяснить объективной потребностью корреляции фактической опасности деяний, образующих покушение с косвенным умыслом, и их юридической квалификации в связи с отрицанием такой конструкции. Однако такая корреляция представляется искусственной.

Пленуму Верховного Суда СССР следовало бы пересмотреть свое постановление от 3 июля 1963 г. № 9 в части отрицания конструкции покушения с косвенным умыслом. Позицию Верховного Суда СССР многие практические работники не разделяют. Г.А. Злобин и Б.С. Никифоров в упомянутой анкете поставили вопрос об отношении к конструкции покушения с косвенным умыслом: 30 % опрошенных высказались за то, что покушение может быть совершено и с косвенным умыслом, 50 % отрицали такую возможность, 20 % не ответили на вопрос¹¹⁵.

Покушение с косвенным умыслом признают судебная практика и теоретики-криминалисты Народной Республики Болгарии, ГДР, Чехословацкой Социалистической Республики, судебная практика Польской Народной Республики¹¹⁶.

Такая конструкция лучше обеспечивает борьбу с опасными посягательствами на личность.

Глава 2. Виды, система и конструкция составов преступлений, опасных для жизни и здоровья

§ 1. Виды преступлений, опасных для жизни и здоровья

Действующий Уголовный кодекс знает следующие виды преступлений, опасных для жизни и здоровья: нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта – ч. 2 ст. 82 (ч. 2. ст. 85), поставление в опасность заражения венерической болезнью – ч. 2 ст. 113 в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 29 октября 1971 г. (ст. 115-1 в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 20 октября 1971 г.), незаконное производство аборта – ст. 114 (116), неоказание помощи погибающему – ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127), оставление без помощи погибающего – ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127), неоказание медицинской помощи – ст. 126 (128), неоказание капитаном судна помощи на водном пути – ст. 127 (129), нарушение правил безопасности труда – ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), спаивание несовершеннолетних – ст. 205, 205-1 (ст. 210, 210-1), управление транспортными средствами в состоянии опьянения – ст. 206-1 в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1973 г. (ст. 211-1 в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 ноября 1972 г.), нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях – ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216), нарушение правил обращения с взрывчатыми и радиоактивными веществами – ч. 1 ст. 212 (ч. 1 ст. 217), незаконное владение взрывчатыми веществами – ч. 1 ст. 213 (ч. 1 ст. 218), незаконное врачевание – ст. 216 (221), нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, – ст. 217 в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 19 марта 1971 г. (ст. 222 в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 июня 1971 г.), загрязнение водоемов и воздуха – ч. 1 ст. 218 в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 22 октября 1970 г. (ч. 1 ст. 223 в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 21 мая 1970 г.), нарушение правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ – ст. 219 (224), содержание притонов для потребления наркотиков – ст. 221 (226).

Часть перечисленных преступлений, объектом которых является только жизнь или здоровье человека (ст. 113 (ч. 2) 114, 125,

126, 127), отнесена законодателем к преступлениям против личности. Остальные помещены в иных главах Уголовного кодекса.

Нарушение правил техники безопасности законодатель отнес к преступлениям против политических и трудовых прав граждан. Между тем само понятие техники безопасности, за нарушение правил которой предусмотрена уголовная ответственность, включает «комплекс технических средств и приемов работы, направленных на создание безопасных для жизни и здоровья человека условий труда»¹. Из формулировки состава и сравнения отдельных частей ст. 137 (140) также следует, что этот состав имеется только тогда, когда создана опасность для жизни или здоровья человека. Нарушения, создавшие конкретную опасность лишь для имущества, не могут квалифицироваться по ст. 137 (140).

Жизнь и здоровье, на которые посягают преступные нарушения правил техники безопасности, – это не трудовые права, а условия пользования ими. К тому же ст. 137 (140) охраняет жизнь и здоровье не только работника, поставленного в опасные условия труда, но и других лиц, деятельность которых связана с данным производством.

Нарушение техники безопасности, повлекшее смерть или телесное повреждение, ничем не отличается от неосторожного лишения жизни или причинения вреда здоровью, если не считать особенностей способа деяния, опасного для многих людей. Учитывая повышенную опасность такого способа, законодатель предусмотрел ответственность за нарушения, которые не только повлекли, но и лишь могли повлечь смерть или телесные повреждения. Поэтому нарушения правил техники безопасности фактически являются преступлением против личности, независимо от того, какое место в системе кодекса отводит этому составу законодатель. К преступлениям против личности нарушение правил техники безопасности относили, например, УК РСФСР 1922 г. (ст. 156), УК БССР 1922 г. (ст. 156), УК УзССР 1926 г. (ст. 200) и относит УК Народной Республики Болгарии 1968 г. (ст. 136). В литературе объектом этого преступления обычно считают «условия труда, установленные в целях охраны жизни и здоровья»². Такой формулировкой невольно фиксируют основное внимание не на цели, а на средстве ее достижения. Ведь закон охраняет не условия труда путем защиты жизни и здоровья, а жизнь и здоровье путем создания безопасных условий труда.

Снаивание несовершеннолетних, управление транспортным средством в состоянии опьянения, незаконное врачевание, загрязнение воздуха, нарушение правил использования наркотических,

сильнодействующих и ядовитых веществ, содержание притонов для потребления наркотиков законодатель отнес к преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, исходя, вероятно, из того, что названными преступлениями создается опасность для неопределенного круга лиц. Это во всяком случае неверно в отношении спаивания несовершеннолетних и незаконного врачевания.

При спаивании несовершеннолетних опасность создается для конкретного подростка, которого спаивает виновный. Направленность действий виновного здесь более определена, чем при поставлении в опасность заражения венерической болезнью. Поставление в опасность заражения, поскольку оно возможно не только через половое сношение, но и иными действиями, допустимо и в отношении лица, неизвестного виновному и непосредственно с ним не контактирующего. При спаивании вовлекаемый в пьянство виновному всегда известен. Если преступлением против личности является поставление в опасность заражения венерической болезнью, то тем более таким преступлением будет спаивание несовершеннолетнего.

Ответственность за незаконное врачевание имеет такую же цель, как ответственность за неоказание медицинской помощи: охрану жизни и здоровья трудящихся от преступных посягательств. Разница состоит в том, что во втором случае лицо, обязанное помочь больному, уклоняется от этого, а при незаконном врачевании лицо, не имеющее права лечить, делает это. Поэтому вполне логично состав незаконного врачевания поместить там же, где находится состав, обязывающий подлинных врачевателей оказывать медицинскую помощь больному, т.е. в главе о преступлениях против личности³.

Еще более тесной является связь состава незаконного врачевания с составом незаконного производства аборта. В медицинской литературе можно встретить мнение о том, что статья о незаконном врачевании «чаще всего применяется к лицам, которые занимаются абортами, не имея отношения к медицине»⁴. Хотя такое мнение не основано на законе, оно удачно отражает объективную связь незаконного врачевания и незаконного производства абортов. В самом деле, вмешательство в физиологические процессы, происходящие в организме человека, является областью медицины, заниматься которой могут только лица, имеющие надлежащее образование. В компетенцию медицины входит и производство абортов. Если занятие медициной лицами, не имеющими надлежащего образования, является незаконным врачеванием, то таким же

незаконным врачеванием является совершение этим же лицом плодоизгнания. Однако такое незаконное врачевание вследствие его специфики и повышенной опасности выделено в самостоятельный состав преступления – незаконное производство аборта. Если состав этого преступления отнесен к преступлениям против личности, то к этим же преступлениям следует отнести и незаконное врачевание.

Нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, загрязнение воздуха вредными для здоровья людей отходами производства, сбыт наркотических и других сильнодействующих веществ или нарушение правил обращения с ними, содержание притонов для потребления наркотиков являются преступлениями, опасными только для здоровья людей, и по одному этому могут быть отнесены, во всяком случае в теоретических исследованиях, к преступлениям против личности.

Преступления, объектом которых являются жизнь, здоровье и материальные ценности, отнесены законодателем к иным государственным преступлениям либо к преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения.

К иным государственным преступлениям отнесено нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта.

Объект этого преступления в литературе по-разному определяется. Одни авторы считают, что это преступление посягает на трудовую дисциплину⁵. Критикуя подобные определения, Н.С. Алексеев указывает, что дисциплина не самоцель, а средство, обеспечивающее безопасную и правильную работу транспорта⁶. К этому можно добавить следующее: состав преступления, предусмотренный ст. 82 (85), может иметь место и в случае, когда угроза безопасности движения была создана не нарушением трудовой дисциплины, а незнанием, неумением работника транспорта.

Другие авторы считают объектом этого преступления правильную работу транспорта⁷. Нарушая правила безопасности движения и эксплуатации транспорта, виновный создает опасность для интереса более конкретного, чем нормальная работа транспорта. Правила и инструкции, которые должны соблюдаться на транспорте, имеют своей целью так организовать работу транспорта, чтобы он выполнял свои функции и, будучи источником повышенной опасности, был безопасен для людей и материальных ценностей. Такая работа транспорта в основном обеспечивается соблюдением трудовой дисциплины, которая, в свою очередь, создает

условия для правильной и нормальной работы транспорта. Вторая формулировка объекта рассматриваемого преступления приближает к решению, но еще не содержит его.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 82 (85), называют «нормальную, безопасную работу железнодорожного, водного или воздушного транспорта»⁸. Такое определение объекта этого преступления еще больше приближает к решению, но еще не дает его. Безопасная работа транспорта – работа, обеспечивающая пользование транспортом без опасности для людей и материальных ценностей. Безопасность – не самоцель, а средство защиты в первую очередь людей от возможных последствий эксплуатации источника повышенной опасности.

Определяя непосредственный объект нарушений правил безопасности движения транспорта, следует ранее ответить на вопрос, почему законодатель признал эти нарушения преступными. Отдельные авторы объектом рассматриваемого преступления признают железнодорожный, водный и воздушный транспорт⁹, очевидно считая, что нарушения правил безопасности движения создают угрозу для транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи. В ст. 82 (85) законодатель охраняет эти материальные ценности от ущерба, который может быть причинен им нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, но еще в большей мере ст. 82 (85) направлена на охрану жизни и здоровья людей.

Законодатель признал это преступление государственным не потому, что оно не посягает на жизнь, здоровье и материальные ценности, а потому, что это посягательство является исключительно опасным, угрожая жизни многих людей и значительным материальным ценностям. Правильно пишет Б.А. Куринов: «При определении общественной опасности всех транспортных преступлений на первом месте среди вредных последствий стоит не материальный ущерб, а следовательно, не основы хозяйственной мощи, а несчастные случаи с людьми»¹⁰. Имеется достаточно оснований при теоретическом анализе отнести предусмотренные ст. 82 (85) нарушения к преступлениям, опасным для жизни и здоровья.

Что касается других преступлений, объектом которых является жизнь, здоровье и материальные ценности, но они отнесены законодателем к преступлениям против общественной безопасности, общественного порядка и народного здоровья, то при теоретическом анализе они также могут быть по соображениям, изложенным в первой главе настоящей работы, отнесены к преступлениям, опасным для жизни и здоровья.

Составы постваления в опасность и оставления в опасности, имеющие одинаковое целевое назначение – охрану жизни и здоровья людей от поведения других лиц, создающих или неотвращающих опасность, следовало бы выделить в самостоятельную группу преступлений против личности. Тем самым к этим нормам будет приковано большое внимание и усилится их предупредительно-воспитательное воздействие.

Мнение о том, что теоретическая система преступлений, опасных для жизни и здоровья, может и должна быть шире законодательной, в литературе уже высказывалось.

А.А. Жижиленко в работе «Преступление против личности», изданной в 1927 г., выделил в отдельную группу названных преступлений «деяния, опасные для жизни и телесной неприкосновенности, состоящие в создании опасности для этих благ» и отнес к ней все составы этой группы, независимо от их месторасположения в кодексе. Однако, отдавая дань системе кодекса, А.А. Жижиленко при анализе распределил составы соответственно системе кодекса¹¹.

А.А. Пионтковский в учебнике уголовного права, изданном в 1928 г., в разделе о преступлениях против личности выделяет деяния, опасные для жизни и здоровья, и к ним относит составы из главы о преступлениях против личности и составы из других глав. А.А. Пионтковский впервые в советской литературе все преступления, опасные для жизни и здоровья, независимо от их месторасположения в кодексе, анализирует в разделе о преступлениях против личности¹².

В учебнике 1939 г. А.А. Пионтковский, указав, что составы преступлений, опасных для жизни и здоровья, помещены не только в главе о преступлениях против личности, но и в других главах кодекса¹³, анализ их дал соответственно системе кодекса. Таким же образом А.А. Пионтковский построил курс Особенной части уголовного права, хотя в последнем дал значительно более широкий перечень преступлений, опасных для жизни и здоровья¹⁴, чем в учебнике 1939 г.

К преступлениям, опасным для жизни и здоровья, А.А. Жижиленко отнес нарушение правил техники безопасности, незаконное производство аборта, оставление в опасности, неоказание медицинской помощи и неплатеж алиментов, назвав их конкретно опасными деяниями. К этой же группе преступлений, помещенных в других главах кодекса, А.А. Жижиленко отнес изготовление и сбыт сильнодействующих ядовитых веществ, нарушение правил производства, хранения, отпуска, учета и перевозок этих веществ,

изготовление или сбыт наркотических веществ, незаконное врачевание, незаконное владение оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами, пересылку по почте едких веществ, назвав их абстрактно опасными деяниями¹⁵.

Те же составы, за исключением нарушения правил техники безопасности и незаконного владения оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и пересылки по почте едких веществ, назвал в числе преступлений, опасных для жизни и здоровья, А.А. Пионтковский¹⁶. Впоследствии автор значительно расширил этот перечень, включив в него нарушения правил об охране безопасности движения транспорта; нарушение правил безопасности при производстве строительных или горных работ; нарушение правил безопасности во взрывоопасных цехах; нарушение законов об охране труда, в том числе нарушение правил техники безопасности; умышленное истребление чужого имущества общеопасным способом; производство посевов опийного мака и индийской конопли¹⁷. В курсе 1971 г. взамен такого перечня говорится о том, что для предупреждения вредных последствий уголовное законодательство «прибегает все чаще и чаще к созданию составов преступлений, где сам факт поставления в опасность рассматривается как оконченное преступление. Такие составы преступлений в действующем уголовном законодательстве содержатся в главе о преступлениях против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения»¹⁸.

Различное решение вопроса о видах преступлений, опасных для жизни и здоровья, является следствием того, что не были четко определены признаки этой группы преступлений, не разграничены конкретно опасные и абстрактно опасные деяния, формальные и материальные составы. Вследствие этого намерение авторов расширить перечень преступлений, опасных для жизни и здоровья, за счет составов, находящихся в других главах кодексов, не получило развития. Выделение в самостоятельную группу преступлений против личности поставления в опасность и оставления в опасности может быть оправдано лишь предварительным определением специфики этих составов, четким указанием на их признаки, разграничением их со смежными составами, указанием на целевое назначение такого выделения. Такая попытка и предпринята в этой работе.

§ 2. Система преступлений, опасных для жизни и здоровья

При построении системы преступлений, опасных для жизни и здоровья, прежде всего мы учитываем, что они подразделяются

на две группы. Первую из них образуют преступления, объектом которых являются жизнь и (или) здоровье, вторую – преступления, объектом которых являются жизнь, здоровье и материальные ценности. Конструкция составов второй группы отражает особенности деяний, которые нельзя разделить на деяния, создающие конкретную опасность лишь для жизни и здоровья, и деяния, создающие такую опасность лишь для материальных ценностей. Согласно этому при построении системы рассматриваемых преступлений их следует разделить на названные две группы.

Конструируя систему анализируемых преступлений, следует далее учитывать, что они подразделяются на опасные для конкретного лица и опасные для неопределенного круга лиц. В первом случае виновный, как правило, вступает с потерпевшим в определенный контакт (при поставлении в опасность) или должен вступить в такой контакт, чтобы устранить опасность (при оставлении в опасности). К таким преступлениям относятся, например, спаивание несовершеннолетнего, поставление в опасность заражения венерической болезнью. При поставлении в опасность неопределенных лиц в непосредственный контакт с ними виновный не вступает, потерпевшие не персонифицированы и число их неопределенно. Такими, в частности, преступлениями являются нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, загрязнение воздуха.

При построении системы преступлений, опасных для жизни и здоровья, необходимо, далее, учитывать наличие в уголовном законодательстве родовых и видовых составов и соотношение между ними.

Состав преступления всегда конкретен. Описанию его признаков и созданию понятия о данном преступлении предшествует изучение и обобщение отдельных явлений, опасных для данной системы общественных отношений. В процессе этого изучения законодатель объединяет признаки главные, характерные, в совокупности своей свидетельствующие об общественной опасности поведения, и, отбросив признаки второстепенные, случайные, создает определенное понятие о данном преступлении – конкретный состав преступления.

В ряде случаев этим и заканчивается процесс построения состава преступления. Однако не всегда он приводит к наиболее рациональному решению вопроса. Общая формулировка, охватывающая ряд деяний одинаковой природы, подчас оказывается недостаточной, т.к. лишает возможности различать общественно опасные деяния, хотя и подпадающие под эту формулировку,

но имеющие свою специфику, свои особенности, настолько существенные, что требуют выделения из общей формулировки (родового состава) и создания видового состава преступления.

Видовым является состав, указывающий на преступные деяния, укладываемые в рамки уже имеющегося в законе родового состава. Родовым является такой состав, из которого выделены в видовой определенные преступные деяния. Один и тот же состав может быть одновременно видовым, если он выделен из общего понятия, и родовым, если, в свою очередь, из него выделен частный случай.

Из анализируемых составов родовым является нарушение правил техники безопасности, предусмотренное ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), а видовым – загрязнение воздуха вредными для здоровья отходами промышленного производства – ч. 1 ст. 218 (ч. 1 ст. 223). Статья 137 (140) к нарушениям правил охраны труда относит нарушение «правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда». Промышленной санитарией называют комплекс мероприятий по правильному устройству, оборудованию и содержанию промышленных предприятий в целях охраны здоровья как занятых на них рабочих, так и окружающего населения¹⁹. Загрязнение воздуха отходами промышленного производства является следствием нарушения правил промышленной санитарии. Не будь специального состава загрязнения воздуха, такие нарушения правил промышленной санитарии квалифицировались бы по ст. 137 (140).

Нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях – ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216) отличается от родового состава, предусмотренного ст. 137 (140), местом нарушения и тем, что субъектом этого преступления может быть и недолжностное лицо. Особенность места нарушения, в свою очередь, определяет повышенную опасность этого преступления, угрожающего жизни и здоровью (преимущественно жизни) многих людей и материальным ценностям. Будучи преступлением, опасным для жизни, здоровья и материальных ценностей, нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях по отношению к составу, предусмотренному ст. 137 (140), является видовым, поскольку охватывает нарушения, одновременно подпадающие под действие ст. 137 (140), и смежным, поскольку распространяется на нарушения, не предусмотренные родовым составом.

Наконец, родовым составом является не оказание помощи погибающему, предусмотренное ч. 1 ст. 125 (127). Из него выделяется такое же оказание помощи, но лицом, специально обязанным

заботиться об оставленном, – ч. 2 ст. 125 (127). Не выдели законодатель последнее в отдельный состав – и оно рассматривалось бы как преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 125. В свою очередь, видовой состав, предусмотренный ч. 2 ст. 125, становится родовым по отношению к составу, описанному в ст. 127 (129), и в значительной части по отношению к составу, описанному в ст. 126 (128). Не будь этих составов, указанные в них деяния рассматривались бы по ч. 2 ст. 125, поскольку медицинский работник и капитан судна в силу профессии, служебного положения и предписаний нормативных актов обязаны оказывать помощь: первый – медицинскую, второй – гибнущему на водном пути. Лишь частично ч. 2 ст. 125 не совпадает со ст. 126, по которой несет ответственность медицинский работник и за неоказание помощи больному, жизни которого не угрожает опасность. Вследствие этого состав, предусмотренный ст. 126, следует поместить в конце группы составов оставления в опасности.

Разграничение родовых и видовых составов важно не только для квалификации содеянного, но и для определения места нормы в системе уголовного законодательства.

Размещение видовых составов вслед за родовыми отражает связь между ними, облегчает уяснение содержания самой нормы. Поэтому родовые и видовые составы, однородные по существу, должны располагаться в одной и той же главе Уголовного кодекса и друг за другом. В действующем кодексе это правило, как уже отмечалось, не всегда выдерживается.

Наконец, при построении системы рассматриваемых преступлений следует определить последовательность размещения составов внутри группы. Как известно, эта последовательность в главах Уголовного кодекса не основана на едином принципе. Составы хищений, например, размещаются от менее тяжких к более тяжким с некоторым отступлением от такой последовательности. Составы преступлений против жизни, преступлений против здоровья расположены внутри каждой группы от более тяжкого к менее тяжкому. Очевидно, в какой-то мере это следует учитывать и при построении системы преступлений, опасных для жизни и здоровья.

В итоге система рассматриваемых преступлений представляет в следующем виде:

1. *Преступления, опасные для жизни и здоровья:*

а) поставление в опасность:

- нарушение правил безопасности труда;
- загрязнение воздуха;

- ⊖ нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями;
- ⊖ нарушение правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ;
- ⊖ содержание притонов для потребления наркотиков;
- ⊖ спаивание несовершеннолетних;
- ⊖ поставление в опасность заражения венерической болезнью;
- ⊖ незаконное врачевание;
- ⊖ незаконное производство аборта;
- б) оставление в опасности:
 - ⊖ неоказание помощи погибающему посторонним лицом;
 - ⊖ оставление без помощи погибающего лицом, обязанным заботиться о нем;
 - ⊖ неоказание капитаном судна помощи гибнущему на водном пути;
 - ⊖ неоказание медицинской помощи.

2. *Преступления, опасные для жизни, здоровья и материальных ценностей:*

- ⊖ нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта;
- ⊖ управление транспортными средствами в состоянии опьянения;
- ⊖ незаконное владение взрывчатыми веществами;
- ⊖ нарушение правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами;
- ⊖ нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях;
- ⊖ загрязнение водоемов.

§ 3. Конструкция составов

Особенность конструкции составов преступлений, опасных для жизни и здоровья, состоит в том, что «жилплощадью» большинства из них (по выражению А.Н. Трайнина) являются бланкетные диспозиции²⁰.

Количество бланкетных диспозиций в действующем уголовном кодексе значительно (в УК БССР их более 50), что уже должно привлечь внимание как с точки зрения правильного применения закона, так и *de lege ferenda*.

Свойственная бланкетным диспозициям отсылка к узаконениям непосредственно не уголовно-правового характера распространяется на признаки, характеризующие объективную сторону

преступления и субъекта преступления либо один из этих элементов состава преступления. Первые можно назвать полностью бланкетными, вторые – частично бланкетными диспозициями.

Из числа рассматриваемых полностью бланкетными являются диспозиции ст. 137 (140), 126 (128) и 82 (85).

Статья 137 предусматривает ответственность за «нарушение должностным лицом правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда...» Названные правила содержатся в законах, указах, постановлениях правительства СССР, постановлениях ВЦСПС, отдельных ведомств, совместных нормативных актах центральных комитетов, отдельных профсоюзом и заинтересованных министерств, приказах и инструкциях предприятий и т.д.²¹

Правила безопасности труда являются едиными, если они распространяются на все отрасли производства, либо являются межотраслевыми или отраслевыми, предназначенными для отдельных отраслей производства.

Они – «результат коллективного труда высококвалифицированных опытных специалистов, обобщение огромного производственного опыта, выводы передовой советской науки, подытоживающей практику хозяйственного строительства в нашей стране. Инструкции предусматривают типичные ситуации, которые могут возникнуть в ходе производственного процесса, и содержат конкретные указания для их решения. Инструкции определяют круг действий, заключающих возможность причинения вреда, и, запрещая их, обеспечивают предотвращение вредных последствий»²².

К этим же правилам следует обращаться и для уяснения объективной стороны состава нарушения производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах.

Хотя ст. 137 (140) в качестве субъекта преступления называет должностных лиц, но для определения того, какое именно должностное лицо несет ответственность по этой статье, необходимо также обращаться к правилам по технике безопасности, промышленной санитарии и иным правилам охраны труда.

Статья 126 (128), определяя состав преступления как «неоказание помощи больному без уважительных причин лицом медицинского персонала, обязанным согласно установленным правилам оказывать такую помощь», отсылает к нормативным актам, указывающим, кто относится к лицам медицинского персонала и в каких

случаях они обязаны оказывать помощь больному. К ним относятся: ст. 16, 40–44, 46, 47 Закона Белорусской ССР о здравоохранении от 4 июня 1970 г., положения о правах и обязанностях зубного врача, фельдшера, акушерки, принятые Министерством здравоохранения СССР 6 июня 1946 г.²³, положение о правах и обязанностях медицинской сестры, принятое там же 31 мая 1956 г.

Определяя ответственность за «нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта», ст. 82 (85) для уяснения сущности указанных в ней нарушений отсылает к нормативным актам, отдельным для каждого вида транспорта.

В части железнодорожного транспорта основным из них являются Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР от 5 ноября 1970 г., устанавливающие «основные положения и порядок работы железных дорог и работников железнодорожного транспорта, основные размеры, нормы содержания важнейших сооружений, устройств и подвижного состава и требования, предъявляемые к ним, систему организации движения поездов и принципы сигнализации» (ст. 1 «Введения»).

Точное и неуклонное выполнение правил технической эксплуатации железных дорог «обеспечивает слаженность всех звеньев железнодорожного транспорта, четкую и бесперебойную работу железных дорог и безопасность движения» (ст. 2 «Введения»).

Основные положения Правил технической эксплуатации железных дорог конкретизированы в действующих на железнодорожном транспорте инструкциях: Инструкции по движению поездов и маневровой работе (принята 14 июня 1971 г.), Инструкции по сигнализации (принята 27 апреля 1971 г.), Инструкции по эксплуатации тормозов подвижного состава (принята 27 марта 1971 г.); Инструкции по устройству и обслуживанию переэздов (принята 23 августа 1965 г.).

Статья 82 УК опирается также на Устав железных дорог СССР (принят 6 апреля 1964 г.), регламентирующий основные условия перевозок, основные положения по эксплуатации железнодорожных подъездных путей и другие вопросы, связанные с упоминаемой в ст. 82 (85) эксплуатацией транспорта, и Устав о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР (принят 31 июля 1964 г.)²⁴.

В части, относящейся к водному транспорту, ст. 82 (85) опирается на следующие нормативные акты: Правила плавания по внутренним водным путям РСФСР (введены в действие 11 февраля 1959 г., распространены на внутренние водные пути БССР приказом

Главречфлота БССР от 2 декабря 1959 г. № 476); Местные правила плавания по внутренним судоходным путям БССР (приняты 15 апреля 1966 г.); Правила технической эксплуатации речного транспорта СССР (утверждены 24 марта 1955 г.); Устав службы на судах Министерства речного флота РСФСР (принят 7 февраля 1959 г., действует в БССР на основании приказа Главречфлота БССР от 25 мая 1955 г.); Устав внутреннего водного транспорта СССР (утвержден 15 октября 1955 г.); Инструкцию о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях (принята 20 апреля 1971 г.); Правила технической эксплуатации гидротехнических сооружений (приняты 15 января 1958 г.); Устав о дисциплине работников речного транспорта СССР (утвержден 22 ноября 1966 г.)²⁵.

Правила плавания распространяются на все суда, плавучие сооружения и плоты, плавающие по внутренним судоходным путям, а также на береговые и гидротехнические сооружения, бечевники, речные порты и пристани, расположенные на внутренних судоходных путях.

Правила плавания регламентируют обязанности судоводителей и плотоводителей, габариты путей, нормы грузо- и пассажироместимости, указывают, в каких случаях запрещается выход в плавание, содержат основные правила эксплуатации мостов, канатных и паромных переправ, описание знаков судоходной обстановки и их назначение, знаков сигнализации, применяемых на судах и плотях, правила движения судов, плотов и снарядов, стоянки судов, ввода и расстановки их в затоны и на зимовку.

Правила технической эксплуатации устанавливают основные технические требования, предъявляемые к содержанию и эксплуатации флота, плавучих и береговых сооружений и устройству путевого хозяйства, гидротехнических сооружений, портов, пристаней, ремонтно-эксплуатационных баз, судоремонтно-строительных предприятий и средств связи, а также основные принципы организации работы флота и портов-пристаней.

Устав службы определяет организацию службы на судах и права и обязанности экипажа.

Устав внутреннего водного транспорта определяет основные условия использования внутренних водных путей для судоходства и сплава, права и обязанности пароходств, осуществляющих перевозки, и другие положения, обращение к которым необходимо для уяснения содержания ст. 82 (85 УК).

В части, относящейся к воздушному транспорту, ст. 82 УК опирается на Воздушный кодекс СССР (утвержден Указом Президиума

Верховного Совета СССР 25 декабря 1961 г.), Основные правила полетов на территории СССР (утверждены Главнокомандующим Военно-Воздушными Силами Вооруженных Сил СССР и начальником Главного управления Гражданского воздушного флота при Совете Министров СССР 15–17 мая 1947 г.) и Наставление по производству полетов в Гражданской авиации (утверждено Главным управлением ГВФ СССР 5 апреля 1958 г.)²⁶.

Воздушный кодекс определяет «порядок деятельности гражданской авиации и гражданского воздухоплавания в целях охраны интересов государства, обеспечения безопасности полетов воздушных судов и удовлетворения потребностей народного хозяйства СССР и граждан» (ст. 2). Основные правила полетов, как указывается в ст. 1, являются «организационной основой безопасности полетов на территории СССР. Они регламентируют производство полетов... всех видов авиации, независимо от их принадлежности; устанавливают единые сигналы и определяют порядок взаимного использования средств обеспечения полетов (ЗОС²⁷, радио, метеорологическая служба) различных ведомств». Соблюдение Основных правил полетов обязательно для всего летного и руководящего состава авиации, независимо от ее принадлежности.

Основные правила полетов развиты и конкретизированы в наставлениях по производству полетов, в частности в Наставлении по производству полетов в Гражданской авиации СССР.

Наконец, правила безопасности движения и эксплуатации транспорта содержатся в нормативных актах для данной станции, аэропорта, пароходства. Так, § 178 Правил технической эксплуатации железных дорог указывает, что «порядок использования технических средств станции устанавливается безопасным и беспрепятственным прием, отправлением и проследование поездов по станции, а также безопасностью внутристанционной маневровой работы. Порядок, установленный техническо-распорядительным актом, является обязательным для работников всех служб». Оценивая имевшие место на железной дороге нарушения, необходимо обращаться к упомянутому акту. В частности, при решении вопроса о том, кто виновен в нарушениях, связанных с маневрами, обращаемся к § 190 Правил технической эксплуатации железных дорог, указывающих, что «маневры на станционных путях должны производиться по распоряжению только одного работника – дежурного по станции, маневрового диспетчера, дежурного по сортировочной горке или парку, а на участках, оборудованных диспетчерской централизацией, – дежурного поездного диспетчера.

Распределение обязанностей между указанными работниками по распределению маневрами указывается в техническо-распорядительном акте станции».

Для обеспечения максимальной безопасности полетов начальник каждого авиагородка (аэропорта) издает Инструкцию по производству полетов в районе аэродрома (аэропорта), уточняющую все вопросы полетов, вытекающие из специфических особенностей данного аэродрома или аэропорта (ст. 31 Основных правил полетов на территории СССР).

Применяя ст. 82 (85) в части, относящейся к водному транспорту, необходимо знать, что § 72 Правил плавания по внутренним водным путям РСФСР указывает, что за последствия, происшедшие в результате непринятия мер, не предусмотренных этими Правилами, виновные не освобождаются от ответственности, если они нарушили правила, «соблюдение которых диктуется практикой судоходства или особыми обстоятельствами».

Частично бланкетными (по объективной стороне состава преступления) являются диспозиции ст. 217 (222), 219 (224), 114 (116), 212 (217).

Правила борьбы с эпидемиями, нарушение которых является преступлением в случаях, предусмотренных ст. 217 (222) УК, содержатся в Законе Белорусской ССР о здравоохранении от 4 июня 1960 г. (раздел III), Положении о государственном санитарном надзоре в СССР, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 31 мая 1973 г., и многочисленных актах Министерства здравоохранения СССР²⁸.

Статья 219 УК предусматривает ответственность за нарушение правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки «сильнодействующих, ядовитых или наркотических средств»²⁹.

Перечень таких средств и правила обращения с ними содержатся в Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г., в многочисленных актах по аптечному делу, Государственной фармакопее, инструкциях по технике безопасности и правилах перевозок пассажиров, багажа и грузов³⁰.

Статья 114 (116) УК предусматривает ответственность за «незаконное производство аборта врачом». Случаи, когда аборт признается незаконным, перечислены в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещений абортов» и Инструкции Министерства здравоохранения СССР о порядке проведения операции искусственного прерывания беременности³¹.

Многочисленны правила «хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ» (ст. 212 (217) УК).

К их числу, например, относятся Единые правила безопасности при взрывных работах (утверждены 7 февраля 1957 г.), Санитарные правила перевозки, хранения, учета и работы с радиоактивными веществами (утверждены 14 января 1957 г.), Правила перевозок пассажиров и багажа по железным дорогам Союза ССР (введены в действие с 1 октября 1964 г.)³².

Частично бланкетными (по субъекту преступления) являются диспозиции статей 216 (221), ч. 2 125 (ч. 2 127), ч. 1 213 (ч. 1 218) УК.

Формулируя состав преступления «занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим медицинского образования», ст. 216 (221) не указывает, кого именно это касается. Круг лиц, имеющих право заниматься врачеванием, определен в ст. 13 Закона Белорусской ССР о здравоохранении и в уже упоминавшихся положениях Министерства здравоохранения СССР о правах и обязанностях зубного врача, фельдшера и т.д.³³

Часть 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) говорит об ответственности за неоказание помощи потерпевшему лицу, которое было обязано иметь о нем заботу. Такая обязанность предусмотрена многими нормативными актами: п. «в», «г» ст. 12 Правил дорожного движения 1972 г., ст. 4, 44, 47 Боевого Устава пожарной охраны от 1953 г.³⁴ и т.д.

Наконец, ст. 213 (218) Уголовного кодекса предусматривает ответственность за ношение, хранение, изготовление или сбыт боевых припасов или взрывчатых веществ, если лицо не имеет «соответствующего разрешения». Изготовление указанных веществ частным лицом в СССР запрещается. Порядок же выдачи разрешений на ношение и хранение взрывчатых веществ и боеприпасов регламентируется специальной инструкцией, а боеприпасов к охотничьему оружию – постановлением Совета Министров БССР «Об упорядочении учета и торговли охотничьими ружьями»³⁵.

Мы уделили внимание документированию бланкетных диспозиций, поскольку это необходимо для правильного применения закона.

Наличие таких диспозиций обязывает органы расследования и суд наполнять их конкретным содержанием путем указания в постановлении о предъявлении обвинения, обвинительном заключении и приговоре, какие именно нарушения инкриминируются виновному и какие правовые акты их запрещают.

Невозможно определить, в чем выразилось преступление, четко сформулировать обвинение и правильно квалифицировать

содеянное, не обращаясь к этим актам. Однако обращение к ним необходимо не только для определения криминальности содеянного. Ссылка в приговоре на конкретные правила, неисполненные виновным, важна и для пропаганды этих правил и воспитания граждан в духе их неуклонного соблюдения.

Изучение судебной практики показывает, что органы расследования и суд не всегда это делают. Особенно часто нарушение допускается при применении ст. 137 УК. Суды редко указывают, какие правила виновным нарушены и каким нормативным актом предписано их соблюдение. Применение ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) в большинстве случаев также не сопровождается указанием на правовые основания обязанности иметь заботу о потерпевшем.

Вследствие этого допускаются ошибки в квалификации деяний, опасных для жизни и здоровья.

Правила, на которые опираются бланкетные диспозиции, нередко подвергаются изменениям, что оказывает влияние на содержание соответствующего уголовного закона. Поэтому, обращаясь к нормативному акту, на который опирается данная диспозиция, следует проверить, действует ли он и не подвергался ли изменениям.

Бланкетные диспозиции, как отмечал П.И. Люблинский, «удобны в том отношении, что они делают уголовно-правовые нормы гибкими и устойчивыми», т.к. «норма, предусматривающая ответственность за неисполнение каких-либо правил, может остаться неизменной, независимо от изменения самих правил»³⁶.

Однако наличие бланкетных диспозиций снижает предупредительно-воспитательное значение уголовного закона.

Последний, определяя преступное и наказуемое, предупреждает тем самым каждого гражданина о последствиях совершения им общественно опасного деяния. Такое предупреждение дает моральное право государству применять санкцию к виновному в нарушении уголовно-правового запрета.

Закон должен быть кратким, точным и ясным. Предупредительно-воспитательное воздействие закона немислимо, если он по крайней мере не удовлетворяет двум последним требованиям, поскольку ясность невозможна без точности. Обращение к каждому гражданину не нарушать законов дает ему, в свою очередь, право требовать, чтобы эти законы были сформулированы так, чтобы все было понятно.

Советский законодатель заинтересован в том, чтобы совершалось как можно меньше преступлений. Он поэтому стремится к точности и ясности формулировок составов преступлений.

Одним из препятствий на этом пути являются бланкетные диспозиции. Не случайно П.И. Люблинский, несмотря на отмеченные им удобства бланкетных диспозиций, допускал их применение в области легких проступков и считал нежелательными в области более серьезных преступлений.

И.И. Солодкин отмечает, что к бланкетным диспозициям прибегают в тех случаях, когда иное построение диспозиции сделало бы уголовный закон громоздким и неудобным для пользования³⁷. Тем самым там, где бланкетная диспозиция может быть заменена описательной, это должно быть сделано. Так, например, поступил законодатель с диспозицией статьи о контрабанде. В Уголовном кодексе БССР 1928 г. ст. 87 содержала лишь два слова: «квалифицированная контрабанда». В действующем кодексе эта диспозиция заменена описательной (ст. 75), хотя уже не столь краткой, но достаточно точной и значительно более понятной для каждого.

К бланкетным диспозициям следует прибегать не по соображениям удобства и краткости, а лишь в случаях крайней необходимости, когда состав преступления нельзя сформулировать иначе. Так, нарушение правил безопасности труда, нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного, воздушного транспорта как составы преступлений могут быть очерчены только в бланкетной диспозиции. Где есть возможность использовать описательную диспозицию, там это необходимо сделать. Это относится прежде всего к ст. 114 (116), предусматривающей ответственность за «незаконное производство аборта врачом». Такая формулировка одинаково приемлема при запрещении абортов и их легализации. Принципиальные изменения позиции законодателя в отношении абортов не затрагивают такую формулировку, что уже свидетельствует не в ее пользу, но главное возражение состоит в том, что наличие такой формулировки требует обращения к специальным нормативным актам, на которые она опирается. Уже упомянутый Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене запрещений абортов» определил, что «производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в больницах и других лечебных учреждениях согласно инструкции Министерства здравоохранения» (ст. 2), и сохранил «уголовную ответственность как врачей, так и лиц, не имеющих специального медицинского образования, производящих аборты вне больниц или других лечебных учреждений» (ст. 3). Инструкция же указывает, что производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в стационарных лечебных учреждениях и при отсутствии

противопоказаний. Инструкция содержит перечень противопоказаний, при наличии которых аборт не может быть произведен даже в этих учреждениях.

Таким образом, вместо «незаконное производство аборта врачом» состав может быть сформулирован как «производство аборта вне стационарного лечебного учреждения или при наличии противопоказаний врачом, имеющим соответствующее медицинское образование»³⁸. При такой редакции к другим нормативным актам придется обращаться только для определения понятия противопоказаний к аборту.

Уголовный кодекс БССР 1960 г. урезал бланкетность состава неоказания помощи больному. Прежний Уголовный кодекс БССР в ст. 231 формулировал состав как «неоказание помощи больному... со стороны лица, обязанного ее оказывать в силу закона или специальных правил», вследствие чего необходимо было выяснить, идет ли речь лишь о медицинской помощи и кто является субъектом этого преступления. Статья 126 нового УК сформулировала состав как «неоказание помощи больному лицом медицинского персонала, обязанным согласно установленным правилам оказывать такую помощь». Тем самым вопрос о субъекте преступления в основном получил разрешение в самой диспозиции. Следовало также указать, что речь идет о медицинской помощи, и норма перестала бы быть бланкетной.

Ее можно было сформулировать как «неоказание без уважительных причин лицами медицинского персонала медицинской помощи»³⁹.

§ 4. О родовом составе поставления в опасность

При наличии родового состава оставления в опасности, предусмотренного ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127), действующие кодексы советских республик не содержат родового состава поставления в опасность.

Конструкция составов поставления в опасность как видовых по способу создания опасности повлекла их многочисленность. В УК БССР таких составов 15. Обращение к другим действующим уголовным кодексам выявляет наличие значительного количества видовых составов поставления в опасность.

Ими, например, являются следующие, неизвестные УК БССР: нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, управляющим автомобилем, трактором или иной самоходной электротранспортным средством, трактором или иной самоходной

машиной, если это нарушение заведомо для виновного создавало серьезную опасность наступления несчастных случаев с людьми и если это совершено в течение года после применения за такие же действия мер административного взыскания (ч. 1 ст. 241 УК ГССР); нарушение установленных Воздушным кодексом Союза ССР и издаваемых Главным управлением Гражданского воздушного флота правил об охране порядка безопасности воздушных передвижений и об охране имущества Гражданского воздушного флота, если нарушение могло причинить тяжелые последствия (ст. 207 УК УзССР); нарушение правил безопасности горных работ, если оно заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия (ч. 1 ст. 218 УК УССР); нарушение при производстве строительных работ строительных, санитарных и противопожарных правил, а также правил эксплуатации строительных механизмов, если оно заведомо могло повлечь человеческие жертвы или иные тяжкие последствия (ч. 1 ст. 219 того же УК); нарушение руководящими и инженерно-техническими работниками, горными мастерами (десятьниками) правил технической эксплуатации и правил безопасности в действующих и строящихся шахтах угольной, сланцевой или горной промышленности, если в результате такого нарушения могут наступить тяжкие последствия (ч. 1 ст. 207 УК КазССР); нарушение рабочими и служащими правил безопасности ведения работ в действующих и строящихся шахтах угольной, сланцевой или иной горной промышленности, если в результате такого нарушения могли наступить тяжкие последствия (ч. 3 ст. 207 того же УК); незаконная пересылка по почте или багажом легковоспламеняющихся веществ либо предметов, а равно едких веществ (ч. 1 ст. 232 УК КиргССР); сбыт фальсифицированных предметов (ст. 162 УК ГССР); склонение несовершеннолетних к употреблению наркотических средств (ст. 210 УК РСФСР); продажа для личного употребления спиртных напитков лицу, не достигшему 16-летнего возраста (ст. 193 УК Народной Республики Болгарии 1968 г.); недобросовестный осмотр ветфельдшером мяса, в результате чего в обращение выпущено мясо, вредное для здоровья людей (ст. 210 УК Социалистической Федеративной Республики Югославии 1951 г.); создание опасности занесения или распространения заразных болезней среди людей (§ 18 УК Чехословацкой Социалистической Республики 1961 г.); умышленное поставление в опасность жизни или здоровья другого лица участием в драке (§ 225 того же УК); опрометчивое или небрежное вождение судна, создающее опасность для человеческой жизни или возможность причинения телесного вреда или

ущерба другому лицу (ст. 280 УК Индии 1860 г.); перевозка лица за плату на судне, находящемся в состоянии опасности или перегруженном, чем создается опасность для жизни перевозимого лица (ст. 232 того же УК), поставление в опасность жизни и здоровья лица, находящегося на лечении, воспитании, учении путем лишения его необходимого питания, заботы или путем перегрузки его непосильным трудом либо злоупотребления наказанием (ст. 136 УК Бразилии 1940 г.); поставление в опасность малолетнего, или лица женского пола, или слабого здоровьем, или слабоумного, или подчиненного путем его физического или духовного переутомления (ст. 135 того же УК); создание опасности от диких или опасных животных; создание опасности путем бросания камней; оставление незакрытыми колодца, погреба, ямы и т.д., в результате чего создается опасность для человека (соответственно ст. 435, 437, 438 УК Греции 1950 г.); умышленная или неосторожная передача детям, не достигшим 15 лет, или душевнобольным, или пьяным опасного оружия или взрывчатых веществ (ст. 254 УК Дании 1930 г.); отдача ребенка, больного венерической болезнью, для ухода за ним с умалчиванием о болезни и опасности заражения (ст. 250 того же УК); поставление женщиной во время родов в опасность своего ребенка, если ребенку не был причинен вред (ст. 251 того же УК); выполнение обязанностей кормилицы женщиной, скрывающей, что она больна заразной болезнью (§ 379 УК Австрии 1945 г.).

Перечень известных действующим уголовным кодексам видов составов поставления в опасность хотя бы за счет неупомянутых кодексов можно было бы продолжить.

Предусмотреть в отдельных нормах все частные случаи поставления в опасность – значит создать значительное количество новых составов, что вряд ли целесообразно. В результате такой кодификации одни лишь преступления, опасные для жизни и здоровья, составили бы значительную часть кодекса, что привело бы, по выражению Т.В. Церетели, к «гипертрофии уголовных кодексов»⁴⁰, но дело не только и не столько в этой технико-юридической проблеме. Главное состоит в том, что чрезмерным дроблением составов еще не гарантируется охват всех могущих встретиться в жизни случаев. Для этого необходимо создать родовой состав поставления в опасность. Только введением в действующий кодекс такого состава можно охватить все случаи создания конкретной опасности для жизни и здоровья человека.

Практика испытывает в этом потребность. Несколько примеров. К. в зимнее время систематически выгонял на улицу престарелую мать, полураздетую и босую. Б., страдая открытым

процессом туберкулеза, выбрасывала в колодец, водой которого пользовались односельчане, мокроту, содержащую палочки Коха. Г., страдая такой же болезнью и работая учителем в школе, чтобы не быть уволенным, представил подложную справку о своем выздоровлении и до разоблачения оставался на этой работе. Повар детского сада Х. приготовленный паштет хранила в течение 16 ч при комнатной температуре, после чего накормила им детей. Из 193 детей, употреблявших паштет, 52 получили отравление, но благодаря своевременному и квалифицированному медицинскому вмешательству были спасены и здоровыми выписаны из больницы.

Во всех случаях имело место создание конкретной опасности для жизни и здоровья других лиц. Между тем К. была осуждена за неоказание помощи, Б. – за хулиганство, Г. – лишь за использование поддельных документов, а в отношении Х. дело прекращено за отсутствием состава преступления⁴¹. По этой же причине не возбуждалось уголовное дело и в следующем случае. Семилетний С. провалился в занесенный снегом канализационный колодец, крышка которого была кем-то отодвинута. Упав на глубину 4,5 м, С. находился там 5 дней и 4 ночи, пока в результате поисков не был обнаружен и доставлен в больницу, откуда через три дня выписан, т.к. принятыми мерами опасность для его жизни была ликвидирована⁴².

Из-за отсутствия родового состава поставления в опасность остаются вне сферы уголовно-правового воздействия случаи неосторожного лишения жизни, когда на уровне современной науки невозможно установить, поведение кого из нескольких лиц, совершивших абсолютно одинаковые действия, было причиной смерти, если она вызвана действием одного из них.

К. около 9 ч утра пошел умываться к реке, протекающей на расстоянии 200 м от поселка, и на противоположном берегу реки увидел колебание кустов, черный силуэт, услышал треск веток.

Полагая, что в кустах медведь, К. побежал в дом поисковой партии и сообщил об этом Ш. Оба они взяли одноствольные ружья 16-го калибра, зарядили их одинаковыми патронами и вместе побежали к реке. На берегу реки Ш. с колена, а К. с положения стоя одновременно произвели выстрелы в кусты противоположного берега, где, по мнению К., находился медведь и где они оба видели колебания кустов и силуэт.

В кустах оказался техник-геофизик К-в, работавший начальником отряда, расположенного в 40 км от места происшествия.

К-ву одним выстрелом было причинено сквозное ранение брюшной и левой плевральной полости с разрушением печени,

селезенки, левой почки, отчего при доставке его в больницу и наступила смерть.

Пуля от второго выстрела попала в нагрудный карман К-ва, в котором находились ракетные патроны, и, разбив один из них, не причинила К-ву каких-либо повреждений.

К. и Ш. выстрелы по цели произвели одновременно, почти с одинакового расстояния (21 м 60 см и 21 м 80 см), из одинаковых ружей, заряженных одинаковыми пулями. В процессе следствия и судебного разбирательства дела не установлено, кто из них – Ш. или К. – причинил смертельное ранение К-ву.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 1 июля 1966 г.⁴³ признал осуждение К. и Ш. за неосторожное убийство неправильным и направил дело на новое расследование для установления конкретного лица, виновного в совершении преступления.

Между тем установить, чей выстрел явился причиной смерти потерпевшего, невозможно. При таких обстоятельствах выполнение указаний Пленума Верховного Суда СССР невозможно, а названные лица подлежат освобождению от уголовной ответственности.

Вина же их одинакова в том, что своими действиями создали опасность для жизни человека и за это должны были отвечать, если бы закон считал такие действия преступными. А при наличии родового состава поставления в опасность действия упомянутых лиц охватывались бы им и не было бы надобности предписывать установление того, что установить невозможно.

Отсутствие родового состава поставления в опасность жизни и здоровья ограничивает область уголовно-правовой охраны личности и является пробелом в нашем законодательстве. Стремясь восполнить его, судебная практика необоснованно широко толкует понятия неоказания помощи и хулиганства, но и при этом вне уголовно-правового воздействия остается создание конкретной опасности для жизни и здоровья людей в весьма многочисленных случаях, о которых можно судить хотя бы по вышеприведенным примерам из практики и законодательства.

В родовом составе поставления в опасность есть не меньшая необходимость, чем в родовом составе оставления в опасности.

Признаки предлагаемого состава поставления в опасность должны быть согласованы с элементами видовых составов поставления в опасность. В последних предусмотрена ответственность за создание опасности не только для жизни, но и здоровья. (Поэтому мы не можем согласиться с Т.В. Церетели в том, что такой состав требуется для усиленной защиты только жизни⁴⁴).

Для субъективной стороны преступления (отношение к деянию) необходимо наличие умысла или неосторожности.

Санкция должна быть такой, чтобы в полной мере можно было учесть, действовал ли виновный умышленно или неосторожно и создана ли опасность для жизни либо здоровья. Если за неоказание помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, предусмотрено в качестве максимального наказания лишение свободы сроком на 2 года, то и за поставление в опасность максимальное наказание не может быть меньшим.

Таким образом, родовой состав, который распространился бы на случаи создания конкретной опасности, не предусмотренные видовыми составами, может быть сформулирован как «поставление в опасность жизни, здоровья другого лица» с санкцией «лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок до одного года»⁴⁵.

Глава 3. Преступления, опасные для жизни и здоровья (поставление в опасность)

§ 1. Нарушение правил безопасности труда

Родовой состав нарушения правил безопасности труда в ст. 137 (140) сформулирован как «нарушение должностным лицом правил техники безопасности, промышленной санитарии и иных правил охраны труда, если это нарушение могло повлечь несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия». Такую же формулировку содержат кодексы других союзных республик, за исключением отдельных, которые нарушение указанных правил признают преступлением, если оно «заведомо создавало опасность для жизни и здоровья людей»¹.

Наряду с жизнью и здоровьем объектом рассматриваемого преступления называют трудоспособность человека². Трудоспособность – одно из проявлений здоровья. Утрата трудоспособности профессиональной или общей, временная или постоянная, полная или частичная – результат нанесенного вреда здоровью. Поэтому вряд ли есть надобность упоминать ее в определении объекта нарушения правил безопасности труда.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 30 мая 1967 г. № 4 «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности и повышением роли судов в предупреждении этих правонарушений» разъясняет, что «потерпевшими в результате преступных нарушений правил охраны труда могут быть как работники предприятия (колхоза), так и иные лица, постоянная или временная деятельность которых связана с данным производством»³.

Иными лицами, постоянная или временная деятельность которых связана с данным предприятием (колхозом), например являются проходящие производственную практику, помогающие колхозу (совхозу) в уборке урожая или проведении других сельскохозяйственных работ; прикомандированные к данному предприятию для осуществления каких-либо функций (надзор, прием продукции, изучение опыта работы и т.д.).

Как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении № 4, «в тех случаях, когда на производстве в результате нарушения правил техники безопасности причинен вред здоровью иных граждан, виновные в зависимости от характера

преступных деяний несут ответственность по статьям о должностных преступлениях или преступлениях против личности». В таких случаях действия должностных лиц квалифицируются по ст. 168 (172), а не должностных – по ст. 104 (106), 112 (114).

Дифференцированная ответственность за нарушение правил техники безопасности в зависимости от того, кто является потерпевшим, вызывает сомнение, поскольку прежде всего не вытекает из текста закона.

Когда законодатель ограничивает круг потерпевших, он прямо на это указывает. В ст. 156 УК БССР 1922 г. (ст. 156 УК РСФСР 1922 г.) состав нарушения правил техники безопасности формулировался как «заведомое поставление работающего в такие условия работы, при которых он вполне или отчасти утратил или мог утратить свою трудоспособность». УК БССР 1928 г. в п. «б» ст. 200 формулировал состав как «нарушения должностным лицом правил об охране труда, при которых работник утратил или мог утратить свою трудоспособность». Статья 133 (ч. 3) УК РСФСР 1926 г. определила это преступление как «поставление работника, с нарушением правил об охране труда, в такие условия работы, при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность». Действующий кодекс говорит не о работнике, а о людях, потерпевших от нарушений правил техники безопасности. Представляется, что такое изменение не является случайностью, оно связано с технической революцией. Технические средства, которыми оснащено народное хозяйство сейчас, в значительной своей части таковы, что их неправильная эксплуатация создает угрозу не только для работника, их обслуживающего, но и для других лиц.

Но дело не только в формулировке ст. 137 (140). Предлагаемая Пленумом Верховного Суда СССР квалификация нарушений должностным лицом правил техники безопасности, если потерпевшими оказались посторонние лица, влечет значительное ограничение уголовно-правовой охраны жизни и здоровья этих лиц, поскольку поставление их в опасность перестает быть преступлением. Статья 168 (172) не может применяться, если не был причинен «существенный вред... охраняемым законом правам и интересам граждан». Поэтому преступление будет иметь место лишь в том случае, когда потерпевшему лицу в результате нарушений виновным должностным лицом правил безопасности причинены смерть или телесные повреждения (тяжкие либо менее тяжкие).

Как отмечается в литературе, «сущность самого нарушения правил безопасности труда не должна меняться в зависимости от того, кто в результате этого нарушения оказался потерпевшим»,

«социалистическое производство должно быть безопасным как для его работника, так и для всех других лиц»⁴.

Рассматриваемое преступление с объективной стороны выражается в поставлении в опасность жизни и здоровья людей путем нарушения правил безопасности труда.

Последние слагаются из правил техники безопасности, промышленной санитарии и иных правил охраны труда.

Техника безопасности устанавливает методы и разрабатывает средства предотвращения несчастных случаев на основе исследования производственных процессов и трудовых приемов⁵. Обязательное использование этих технических средств и приемов работы, утвержденных в установленном порядке (нормативными актами), составляет правила техники безопасности.

Промышленной санитарией, как уже указывалось, называют комплекс мероприятий по правильному устройству, оборудованию и содержанию промышленных предприятий в целях охраны здоровья как занятых на них рабочих, так и окружающего населения. Будучи облеченными в форму нормативного акта, эти мероприятия становятся правилами промышленной санитарии.

Хотя в технической литературе промышленная санитария рассматривается как разновидность техники безопасности⁶, эти понятия не тождественны. Разница между ними связана с нижеприводимым разграничением несчастного случая и профессионального заболевания.

К иным правилам охраны труда, о которых говорит ст. 137 (140), относятся правила безопасности труда, непосредственно не охватываемые понятиями техники безопасности и промышленной санитарии. Такими, в частности, являются правила технической эксплуатации. Регулируя технологические процессы и обеспечивая безотказную работу производственного оборудования, правила технической эксплуатации в ряде случаев одновременно являются и нормами техники безопасности⁷. Так, действующие в БССР правила технической эксплуатации речного транспорта (§ 89) запрещают производство ремонта котлов, паропроводов и сосудов сжатого воздуха, находящихся под давлением. Это правило технической эксплуатации является также правилом техники безопасности, поскольку несоблюдение его создает угрозу для жизни и здоровья людей.

К иным правилам охраны труда, нарушение которых вызывает применение ст. 137 (140), относятся правила, регулирующие труд подростков, беременных женщин и т.д. Так, для обеспечения безопасности труда этих лиц действующие законы запрещают допуск

их к тяжелым и вредным работам, устанавливают льготный режим рабочего времени, пониженные нормы выработки и т.д.⁸

Нарушение правил техники безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда выражается в несовершении определенных действий или совершении запрещенных указанными правилами действий.

Изучение судебной практики показывает, что более или менее распространенными нарушениями правил безопасности труда являются:

а) неисполнение обязанностей по инструктированию рабочих и обучению их безопасным методам работы. В условиях, когда современные предприятия оснащены новейшими достижениями техники, обучение рабочих безопасным методам работы едва ли не главное средство предупреждения производственного травматизма. Не случайно наши законы об охране безопасности труда уделяют этому вопросу первостепенное значение. Они требуют вывешивания на видном месте правил охраны труда, действующих на данном предприятии; допуска к работе только после усвоения работником правил безопасности исполняемой им работы; регулярного инструктирования рабочих по безопасным методам работы.

Между тем на ряде предприятий инструктаж производится неудовлетворительно. О том, как проходит на некоторых предприятиях инструктаж новичков, образно рассказывает З. Ельцов, проработавший 30 лет техническим инспектором. Новичка наставляют: «Пользуйтесь предохранительными очками. Женщинам обязательно носить косынки. Под грузом стоять воспрещается. Все понятно? Распишитесь, что инструктаж по технике безопасности прошли»⁹. Не исчезли такие инструктажи и в настоящее время;

б) неисполнение обязанностей по ограждению машин и опасных мест. В соответствии с правилами техники безопасности все машины, станки, аппараты, приборы, люки, переходы и разного рода устройства и установки должны быть надлежащим образом ограждены в опасных частях и местах. Паровые трубы и приборы, работающие паром, горячими газами или огнем либо развивающие высокую температуру, должны быть снабжены изолирующими обкладками или заключены в кожухи. На фабричном дворе, в местах пересечения дорог для пешеходов рельсовыми путями должны быть приняты меры к ограждению пешеходов от поврежденных вагонами, грузами;

в) нарушение правил подъема и закрепления грузов, высоты их складывания, возведения строительных лесов, валки деревьев,

разборки строений и производства земляных работ, вызвавшее падение грузов и обрушения;

г) необеспечение рабочих спецодеждой, предохранительными приспособлениями и профилактическими средствами. На всех особо вредных работах, связанных с пребыванием при ненормальной температуре, в сырости, а равно в случаях, связанных с соображениями общественной гигиены, рабочим выдаются спецодежда и предохранительные приспособления (очки, маски, респираторы и т.д.). Лица, производящие работы на высоте, обеспечиваются защитными поясами и крюками для ног, а обслуживающие электроустановки – диэлектрическими галошами и ковриками. Все работающие с радиоактивными изотопами должны быть обеспечены индивидуальными средствами защиты;

д) нарушение правил эксплуатации машин и других опасных агрегатов, эксплуатация неисправных агрегатов. Эти правила различны в зависимости от характера машины и агрегата. Так, грузоподъемные краны должны каждые 12 месяцев подвергаться освидетельствованию. Машины, приводы и станки на время перерывов в работе должны быть остановлены, кроме случаев, когда остановка их невозможна по техническим условиям.

Среди других нарушений правил техники безопасности труда, ставших предметом судебного разбирательства, следует отметить загромождение проездов; допуск к работе лиц, которые из-за возраста или состояния здоровья не могли выполнять порученную работу без ущерба для своей безопасности; допуск к работе лиц, находившихся в состоянии опьянения; неоправданные новшества.

В юридической литературе часто различают нарушения технических правил безопасности и нарушения организационных правил. К первым относят нарушения производственного процесса или ненадлежащее состояние механизмов, ко вторым – нарушения в организации производственного процесса или отдельных его звеньев (ненадлежащее инструктирование, невыдача спецодежды и т.д.).

Материалы судебной практики показывают, что ни одно так называемое техническое нарушение не обходится без организационных упущений. Ведь нарушения производственного процесса или ненадлежащее состояние механизмов являются следствием нераспорядительности, халатности, т.е. организационных причин. Правильнее поэтому говорить не о технических или организационных нарушениях, а о единых организационно-технических нарушениях.

Организационно-технические нарушения правил безопасности труда образуют состав преступления, если они создают конкретную

опасность для жизни или здоровья. Нарушения, не создающие такой опасности, рассматриваются применительно к ст. 134 (138) УК.

Конкретная опасность имеет место, когда нарушение «могло повлечь несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия».

В последние годы в литературе появилось мнение о слишком широкой трактовке в законе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137. Один из авторов пишет, что «практически... основанием для возникновения уголовной ответственности по данной части является лишь один факт нарушения, независимо от его особенностей и характера». И далее: «Подобная редакция уголовно-правовой нормы по существу почти не оставляет места для понятия нарушения указанных правил как дисциплинарного или административного проступка. Тем самым создана реальная предпосылка для чрезмерного расширения сферы применения уголовно-правовых норм к нарушителям таких правил»¹⁰.

Слишком широкая трактовка состава преступления, предусмотренного упоминаемой частью ст. 137 (140) УК, дана автором цитируемого высказывания, а не законом. Последний весьма определенно говорит, что нарушение должностным лицом правил техники безопасности является преступлением, если «это нарушение могло повлечь несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия». Поэтому одного факта нарушения правил техники безопасности для наличия состава преступления недостаточно. Если нарушение не могло повлечь указанных последствий, оно образует дисциплинарный либо административный проступок. Не будет состава преступления, в частности, при совершении нарушения, создавшего лишь угрозу причинения материального ущерба.

Что касается создания законом реальной предпосылки для чрезмерного расширения сферы применения уголовно-правовых норм к нарушителям правил техники безопасности, то достаточно обратиться к практике, чтобы убедиться в обратном: ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) почти не применяется, и повинен в этом не законодатель.

Как известно, единого понятия несчастного случая нет ни в законе, ни в теории права. Оно, если можно так сказать, децентрализовано согласно потребностям того или иного правового института либо специфике обязанностей, присущей определенной деятельности. Положение о расследовании и учете несчастных случаев на производстве (утверждено постановлением Президиума ВЦСПС

от 20 мая 1966 г.)¹¹ к несчастному случаю относит «утрату трудоспособности продолжительностью свыше трех рабочих дней (в том числе случаи со смертельным исходом)» (п. 30).

Отнесение к несчастному случаю (в его уголовно-правовом смысле), кроме смерти, еще и тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения не вызывает сомнений. Что касается легкого телесного повреждения, то по действующему Уголовному кодексу причинение его наказуемо лишь при умысле виновного – ст. 110 (112). Причинение легких телесных повреждений по неосторожности не образует состава преступления¹². Субъективная же сторона нарушений правил безопасности труда по отношению к последствиям может выражаться только в неосторожности. Значит ли это, что несчастным случаем, о котором говорит ст. 137 (140), легкое телесное повреждение не является?

Часть 2 ст. 137 рассматривает причинение телесных повреждений (тяжких – одному лицу, менее тяжких или легких) в качестве квалифицированного вида нарушений правил безопасности труда. От ч. 1 той же статьи она отличается лишь тем, что говорит о последствиях, которые не наступили. Если ч. 2 ст. 137 карает за причинение легких телесных повреждений, то ее ч. 1 может применяться, когда нарушением создана конкретная опасность причинения такого повреждения.

Кроме того, легким телесным повреждением считаются согласно Правилам судебно-медицинского определения степени тяжести телесных повреждений повреждения, имевшие скоропроходящие последствия, длившиеся не более пяти дней, а согласно упомянутому Положению о расследовании и учете несчастных случаев к последним отнесены и повреждения, повлекшие утрату трудоспособности свыше трех рабочих дней. Так что легкое телесное повреждение, повлекшее такую утрату трудоспособности, является также несчастным случаем. Иные легкие телесные повреждения несчастным случаем не могут быть признаны.

В п. 5а упоминаемого постановления Пленум Верховного Суда СССР к «иным тяжким последствиям» отнес «возможные случаи профессиональных и других заболеваний в результате допущенных нарушений правил охраны труда».

«Другими заболеваниями» являются простудные заболевания, опасность которых создается работой на сквозняке или при низких температурах. Профессиональные заболевания развиваются постепенно вследствие длительного влияния на организм работающего вредных условий производства. Если длительное время работа протекает в ненормальных условиях, то влияние их на

организм обнаруживается не сразу. Последствия вредного воздействия среды сказываются через несколько лет после начала работы в виде ухудшения состояния нервной системы, хронического ревматизма, болезни легких и т.д.

Опасность профессионального заболевания создается преимущественно нарушением правил промышленной санитарии (плохая вентиляция рабочих помещений, антисанитарные условия работы и т.д.).

Значительный разрыв во времени между наступившими последствиями и нарушениями правил промышленной санитарии объясняет трудности в обосновании ответственности за эти нарушения. В судебной практике мы не встретили дел о нарушении правил промышленной санитарии. Однако если установлены нарушения этих правил, что создает опасность профессиональных заболеваний, то не следует дожидаться самих заболеваний.

Отдельные криминалисты к иным тяжким последствиям относят нарушение нормальной работы предприятия, имущественный ущерб (выход из строя машин, приостановление производства на значительный отрезок времени и т.д.)¹³.

Согласиться с этим можно лишь в том случае, если при наступлении таких последствий одновременно была создана конкретная опасность для жизни или здоровья людей. Если такой опасности не было, то нарушение нормальной работы предприятия или имущественный ущерб никак не могут рассматриваться как преступление против трудовых прав граждан, каким законодатель считает нарушение правил безопасности труда. Критикуемое определение иных тяжких последствий также противоречит понятию объекта, охраняемого ст. 137 (140), а им является, как уже говорилось, жизнь и здоровье людей. Наконец, сопоставление формального и материального составов нарушения правил безопасности труда также говорит о том, что иными тяжкими последствиями не могут быть последствия, не связанные с возможностью причинения вреда жизни и здоровью.

Область применения ст. 137 (140) определяется характером ее диспозиции. Правила техники безопасности, промышленной санитарии и иные правила безопасности труда распространяются на государственные предприятия, колхозы, учебные мастерские¹⁴. Поэтому поставление в опасность жизни и здоровья людей нарушением правил безопасности труда на названных предприятиях квалифицируется ст. 137 (140). При этом не имеет значения, выполняется ли работа в соответствии с договором трудового найма или на основании договора подряда, проходит ли лицо практику и т.д.

Объем применения ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) зависит также от того, как сформулированы в кодексе составы нарушения правил техники безопасности строительных и горных работ.

Состав поставления в опасность нарушением правил безопасности строительных работ известен лишь уголовным кодексам УССР (ст. 218), ЛитССР (ст. 229), МССР (ст. 233) и ЭССР (ст. 210). Состав поставления в опасность при производстве горных работ известен уголовным кодексам УССР (ст. 218), ЛитССР (ст. 229), МССР (ст. 233) и ЭССР (ст. 206). Уголовные кодексы остальных союзных республик, в том числе БССР и РСФСР, формулируют составы нарушения правил техники безопасности строительных и горных работ как материальные – ст. 209 (214), 210 (215).

Согласно такой конструкции составов преступлений – нарушений правил безопасности труда поставление в опасность жизни и здоровья при производстве строительных или горных работ квалифицируется по ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), если виновным является должностное лицо. Это положение получило отражение в упоминаемом постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 июня 1967 г. № 4, указавшем, что «ст. 140 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик подлежат применению... когда за нарушение правил по технике безопасности, промышленной санитарии и иных правил охраны труда, которые не повлекли, но могли повлечь указанные в законе последствия, ответственность предусматривается этой, а не иными нормами УК союзных республик» (п. 5).

Поскольку правила безопасности труда не распространяются на личное потребительское хозяйство¹⁵, наниматели – частные лица, не обеспечивающие безопасность труда нанятых ими работников, в результате чего причинены смерть или тяжкие телесные повреждения, несут ответственность по соответствующим статьям Уголовного кодекса о преступлениях против личности. При отсутствии последствий или при причинении, легких телесных повреждений состава преступления не будет.

Нарушения правил безопасности труда имеют место как со стороны должностных лиц, так и иных лиц, но субъектом рассматриваемого преступления может быть только должностное лицо.

В соответствии с примечанием к ст. 166 (170) должностными являются лица, «занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие обязанности в указанных

учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию».

Применительно к анализируемому составу это определение может быть конкретизировано путем обращения к правилам безопасности труда.

Последние в связи с рассматриваемым вопросом могут быть подразделены на три группы.

Первую из них образуют правила, указывающие на конкретных лиц, ответственных за обеспечение безопасности труда. Так, ст. 294 Общих правил техники безопасности и промышленной санитарии для предприятий машиностроения от 29 сентября 1958 г. в качестве лиц, ответственных за обеспечение безопасности труда, называет директора предприятия, главного инженера, начальников цехов и руководителей отдельных участков работ.

Конкретные указания о лицах, ответственных за безопасность труда, содержатся также в нормативных актах, непосредственно не содержащих правил безопасности труда. Так, типовой устав ремесленных и железнодорожных училищ системы Трудовых резервов указывает, что за безопасностью работ, производимых учащимися, и за состоянием предохранительных устройств на рабочих местах учащихся обязаны наблюдать мастера производственного обучения этих училищ. Постановление Совета Министров БССР от 3 августа 1960 г. «О состоянии и мерах по улучшению охраны труда учащихся общеобразовательных школ»¹⁶ ответственность за выполнение правил техники безопасности, производственной санитарии и за охрану жизни и здоровья учащихся во время работы в школьных учебных и учебно-производственных мастерских, на школьных учебно-опытных участках возлагает на директоров общеобразовательных школ и учителей, которые руководят этой работой, а при прохождении производственного обучения и во время производительного труда на предприятиях, стройках, в колхозах, совхозах, РТМС – на их руководителей.

Вторую группу образуют правила, возлагающие ответственность за обеспечение безопасности труда на администрацию в целом. При этом одни из них обязывают администрацию выделить специальных людей для наблюдения за безопасностью работ (так, на предприятиях, где имеются сосуды, работающие под давлением, администрацией должны быть назначены технически подготовленные люди, ответственные за безопасную эксплуатацию сосуда), другие о такой обязанности умалчивают.

В том и другом случаях для определения субъекта преступления необходимо обратиться к приказам по данному предприятию

и установить, кто назначен ответственным лицом. Если такое лицо администрацией не выделено, то за имеющее место нарушение правил безопасности труда должен нести ответственность представитель администрации.

В литературе высказано мнение, что руководящие лица администрации, допустившие обезличку в ответственности за обеспечение безопасности труда, должны отвечать за халатное отношение к своим служебным обязанностям, а не по статье о нарушении правил безопасности труда, ибо для применения последней требуется нарушение названных правил. Если же руководитель предприятия назначает ответственным за технику безопасности должностных лиц и со стороны последних имели место нарушения, создавшие конкретную опасность, то признается ответственность руководителя по статье о нарушении правил безопасности труда¹⁷.

Нераспорядительность, в результате которой не был назначен ответственный за безопасность труда, ничем не отличается от такой распорядительности, когда ответственным назначается ненадлежащее лицо. И здесь и там должностное лицо не выполняет предписаний по обеспечению безопасности труда и тем создает опасность для жизни и здоровья людей. Разница состоит разве в том, что в одном случае имеет место невыполнение, а в другом – ненадлежащее выполнение своих обязанностей.

Статья 168 (172) одинаково признает халатностью «невыполнение или ненадлежащее выполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие небрежного или недобросовестного к ним отношения». Нарушение правил безопасности труда является видом халатности. Статьи 168 (172) и 137 (140) соотносятся друг с другом как общее и частное, как составы родовой (ст. 168) и видовой (ст. 137). Если, следовательно, халатность выразилась в нарушении правил безопасности труда, что выделено в специальный состав, то в этом случае должен применяться последний.

Третью группу образуют правила безопасности труда, которые не содержат каких-либо указаний о должностных лицах, обязанных обеспечивать их соблюдение. В таких случаях на предприятии издаются специальные положения, в которых эти лица указываются. Так, Положение об организации работ по технике безопасности, охране труда и промышленной санитарии на Минском автомобильном заводе указывает, что общее руководство и ответственность за состояние техники безопасности, промсанитарии и охраны труда по предприятию возлагается на главного инженера предприятия, а по отдельным производственным звеньям –

на их руководителей: начальников цехов, отделов, мастерских, отделений, мастеров и десятников.

Обращение к правилам безопасности труда дает возможность определить круг лиц, ответственных за обеспечение этой безопасности, но еще не предрешает, кто из них должен быть привлечен к уголовной ответственности. Решая этот вопрос, необходимо различать общие обязанности по обеспечению безопасности труда на данном предприятии и обязанности по обеспечению этой безопасности в данном конкретном случае и на данном определенном участке работы.

В связи с этим возникает вопрос об ответственности руководителей предприятий и лиц, занимающих специальные должности по технике безопасности. Они обязаны обеспечить безопасность труда на данном предприятии, но они не могут непосредственно присутствовать при производстве всех опасных работ. Если, например, конкретная опасность создана тем, что руководитель предприятия не обеспечил рабочих предохранительными приспособлениями, то он несет ответственность. Однако если такими приспособлениями, имеющимися на предприятии, рабочего не обеспечил мастер, который должен был это сделать, то за создание опасной ситуации ответственным является этот мастер.

Характерным в связи с этим является дело К. (определение Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 18 сентября 1954 г.)¹⁸. Во время ремонта мостового крана слесарь Ц. сорвался с тележки крана, находившейся на высоте 11 м, и упал на цементный пол. Потерпевший не был проинструктирован и не был предупрежден о том, что работу должен выполнять в подвесной люлке или с предохранительным поясом. К ответственности был привлечен К., занимавший должность инженера по технике безопасности. Как видно из материалов дела, К. не был поставлен в известность о подготовке к ремонту крана и, хотя он проходил в это время через цех, выполняя другие задания администрации, не видел, что ремонт производится с нарушением правил безопасности, никто ему и не сказал об этом. Работа по ремонту крана производилась по распоряжению начальника монтажно-строительного цеха К-дзе, который не подготовил рабочее место, не проинструктировал Ц., хотя обязан был это сделать. Признав необоснованным осуждение К., Транспортная коллегия указывала, что ответственность должен нести К-дзе.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 137 (140) УК, не могут быть недолжностные лица, хотя бы нормативным актом

на них возложена ответственность за выполнение правил безопасности труда¹⁹.

Так, при прохождении учащимися производственного обучения и во время их производственного труда на предприятиях, в колхозах ответственность за выполнение правил техники безопасности возложена не только на руководителей предприятий, но и на лиц, под руководством которых осуществляется это обучение и производственный труд. Таковыми могут быть и недолжностные лица. Они не могут привлекаться к ответственности по ч. 1 ст. 137 УК, а за нарушения, повлекшие смерть или телесные повреждения, несут наказание как за преступления против личности.

Нарушение правил безопасности труда может быть *умышленным* или *неосторожным*. В таких же формах выражается и отношение виновного к возможным последствиям своих деяний. Следовательно, здесь возможны три сочетания форм вины: умышленное нарушение правил при неосторожности к ненаступившим последствиям; неосторожное нарушение при неосторожности к таким последствиям и умышленное нарушение правил безопасности труда при умысле к ненаступившим последствиям. Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), имеет место только при первых двух сочетаниях форм вины.

При последнем сочетании ответственность выходит за рамки ст. 137 УК и имеет место покушение на убийство или на причинение телесных повреждений, квалифицируемое в зависимости от мотивов, которыми руководствовался виновный, как особо опасное государственное преступление или преступление против личности. Такой вывод вытекает из особенностей постановления в опасность и, кроме того, из сравнения санкций ст. 137 (140) и статей об особо опасных государственных преступлениях и преступлениях против жизни и здоровья. Иное решение вопроса привело бы к тому, что покушение на жизнь или здоровье посредством нарушения правил безопасности труда оказывалось бы смягчающим обстоятельством, хотя такой способ действия не менее, а более опасен, чем иной способ посягательства на жизнь и здоровье человека, не связанный с использованием источника повышенной опасности.

В связи с этим возникает вопрос о правовой оценке новаторского (производственного) риска, которым создается опасность для жизни и здоровья людей или хотя бы отдельного человека.

Советские юристы считают, что такой риск является неправомерным. Как пишет М.С. Гринберг, «объектом риска, как правило,

должны являться материальные факторы, но не жизнь и здоровье человека. Во всех случаях, когда работника можно устранить из опасных производственных условий, он должен быть устранен. Риск жизнью и здоровьем становится в подобных случаях общественно опасным и уголовно наказуемым»²⁰. И если при таком риске создана конкретная опасность для человека и виновный сознательно допускает возможность смерти или телесных повреждений, то он должен отвечать за покушение на убийство или телесное повреждение. При наличии неосторожной вины к возможным последствиям имеет место состав поставления в опасность нарушением правил безопасности труда.

Нельзя согласиться с мнением, что если новаторский риск создает опасность для жизни и здоровья неопределенного числа людей, то ясное позволение государственной власти исключает объективную противоправность действия²¹. В советской литературе отмечается, что «никакими благими намерениями, никакой производственной необходимостью нельзя оправдать поставление в опасность жизни и здоровья человека»²².

Органы власти не могут давать разрешение на риск, создающий конкретную опасность для жизни и здоровья людей или хотя бы одного человека. Представители власти, давшие такое разрешение, должны привлекаться к уголовной ответственности за превышение своих служебных полномочий. Что касается лиц, осуществляющих новаторский риск на основании такого разрешения, то хотя их действия являются объективно неправомерными, они не привлекаются к уголовной ответственности, поскольку исполняли приказ и при этом не сознавали его противозаконности.

Другое дело, когда при осуществлении производственного риска работник не мог быть устранен из опасных производственных условий. При таких обстоятельствах риск является правомерным, если возможность вредного последствия для работника была лишь вероятной, риск соответствовал той цели, ради которой он предпринимался, и она не могла быть достигнута другими, нерискованными средствами²³.

Неисполнение должностным лицом правил безопасности труда вследствие их незнания не исключает его ответственности, поскольку в силу занимаемого положения оно должно было и могло знать эти правила. Так обычно суд и мотивирует несостоятельность ссылки обвиняемого на незнание им правил безопасности труда.

С., работавший директором бани, и Д. – инженер райкомхоза признаны виновными в том, что не проинструктировали рабочих

и не обучали безопасным методам работы, не ограждали вращающиеся механизмы, вследствие чего кочегар У. попал в трансмиссию и погиб. Виновные в свое оправдание ссылались на то, что им не было известно, что нужно ограждать вращающиеся части машин и инструктировать рабочих. Суд указал в приговоре, что «доводы подсудимых не могут быть приняты во внимание, т.к. в силу своего служебного положения они обязаны были знать правила техники безопасности»²⁴.

Опасность несчастного случая – нередко следствие нарушения правил безопасности труда самим потерпевшим. На некоторых капиталистических предприятиях вывешены плакаты «Рабочий, будь осторожен! Помни, что бог, создавая человека, не создал к нему запасных частей». Как ни прискорбно это упущение всевышнего, но одной осторожности рабочего далеко не достаточно, чтобы не испытать последствий божественной халатности.

В советской литературе общепринято, что вина потерпевшего является обстоятельством, устраняющим ответственность должностного лица, если только со стороны последнего не было нарушений, содействовавших созданию опасности. Если же такие нарушения имели место, то, несмотря на вину потерпевшего, должностное лицо несет уголовную ответственность. «В этом проявляется особая забота о жизни и здоровье трудящихся. Уголовно-правовые нормы в этой области создаются с целью охраны жизни и здоровья людей не только от стихийных сил, но и от ошибочных поступков самих работающих, если нарушение условий труда создавало возможность возникновения вредных последствий»²⁵.

Этим руководствуется и судебная практика. У., имея 9-летний стаж работы в дрожжеварном цеху и зная правила техники безопасности в обращении с механизмами, начала выбирать крышку чана, не отключив вал от трансмиссии, вследствие чего в вал были втянуты ее платок и волосы, а голова прижата к валу, что привело к тяжким последствиям. Хотя У. проявила грубую неосторожность, несчастный случай не имел бы места, если бы вал был огражден, как того требуют правила техники безопасности. Повинные в таком упущении механик Л. и техник К. привлечены к уголовной ответственности²⁶.

§ 2. Загрязнение воздуха

«Загрязнение воздуха вредными для здоровья людей отходами промышленного производства» – ч. 1 ст. 218 (ч. 1 ст. 223) – является, как уже отмечалось, разновидностью нарушения правил

промышленной санитарии. Выделение специального состава загрязнения воздуха конкретизирует уголовно-правовой запрет и в ясной форме предупреждает руководителей предприятий о необходимости под страхом уголовной ответственности соблюдать требования об охране атмосферного воздуха.

Устройство приспособлений, устраняющих распространение вредных загрязнений воздуха на территории предприятия и вне ее, отнесено к обязательным мероприятиям по охране труда. Запрещено утверждение проектов строительства, реконструкции или восстановления промышленных предприятий, электростанций и ТЭЦ, при эксплуатации которых в атмосферный воздух выбрасывается зола, несгоревший уголь, копоть, пыль, если в проектах строительства не предусмотрены соответствующие золопылеулавливающие установки. Запрещено вводить в действие новые предприятия, отдельные цехи или агрегаты, выбрасывающие в атмосферный воздух вредности без обеспечения очистки промышленных выбросов.

Санитарные нормы проектирования промышленных предприятий предусматривают, что промышленные предприятия, выделяющие производственные вредности, должны располагаться по отношению к ближайшему жилому району с подветренной стороны для господствующих ветров и отделяться от грани жилых районов санитарно-защитной зоной.

Нарушение упомянутых правил ведет к загрязнению воздуха вредными для здоровья людей отходами промышленного производства.

Объектом преступления загрязнения воздуха является здоровье населения. Опасное для здоровья загрязнение воздуха в производственных помещениях должно квалифицироваться как нарушение правил безопасности труда по ст. 137 (140).

С объективной стороны преступление выражается в загрязнении воздуха вредными для здоровья людей отходами промышленного производства сверх допустимого количества. Не имеет значения, вследствие чего произошло такое загрязнение: не соблюдена ширина санитарно-защитной зоны, не установлены либо не эффективны приспособления для улавливания вредностей и т.д. Однако эти причины должны быть установлены для предупреждения дальнейшего загрязнения воздуха и определения субъекта преступления.

Преступление считается оконченным с момента, когда вредные для здоровья людей отходы промышленного производства выпущены в атмосферу.

Для решения вопроса о вредности для здоровья выбрасываемых в воздух отходов промышленного производства требуется заключение органов Всесоюзной государственной санитарной инспекции²⁷.

Субъектом преступления может быть только должностное лицо, в обязанности которого входило проведение мероприятий по обезвреживанию выпускаемых в атмосферу вредных веществ.

Со стороны субъективной загрязнение воздуха может быть умышленным либо неосторожным. Умысел имеется в случае, когда должностное лицо знает, что отсутствуют приспособления, которые должны улавливать вредности, вследствие чего они выбрасываются в атмосферу в сверхдопустимом количестве, и что установка таких приспособлений является его обязанностью.

При неосторожной вине должностное лицо не знает об отсутствии упомянутых приспособлений, но должно было знать, либо, зная о наличии таких приспособлений, не знает, что они не работают или работают неэффективно.

По отношению к возможным последствиям вина может быть только неосторожной – виновный не знает, что может быть причинен вред здоровью людей или легкомысленно рассчитывает на то, что такой вред не будет причинен.

§ 3. Нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями

Состав сформулирован как формально-материальный: «нарушение санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил, установленных в целях предупреждения эпидемических и других заразных заболеваний и в целях борьбы с ними, если оно повлекло или могло повлечь распространение заболеваний» – ст. 217 (222).

Эпидемия – «непрерывный процесс следующих друг за другом однородных инфекционных заболеваний, выражающихся в значительном их распространении в каком-либо коллективе, населенном пункте, районе, стране»²⁸. Эпидемические заболевания – заболевания, способные к быстрому и массовому распространению (оспа, холера, желтая лихорадка, сыпной и брюшной тиф, скарлатина и т.д.). Заразные заболевания – заболевания, также способные к распространению, но менее быстрому и менее массовому (туберкулез, малярия и т.д.). Статья 217 (222) предусматривает ответственность за нарушение правил предупреждения как эпидемических, так и других заразных заболеваний.

Следует иметь в виду, что ст. 217 (222) не применяется, если имеет место нарушение правил предупреждения венерических болезней и борьбы с ними. В таком случае ответственность наступает по ст. 113 (115, 115-1).

В зависимости от количества случаев заболеваний различают следующие степени интенсивности эпидемического процесса: sporadическую заболеваемость (единичные инфекционные заболевания, возникающие в населенном пункте без видимой эпидемиологической связи между собой); эпидемическую вспышку (групповые заболевания на ограниченной территории, связанные с общим источником заражения); эпидемию (значительное превышение заболеваемости данной инфекционной болезнью в районе, области и т.д.); пандемию (сильную эпидемию, распространившуюся среди населения на большой территории)²⁹. Для ответственности по ст. 217 (222) степень интенсивности эпидемического процесса не имеет значения. Однако нарушения правил предупреждения болезней на ранних стадиях эпидемического процесса следует считать более опасными, поскольку они препятствуют быстрой локализации процесса.

Разграничение в ст. 217 (222) санитарно-гигиенических и санитарно-противоэпидемических правил корректируется в целях предупреждения заболеваний и борьбы с ними. Санитарно-гигиенические правила направлены на предупреждение заразных болезней, санитарно-противоэпидемические правила – на ликвидацию эпидемии и на предупреждение заболеваний других лиц.

И те и другие правила предусмотрены уже упоминавшимися (гл. 2, § 3) нормативными актами.

К правилам предупреждения и борьбы с эпидемическими и другими заразными заболеваниями, в частности, относятся: выявление бациллоносителей, истребление являющихся источником инфекции животных; дезинфекционная обработка очага заражения; наблюдение за ним; карантинизация и обсервация лиц, соприкасавшихся с больными; закрытие отдельных местностей для ввоза и вывоза грузов и багажа; изоляция больных; профилактические прививки и т.д.

Объективная сторона преступления выражается в невыполнении упомянутых и других санитарно-гигиенических и санитарно-эпидемических правил либо в их ненадлежащем выполнении, если это могло повлечь распространение заразных заболеваний. Если нарушение не могло повлечь таких последствий, то наступает дисциплинарная или административная ответственность (например, лицо уклоняется от профилактической прививки).

Распространение заразных заболеваний есть увеличение числа больных. Преступление считается оконченным, если имело место поставление в опасность заражения хотя бы одного человека.

Нарушение правил, указанных в ст. 217 (222), может быть умышленным или неосторожным. Отношение к ненаступившим (а равно наступившим) последствиям – только неосторожным.

Умысел на распространение эпидемии выходит за рамки данного состава преступления. Распространение эпидемий с целью ослабления Советской власти образует состав диверсии, предусмотренной ст. 65 (68). При отсутствии такой цели имеется преступление против личности либо покушение на совершение такого преступления.

Субъектом преступления являются работники медицинских учреждений, должностные лица медицинских или других учреждений, частные лица.

Ответственность по ст. 217 (222) предполагает нарушение определенным лицом конкретных правил, указанных в этой статье. Согласно этому для определения субъекта преступления необходимо выяснить, лежала ли на нем обязанность исполнить правило, нарушение которого ему инкриминируется. Правила предупреждения заразных заболеваний и борьбы с ними в основном обращены к медицинским работникам. Однако указания и требования органов государственного санитарного надзора обязательны для должностных лиц и граждан. Решая вопрос об ответственности таких лиц, следует выяснить законность адресованных им указаний и требований и реальную возможность их исполнения.

Вопрос об ответственности должностных лиц за нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, является в литературе в определенной части спорным. Одни авторы предлагают привлекать их к ответственности за должностное преступление³⁰, другие – по правилам о совокупности преступлений³¹, третьи – только по ст. 217 (222)³².

Квалификация нарушений должностным лицом правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, как должностного преступления (халатности) ограничит ответственность случаями, когда нарушение повлекло распространение заразных заболеваний. Поставление в опасность жизни и здоровья людей нарушением указанных правил окажется за рамками преступного, поскольку ст. 168 (170) необходимым признаком должностной халатности признает «существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан». Тем самым поставление в опасность жизни и здоровья указанным

в ст. 217 (222) путем может квалифицироваться только по этой статье.

Нарушение указанных в этой статье правил, повлекшее распространение заразных заболеваний, не может квалифицироваться по правилам о совокупности преступлений ввиду отсутствия такой совокупности. Если инкриминируемое виновному лицу деяние охватывается одной нормой и после этого не остается деяний, подпадающих еще под одну норму, то, очевидно, и нет совокупности преступлений.

Нарушение должностным лицом правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, если это повлекло распространение заразных заболеваний, фактически является должностным преступлением, но юридически оно квалифицируется по специальной норме, каковой и является ст. 217 (222). Не будь такого специального состава преступления, оно квалифицировалось бы как должностное преступление.

В итоге представляется обоснованной квалификация нарушений должностным лицом правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, только по ст. 217 (222). По такому пути идет и судебная практика. С., работавший капитаном теплохода «Турист», осужден по ст. 222 УК РСФСР. Во время экскурсии группы рабочих в Астраханский заповедник 4 сентября 1971 г. тяжело заболела пассажирка Т. Опасаясь возникновения заразного заболевания, С. пришвартовал судно на значительном расстоянии от пристани. Была вызвана машина скорой помощи. Прибывшая по вызову фельдшер К. распорядилась о госпитализации больной Т. и предупредила лиц, переносивших Т. на носилках, в числе которых был и С., чтобы судно не уходило от причала. После госпитализации Т. капитан С. связался с директором туристской станции и доложил ему о случившемся. С. получил указание выполнять распоряжение врачей. Несмотря на это, С. снял со стоянки судно и в течение 4 и 5 сентября возил экскурсантов по заповеднику.

§ 4. Нарушение правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ

Статья 219 УК формулирует преступление как «изготовление, сбыт, а равно хранение с целью сбыта сильнодействующих, ядовитых или наркотических веществ без специального на то разрешения, а также нарушение установленных правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки сильнодействующих, ядовитых или наркотических средств».

В этой формулировке содержится описание признаков двух составов преступлений: незаконного изготовления, сбыта, хранения или приобретения с целью сбыта перечисленных веществ и нарушения правил их производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки.

В первом составе конкретно опасным действием является незаконный сбыт названных веществ, во втором – нарушение правил хранения, отпуска, перевозки, пересылки этих веществ.

В обоих составах речь идет об одних и тех же веществах и отсутствуют указания на возможные последствия. В остальном составы не совпадают.

Наркотическими являются вещества, употребление которых вызывает состояние опьянения (эйфории) с последующим упадком сил. Наркотические вещества могут быть естественными или синтетическими. К ним, в частности, относятся: кокаин и его соли, гашиш, опий, морфий, героин, дионин и его соли.

В литературе высказано мнение, что в определении круга наркотических веществ, упомянутых в ст. 219 (224), нет ясности, поскольку медицинская классификация этих веществ включает, кроме общеизвестных наркотиков, еще и синтетические препараты морфиноподобного действия, выпускаемые фармацевтической промышленностью под разными названиями, различные лекарственные вещества – стимуляторы нервной системы и успокаивающие. В связи с этим предлагается Министерству здравоохранения СССР совместно с юридическими учреждениями разработать единый список наркотических веществ, незаконное изготовление и сбыт которых должны влечь уголовную ответственность, и договориться о порядке возможного изменения такого списка в будущем, чтобы судебно-следственные органы могли пользоваться им на практике³³.

Между тем единый список наркотических веществ имеется. В 1961 г. принята Единая конвенция о наркотических средствах. Конвенция содержит перечень наркотических средств, данный в списке № 1 и списке № 2. Первый из них содержит 78 наименований, второй – 7.

В Конвенции сказано: «С соблюдением своих конституционных ограничений каждая Страна принимает такие меры, которые обеспечат, что культивирование и производство, изготовление, извлечение, приготовление, хранение, предложение, предложение с коммерческими целями, покупка, продажа, доставка на каких бы то ни было условиях, маклерство, отправка, переправка транзитом, перевоз, ввоз и вывоз наркотических средств в нарушение постановлений настоящей Конвенции и всякое другое

действие, которое, по мнению Сторон, может являться нарушением постановлений настоящей Конвенции, будут признаваться наказуемыми деяниями в тех случаях, когда они совершены умышленно, а также что серьезные преступления будут подлежать соответствующему наказанию, в частности тюремному заключению или иным способам лишения свободы» (ст. 36).

Этой норме Конвенции в основном соответствует ст. 219 (224). Во всяком случае в Конвенции и в Уголовном кодексе речь одинаково идет о наркотических веществах. И поскольку в Конвенции дан их исчерпывающий перечень, а СССР и БССР являются в числе других стран участниками этой Конвенции, то нет надобности в создании какого-либо другого перечня наркотических веществ. При применении ст. 219 (224) следует руководствоваться списками № 1 и № 2, являющимися составной частью Единой конвенции о наркотических средствах.

Сильнодействующие вещества – вещества, употребление которых в больших дозах или при наличии противопоказаний причиняет вред здоровью. К ним, в частности, относятся: ацетилхолин хлористый, концентрированная уксусная кислота, азотная кислота, серная кислота, акрихин, этиловый эфир, анальгин, кодеин, новокаин, никотиновая кислота и т.д.

Ядовитыми называются вещества, употребление которых даже в малых дозах способно вызвать смерть. К ним, в частности, относятся: сулема, мышьяковый ангидрид, мышьяковистый ангидрид, фосфор желтый, хлор, сернистый газ, сероводород, сероуглерод, синильная кислота, хлорпикрин, гранозан, бруцин, стрихнин, цианистый калий, метиловый спирт и т.д.

Единого списка сильнодействующих и ядовитых веществ нет. Более того, названия групп веществ в уголовном законе и в медицине и промышленности не совпадают.

Медицинская классификация лекарственных средств содержит список «А» и список «Б». В первый из них включены лекарственные средства, назначение, применение, дозирование и хранение которых в связи с высокой токсичностью должны производиться с особой осторожностью. Согласно Государственной фармакопее в списке «А» содержится 116 названий ядовитых и наркотических веществ. Еще большее их число отнесено к списку «Б», куда включены лекарственные средства, назначение, применение, дозирование и хранение которых должно производиться с предосторожностью в связи с возможными осложнениями при их применении без медицинского контроля. В список «Б» включены сильнодействующие и отдельные наркотические вещества.

В промышленности имеется группа веществ СДЯВ (сильнодействующие ядовитые). В санитарных правилах проектирования, оборудования и содержания складов для хранения сильнодействующих ядовитых веществ они разделены на 5 групп и перечислены их типичные представители (40 наименований).

Наличие единого списка сильнодействующих и ядовитых веществ было бы весьма полезным для следственно-судебных органов. В настоящее время следует обращаться в отношении ядовитых и сильнодействующих средств к ведомственным актам, в том числе соответственно к медицинским спискам «А» и «Б».

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 февраля 1966 г. № 1 «О судебной практике по делам о незаконном изготовлении и распространении наркотических и иных сильнодействующих и ядовитых веществ»³⁴ указал следующее: «Учитывая, что установление вида веществ (наркотические или иные сильнодействующие или ядовитые), а также их названий и свойств имеет важное значение для правильного разрешения дел, суды должны в силу ст. 78 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик (ст. 72 УПК БССР. – *И.Г.*) располагать соответствующим заключением эксперта» (п. 3).

Преступления, предусмотренные ст. 219 (224), считаются оконченными при совершении виновным одного из действий, перечисленных в этой статье. При этом не требуется установления того, какие последствия могли наступить. Деянием, указанным в этой статье, в части, относящейся к поставлению в опасность, объективно свойственно создание опасности для здоровья людей или отдельного человека. Если, однако, вред здоровью или смерть причинены, то квалификация содеянного зависит от тяжести последствий, характера нарушений и их количества. Дифференцированная квалификация содеянного вытекает из содержания санкции ст. 219.

Причинение легких телесных повреждений, поскольку при неосторожности оно самостоятельного состава преступления не образует, квалифицируется по ст. 219. По этой же статье квалифицируется и причинение менее тяжкого телесного повреждения, поскольку санкция за неосторожное причинение такого повреждения (ч. 2 ст. 112) более мягкая, чем санкция, предусмотренная ч. 1 ст. 219. Из сравнения санкций вытекает, что нарушения, предусмотренные ч. 1 ст. 219, повлекшие смерть или тяжкие телесные повреждения, должны квалифицироваться соответственно по ст. 104 или ч. 1 ст. 112 УК.

Нарушение правил обращения с веществами, указанными в ст. 219 (224), может выступать в качестве разновидности нарушения правил

техники безопасности, предусмотренного ст. 137 (140). Сравнение санкций ч. 2 и 3 ст. 137 и ч. 1 ст. 219 УК показывает, что нарушение правил техники безопасности – более тяжкое преступление. Поэтому указанные в ч. 1 ст. 219 нарушения, повлекшие причинение телесных повреждений (в том числе легких) или смерти, если они являются также нарушениями правил техники безопасности, должны квалифицироваться по ч. 2 или ч. 3 ст. 137 УК. Однако такая квалификация будет иметь место, если только виновным является должностное лицо и вред причинен работнику предприятия или иному лицу, постоянная или временная деятельность которого связана с данным производством. Так, преступление квалифицируется по ч. 2 ст. 137, а не по ч. 1 ст. 219, если работник, имевший дело с серной кислотой, получил ожоги, поскольку не проинструктирован о безопасных методах работы либо не снабжен специальной одеждой.

Если телесные повреждения либо смерть наступили в результате нарушений, совершаемых систематически, то преступление квалифицируется по ч. 2 ст. 219 УК.

Сбыт сильнодействующих, ядовитых или наркотических веществ есть незаконная передача их другим лицам в форме продажи, обмена на другие товары, дарения.

Некоторые авторы обязательным признаком сбыта считают «реализацию, как правило, за деньги»³⁵. Другие указывают, что «сбыт всегда преследует материальные выгоды для сбывающего»³⁶. Однако такие утверждения не основаны на законе и исключают состав преступления, если имело место дарение наркотических, сильнодействующих или ядовитых веществ. Ответственность за незаконный сбыт этих веществ установлена потому, что он создает опасность для здоровья, а иногда и для жизни человека. Такая опасность создается независимо от того, извлекает ли субъект преступления из такой сделки какую-либо материальную выгоду.

Сбыт упомянутых веществ может совершаться только с прямым умыслом: лицо сознает, что передает другому наркотические, сильнодействующие или ядовитые вещества и что эта передача является незаконной.

Сбыт другому лицу таких веществ при сознании того, что они будут использованы для совершения преступления, должен квалифицироваться как соучастие в этом преступлении и, кроме того, по ст. 219 (224), поскольку сбыт сам по себе образует состав преступления.

Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении от 25 февраля 1966 г. № 1 разъяснил, что скупка и перепродажа наркотических, сильнодействующих или ядовитых веществ с целью наживы должна рассматриваться как совокупность преступлений и квалифицироваться по ст. 151 (154) и 219 (224). В этом постановлении Пленум также разъяснил, что сбыт наркотических веществ несовершеннолетним, а равно склонение их как этим, так и иным способом к потреблению наркотиков, надлежит квалифицировать по ст. 210 УК РСФСР и соответствующим статьям других союзных республик, если законом этих республик предусмотрена ответственность за вовлечение несовершеннолетних в потребление наркотических веществ, и, кроме того, по ст. 219 (224).

К Белорусской ССР это разъяснение прямого отношения не имеет, т.к. УК БССР не предусматривает ответственности за вовлечение несовершеннолетних в потребление наркотических веществ. Лишь в том случае, когда сбыт несовершеннолетнему наркотиков (а равно сильнодействующих или ядовитых веществ) повлек причинение вреда его здоровью, ответственность должна наступать, кроме ст. 219 УК, еще и за преступление против личности.

Субъектом преступления – сбыта (а равно изготовления, хранения или приобретения с целью сбыта) наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ может быть любое лицо. Совершение таких действий должностным лицом с использованием служебного положения должно квалифицироваться, как указал Пленум Верховного Суда СССР в упоминаемом постановлении от 25 февраля 1966 г. № 1, по совокупности: за должностное преступление и за преступление, предусмотренное ст. 219 УК.

Объективная сторона второго состава преступления в части, образующей поставление в опасность, выражается в нарушении правил хранения, отпуска, перевозки, пересылки наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ.

Указанные правила не являются едиными. Они различны для каждого учреждения и вида или группы веществ. Так, имеются правила хранения и отпуска ядовитых и сильнодействующих веществ в аптеках, правила хранения и отпуска таких веществ на аптечных складах и на фармацевтических производственных предприятиях, правила хранения и отпуска их в научно-исследовательских институтах.

Правила хранения упоминаемых веществ имеют целью предупредить утечку этих веществ и обеспечить их правильное использование, с тем чтобы была принесена польза и не было вреда здоровью людей. Так, установлено, что ядовитые лекарственные вещества должны храниться в аптеках в специальных шкафах, под замком и с надписью «А». На внутренней стороне дверок «А» должен быть список хранящихся здесь веществ с указанием высших разовых и суточных доз.

Указанную выше цель преследуют и правила отпуска наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ. Так, установлено, что при приеме рецепта на лекарство, в состав которого входят ядовитые вещества, рецептер-контролер должен проверить правильность дозировки, совместимость прописанных ингредиентов (составных частей) в лекарственной форме и подчеркнуть красным карандашом наименование ядовитого вещества.

Пересылка по почте наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ запрещена, и сам факт такой пересылки образует состав преступления.

Ядовитые вещества запрещается перевозить в пассажирских вагонах. Подробно регламентированы грузоперевозки ядовитых веществ³⁷.

Со стороны субъективной для второго состава преступления, предусмотренного ст. 219 УК, требуется умысел либо неосторожность.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 февраля 1966 г. № 1 разъяснил, что за нарушение правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ несут уголовную ответственность как должностные лица, так и «иные лица, которые в силу порученной им работы обязаны соблюдать установленные правила при производстве, хранении, отпуске, учете, перевозке указанных веществ» (п. 9, абз. 1).

В этом же постановлении Пленум разъяснил, что «при наличии в действиях должностного лица, допустившего нарушение указанных правил, признаков состава должностного преступления (злоупотребление, халатность, взяточничество и т.д.) его деяния подлежат квалификации по соответствующим статьям УК союзных республик, предусматривающих ответственность за должностные преступления» (п. 9, абз. 2).

Цитируемое положение сформулировано недостаточно ясно и способно вызвать впечатление об ответственности должностного лица в указанных случаях только за должностное преступление.

Между тем речь идет о реальной совокупности преступлений. Должностное лицо, допустившее нарушение правил хранения, отпуска сильнодействующих, ядовитых и наркотических веществ, несет ответственность по ст. 219 УК. Если он в связи с этим еще совершил должностное преступление, например за взятку незаконно выдал наркотическое вещество, то ответственность наступает и по ст. 169 (173).

В упоминаемом постановлении Пленума Верховного Суда СССР не рассматривается вопрос о соотношении состава преступления, предусмотренного ст. 219 (224), и должностного при отсутствии реальной совокупности.

Вопрос возникает в связи с тем, что нарушение должностным лицом указанных в ст. 219 (224) правил совершается с использованием служебного положения и потому образует и должностное преступление при условии причинения существенного вреда государственным или общественным интересам либо правам и интересам граждан.

Квалификация содеянного должна определяться в зависимости от того, какое преступление окажется более тяжким, что выясняется путем сравнения санкций обеих частей ст. 219 и ст. 166 (170), 168 (172).

Преступления, предусмотренные ст. 166, 168, являются более тяжкими, чем предусмотренные ч. 1 ст. 219. Поэтому, если преступные деяния, указанные в ч. 1 ст. 219, совершены должностным лицом с использованием служебного положения и повлекли последствия, названные в ст. 166, 168 УК, то они должны квалифицироваться как должностное преступление. Деяния, предусмотренные ч. 2 ст. 219 УК, если они совершены должностным лицом, должны квалифицироваться как должностное преступление только в том случае, когда повлекли тяжкие последствия, указанные в ч. 2 ст. 166 УК.

Квалифицирующим признаком преступления, предусмотренного ст. 219 УК, является систематичность в нарушении правил использования наркотических, сильнодействующих и ядовитых веществ (ч. 2 ст. 219). Систематичность имеет место при совершении нарушений более трех раз (см. § 6 этой главы).

§ 5. Содержание притонов для потребления наркотиков

Содержание притонов для потребления наркотиков – качественная разновидность сбыта наркотических веществ. Может быть, поэтому отдельные уголовные кодексы (УССР, ЛатвССР,

ТаджССР и ЭССР) не выделяют содержание таких притонов в отдельное преступление. Однако степень социальной опасности сбыта наркотических веществ без содержания для этой цели притона и с содержанием далеко не одинакова. Притон предполагает специальное и обычно постоянное место, в котором собираются для потребления наркотиков в располагающей обстановке. Само наличие такого места способно привлечь внимание неустойчивых лиц и содействовать их приобщению к наркотикам. Поэтому выделение такого состава преступления с повышенной санкцией оправданно.

В законе преступление включено в состав, сформулированный как «содержание притонов разврата, сводничество с корыстной целью, а равно содержание притонов для потребления наркотиков» (ст. 221). В УК РСФСР аналогичная формулировка продолжена дополнением «либо содержание игорных домов».

Притон – специальное, обычно тайное место, в котором собираются для преступных или иных аморальных действий. Таким местом чаще является помещение, но притон может содержаться и вне помещения: в закрытом дворе, пещере, участке сада, другом укромном месте. Содержание притона предполагает не только предоставление помещения либо другого места для потребления наркотиков, но и то или иное обслуживание посетителей, а также более или менее длительное существование. Эпизодические случаи предоставления места для потребления наркотиков не являются содержанием притона.

Вызывает сомнение утверждение, что «нельзя квалифицировать как содержание притона систематическое употребление наркотиков самим лицом и угощение наркотиками своих друзей»³⁸. Поведение содержателя притона, разумеется, не имеет значения. Но в равной мере нельзя придавать решающего значения контингенту посетителей. Ими могут быть постоянные или разные лица, независимо от степени их близости к содержателю места. Признавать или отрицать состав содержания притонов для потребления наркотиков по одному тому, являются ли посетители друзьями владельца помещения, – значит создать весьма зыбкую почву для решения важных вопросов.

Повышенная опасность содержания притона для потребления наркотиков в том, что создается угроза для здоровья многих людей, а в таком случае не может иметь решающего значения степень их близости к виновному. В противном случае потребуются юридическое определение дружбы, что вряд ли возможно и вряд ли необходимо.

Не имеет также значения способ потребления наркотиков в данном притоне (курение, инъекция).

Вина в содержании притонов для потребления наркотиков может выражаться только в прямом умысле. Утверждение отдельных авторов о необходимости для данного состава преступления корыстной цели³⁹ представляется ошибочным. То, что в действительности едва ли встречаются случаи содержания таких притонов без цели извлечения материальной выгоды, не дает оснований считать, что такое условие ответственности требуется по закону.

В последнем корыстная цель привязана только к сводничеству. Там, где законодатель решил ограничить уголовную ответственность случаями наличия такой цели, он оговорил это. Тем самым в остальных случаях, предусмотренных ст. 221 (226), в том числе при содержании притонов для потребления наркотиков, корыстная цель не является элементом состава преступления. Это объясняется тем, что конкретная опасность для здоровья людей создается при содержании притонов для потребления наркотиков, независимо от того, преследовал ли виновный корыстные цели.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 25 февраля 1966 г. № 1 отмечается, что общественно опасные деяния, связанные с наркотиками, «несмотря на их сравнительно небольшую распространенность, причиняют или могут причинить значительный вред здоровью граждан» (п. 1). В Белорусской ССР такие преступления встречаются лишь в отдельные годы и в единичных случаях.

Между тем в международном плане борьба с потреблением наркотиков является серьезной проблемой. Начиная с 1912 г. принято 10 международных конвенций и соглашений о борьбе с распространением наркотиков⁴⁰. Мы не отделены от капиталистического мира непроницаемой стеной, и поэтому даже единичные преступления, связанные с наркотиками, должны вызывать пристальное внимание и решительное осуждение.

§ 6. Спаивание несовершеннолетних

Формулировка ст. 205 (210) «вовлечение несовершеннолетних в пьянство»⁴¹, достаточно краткая, но недостаточно точная, не способствовала практическому применению закона, ибо прежде всего не было ясным, каким должен быть количественный признак вовлечения в пьянство. Лица, призванные применять

закон, не имели более или менее определенного мерила того, что есть вовлечение в пьянство. Это приводило к тому, что в спорных случаях (а их было большинство) либо не возбуждали уголовного преследования, либо принимали (уже при судебном рассмотрении дела) неодинаковые оценки. Частично положение было исправлено постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1969 г. № 8 «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную или иную антиобщественную деятельность». В части, касающейся спаивания несовершеннолетних, Пленум разъяснил, что «уголовно наказуемым вовлечением несовершеннолетнего в пьянство признаются умышленные действия, направленные на вовлечение несовершеннолетнего в систематическое или неумеренное употребление спиртных напитков» (п. 4, абз. 1). Что касается единичных случаев распития взрослым с несовершеннолетним спиртных напитков, то вопрос о квалификации содеянного предлагалось решать, «исходя из конкретных обстоятельств, цели, мотивов и повода распития спиртных напитков, их количества, возраста участников выпивки и иных данных» (п. 4, абз. 2)⁴².

Количественный признак был определен как систематичность. Расшифровка его предоставлялась судебной практике. В критериях оценки единичного случая, как видно из приведенной цитаты, не было четкости, а введенный признак неумеренности вовсе не имел объективного мерила.

Поэтому Указом Президиума Верховного Совета БССР от 21 июня 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма»⁴³ было определено, что вовлечение несовершеннолетних в пьянство является преступлением, если оно совершается систематически. Тем самым дано аутентичное толкование состава преступления вовлечения несовершеннолетних в пьянство.

Уголовный кодекс формулирует два состава спаивания несовершеннолетних: доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний, и вовлечение несовершеннолетнего в пьянство, совершаемое систематически.

Спаивание несовершеннолетних опасно тем, что угрожает нормальному физическому и нравственному развитию подрастающего поколения. Злоупотребление алкоголем вредно для здоровья любого человека, тем более для физически еще не окрепшего организма подростка. Поэтому для здоровья подростка вредны и единичные случаи опьянения. Будучи опасным для здоровья несовершеннолетнего, потребление алкоголя угрожает и его

нравственному формированию, способно стать «школой» правонарушений. Целью закона об уголовной ответственности за спаивание несовершеннолетних и является ограждение физического и нравственного их развития от вредного влияния.

Связь пьянства и преступности общеизвестна. Несовершеннолетние вовлекаются в преступную деятельность часто путем предварительного спаивания их для этой цели. Если спаивание несовершеннолетнего само по себе образует состав преступления, то при вовлечении его таким путем в преступную деятельность содеянное должно квалифицироваться по правилам о совокупности преступлений.

В обоих составах спаивания несовершеннолетних потерпевшим является лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Если виновный знает об этом обстоятельстве, то имеется прямой умысел. Если он не осведомлен о возрасте вовлекаемого в пьянство, но допускает, что он не достиг совершеннолетия, то по отношению к этому обстоятельству имеет место косвенный умысел.

Не исключены случаи, когда вовлекающий несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков не сознает, что потерпевший не достиг совершеннолетия. Правовая оценка подобной ситуации зависит от содержания уголовного закона. Если последний говорил бы о доведении до состояния опьянения или вовлечении в пьянство «заведомо несовершеннолетнего», состав преступления отсутствовал бы. Действующий закон такого ограничения не содержит и тем самым признает наличие состава преступления, если вовлекающий не знал, но должен был и мог знать о несовершеннолетии потерпевшего. В таком случае имеется вина в форме преступной небрежности⁴⁴.

С оценкой подобной ситуации судебная практика уже имела дело. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 25 марта 1964 г. № 2 «О судебной практике по делам об изнасиловании», толкуя понятие «изнасилование несовершеннолетней», предусмотренное ч. 3 ст. 115 (ч. 3 ст. 117), разъяснил следующее: «Применяя этот закон, суды должны учитывать, что в силу ст. 3 Основ уголовного законодательства... уголовной ответственности подлежит лицо, которое знало или допускало, что совершается насильственный половой акт с несовершеннолетней, либо могло и должно было это предвидеть. При этом суды должны учитывать не только показания самого обвиняемого, но и тщательно проверить их соответствие всем конкретным обстоятельствам дела, не допуская

необоснованного освобождения виновных от ответственности за изнасилование несовершеннолетней. В то же время суды должны иметь в виду, что при наличии доказательств, подтверждающих, что виновный добросовестно заблуждался относительно фактического возраста потерпевшей, несовершеннолетие потерпевшей не может служить основанием для квалификации его действий по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик» (п. 9)⁴⁵.

Это разъяснение можно и нужно распространить и на правовую оценку доведения до состояния опьянения либо вовлечения в пьянство несовершеннолетнего, если субъект не сознавал, что потерпевший не достиг совершеннолетия.

Возраст потерпевшего определяет и возраст субъекта преступления. Если первый является несовершеннолетним, то вовлекающим может быть только совершеннолетний. Таков логический вывод, сделанный судебной практикой, ибо если вовлекающий не достиг 18-летнего возраста, то он сам оказывается потерпевшим.

В связи с этим М.И. Блум пишет: «Мы не возражаем против возрастного признака субъекта преступления, установленного судебной практикой. Мы только принципиально высказываемся против установления этого признака путем толкования закона, полагая, что его следует четко указать в законе»⁴⁶.

Представляется, что в таком дополнении закона нет необходимости. От излишнего многословия закон не выигрывает. Краткость не в ущерб ясности – особенность правовой нормы, и с этим следует считаться.

Первый состав преступления с объективной стороны выражается в доведении несовершеннолетнего до состояния опьянения – ст. 205-1 (210-1) УК.

Понятие «состояние опьянения» употребляется действующим уголовным законом, кроме данного, еще в трех случаях: ст. 12 (12), 38, п. 12 (39, п. 10) и 206-1 (211-1). В ст. 12 УК сформулировано общее положение о том, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, не освобождается от уголовной ответственности, а в ст. 38 – что это состояние есть отягчающее вину обстоятельство. В этих случаях в точном определении понятия «состояние опьянения» нет принципиальной надобности, поскольку степень опьянения и самый факт опьянения не выступают в качестве условия уголовной ответственности.

Другое дело, когда «состояние опьянения» является условием уголовной ответственности. В таком качестве оно выступает в ст. 206-1 (211-1), согласно которой преступлением признается управление автомобилем транспортными средствами в состоянии опьянения повторно. В таком качестве это состояние выступает и в рассматриваемом составе преступления с той разницей, что оно должно быть на стороне не субъекта преступления, а потерпевшего в результате действий виновного.

Придание такому состоянию значения элемента состава преступления и тем самым условия уголовной ответственности требует его уточнения. От того, как это будет сделано, зависят пределы уголовно наказуемого доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения.

Между тем состояние опьянения – понятие в медицине и в быту весьма широкое – от легкого общего возбуждения до полного беспомощности. Что же следует понимать под состоянием опьянения в уголовно-правовом смысле и, в частности, в смысле признака состава анализируемого преступления?

Применительно к составу управления транспортным средством в состоянии опьянения вопрос решается сравнительно просто: водитель транспортного средства считается находившимся в состоянии опьянения, если оно зафиксировано врачебным заключением и в исключительных случаях иным документальным путем. Здесь понятие состояния опьянения включает любую его степень. Столь широкое определение состояния опьянения в такой ситуации, когда лицо управляет транспортным средством, вполне оправданно: сознание лица, управляющего источником повышенной опасности, должно быть предельно ясным. Кроме того, способ определения состояния опьянения исключает субъективность.

Последнее способно соблазнить на аналогичное толкование состояния опьянения и в рамках анализируемого состава преступления. В самом деле, чтобы исключить споры о состоянии несовершеннолетнего, употреблявшего спиртные напитки, направим его на экспертизу и будем руководствоваться ее заключением. Легко и просто, но ошибочно.

Признание состоянием опьянения любой его стадии прежде всего будет противоречить закону.

Понятие «состояние опьянения» следует рассматривать в неразрывной связи с понятием доведение, ведь закон говорит об уголовной ответственности не за распитие спиртных напитков с несовершеннолетним, не за угощение его ими, а за «доведение... до состояния опьянения».

Довести кого-либо до определенного состояния – значит вызвать у него новое качественное состояние (в сравнении с предшествующим).

Термин «доведение» применяется в действующем Уголовном кодексе лишь в двух случаях. В ст. 105 (107) говорится о доведении до самоубийства или покушения на него, и этим новое качественное состояние конкретизируется в самом законе. В рассматриваемом случае конкретизация возлагается на судящего субъекта.

Доведение до состояния опьянения имеется при новом качестве поведения несовершеннолетнего либо в его физическом состоянии. Поведение может выражаться в агрессивности, приставании к другим лицам, цинизме, дерзости и т.д. Новое качественное физическое состояние может выражаться в рвоте, потере ориентации, беспомощности, при которой, как говорят англичане, «те самые ноги, которые привели его в дом, не могли вести его оттуда»⁴⁷, в потере сознания и т.д.

Новое качественное состояние, в чем бы оно ни выражалось, должно быть очевидным, т.е. не вызывающим сомнений и фиксируемым третьими лицами.

Представляется, что предлагаемое толкование доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения соответствует правосознанию и цели закона. Уголовная ответственность за единичный случай распития незначительной дозы спиртного напитка с несовершеннолетним, не повлекший нового качественного состояния в поведении и физическом состоянии подростка, не будет понята, может представиться ханжеством, что касается цели закона, то, как уже отмечалось, уголовная ответственность за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения направлена на то, чтобы оградить от вредных влияний его физическое и нравственное развитие. Если в данном конкретном случае опасность для развития не создана, то и нет уголовной ответственности. Именно такие случаи имеет в виду закон, когда указывает, что «доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, если эти действия не наказываются в уголовном порядке, влечет административную ответственность» (ч. 2, п. 5 упомянутого Указа Президиума Верховного Совета БССР от 21 июня 1972 г.).

Для состава рассматриваемого преступления достаточно единичного случая доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения. При систематичности преступления квалифицируется как вовлечение в пьянство.

Не имеет значения, какие спиртные напитки употреблял несовершеннолетний (водка, коньяк, ликер, шампанское, десертное

вино, сухое вино, спиртные напитки домашней выработки, пиво). Субъектом преступления является лицо, в служебной зависимости от которого находился несовершеннолетний.

Общая оценка зависимости положения потерпевшего дана в п. 5 ст. 38 (п. 5 ст. 39), признающем, что совершение преступления «в отношении лица, находящегося в материальной или другой зависимости от виновного», является отягчающим вину обстоятельством. Конкретизируя это положение, уголовный закон в двух случаях признает зависимое положение потерпевшего квалифицирующим обстоятельством: согласно ч. 2 ст. 105 УК установлена повышенная ответственность за доведение до самоубийства «лица, находящегося в материальной или иной зависимости от виновного», а согласно ч. 2 ст. 119 (ч. 2 ст. 121) – за мужеложство «с использованием зависимого положения потерпевшего». В двух случаях зависимость потерпевшего является условием уголовной ответственности: ст. 116 (118) карает за понуждение женщины к вступлению в половую связь «лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой», а анализируемая норма – за доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения «лицом, в служебной зависимости от которого он находился».

Как видно, из всех приведенных положений уголовного закона наиболее узко очерчена зависимость потерпевшего (только служебная зависимость) в последнем случае. И это не случайно: материальная зависимость подростка – обычное явление, служебная – сравнительное исключение. Служебная зависимость, если ею злоупотребляют, ранит подростка более тяжело, чем уже сформировавшуюся личность. Общественные связи подростка только начинают складываться, и в лице старших, которым он должен в той или иной мере повиноваться, он ожидает увидеть образец высокой нравственности, справедливости, пример для подражания во всех сферах жизни.

Подражание старшему обратно пропорционально возрасту подростка: чем он моложе, тем больше он будет в своем поведении следовать примеру старших. Очевидно, поэтому законодатель признал преступлением даже единичный случай доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого он находился.

Круг лиц, могущих быть субъектами этого преступления, определяется в зависимости от общественных связей несовершеннолетнего.

Как известно, его трудовые связи обычно могут начинаться с 16-летнего возраста и в виде исключения с 15-летнего (ст. 173

КЗоТ БССР). Служебная зависимость по этой линии в более раннем возрасте невозможна. Лицами, в служебной зависимости от которых несовершеннолетний находится в связи с его трудовой деятельностью, могут быть не только должностные лица данного предприятия (учреждения, организации), имеющие определенные права и обязанности по отношению к подростку (начальник цеха, прораб и т.д.), но и недолжностные лица, указания которых для него обязательны. Такими, в частности, лицами будут рабочий, к которому подросток прикреплен для обучения, и старший рабочий, в группу которого он включен хотя бы на некоторое время. Субъектами данного преступления могут быть и лица, выполняющие на данном предприятии общественные функции (председатель месткома, профорг, комсорг и т.д.), поскольку подросток находится от них в зависимости (например, в связи с графиком отпусков, организацией отдыха).

Другая линия общественных контактов подростка связана с его учебной, независимо от ее формы (общеобразовательная школа, музыкальная школа, спортивная школа и т.д.). Зависимость подростка от учителя, тренера, старшего пионервожатого очевидна. И такие лица должны быть признаны субъектами рассматриваемого преступления. Нельзя абстрагироваться от того, что эти лица не только и не столько имеют по отношению к учащемуся определенные права и обязанности, но, и это может быть главное, они являются воспитателями, и их слово, предложение, оценка поведения, просьба действуют на подростка весьма influentially. Злоупотребление таким влиянием и есть использование служебной зависимости.

Наконец, у несовершеннолетнего возможны общественные связи эпизодического характера, которые могут возникнуть при обращении в государственные или общественные организации или при выполнении им своего пионерского, комсомольского долга. Поэтому субъектом рассматриваемого преступления могут быть должностные лица, к которым он обращался для решения тех или иных вопросов, и должностные лица, которые к нему обращались, призывая в качестве свидетеля, потерпевшего и т.д., поскольку в этих случаях складываются отношения служебной зависимости.

Инкриминируя кому-либо доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения, следует указать, чем определяется служебная зависимость потерпевшего от данного лица. Такое требование содействует тщательному выяснению общественных связей виновного с подростком и конкретизирует обвинение.

При определении субъективной стороны преступления выясняется вина к распитию спиртных напитков (1), состоянию опьянения, в котором оказался потерпевший (2), и его возрасту (3). За исключением последнего обстоятельства, о котором уже говорилось, вина к первому может быть только умышленной: субъект сознает, что потерпевший употребляет спиртные напитки. Вина к состоянию опьянения, в котором оказался несовершеннолетний, может быть умышленной либо неосторожной. В первом случае субъект преступления преследовал цель спить несовершеннолетнего либо сознавал такую возможность и относился к этому безразлично. Во втором случае он рассчитывал на то, что подросток не опьянеет, либо не предвидел, но должен был и мог предвидеть возможность опьянения подростка. Форма вины к тому, что потерпевший оказался в состоянии опьянения, не влияет на квалификацию содеянного, но должна учитываться при назначении наказания. Не влияет на квалификацию и то, употреблял ли спиртные напитки сам виновный.

Однако имеет значение, кто являлся инициатором выпивки и ее организатором. Если в таких ролях выступал только сам несовершеннолетний, пригласивший лицо, от которого он находился в служебной зависимости, и роль последнего была исключительно пассивной, то состава преступления в его действиях не будет. То, что он согласился на участие в таком аморальном акте, не пресекает его, используя свое служебное положение или положение воспитателя, заслуживает принятия мер общественного воздействия. Такое решение основывается на том, что в действиях взрослого нет доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения, поскольку доведение предполагает активную деятельность – вовлечение в пьянство.

Если же приглашенный, не будучи ни инициатором, ни организатором пьянки, в процессе ее поощрял несовершеннолетнего, подбадривал его или иным путем проявлял активность, то он становится вовлекающим и имеются основания считать наличие доведения несовершеннолетнего до состояния опьянения и применять ст. 205-1 (210-1) УК.

Второй состав преступления с объективной стороны выражается в вовлечении несовершеннолетнего в пьянство, совершаемое систематически, – ст. 205 (210) УК.

Вовлечение в пьянство есть подстрекательство к выпивке либо пособничество ей, если выпивка состоялась.

Подстрекательство выражается в предложении несовершеннолетнему угостить его (подстрекателя) либо угостить другое лицо и вместе выпить или сложиться для совместного приобретения спиртных напитков и их распития. При подстрекательстве инициатором распития спиртных напитков выступает виновный.

Пособничество в распитии спиртных напитков выражается в содействии организации выпивки приобретением, доставлением напитков, закуски, подысканием места либо подзадориванием несовершеннолетнего. При пособничестве инициатором распития спиртных напитков является подстрекатель либо сам потерпевший.

Вовлечение в пьянство отличается от доведения до состояния опьянения тем, что для его наличия достаточно самого факта подстрекательства несовершеннолетнего к выпивке или пособничества в этом, если выпивка состоялась, и не требуется, чтобы несовершеннолетний оказался в состоянии опьянения. Поэтому объективным условием уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в пьянство является систематичность.

Понятие систематичности, не получившее определения в законе, было и остается спорным. Количественный критерий его переплетается с понятием неоднократности (являющейся, в частности, элементом видового состава незаконного производства аборта), что вызывает необходимость одновременного рассмотрения этих понятий.

Термин «неоднократность» известен ряду статей Уголовного кодекса⁴⁸. В то же время в других нормах того же кодекса говорится о повторности преступления⁴⁹, что вызывает необходимость в выяснении соотношения между этими понятиями и систематичностью.

«Основные начала» 1924 г. указывали, что повторным является преступление, совершенное до истечения сроков давности по предыдущему преступлению или до погашения судимости (п. «Г» ст. 31), Основы уголовного законодательства 1958 г. не содержат определения повторного преступления. Однако, как это вытекает из ст. 41 и 47 Основ, понятие повторного преступления осталось таким же. Если после истечения давностных сроков лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности (ст. 41) или оно считается не имеющим судимости (ст. 47), то естественно, что новое преступление, совершенное этим же лицом, юридически не является повторным. Следовательно, и сейчас повторным является преступление, совершенное лицом, имеющим судимость, или когда не истекли сроки давности по ранее совершенному им преступлению.

Если повторным является второе преступление, то естественно, что неоднократным будет преступление, совершенное в третий раз.

Иное решение вопроса представляется ошибочным. Если неоднократность и повторность означали бы одно и то же, то не было бы надобности прибегать к различным терминам. Нет оснований считать, что здесь имеет место лишь разницей в терминологии как следствие несовершенства законодательной техники. В этом можно убедиться хотя бы на примере ст. 170 (174), которая говорит о даче взятки «неоднократно или лицом, ранее судившимся за взятничество». Если бы термин «неоднократность» означал в этой статье «второй раз» (т.е. повторность), то не было бы надобности здесь же рядом с ним специально говорить о даче взятки лицом «ранее судившимся за взятничество», ибо дача взятки таким субъектом означает, что он второй раз совершает это преступление⁵⁰. Значит, для наличия ч. 2 ст. 170 достаточно, что взятку дало лицо, ранее судимое за взятничество. Если же взятку второй раз дало лицо, не судившееся за взятничество, то для применения ч. 2 ст. 170 (ч. 2 ст. 174) УК этого недостаточно. Это и понятно, ибо лицо, отбывшее наказание и снова совершившее такое же преступление, является более опасным, чем лицо, которое совершило два преступления, но карательное воздействие по отношению к которому еще не применялось.

Если в рассмотренном случае неоднократность означает третий раз, то нельзя себе представить, чтобы в другой статье того же кодекса этот термин уже имел иное значение.

Неоднократным, следовательно, является преступление, совершенное лицом, имеющим две судимости или ранее совершившим два преступления, ни одно из которых не погашено давностью.

Вопреки этому многие авторы не видят разницы между терминами «повторность» и «неоднократность». отождествление этих терминов распространено и в судебной практике. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 31 июля 1962 г. № 9 «О судебной практике по делам о взятничестве» также указывает, что «неоднократное получение взятки, дача взятки или посредничество во взятничестве предполагает совершение одного из этих преступлений не менее двух раз, если при этом не истекли предусмотренные законом сроки давности уголовного преследования»⁵¹.

Отождествление понятий обычно мотивируют грамматическим значением слова «неоднократность», означающим «не один раз» – значит, «не менее двух раз». В обычном значении слова это действительно так. Однако известно, что грамматическое значение

и правовое значение одного и того же слова могут не совпадать, что и имеет место в рассматриваемом случае.

Если имеется стремление и в правовом смысле отождествить «повторность» и «неоднократность» и законодатель с этим согласится, то следует дать соответствующее разъяснение в порядке п. «б» ст. 31 Конституции БССР (п. «б» ст. 33 Конституции РСФСР) либо заменить в Уголовном кодексе термин «неоднократность» «повторностью». Об этом же пишет и В.П. Малков, исследовавший проблему повторности преступлений: «В самом деле, коль скоро в судебной практике и теории уголовного права нередко неоднократность отождествляется с повторностью, то не следует ли вообще отказаться от употребляемого в законе термина "неоднократность", заменив его словом "повторность"?»⁵². Пока, однако, этого не произошло, для отождествления повторности и неоднократности нет оснований, оно не вытекает из действующего закона, а, напротив, противоречит ему.

Если неоднократность означает «не менее трех раз», то систематичность будет означать «более трех раз».

Характеристика неоднократности и систематичности не исчерпывается количественным признаком. Необходимо, чтобы каждый разовый случай имел правовое значение, т.е. не был погашен сроками давности либо судимости. Эти сроки, в свою очередь, зависят от того, образует ли разовый случай состав преступления (при наличии и других его элементов) либо выступает лишь в качестве административного, дисциплинарного или только морального проступка. Согласно этому в ч. 2 ст. 219 УК систематичность будет, если ни один из четырех случаев не погашен сроком давности или судимости. Руководствоваться при этом следует ст. 46 (48), 54 (57).

В составе вовлечения несовершеннолетних в пьянство разовый случай (а равно второй и третий случай) является лишь проступком, сохраняющим правовое значение в течение года после его учинения или после наложения административного взыскания или применения товарищеским судом меры общественного воздействия, если в том или другом случае срок не был прерван новым фактом вовлечения несовершеннолетнего в пьянство. В числе разовых случаев может быть и доведение несовершеннолетнего до состояния опьянения лицом, от которого он находился в служебной зависимости, если это лицо было осуждено и еще считается имеющим судимость.

Нельзя согласиться с тем, что систематичность предполагает совершение одного и того же преступления, как правило, до осуждения. Ссылка на то, что это «сам законодатель имеет в виду»⁵³,

не убеждает хотя бы потому, что о желаниях законодателя мы судим по их словесному выражению, а не по тому, что он думал, но о чем не сказал. Систематичность признается условием уголовной ответственности либо квалифицирующим обстоятельством, потому что свидетельствует об определенной линии упречного поведения. Поэтому ничего не меняется от того, проводилась ли виновным эта линия до осуждения или продолжалась после отбытия наказания. Представляется, что в последнем случае субъект более опасен, т.к. даже судимость не изменила его поведения.

Для наличия систематичности необходимо, далее, чтобы имело место определенное количество случаев вовлечения в пьянство одного и того же несовершеннолетнего. Одновременное вовлечение в пьянство нескольких лиц остается в рамках разового случая.

В итоге вовлечение несовершеннолетнего в пьянство является систематическим, если имело место вовлечение одного и того же потерпевшего более трех раз и каждый случай не погашен давностью.

Субъектом преступления вовлечения несовершеннолетнего в пьянство являются «родители или иные лица». Такая формулировка означает, что субъектом этого преступления может быть любое лицо, в том числе лицо, в служебной зависимости от которого потерпевший находился, и в последнем случае имело место вовлечение в пьянство, а не доведение до состояния опьянения.

При определении субъективной стороны преступления выясняется вина к распитию спиртных напитков (1), к тому, что это делается систематически (2), и к возрасту вовлекаемого (3). За исключением последнего обстоятельства, о котором уже говорилось, вина к первому может быть только умышленной: субъект сознает, что потерпевший употребляет спиртные напитки, во что он его вовлек. Вина ко второму обстоятельству может быть также только умышленной: субъект сознает, что уже четвертый раз вовлекает в пьянство одно и то же лицо.

Составы спаивания несовершеннолетнего являются усеченными. Возможными последствиями спаивания могут быть: повреждение здоровья (в том числе уличная либо производственная травма), смерть, совершение преступления.

Влияние последствий на квалификацию содеянного зависит от характера вины, структуры состава, вида и размера санкций и тяжести последствий.

Спаивание несовершеннолетнего с целью его вовлечения в преступную деятельность образует совокупность преступлений,

если само спаивание удовлетворяет признакам состава преступления. При отсутствии такой цели совершение опьяневшим подростком преступления не влияет на квалификацию и является лишь отягчающим вину обстоятельством.

Если можно представить себе спаивание несовершеннолетнего с целью нанесения вреда его здоровью или лишения жизни, то будет иметь место ответственность за совокупность преступлений,

При систематическом вовлечении несовершеннолетнего в пьянство неосторожная вина к причинению вреда здоровью либо наступившей смерти не образует нового состава преступления, поскольку тяжесть первого, караемого лишением свободы на срок до пяти лет, превышает тяжесть второго и поглощает его.

При наличии неосторожной вины к таким последствиям в случае доведения до состояния опьянения лицом, в служебной зависимости от которого несовершеннолетний находился, ответственность должна наступать по правилам о совокупности преступлений, т.к. санкция (лишение свободы на срок до одного года) не учитывает таких последствий, как смерть, тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение.

§ 7. Постановление в опасность заражения венерической болезнью

Состав сформулирован как «заведомое постановление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью» – ч. 2 ст. 113 (ч. 2 ст. 115-1).

Статья 4 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении указывает, что «граждане СССР должны бережно относиться к своему здоровью и здоровью других членов общества». Аналогичное положение сформулировано в законах союзных республик о здравоохранении и, в частности, в ст. 3 Закона Белорусской ССР о здравоохранении.

Это обращение конкретизировано в ст. 51 Закона Белорусской ССР о здравоохранении, указывающей, что «больные венерическими болезнями подлежат обязательному лечению в соответствующих лечебно-профилактических учреждениях, а также диспансерному наблюдению до их излечения. Больные венерическими болезнями в заразном периоде, уклоняющиеся от лечения, подлежат принудительной госпитализации и лечению».

Уголовная ответственность за уклонение от лечения венерической болезни установлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1971 г. «Об усилении ответственности

за распространение венерических заболеваний»⁵⁴. Нормы Указа дословно включены в уголовные кодексы союзных республик, в Белорусской ССР – в ст. 113.

Последняя формулирует ответственность за «уклонение от лечения венерической болезни, продолжаемое после предупреждения, сделанного органами здравоохранения» (ч. 1), за оставление в опасность заражения (ч. 2) и за заражение венерической болезнью (ч. 3 и 4).

Для правильного понимания и применения ст. 113 (115, 115-1) УК необходимо знание минимальных сведений о венерических заболеваниях⁵⁵.

Венерические болезни – инфекционные половые заболевания, к которым относятся: сифилис (люэс), гонорея (триппер, перебой), мягкий шанкр (венерическая язва), паховый лимфогранулематоз (четвертая венерическая болезнь).

Заражение сифилисом возможно двумя путями: прямой передачей и посредством предмета. Прямая передача происходит либо при половых сношениях (большинство случаев) либо прямым контактом: при поцелуях, при кормлении здоровой женщиной грудью больного сифилисом чужого ребенка, при контактах медицинского персонала (гинеколог, акушерка, хирург) с больным и т.д. Опосредованное заражение возможно через любой предмет, испачканный свежими невысохшими выделениями больного (слюна, слизь, отделяемое сифилитической язвы и т.д.): общие ложки, кружки, зубные щетки, папиросы, трубки, бритвы, гребешки, губную помаду, детские соски, чужое нестираное белье, стульчики, общие ванны и т.д. Сифилис может быть врожденным (при передаче инфекции плоду от больной сифилисом матери). Сифилисом могут болеть люди любого возраста.

Этой болезни свойствен длительный инкубационный период (3–4 недели), в течение которого болезнь при современных методах диагностики еще не может быть распознана.

Неизлеченный сифилис может осложняться тяжелыми поражениями внутренних органов и нервной системы, вызывает прогрессивный паралич, сухотку спинного мозга и другие болезни. Сифилис отражается губительно на здоровье и жизнеспособности потомства, вызывая врожденное уродство, слепоту, глухоту и т.д.

Гонорея передается от больного к здоровому при половых сношениях (наиболее часто) и внеполовым путем (через загрязненные гонорейными выделениями руки и недостаточно обеззараженные предметы домашнего обихода больных). Внеполовое

заражение часто наблюдается у маленьких девочек, заражающихся от больных матерей в общей постели.

Гонорейными осложнениями могут быть: воспаление суставов с их последующей неподвижностью, бесплодие, поражение органов, куда потоком крови попали гонококки – возбудители этой болезни, общее заражение организма и даже смерть. При заболевании гонореей иммунитет не вырабатывается и возможно поэтому повторное заболевание.

Мягкий шанкр передается преимущественно половым путем. Может дать осложнения в виде воспаления лимфатических сосудов и узлов, парафимоза, фимоза. Мягкий шанкр – местное заболевание, не влияющее на весь организм. Иммунитета не вырабатывает.

Паховый лимфогранулематоз передается половым и внеполовым путем и поражает лимфатические узлы. Возможными осложнениями могут быть нарастающая кишечная непроходимость, рак половых органов и т.д.

Следует иметь в виду, что современные средства и методы позволяют полностью излечивать венерические болезни при условии своевременного обращения за врачебной помощью и аккуратности лечения. Поэтому очень важно своевременное выявление больных.

Мягкий шанкр в 1951 г., а паховый лимфогранулематоз – в 1930-х гг. были ликвидированы в СССР⁵⁶. Однако не исключена возможность занесения таких болезней из-за рубежа. Лечение больных венерическими болезнями обязательно, и при отказе больного производится принудительно. Больные сифилисом после их выявления подлежат госпитализации в течение 24 ч. После окончания лечения они остаются на учете в соответствующих медицинских учреждениях в течение 5 лет. Наблюдение за излечившимися от гонореи продолжается в течение 1–3 месяцев.

Признаки состава поставления в опасность заражения венерической болезнью не могут быть в достаточной мере выяснены без определения сущности предшествующих деяний виновного, выражающихся в его уклонении от лечения. Связь между этими преступлениями настолько тесная, что дала повод утверждать, что «опасность заражения венерической болезнью включает, в частности, и злостное уклонение от лечения такой болезни»⁵⁷. Утверждение имело место в связи с анализом состава поставления в опасность заражения венерической болезнью, известного ч. 2 ст. 112 УК Латвийской ССР еще до принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1971 г., и поскольку в этом УК не было

состава уклонения от лечения венерической болезни. Очевидно, что в настоящее время, когда уголовные кодексы предусматривают самостоятельные составы уклонения от лечения венерической болезни и поставления в опасность заражения такой болезнью, упомянутое мнение особенно неприемлемо, и задача состоит в том, чтобы определить, где заканчивается первое преступление и начинается второе.

Больной венерической болезнью, независимо от того, обратился ли он в лечебное учреждение по своей инициативе либо доставлен туда принудительно, в письменной форме предупреждается об обязанности лечиться и последствиях уклонения от этого. Министерством здравоохранения СССР утверждена специальная форма под названием «Предупреждение лицу, заболевшему венерической болезнью». В ней после записи фамилии, имени, отчества больного, его домашнего адреса и года рождения указывается следующее: «Подтверждаю письменно, что сего числа мне разъяснены:

- положения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1971 г. «Об усилении ответственности за распространение венерических заболеваний»;
- порядок и срок моего лечения от венерических заболеваний;
- правила моего поведения в половой жизни, в семье, в быту, на работе и в стенах лечебного учреждения;
- ответственность за уклонение от лечения после настоящего предупреждения.

Все предписания лечащего врача обязуюсь строго выполнять.

О перемене своего места жительства обязуюсь сообщать лечащему врачу».

Далее следуют подписи больного, лечащего врача, дата и название населенного пункта.

Неявка на очередной сеанс лечения после такого предупреждения сама по себе еще не образует состава преступления, поскольку уголовная ответственность предусмотрена за уклонение от лечения. Уклонение же предполагает нежелание лечиться. Поэтому неявка на лечение, вызванная уважительными причинами, не является уклонением от лечения.

Если больной не явился на очередной сеанс лечения, его вызывают через патронажную сестру либо через органы милиции. При установлении того, что неявка имела место без уважительной причины, лицо привлекается к ответственности по ч. 1 ст. 113 (ч. 1 ст. 115-1).

Поставление в опасность заражения венерической болезнью может совершаться как в процессе уклонения от лечения, так и в процессе лечения. Уклонение имеет место, если больной только

не является на лечение с целью уклонения от него, но не совершает каких-либо действий, которые создали бы опасность заражения другого лица, т.е. не вступает с ним в такие контакты, которые способны передать ему венерическое заболевание.

Уклонение от лечения и заражение венерической болезнью – составы преступлений, которые фиксируются сравнительно легко. Фиксация же поставления в опасность заражения венерической болезнью сложнее.

Объективная сторона этого преступления формулируется в законе как «поставление другого лица через половое сношение или иными действиями в опасность заражения венерической болезнью».

Поставление в опасность заражения имеет место, если совершены деяния, которые создали конкретную возможность передачи болезни другому лицу, но этого не произошло вследствие случайности либо мер, принятых потерпевшим.

Способами поставления в опасность заражения венерической болезнью являются, в частности, следующие: половое сношение с небольшим венерической болезнью или больным иной венерической болезнью; нарушение правил личной гигиены, о соблюдении которых больной давал обязательство; выполнение больной женщиной обязанностей кормилицы чужого ребенка.

Если поставление в опасность заражения венерической болезнью имело место в процессе уклонения от лечения, то возникает вопрос о квалификации содеянного, поскольку каждое из деяний образует отдельный состав преступления. Вопрос о квалификации возникает и при заражении венерической болезнью лицом, уклоняющимся от лечения. Мнение о применении в таких случаях правил о совокупности преступлений⁵⁸ представляется спорным. Уклонение от лечения, поставление в опасность заражения и заражение венерической болезнью выступают как отрезки единой преступной деятельности, развивающейся от менее опасной к более опасной. Здесь каждое последующее действие поглощает предшествующее, и поэтому вряд ли каждое из них подлежит самостоятельной правовой оценке. Законодатель установил ответственность за поставление в опасность заражения венерической болезнью на тот случай, когда заражение не последовало по причинам, не зависящим от виновного. За уклонение от лечения установлена уголовная ответственность, с тем чтобы предупредить самые контакты больного с другими лицами с целью предупреждения заражения. Поэтому при развитии преступной деятельности от менее к более опасной она должна оцениваться по тому, что

было конечным. При ином взгляде каждый случай поставления в опасность заражения венерической болезнью лицом, которое уклонялось от лечения, пришлось бы всегда квалифицировать как два преступления, а если последовало и заражение, то было бы три преступления. Такое нагромождение квалификации представляется необоснованным. Правила о совокупности преступлений следует применять лишь в тех случаях, когда потерпевшими выступают разные лица, по отношению к одному из которых имело место поставление в опасность заражения, а к другому – заражение его венерической болезнью.

Для уяснения объективной стороны рассматриваемого состава преступления представляют интерес мотивы принятия первого закона об ответственности за поставление в опасность заражения венерической болезнью – ст. 155а УК РСФСР 1922 г. Об этом И.Я. Бычков и Н.С. Исаев писали следующее: «...как доказать, что потерпевший заразился именно от обвиняемого? В практике органов дознания попадались случаи задержки проституток, больных венерической болезнью в заразной форме, о которых имелись несомненно данные, что они сеют кругом себя заразу, но из-за отсутствия реальных потерпевших в отношении этих проституток не могла применяться ст. 155 УК (эта статья УК 1922 г. предусматривала ответственность за заражение венерической болезнью. – *И.Г.*), несмотря на то что они представляют повышенную социальную опасность. В интересах возможности действовать путем уголовной репрессии на лиц, в отношении которых имеются определенные данные, что, будучи больны венерической болезнью, они ведут беспорядочную половую жизнь и ставят в опасность заражения своих партнеров, по инициативе Наркомздрава РСФСР Уголовный кодекс дополнен постановлением ВЦИК от 9 августа 1926 г. ст. 155а: «Заведомое поставление другого лица через половое сношение или иными способами в опасность заражения венерической болезнью влечет лишение свободы или принудительные работы до шести месяцев»⁵⁹.

Таким образом, если нельзя установить, заразился ли потерпевший от обвиняемого или другого лица, то обвиняемый должен привлекаться к ответственности за поставление в опасность заражения венерической болезнью, поскольку он вступал с потерпевшим в недозволенные в связи со своим заболеванием контакты.

Анализируя состав заражения венерической болезнью, М.Д. Шаргородский ограничивает его по субъективной стороне косвенным умыслом и неосторожностью в форме самонадеянности.

При наличии прямого умысла на заражение другого лица венерической болезнью М.Д. Шаргородский предлагает квалифицировать преступление как умышленное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение⁶⁰. Это мнение получило в литературе широкое распространение. Оно имеет прямое отношение к характеристике субъективной стороны поставления в опасность заражения венерической болезнью. Следуя ему, пришлось бы поставление в опасность заражения, совершаемое с прямым умыслом, квалифицировать как покушение на причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения.

Между тем в перечне повреждений, признаваемых тяжкими и менее тяжкими, содержащемся в ст. 106 (108) и 107 (109), и в правилах судебно-медицинского определения тяжести телесных повреждений венерические заболевания не называются. Очевидно, это вызвано тем, что причинение вреда здоровью потерпевшего заражением его венерической болезнью выделено в специальный состав преступления ввиду его особенностей.

Ни М.Д. Шаргородский, ни другие авторы не аргументируют свои позиции. Можно полагать, что заражение венерической болезнью они квалифицируют как тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение по признаку степени утраты трудоспособности: заражение будет тяжким телесным повреждением при утрате трудоспособности не менее чем на одну треть и менее тяжким телесным повреждением при утрате ее от 15 до 35 %. Однако венерическое заболевание может и не повлечь утраты трудоспособности, да в большинстве случаев и не влечет таких ближайших последствий.

Правильно критикуя рассматриваемую точку зрения, Н.И. Загородников допускает, однако, квалификацию заражения венерической болезнью, совершаемого с прямым умыслом, по ст. 106 (108) или 107 (109), если последствия, указанные в этих статьях, наступили⁶¹.

При уклонении от лечения либо ненадлежащем лечении венерическое заболевание, как уже отмечалось, может повлечь самые тяжкие последствия. Однако это ничего не меняет по двум причинам. Прежде всего, такие последствия могут наступить лишь в сравнительно отдаленном после заболевания будущем и не ждать же, когда это произойдет, чтобы после этого и решить вопрос о квалификации. Во-вторых, при прямом умысле виновного на заражение другого венерической болезнью обычно отсутствует умысел к последствиям, которые могут наступить, если зараженный не будет лечиться.

Поэтому представляется, что заражение венерической болезнью со стороны субъективной имеется при любой форме умысла и при преступной самонадеянности.

Для наличия субъективной стороны рассматриваемого состава преступления требуется, чтобы поставление другого лица в опасность заражения было заведомым.

«Заведомость» является также признаком других составов преступлений, опасных для жизни и здоровья: ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) формулирует ответственность за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного, воздушного транспорта, если они не повлекли, «но заведомо создавали угрозу» наступления тяжких последствий; ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) указывает на «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии...»; ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128) – о неоказании медицинской помощи, если оно «заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие последствия».

В русском языке «заведомо» значит «сознательно, безусловно, несомненно, как известно (самому действующему лицу)»⁶². Тем самым словом «заведомость» характеризуется определенное психическое отношение деятеля к совершаемым им деяниям и их последствиям. Такое значение имеет «заведомость» и в законодательстве. В связи с этим представляется ошибочным рассматривать заведомость как объективную возможность: наступившие последствия признаются заведомыми, если они объективно могли вызвать указанный в законе наступивший или возможный результат, независимо от психического отношения к нему деятеля. Такой взгляд, в частности, содержится в комментариях к Уголовному кодексу РСФСР, подготовленных кафедрой уголовного права Свердловского юридического института (Т. 2. 1962. С. 69). Кроме того, при таком взгляде слово «заведомость» оказывается в законе лишним, и применительно к анализируемому составу преступления можно было сказать, что нет разницы в формулировках «заведомое поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью» и «поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью». Очевидно, при наличии в законе последней формулировки для ответственности достаточно было бы того, что больной вступал в определенные контакты с потерпевшим и этим мог его заразить венерической болезнью, т.е. к ненаступившим последствиям могла быть вина и в форме небрежности. Однако указанием на заведомость законодатель ограничил рамки данного состава преступления.

В перечисленных случаях заведомость привязана либо к действию, либо к возможным или наступившим последствиям. В любом случае действие при такой характеристике может быть только умышленным: виновный сознает, что совершает общественно опасное действие, и желает этого. Где имеется неосторожность, там не может быть заведомости. Поэтому в рассматриваемом составе преступления отношение виновного к своим действиям характеризуется тем, что он сознает, что вступает с другим лицом в запрещенные контакты, и, несмотря на это, в такие контакты вступает.

Заведомость по отношению к действиям определяет и отношение к возможным (или наступившим) последствиям. Если виновный понимает, что вступает в запрещенные контакты с другим лицом, то он одновременно понимает, что это может привести к заражению этого лица.

Однако указание закона на заведомость последствий не исключает применения норм об ответственности за покушение. Не будь ч. 2 ст. 113 (ч. 2 ст. 115-1), покушение на заражение венерической болезнью другого лица рассматривалось бы как покушение на преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 113 (ч. 1 ст. 115). Выделение состава поставления в опасность является средством расширения области уголовно-правового вмешательства и усиления борьбы с распространением венерических заболеваний. Поэтому, несмотря на наличие такого состава, покушение на заражение венерической болезнью должно рассматриваться по ст. 15 и 113, ч. 3 (15 и 115), а не как поставление в опасность по ч. 2 ст. 113 (ч. 2 ст. 115-1). Иное решение вопроса о квалификации содеянного противоречило бы целевому назначению состава поставления в опасность.

Тем самым в смысле ч. 2 ст. 113 (ч. 2 ст. 115-1) заведомость охватывает собой умышленные действия, соединенные с косвенным умыслом либо преступной самонадеянностью к ненаступившим последствиям, а при признании возможности покушения с косвенным умыслом – лишь с преступной самонадеянностью к ненаступившим последствиям.

Представим себе случай, когда потерпевшая сторона, зная о болезни компаньона, вступает с ним добровольно в интимную связь и заражается венерической болезнью либо могла заразиться, заранее зная об этом. По мнению авторов, анализирующих подобную ситуацию, состав преступления в действиях больного венерической болезнью отсутствует, поскольку имеется согласие потерпевшего на причинение ему вреда⁶³.

В настоящее время такое решение представляется противоречащим требованию законов о здравоохранении, рассматривающих здоровье граждан в качестве социальной ценности. Вступая в отношения, запрещенные в связи с болезнью, субъект сознает социальную опасность своих действий и их противоправность, что уже удовлетворяет требуемым основаниям уголовной ответственности. При таком положении согласие потерпевшего не должно устранять ответственность больного, предупрежденного о правилах поведения в интимной жизни и ответственности за их нарушение. Согласие потерпевшего может быть лишь смягчающим вину обстоятельством.

Субъектом преступления является лицо, страдающее венерической болезнью и достигшее 16-летнего возраста.

Но может ли быть субъектом этого преступления лицо, не страдающее такой болезнью? Н.И. Загородников рассказывает о случае, когда гражданка К., зная, что ее сосед по квартире страдает венерической болезнью, из чувства мести систематически подставляла его посуду соседке и ее детям с намерением таким путем заразить их. Автор считает, что подобное поведение не может квалифицироваться по статье о заражении венерической болезнью и «может образовать состав тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения в зависимости от характера ущерба, причиненного здоровью потерпевшего»⁶⁴.

Поставление в опасность, предполагающее со стороны субъективной вину в форме преступной самонадеянности или (при отрицании конструкции покушения с косвенным умыслом) косвенного умысла, в подобных случаях исключается, поскольку виновный действует с прямым умыслом на заражение другого лица. Оценка таких случаев, повлекших или не повлекших заражения другого лица, применительно к составам тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения может фактически повлечь (по ранее изложенным основаниям) исключение уголовной ответственности. Между тем опасность лица, не страдающего венерической болезнью, но стремящегося наделить ею другое лицо, используя для этого болезнь соседа, знакомого или сослуживца, не меньшая, чем опасность самого больного, преследующего такие же цели. Посредственное причинение, имеющее место в таком случае, не меняет положения и должно квалифицироваться как заражение другого лица венерической болезнью по ч. 3 ст. 113 (ст. 115), а если заражения не последовало, то как покушение на совершение этого преступления. Представляется, что такое распространительное толкование не противоречит закону и соответствует целям борьбы с распространением венерических заболеваний.

§ 8. Незаконное врачевание

Незаконным врачеванием ст. 216 (221) называет «занятие врачеванием как профессией лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования».

Врачевать – значит лечить, заниматься лечением⁶⁵. Это понятие включает постановку диагноза, определение средств и методов воздействия на организм и их применение. Врачевание имеет место как при совокупности перечисленных действий, так и при наличии хотя бы одного из них. Врачеванием не является медицинская пропаганда – деятельность, не персонифицированная по объекту воздействия. Врачевание же всегда адресовано определенному лицу.

Оно разрешено определенным лицам, указанным в ст. 12 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении (ст. 13 Закона Белорусской ССР о здравоохранении и соответствующих статьях аналогичных законов других союзных республик).

Согласно этой статье «к медицинской и фармацевтической деятельности допускаются лица, получившие специальную подготовку и звания в соответствующих высших и средних специальных заведениях СССР. Иностранцы граждане и лица без гражданства, имеющие постоянное местожительство в СССР, получившие специальную подготовку и звания в соответствующих высших и средних специальных учебных заведениях СССР, могут заниматься медицинской и фармацевтической деятельностью на территории СССР в соответствии с полученной специальностью и званием. Лица, получившие медицинскую и фармацевтическую подготовку и звания в соответствующих учебных заведениях иностранных государств, допускаются в СССР к медицинской и фармацевтической деятельности в порядке, установленном законодательством Союза ССР».

Эта норма конкретизируется в положениях о правах и обязанностях различных категорий медицинских работников, согласно которым правом врачевания в соответствующих пределах пользуются: врач, фельдшер, акушерка, медицинская сестра. Другие медицинские работники правом врачевания не пользуются⁶⁶.

Поэтому утверждение, что правом врачевания пользуются только врачи, имеющие высшее медицинское образование, и не обладают лица со средним медицинским образованием⁶⁷, следует признать ошибочным. Фельдшер, например занимающийся частной практикой, но врачующий в пределах, допустимых для фельдшера,

не может быть привлечен к уголовной ответственности за незаконное врачевание. Нет незаконного врачевания в смысле ст. 216 (221) и в действиях медицинской сестры, которая в домашних условиях делает за плату инъекции, прописанные больному врачом. Такое врачевание не является опасным для здоровья людей, что уже по одному этому не может быть преступлением, и упречность его только в том, что отсутствует разрешение заниматься им частным образом.

Статья 216 (221) в части, относящейся к субъекту преступления, является бланкетной, и согласно упомянутым нормативным актам ответственность по этой статье несут: лица, не имеющие никакого медицинского образования; лица, имеющие медицинское образование, не дающее, однако, права на какое-либо врачевание; лица, имеющие медицинское образование, но занимающиеся такими видами врачевания, на которые они не имеют права. Субъектом преступления являются также лица, имеющие соответствующее медицинское образование, но лишённые права заниматься врачеванием по приговору суда.

С объективной стороны преступление состоит в занятии незаконным врачеванием как профессией.

Врачевание, кроме ранее сказанного, включает оказание лечебной помощи методами и средствами, известными современной медицине. Статья 34 Основ законодательства о здравоохранении (ст. 46 Закона о здравоохранении Белорусской ССР) указывает, что «в медицинской практике врачи применяют методы диагностики, профилактики и лечения, лекарственных средства, разрешённые Министерством здравоохранения СССР. В интересах излечения больного и с его согласия, а в отношении больных, не достигших шестнадцатилетнего возраста, и психически больных – с согласия их родителей, опекунов или попечителей врач может применять новые, научно обоснованные, но еще не допущенные к всеобщему применению методы диагностики, профилактики, лечения и лекарственных средства».

Незаконным является врачевание методами и средствами, не дозволенными медициной, а равно и дозволенными, если лицо не имеет права на врачевание вообще или на применение данного метода или данных средств врачевания. Как раз в последней части для определения законности врачевания необходимо обращаться к соответствующим положениям о правах и обязанностях медицинских работников. Так, врач, который занимается лечением гипнозом, не имея на то специального письменного разрешения органов здравоохранения, виновен в незаконном врачевании, поскольку для

применения этого метода лечения требуется специальное разрешение.

Врачеванием не является фармацевтическая деятельность. Незаконное занятие такой деятельностью может образовать состав преступления, предусмотренный ст. 219 (224) УК. Изготовление и сбыт лекарств, не относящихся к наркотическим, сильнодействующим или ядовитым, состава преступления не образует. Однако если такие действия связаны с врачеванием (например, лицо, не имея на то права, лечит больных им изготовленными лекарствами), то в его действиях имеется состав преступления, предусмотренный ст. 216 (221) УК. Скупка и перепродажа лекарственных средств с целью наживы образует состав спекуляции.

Судебная практика свидетельствует, что в настоящее время незаконное врачевание преимущественно выражается в использовании религиозных предрассудков. Так, в приговоре по делу Д. говорится, что «метод лечения подсудимого заключается в том, что, спросив у больного имя, год рождения, место жительства, вид заболевания, он брал воду из колодца и каждому больному наливал две бутылки, предлагая из одной пить по чайной ложке три раза в день, а из другой – натирать больное место»⁶⁸.

Как видно из материалов судебной практики, незаконное врачевание выражается также в зубопротезировании лицами, не имеющими соответствующего образования, и лечении травмами. Незаконное врачевание лицами, имеющими медицинское звание, но занимающимися лечением не в соответствии с их квалификацией, почти не встречается.

Незаконное врачевание создает конкретную опасность для здоровья, а иногда и для жизни человека. Эта опасность создается как в случае, когда виновный предлагает больному такие средства или применяет такие методы, которые способны ухудшить его здоровье, так и тогда, когда применяются безобидные средства («святая» вода, нашептывание), поскольку больной упускает драгоценное время для действительного лечения. Если к тому же болезнь является заразной, то создается конкретная опасность и для окружающих больного людей.

Уголовно наказуемым является «занятие врачеванием как профессией», т.е. более или менее длительное время. Отдельные случаи незаконного врачевания, не повлекшие причинения вреда здоровью, не вызывают уголовной ответственности.

Для состава незаконного врачевания не требуется наступления последствий – смерти или вреда здоровью. Лишь в отдельных уголовных кодексах (УССР – ст. 226, ЛатвССР – ст. 223,

ЛитССР – ст. 237) состав незаконного врачевания сформулирован как материальный. Верховный суд РСФСР признал неправильным прекращение производством дела Е., привлеченного к ответственности за то, что, не имея медицинского образования, занимался зубопротезированием. Суд первой инстанции мотивировал прекращение дела тем, что действия Е. не повлекли тяжелых последствий для обратившихся к нему лиц. Верховный суд указал: «Специального медицинского образования у Е. не было, а следовательно, он не имел права заниматься зубопротезированием. Кроме того, из заключения судебно-медицинских экспертов видно, что преступные действия Е., выразившиеся в надевании металлических коронок, изготовленных им кустарным способом и не из надлежащего металла, могли вызвать у обращающихся к нему лиц тяжелые заболевания»⁶⁹.

Единичные случаи незаконного врачевания, повлекшего смерть или телесные повреждения, рассматриваются как соответствующее преступление против личности. Правовая оценка таких последствий, наступивших в результате занятия незаконным врачеванием как профессией, зависит от юридической конструкции этого состава. Уголовные кодексы ряда союзных республик выделяют квалифицированный вид незаконного врачевания (АрмССР – ст. 241, КиргССР – ст. 233, МССР – ст. 228, УзССР – ст. 223, ГССР – ст. 250, АзССР – ст. 223, ТССР – ст. 253). Применительно к этим кодексам состав незаконного врачевания охватывает собой и те последствия, о которых в них говорится.

В соответствии с уголовными кодексами, где состав незаконного врачевания сформулирован как формальный, причинение таким врачеванием смерти или телесных повреждений должно квалифицироваться по правилам о совокупности преступлений: в БССР – по ст. 216 и в зависимости от тяжести последствий по ст. 104 или 112.

Виновный в незаконном врачевании сознает, что занимается врачеванием, не имея на то права, или применяет неразрешенные методы и средства лечения. Его отношение к ненаступившим последствиям выражается в неосторожной вине. Указание отдельными авторами, что для данного состава преступления необходимо, чтобы лицо «извлекало из этого занятия постоянный доход – основной или хотя бы дополнительный»⁷⁰, безусловно, ошибочно. По данным судебной практики, действительно незаконное врачевание совершается, как правило, с корыстной целью. Однако в характеристику этого состава преступления законодатель такую цель не вводит, вследствие чего состав данного преступления

будет иметь место, независимо от того, «лечил» ли виновный за вознаграждение или без.

В незаконном врачевании в форме знахарства материальная выгода извлекается обманным путем. «Современный знахарь в подавляющем большинстве случаев является мошенником, эксплуатирующим беспомощное состояние своих жертв в целях извлечения личной, обычно материальной выгоды»⁷¹. В связи с этим возникает вопрос *о квалификации незаконного врачевания, соединенного с обманом пациента в корыстных целях.*

Одни авторы считают, что в таких случаях виновный одновременно должен привлекаться к ответственности и за мошенничество⁷². Другие признают возможным применять правила о совокупности преступлений лишь в том случае, если незаконное врачевание совершается лицом, ложно выдающим себя из корыстных побуждений за врача⁷³. По мнению третьих, если виновный знает, что применяемые им средства не принесут пользы больному и получает за это материальную выгоду, то имеется лишь состав мошенничества⁷⁴. Так, в частности, были квалифицированы действия Н., признанной виновной в том, что всем обращавшимся к ней больным она давала бутылку с водой, над которой предварительно нашептывала, после чего рекомендовала пить, за что граждане платили ей деньгами, продуктами и носильными вещами⁷⁵.

Ответ на вопрос о квалификации незаконного врачевания, соединенного с обманом граждан и извлечением материальной выгоды, следует искать в различии объектов незаконного врачевания и мошенничества.

Как уже известно, объектом незаконного врачевания, являются здоровье и жизнь пациента. Признание же виновного ответственным лишь за мошенничество, объектом которого является чужая собственность, не учитывает специфики незаконного врачевания. Преступление против личности, каким оно фактически является, оказывается при оспариваемой квалификации лишь имущественным преступлением. Потому представляется ошибочным мнение о квалификации незаконного врачевания, соединенного с обманом в корыстных целях, как мошенничества. Разница между незаконным врачеванием и мошенничеством, совершаемым под видом врачевания, состоит в способе перехода имущества от больного (или его представителей) к виновному. При незаконном врачевании деньги, вещи, продукты передаются виновному в качестве платы за врачевание. Мошенничество имеет место, когда виновный присваивает вещи, другие ценности, переданные ему во

временное владение для ритуальных действий, связанных с «врачеванием».

При незаконном врачевании виновный действует открыто, имеет известное место, где принимает больных, и если скрывает свой промысел, то лишь от органов власти. Материальная выгода выступает здесь в качестве следствия врачевания.

Другое дело, если, как это имеет место при мошенничестве, умысел виновного непосредственно направлен на завладение чужим имуществом и «лечение» является лишь поводом для сближения с потерпевшим для этого. Виновный в большинстве случаев сам разыскивает больного, «лечит» его на дому, а получив имущество во временное владение, присваивает его и скрывается. Так, К., узнав, что у Надежды А. больна дочь, явилась к ней, чтобы вылечить девочку. К. попросила для изготовления лекарства килограмм сливочного масла и два килограмма вареной колбасы. Через день К. явилась с пузырьком лекарства, предложив смазывать им больную перед сном. Затем, чтобы «заговорить» болезнь, К. попросила у матери больной девочки дорогую вещь. Ей передали золотое кольцо, получив которое, она скрылась⁷⁶.

При оценке второго мнения возникает вопрос о том, почему его сторонники так ограничивают понятие обмана, соединенного с незаконным врачеванием. В советском уголовном праве общепринято считать обманом в качестве способа мошенничества не только сообщение заведомо ложных фактов, но и сокрытие сведений, сообщение о которых было обязательным. Поэтому авторы критикуемого мнения должны были признать совокупность незаконного врачевания и мошенничества и в тех случаях, когда пациенты считают виновного врачом, а он, зная об их заблуждении, воспользовался этим. Возникает и другой вопрос: почему не является обманом приписывание, например, пациенту несуществующей болезни, от которой виновный его «излечивает»? Очевидно, если применять правила о совокупности преступлений при незаконном врачевании, соединенном с обманом и корыстной целью, то нет оснований из разнообразных видов обмана пациентов выбирать лишь отдельные. Более последовательным было бы признание совокупности преступлений незаконного врачевания и мошенничества во всех случаях обмана больного с целью извлечения материальной выгоды. По существу своему незаконное врачевание – это мошенничество, опасное для здоровья и жизни людей, выделенное поэтому в отдельный состав преступления. Если обман является составной частью незаконного врачевания, то тем самым исключается возможность применения к виновному еще и статьи о мошенничестве.

Третье мнение решает вопрос о квалификации в зависимости от того, знает ли виновный о том, что он не принесет пользы больному. Однако закон не различает незаконное врачевание с пользой для больного и без такой пользы, одинаково считая преступлением занятие врачеванием в виде профессии лицом, не имеющим надлежащего медицинского образования. Полезность, если она имела место, может быть лишь смягчающим вину обстоятельством.

Незаконное врачевание может сопровождаться спекуляцией лечебными средствами. Вопрос о квалификации таких действий возник и получил разрешение в связи с нашумевшим в свое время делом Лещук⁷⁷. Ее метод лечения состоял в том, что она, смешивая скупленные в аптеке травы, расфасовывала их по пакетам и каждому больному, который к ней обращался, передавала такой пакет за 25 руб. Ее дневной заработок достигал 5 тыс. рублей (в старых деньгах). Ленинградский городской суд квалифицировал преступление как незаконное врачевание и спекуляция. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР в своем определении от 18 октября 1960 г. оставила в силе приговор Ленинградского городского суда, указав, что «скупка лекарственных трав и перепродажа их по завышенным ценам с целью извлечения нетрудового дохода должна расцениваться как спекуляция»⁷⁸.

Спекуляцией является «скупка и перепродажа товаров и иных предметов с целью наживы» – ст. 151 (154). Для состава этого преступления не имеет значения, какие предметы скуплены и перепроданы с целью наживы. Исключение составляют лишь валютные ценности, спекуляция которыми образует государственное преступление. Предметом спекуляции, предусмотренной ст. 151, могут быть и лекарственные вещества, в том числе травы. Специфика спекуляции последними состоит только в том, что она совершается под видом лечения и сопровождается поэтому поставлением в опасность здоровья и жизни людей, что уже образует новое преступление. Если скупка и перепродажа лекарственных трав с целью наживы является спекуляцией, то состав последней не исключается из-за того, что такая торговля совершалась в связи с незаконным врачеванием.

На практике возник вопрос о квалификации незаконного врачевания со стороны должностного лица органов здравоохранения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении по делу М., работавшего заведующим районным отделом здравоохранения и занимавшегося частной практикой, не имея законченного высшего образования, признала, что он должен отвечать по статье о злоупотреблении служебным положением⁷⁹.

М. лечил больных венерическими болезнями, покупая на рынке за их деньги сульфидин и стрептоцид. М. не выписывал лекарств из аптек, не посылал за ними на рынок своих подчиненных. Больных он принимал не в своем рабочем кабинете и в не подведомственных ему лечебных учреждениях.

В чем же выразилось злоупотребление М. своим служебным положением? Коллегия обосновала свое мнение тем, что М. «сам совершил такие действия, которые он в силу своего служебного положения должен был преследовать, если бы их совершил медработник в подведомственном ему учреждении». В тезисе к определению коллегия указывает, что «должностное лицо, совершающее действия, которым оно обязано противодействовать в силу своего служебного положения, отвечает за эти действия как за злоупотребление служебным положением».

Следуя такому разъяснению, пришлось бы квалифицировать как злоупотребление служебным положением нарушение правил безопасности движения автотранспорта работником ГАИ или развратные действия, совершенные прокурором района на территории данного района, поскольку виновные совершили такие действия, с которыми они должны бороться в силу своего служебного положения.

Однако такое толкование злоупотребления служебным положением никак не соответствует закону. Статья 166 (170) определяет это преступление как «умышленное использование должностным лицом своего служебного положения вопреки интересам службы». Если должностное лицо сознательно не исполняет свои служебные обязанности, то состав преступления будет при наличии всех признаков, указанных в ст. 166 (170). Работник ГАИ, сознательно не препятствующий нарушениям правил безопасности движения, или прокурор, отказавший в возбуждении уголовного дела против заведомо виновного в разращении малолетних, несут ответственность за должностное злоупотребление, поскольку они умышленно использовали свое служебное положение вопреки интересам службы. Однако злоупотребление состоит здесь не в том, что совершены нарушения правил движения или развратные действия, а в том, что в связи с этим не приняты предусмотренные законом меры. Следовательно, нет должностного злоупотребления в том, что прокурор совершил развратные действия, а работник ГАИ – нарушение правил безопасности движения, поскольку при этом они не использовали своего служебного положения.

Совершение лицом таких действий, с которыми он сам должен бороться в силу своего служебного положения, является

основанием для морального упрека и может и должно быть учтено при назначении наказания за незаконное врачевание. Правовая же оценка деяний не изменяется от того, совершены ли они частным лицом или должностным, но не в связи со служебным положением и не с использованием его.

Таким образом, и незаконное врачевание, которым занимается должностное лицо органов здравоохранения, не является должностным преступлением, если для этого занятия виновный не использовал своего служебного положения.

То обстоятельство, что виновный должен был преследовать незаконное врачевание, которым сам занимался, само по себе не является основанием для признания такого врачевания должностным преступлением.

Лишь в том случае, когда для занятия незаконным врачеванием должностное лицо использует свое служебное положение (например, для приобретения дефицитных лекарств), имеет место наряду с незаконным врачеванием еще и должностное преступление, если при этом наступили последствия, указанные в ст. 166 (170), – существенный вред охраняемым законом правам и интересам граждан.

§ 9. Незаконное производство аборта

Состав преступления сформулирован в ст. 114 (116) как «незаконное производство аборта». Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. определил, что производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в больницах и других лечебных учреждениях, и сохранил уголовную ответственность как врачей, так и лиц, не имеющих специального медицинского образования, производящих аборт вне указанных лечебных учреждений.

Развивая эти положения, Инструкция Министерства здравоохранения СССР о порядке проведения искусственного прерывания беременности указывает, что «производство операции искусственного прерывания беременности допускается только в стационарных лечебных учреждениях» (ст. 3) и при отсутствии противопоказаний (ст. 2). Инструкция содержит перечень противопоказаний, при наличии хотя бы одного из которых аборт не может быть произведен даже в этих учреждениях.

Согласно этому незаконным производством аборта является искусственное прерывание беременности, совершенное при наличии хотя бы одного из следующих обстоятельств:

- а) вне стационарного лечебного учреждения;
- б) лицом, не имеющим высшего медицинского образования;
- в) при наличии противопоказаний.

В медицине абортom признается прекращение беременности и (одновременно с этим или позже) изгнание всего плодного яйца или его части в первые 7 акушерских месяцев (28 недель). При этом различают аборт ранний – прерывание беременности в первые 16 недель и аборт поздний – прерывание беременности после 16 недель. Медицинское понятие аборта не связано с тем, является ли он самопроизвольным или вызван искусственным путем. Преждевременное окончание беременности после 28 недель, когда плод уже способен к внеутробной жизни, называется в медицине преждевременными родами.

Понятие незаконного аборта в одном отношении уже медицинского: оно не охватывает собой самопроизвольное прерывание беременности. В целом же понятие незаконного аборта значительно шире медицинского и распространяется и на преждевременные роды. Иначе говоря, незаконный аборт – это не только искусственное прерывание беременности в течение первых 28 недель, но и после этого срока, когда плод уже способен к внеутробной жизни.

В случаях преждевременных родов, вызванных искусственно, возникает вопрос о разграничении криминального аборта и умышленного убийства.

Решение поставленного вопроса связано с проблемой определения момента начала жизни человека. Ф. Энгельс писал: «В обыденной жизни, например, мы знаем и можем с уверенностью сказать, существует ли то или иное животное или нет, но при более точном исследовании мы убеждаемся, что это иногда в высшей степени сложное дело, как это очень хорошо известно юристам, которые тщетно бились над тем, чтобы найти рациональную границу, за которой умерщвление ребенка в утробе матери нужно считать убийством»⁸⁰.

Юристы Англии началом жизни считают момент полного отделения ребенка от утробы матери. Кенни пишет: «Если хотя бы одна нога рождающегося еще остается в утробе матери, то не может быть убийства. Ребенок считается начавшим жизнь, когда все его тело отделилось от матери, но не обязательно, чтобы пуповина была перерезана»⁸¹. Соответственно этому лишение жизни ребенка до его полного отделения от утробы матери рассматривается как умерщвление плода, а не убийство⁸². Такая граница, весьма суживающая область уголовно-правовой охраны жизни, одно время

проводилась и в советской литературе. Так, М.М. Гродзинский видел начало жизни в моменте, когда ребенок «отделился от утробы матери»⁸³. А.А. Пионтковский писал, что «момент отделения плода от утробы матери... является как бы "диалектическим скачком" в развитии плода, его качественным изменением, превращением его в человека»⁸⁴.

Другие криминалисты усматривают момент превращения эмбриона в человека в начале самостоятельного дыхания, даже если ребенок еще полностью не отделился от утробы матери. Так, Ф. Лист считал, что «самостоятельное существование начинается с прекращением плацентарного дыхания и с наступлением возможности дыхания через легкие»⁸⁵.

Однако и такой взгляд, несколько расширяющий по сравнению с предыдущим область уголовно-правовой охраны жизни, не обеспечивает надлежащей охраны жизни рождающегося человека. Следуя ему, необходимо было бы признать абортom, а не убийством нанесение удара по голове рождающемуся ребенку до того, как он сделал свой первый вдох. Поэтому, отказавшись от своего прежнего взгляда, А.А. Пионтковский позже писал, что «следует рассматривать как детоубийство не только убийство новорожденного после отделения плода от утробы матери, но и убийство, совершенное во время родов, когда рождающийся ребенок не начал еще самостоятельной внеутробной жизни (например, нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку до того момента, когда он начал дышать)»⁸⁶.

Однако приведенная цитата, повторяющаяся и в других изданиях⁸⁷, не совсем точна. Слова «во время родов, когда рождающийся не начал еще самостоятельной внеутробной жизни» не оставляют сомнений в том, что начало уголовно-правовой охраны жизни совпадает с началом родовых схваток, хотя бы ни одна часть тела рождающегося еще не находилась вне утробы матери.

Приведенный же пример (нанесение смертельной раны в голову рождающемуся ребенку) дает основание считать, что момент начала жизни наступает не ранее момента, когда часть тела ребенка оказалась уже вне утробы матери, хотя самостоятельного дыхания еще не было.

Гранью между абортom и убийством является начало родовых схваток, и умерщвление ребенка в этот момент уже должно считаться убийством. Такой взгляд, соответствующий цели всемерной охраны жизни человека, сейчас разделяется почти всеми советскими криминалистами. Н.И. Загородников пишет: «...условным началом жизни человека следует признать начало физиологических

родов. Этот момент свидетельствует о том, что плод достаточно созрел и приобрел все необходимые качества для внеутробной жизни, о чем и свидетельствуют объективные данные (начало родов). Хотя в такой момент ребенок может быть еще и невидим, однако состояние матери, выделение околоплодных веществ и другие признаки с несомненностью говорят о том, что человек уже начинает свою самостоятельную жизнь»⁸⁸.

Так решает вопрос и криминалисты стран народной демократии. У. Дресслер и М. Наундорф (ГДР) указывают, что «началом рождения является начало родовых схваток. Это значит, что перед началом этих схваток плод – еще зародыш и подлежит охране уголовным законом против аборт, а после начала родовых схваток или во время всего процесса родов вновь рождающийся уже человек и находится под защитой уголовных законов об убийстве». И. Ненов (Народная Республика Болгария) признает началом жизни «момент начала рождения, начала родовых схваток, хотя ребенок не начал еще самостоятельной внеутробной жизни». То же говорят криминалисты Чехословацкой Социалистической Республики. Умерщвление в момент, когда роды уже начались, они признают убийством, независимо от того, был ли ребенок жизнеспособен⁸⁹.

При искусственных родах, вызываемых для того, чтобы не иметь ребенка, об убийстве можно говорить при наличии соответствующих объективных и субъективных обстоятельств.

Здесь возможны следующие варианты: плод умерщвляется в матке до того, как началось рождение; ребенок умерщвляется в процессе родов; ребенок, родившийся живым, погибает по причинам, не связанным с поведением лица, совершившего незаконный аборт.

В первом случае речь может идти только о незаконном аборте, хотя бы плод был жизнеспособным.

Умерщвление ребенка в процессе родов является убийством. Ряд уголовных кодексов выделяет такое убийство в самостоятельный состав преступления, говоря об умышленном убийстве матерью своего ребенка «во время или непосредственно после родов»⁹⁰.

Является спорным вопрос о квалификации такого убийства, совершенного после аборта. Одни считают, что здесь имеет место лишь состав умышленного убийства⁹¹, другие – совокупность умышленного убийства и криминального аборта⁹². Последняя точка зрения представляется более правильной. Незаконный аборт, с какой бы целью он ни совершался, остается преступлением,

опасным для жизни и здоровья женщины. Квалифицировать такой аборт, соединенный с последующим убийством рождающегося или уже родившегося живым ребенка, лишь как убийство – значит не считать преступлением сам аборт, опасный для беременной.

Не говоря о случаях, когда мать путем активных действий сама умерщвляет рождающегося или уже родившегося ребенка, она несет ответственность за соучастие в умышленном убийстве, когда соглашается на умерщвление ребенка лицом, производящим аборт. Так, Я., будучи на последнем месяце беременности и не желая иметь ребенка, обратилась к акушерке Ф., которая у себя на дому вызвала искусственные преждевременные роды у Я. Когда родился живой ребенок, Ф. с согласия Я. утопила его в заранее приготовленном ведре с водой. Я. осуждена за соучастие в умышленном убийстве, Ф. – за криминальный аборт и умышленное убийство⁹³.

Аборт даже при самых благоприятных объективных показателях опасен для здоровья женщины. Аборту часто сопутствуют осложнения, увеличивающие его опасность для женщин. Если аборт протекал без осложнений, то в дальнейшем весьма вероятно: нарушение менструального цикла; понижение способности к зачатию вплоть до стойкого вторичного бесплодия; понижение способности к вынашиванию беременности, выражающейся в привычных выкидышах; раннее угасание функций яичников⁹⁴.

Если аборт, совершенный надлежащим лицом и при надлежащих условиях, опасен для здоровья, то незаконный аборт опасен и для жизни.

Профессор М.Г. Сердюков указывал, что вредное влияние незаконного аборта на организм чрезвычайно велико главным образом из-за частых тяжелых осложнений, которые проявляются не всегда сразу. Самым тяжелым последствием преступного аборта является заражение крови – сепсис. Часто от незаконного аборта наступает внезапная смерть как следствие воздушной эмболии, шока или острых изменений крови. Смерть вскоре после аборта может наступить вследствие внесения особо агрессивной инфекции (гемолитический стрептококк, столбняк, бактерии газовой гангрены). В некоторых случаях сепсис протекает длительно и смерть наступает в результате поражения сердца, почек, брюшины. Смерть быстро наступает в случаях воспаления брюшины – перитонита и в результате сильного кровотечения⁹⁵.

Судебная практика убедительно подтверждает опасность незаконного аборта для жизни женщины. Несколько примеров.

К., применив спринцовку с мыльным раствором, произвела аборт У. Через 5 дней ввиду тяжелого болезненного состояния У. была доставлена в больницу, где умерла от общего заражения организма с полипозно-язвенным поражением клапанов сердца и гнойными очагами в легких, явившимися следствием произведенного ей незаконного аборта. К. совершила аборт П. Во время производства аборта вместе с мыльным раствором в полость попали пузырьки воздуха, которые через кровеносные сосуды в момент отслоения плодного места от стенок матки засосались в сосуды сердца, в результате чего от воздушной эмболии мгновенно наступила смерть⁹⁶.

У нас нет сомнений в том, что объектом криминального аборта является не только здоровье женщины, как считают отдельные авторы⁹⁷, но и ее жизнь.

Из того, что по своей объективной направленности преступный аборт посягает на здоровье и жизнь беременной женщины, вовсе не следует, что ущерб здоровью должен быть всегда видимым. «Если даже в данном конкретном случае изгнание плода не принесло видимого ущерба здоровью женщины, это ни в какой степени не изменяет того, что ее здоровье и даже жизнь были поставлены в опасность»⁹⁸.

Разрешая аборт, наш законодатель в то же время всемерно охраняет право женщины на материнство. Поэтому при совершении плодизгнания без согласия беременной женщины (случаи, не встретившиеся в известной автору судебной практике) объектом преступления, наряду с ее жизнью и здоровьем, является также жизнь эмбриона.

Плод признают объектом преступления в тех странах, где аборт запрещены. При этом характерно, что криминалисты тех зарубежных социалистических стран, где аборт не легализированы, главным в уголовно-правовой борьбе с абортами считают охрану жизни и здоровья женщины⁹⁹, криминалисты же буржуазных стран не считают эти блага достойными уголовно-правовой охраны. Так, Р. Маурах (ФРГ), указывая, что объектом аборта является человеческий плод «с момента зачатия до начала отделения его от тела матери», говорит, что признание объектом аборта здоровья женщины... не находит оснований в законе¹⁰⁰.

М.Д. Шаргородский, признавая объектом незаконного аборта здоровье и жизнь беременной женщины, в то же время считает, что им является также «здоровье настоящего и будущего поколения»¹⁰¹. Оставляя след в здоровье женщины, аборт может сказаться на здоровье ее потомства. Однако о такой опасности можно говорить лишь в тех случаях, когда после данного аборта новая

беременность не будет нежелательной. Столь широкое определение объекта незаконного аборта устраняет основание наказуемости противоправного плодоизгнания, совершенного женщиной, которая более не намерена рожать. Наконец, на здоровье настоящего и будущего поколения может сказаться и причинение вреда здоровью любого человека – отца или матери, настоящим или будущим. Однако в силу этого телесные повреждения не признаются преступлениями, опасными для здоровья будущего поколения.

С объективной стороны незаконный аборт выражается в поставлении в опасность здоровья и жизни женщины посредством незаконного прерывания беременности.

Среди современных законов лишь некоторые указывают на средства (способы) прерывания беременности. К их числу относится Французский уголовный кодекс, который в ст. 317 говорит об аборте «посредством пищи, напитков, лекарств, манипуляций, насильственных действий или с помощью любого иного средства». Такое перечисление не имеет никакого смысла, т.к. под него подойдет любое средство. Дать же исчерпывающий перечень трудно и во всяком случае неудобно с технико-юридической точки зрения: правовая норма превратится в учебное пособие и утратит свою специфику. С другой стороны, исчерпывающий перечень средств совершения аборта затруднит борьбу с абортами, учиненными новыми средствами, которые в свое время законодатель не смог предусмотреть. Главное, однако, состоит в том, что незаконным прерыванием беременности создается конкретная опасность для жизни и здоровья женщины, а не в том, каким образом эта беременность прервана.

Это не значит, что способ совершения незаконного аборта не имеет никакого значения. Признавая излишним перечисление способов плодоизгнания в законе, их следует выяснить на практике, ибо это имеет медицинское, процессуально-криминалистическое и уголовно-правовое значение.

Медицинское значение выяснения способа совершения аборта состоит в том, что он указывает, какие меры помощи необходимы для спасения жизни или предотвращения серьезного вреда здоровью потерпевшей.

Без выяснения способа совершения аборта не может быть речи о полноте расследования. По способу плодоизгнания можно судить о виновном, если он еще не известен, что даст направление следствию. Наконец, способ совершения незаконного аборта

характеризует степень опасности этого аборта для здоровья и жизни женщины, а следовательно, и степень опасности виновного лица и тем самым служит мерилом при определении конкретной меры наказания. В этом состоит уголовно-правовое значение установления способа совершения преступного аборта.

Современная медицина допускает один способ плодоизгнания: удаление плодного яйца хирургическим путем с последующей чисткой тем же путем околоплодного места. Для совершения такой операции необходимы два условия: знания (умение) и соответствующие приспособления. Ни тем, ни другим, как правило, не обладают лица, производящие незаконные аборт, за исключением тех случаев, когда такие операции производятся врачами в больницах, но при наличии противопоказаний.

Судебная практика свидетельствует, что незаконные аборт, как правило совершаются посредством введения в полость матки различных растворов или предметов с целью прервать беременность. Г., например, осуждена за то, что произвела аборт Д. путем введения в полость матки жидкой смеси йода и фикусного сока. После произведенного аборта у потерпевшей развилось тяжелое болезненное состояние, и через 8 дней она умерла от сепсиса. А. совершила аборт Е. путем введения в полость матки раствора золы, мыла и йода. Будучи доставленной в больницу, потерпевшая умерла от сепсиса. Ш. произвела аборт Ф. введением раствора йода, марганцовокислого калия и соды. Когда на следующие сутки потерпевшая почувствовала себя плохо, Ш. порекомендовала ей принимать пенициллин и по 100 г самогона. Это «лечение» не помогло, и больная была доставлена в больницу¹⁰². Г. производила аборт с помощью изготовленной из кости палочки длиной в 9 см. М. совершала их при помощи деревянного веретена, а Т. – путем вставления в шейку матки стебля листа фикуса¹⁰³. Выбор указанных средств объясняется их доступностью и, конечно, невежеством виновных.

Средством изгнания плода может быть и причинение ударов, побоев или телесных повреждений, совершаемых с целью вызвать у беременной выкидыш.

Во всех случаях имеет место активное вмешательство виновных в течение беременности с целью ее прерывания. Достиг ли виновный этой цели для признания аборта окончанным, значения не имеет. Аборт признается окончанным преступлением, объектом которого является здоровье и жизнь женщины, когда совершены действия, причинившие вред здоровью беременной или создавшие опасность для ее жизни и здоровья. Так решает вопрос

и судебная практика. В. в антисанитарных условиях с целью прерывания беременности Ш. и Х. ввела им раствор марганцовокислого калия. В тяжелом состоянии потерпевшие были доставлены в больницу. Своевременная и квалифицированная медицинская помощь предотвратила тяжелые последствия, и, кроме того, была сохранена беременность. Хотя В. не достигла цели и изгнания плода не последовало, она была осуждена за окончательное преступление – производство аборта¹⁰⁴.

Незаконный аборт имеет место, независимо от того, на каком месяце беременности были совершены действия, направленные на изгнание плода. Однако в зависимости от этого находится степень опасности аборта для жизни и здоровья женщины: чем позднее прервана беременность, тем большая опасность создавалась для потерпевшей.

Совершение в большинстве случаев незаконных аборт при беременности свыше 3 месяцев объясняется тем, что при беременности меньшего срока аборты чаще заканчиваются без тяжелых последствий, потерпевшие не попадают в больницу и органам следствия о таких преступлениях не известно. Запоздалые же аборты почти всегда вызывают необходимость квалифицированного медицинского вмешательства и потому оказываются зарегистрированными. Кроме того, беременность свыше 3 месяцев является противопоказанием к ее прерыванию в условиях больницы, и женщины, решившиеся во что бы то ни стало избавиться от беременности, обращаются к услугам подпольных абортисток, что также увеличивает количество ставших известными поздних незаконных аборт.

Незаконным является аборт, произведенный вне стационарных лечебных учреждений. Почти во всех случаях местом совершения этого преступления является квартира виновной, редко – квартира потерпевшей, постороннего лица, служебный кабинет медпункта.

Незаконным является также аборт, совершенный в стационарном лечебном учреждении, но при наличии противопоказаний. Инструкция Министерства здравоохранения СССР называет следующие противопоказания: острая и подострая гонорея; острые и подострые воспалительные процессы половых органов; наличие гнойных очагов, независимо от места их локализации; срок менее 6 месяцев после предыдущей операции аборт; наличие острых инфекционных заболеваний; наличие срока беременности свыше 12 недель. В последнем случае прерывание беременности допускается, если продолжение ее и роды могут угрожать здоровью женщины.

Аборт, совершаемый в стационарном лечебном учреждении, но при наличии названных противопоказаний, предлагают квалифицировать как должностное преступление – злоупотребление служебным положением¹⁰⁵.

Такое мнение основано на представлении, что все врачи являются должностными лицами, но это не соответствует действительности (см. гл. 4, § 3), но дело не только в этом. Оспариваемая квалификация неверна, если даже допустить, что все врачи – должностные лица. Закон об уголовной ответственности за производство аборта распространяется на все незаконные аборты. Поскольку аборт, совершенный хотя и в стационарном лечебном учреждении, но при наличии противопоказаний, является незаконным, постольку и он подпадает под действие этого закона. Статья 114 (116) говорит об ответственности за «незаконное производство аборта». Аборт, совершенный при наличии противопоказаний, когда плодоизгнание законом запрещено, также является незаконным и поэтому охватывается указанной статьей¹⁰⁶.

Следует различать нежелание женщины прервать *свою беременность* и ее несогласие на аборт. Если женщина понуждается к аборту (например, со стороны мужа), но дает согласие на операцию, то в действиях лица, производящего аборт, если он совершается надлежащим лицом, в надлежащем месте и при отсутствии противопоказаний, нет состава преступления. С мнением, что и в таком случае имеется состав незаконного аборта¹⁰⁷, согласиться нельзя. В условиях легализации абортов, если женщина обратилась в надлежащее лечебное учреждение для прерывания беременности, ей *в этом не может быть отказано*, хотя и известно, что к аборту ее понуждают. Здесь можно говорить об обязанностях врача содействовать устранению конфликтной ситуации, но если он, располагая согласием женщины, прервал ее беременность, его нельзя привлечь к уголовной ответственности.

Прерывание беременности без согласия потерпевшей образует преступление, предусмотренное ст. 106 (108) или 112 (114), т.е. умышленное либо неосторожное тяжкое телесное повреждение. Если же телесные повреждения нанесены женщине с ее согласия и для того, чтобы вызвать выкидыш, то имеется состав незаконного производства аборта.

Субъективная сторона незаконного аборта характеризуется прямым умыслом на прерывание беременности и неосторожностью к ненаступившим (или наступившим) последствиям – смерти или телесным повреждениям.

Аборт относится к числу тех немногих преступлений против личности, которые могут быть совершены только с прямым умыслом (по отношению к прерыванию беременности).

В литературе рассматривается вопрос о неосторожном прерывании беременности неправильными действиями врача во время оказания помощи потерпевшей и высказано мнение о возможности уголовной ответственности лишь «при условии, если исполнение своих обязанностей врачом – должностным лицом будет подпадать под признаки халатности»¹⁰⁸.

Поскольку при исполнении своих профессиональных обязанностей врач не является должностным лицом (см. гл. 4, § 3), постольку в рассматриваемом случае не будет состава преступления, с чем согласиться нельзя. В действиях врача, допустившего неосторожное прерывание беременности, имеется состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 112 (ч. 1 ст. 114).

Уголовный кодекс различает простой аборт, т.е. незаконное производство аборта врачом, и аборт приотягчающих (квалифицирующих) обстоятельствах. К последним отнесены: производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования; незаконный аборт, повлекший смерть потерпевшей; незаконный аборт, повлекший иные тяжкие последствия; незаконный аборт, совершенный неоднократно.

Первые три квалифицирующих обстоятельства известны всем уголовным кодексам союзных республик. При этом: а) уголовные кодексы АзССР (ст. 115), УССР (ст. 109), КазССР (ст. 108), КиргССР (ст. 118) и УзССР (ст. 102) говорят о лицах, не имеющих «специального медицинского образования»; б) уголовные кодексы УССР, МССР (ст. 108), ЛитССР (ст. 124) и АзССР говорят не об «иных тяжких последствиях», а о «длительном расстройстве здоровья», а УК УзССР – о тяжких телесных повреждениях. Как будет показано ниже, эти различия в большинстве своем не выходят за рамки редакционных.

Понятие неоднократного аборта не известно уголовным кодексам УССР и КазССР. Другие уголовные кодексы выделяют сходные понятия: совершение аборта повторно (уголовные кодексы ТаджССР – ст. 119, УзССР, ЛатвССР – ст. 113, ЛитССР, ЭССР – ст. 120) или в виде промысла (УК ГССР – ст. 123).

Незаконный аборт, совершенный врачом, – ч. 1 ст. 114 (ч. 1 ст. 116) УК. Уголовные кодексы, различающие производство аборта врачом и производство аборта лицом, не имеющим

специального медицинского образования, не оставляют сомнений в том, что врачом считается лицо, имеющее специальное высшее медицинское образование. По кодексам этой группы простым является аборт, совершенный врачом, не имеющим специальной подготовки, вне стационарного лечебного учреждения или при наличии противопоказаний. Другая группа уголовных кодексов, в том числе УК БССР и УК РСФСР, различающая «незаконное производство аборта врачом» и «производство аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования», дает повод считать в смысле ст. 114 (116) врачом любое лицо, имеющее высшее медицинское образование. Однако такое толкование было бы ошибочным, как уже отмечалось, указание на «незаконное производство аборта...» отсылает нас к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещений аборта», в соответствии с которым допускается производство аборта лишь в стационарных лечебных учреждениях лицом, имеющим специальное медицинское образование. Следовательно, «незаконное производство аборта врачом» (простой состав) есть производство аборта лицом, имеющим специальное высшее медицинское образование, но вне стационарных лечебных учреждений или в этих учреждениях, но при наличии противопоказаний.

Как видно, различия в формулировках простого состава незаконного аборта являются редакционными и можно говорить лишь о более удачном определении этого состава в уголовных кодексах первой группы.

Аборт, совершенный лицом, не имеющим высшего медицинского образования, – ч. 2 ст. 114 (ч. 2 ст. 116) УК. Если врачом в смысле ч. 1 ст. 114 является лицо, имеющее специальное высшее медицинское образование, то «лицом, не имеющим высшего медицинского образования», является любое лицо, в том числе врач, не имеющий специального высшего медицинского образования.

Специальным медицинским образованием судебная практика признает «такое образование, которое дает право его обладателю на производство соответствующих оперативных вмешательств, связанных с абортom»¹⁰⁹. Лицами, имеющими право в соответствии с наличием у них такого образования, производить аборты, являются врачи-акушеры, гинекологи и хирурги (последние в случае, если обладают специальными познаниями в области оперативного акушерства). Другие врачи, хотя и имеющие высшее медицинское образование, а равно медицинские работники, имеющие среднее образование в области акушерства и гинекологии (фельдшер-акушер, акушерка), права на производство аборта

не имеют и применительно к анализируемому составу считаются лицами, не имеющими специального медицинского образования.

Выделение такого квалифицирующего обстоятельства вызвано тем, что хирургические операции, связанные с плодоизгнанием, опасные сами по себе, становятся еще более опасными, если совершаются лицом, не имеющим специальных познаний.

Врач-специалист, понимающий опасность искусственного прерывания беременности, редко идет на совершение этой операции при наличии противопоказаний или ненадлежащей обстановки. Если же он вопреки своему профессиональному долгу становится на преступный путь, то все же принимает все меры предосторожности для благоприятного исхода операции. Лица же, не имеющие специального медицинского образования, не понимают опасности антисанитарных условий или противопоказаний к плодоизгнанию, легкомысленно относятся к этой операции. Этим определяется их повышенная общественная опасность, усиливающаяся тем, что аборт они производят в то время, когда эта операция может быть совершена с соблюдением соответствующих правил в условиях стационарного лечебного учреждения.

Аборт, повлекший смерть потерпевшей или иные тяжкие последствия, – ч. 3 ст. 114 (ч. 3 ст. 116) УК. Что можно отнести к иным тяжким последствиям, кроме тяжких телесных повреждений? Разве только бесплодие? Но оно также является тяжким телесным повреждением – утратой органом его функций. К тому же, причинен ли абортom такой вред, можно узнать лишь спустя значительное время и при определенных обстоятельствах.

Причинение незаконным абортom менее тяжких телесных повреждений вряд ли можно отнести к «иным тяжким последствиям»¹¹⁰. Менее тяжкими телесными повреждениями являются повреждения, не опасные для жизни, но вызвавшие длительное расстройство здоровья, т.е. нарушение функций какого-либо органа длительностью свыше четырех недель¹¹¹. Такое расстройство здоровья обычно сопутствует незаконному абортu. Если такой аборт опасен не только для здоровья, но и для жизни, то естественно, что он включает, по крайней мере, не опасные для жизни повреждения.

Термин «иные тяжкие последствия» дает повод и для толкования более широкого. Хотя, по нашему мнению, оно будет ошибочным, у законодателя не было оснований прибегать к столь неопределенному термину в то время, когда можно было использовать понятную терминологию статей об ответственности за телесные повреждения.

Смерть или тяжкие телесные повреждения должны быть результатом незаконного аборта. Поскольку ст. 114 (116) говорит о незаконном производстве аборта, повлекшем названные последствия, эта статья не может применяться, когда аборт произведен в стационарном лечебном учреждении при отсутствии противопозказаний и надлежащим лицом, хотя при этом и наступили смерть или тяжкие телесные повреждения.

При незаконном аборте, повлекшем смерть или тяжкие телесные повреждения, отношение виновного к этим последствиям может быть только неосторожным.

Производство аборта при наличии умысла на причинение смерти или тяжких телесных повреждений перерастает в более тяжкое преступление и должно рассматриваться как умышленное убийство или умышленное тяжкое телесное повреждение.

Неоднократным (см. § 6 гл. 3) является аборт, произведенный лицом, ранее совершившим два таких же преступления, не погашенных давностью, или имеющим две судимости за такие же преступления. Аборт не будет неоднократным, если одному лицу одну и ту же беременность виновный пытался прервать тремя попытками. Так, нет неоднократного аборта в действиях А., признанной виновной в том, что она в течение четырех дней вводила потерпевшей растворы мыла с марганцовокислым калием с целью прервать беременность¹¹². Аборт будет неоднократным, если виновное лицо трижды прерывало три беременности одной и той же женщине.

Наказуемость соучастия в незаконном аборте не вызывает сомнений, кто содействует лицу, совершающему незаконный аборт, или склоняет его к совершению этого преступления, тот несет ответственность как соучастник. Когда аборты легализованы, не вызывает затруднений и оценка содействия беременной женщине в совершении ею самоаборта или подстрекательство ее к аборту: если последний не образует состава преступления, то нет и уголовно наказуемого соучастия в самоаборте.

Другое дело – понуждение к аборту или самоаборту, являющееся во всех случаях посягательством на право женщины на материнство, независимо от того, запрещены или легализованы аборты.

Обосновывая необходимость установления уголовной ответственности за понуждение к аборту, П.И. Люблинский в начале 1936 г. писал: «Уголовный закон должен стать на сторону интересов матери и ее будущего ребенка... тогда, когда сама мать желает

благополучно завершить свою беременность и сам отец ребенка становится на путь применения таких средств, которые должны принудить ее к аборту: путь оставления женщины в тяжелом материальном положении без оказания ей необходимой поддержки, путь угроз, издевательств, доведения ее до беспомощного состояния и крайней нужды»¹¹³.

Законом от 27 июня 1936 г. за понуждение женщин к производству аборта было предусмотрено тюремное заключение на срок до двух лет. Соответствующий состав преступления внесен был в Уголовный кодекс БССР 1928 г. (ст. 217-1)¹¹⁴.

Действующие уголовные кодексы по-разному оценили понуждение женщины к производству аборта. Уголовные кодексы УССР (ст. 110), ЛатвССР (ст. 114), АзССР (ст. 116), АрмССР (ст. 121), КазССР (ст. 109), КиргССР (ст. 119) и ТаджССР (ст. 120) понуждение к аборту признают преступлением, если аборт был совершен. Уголовный кодекс МССР предусматривает ответственность за «понуждение женщины к совершению аборта, если это повлекло тяжкие последствия» (ст. 109). По Уголовному кодексу ГССР понуждение к аборту рассматривается по ст. 135, определяющей ответственность за «принуждение другого лица посредством насилия или наказуемой угрозы к совершению или несовершению каких-либо действий». По уголовным кодексам других союзных республик, в том числе УК БССР и УК РСФСР, понуждение к аборту не образует состава преступления.

Позиция последних кодексов вызывает возражения. Она не согласована с общесоюзным законодательством. Отменяя уголовную ответственность беременных женщин за производство аборта, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 августа 1954 г.¹¹⁵ сохранил уголовную ответственность «лиц, понуждающих женщин к производству аборт», а Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения аборт» отменил лишь ст. 1 Закона от 27 июня 1936 г., запрещавшую производство аборт, но не отменял ст. 3, которая предусматривает ответственность за понуждение к аборту. И это не случайно. Указ от 23 ноября 1955 г. отменил запрещение аборт «в целях предоставления женщине возможности самой решать вопрос о материнстве, а также предупреждения вреда, наносимого здоровью женщин внебольничными абортами». Понуждение к аборту лишает женщину возможности самой решать вопрос о материнстве, хотя бы аборт был произведен в больничных условиях. Уголовные кодексы, не включившие состава понуждения к аборту, отступили от общесоюзного закона.

Аргументы проф. П.И. Люблинского остаются в силе. Понуждение к аборту достаточно общественно опасно, чтобы бороться с ним мерами уголовно-правового характера.

В настоящее время в республиках, уголовные кодексы которых не предусматривают понуждения к аборту, оно является антиобщественным поступком и подлежит рассмотрению в товарищеском суде. В БССР такие действия следует рассматривать по п. 9 ст. 5 Положения о товарищеских судах Белорусской ССР от 10 октября 1961 г.

Наконец, возникает вопрос о правовой оценке опосредованного соучастия, т.е. содействия беременной женщине, соединенного с содействием лицу, совершающему незаконный аборт.

Если при этом имеет место непосредственная помощь, оказанная лицу, совершающему аборт, то наличие соучастия не может вызывать сомнений. Так, Г. осуждена за производство аборта Б. По этому же делу осуждена В., которая, будучи знакома с Б., по просьбе последней указала, что аборт может совершить Г., познакомилась с ней и помогла Г. при производстве операции¹¹⁶.

При соучастии в аборте квалификация действий исполнителя и соучастника может не совпадать. Т., например, уговаривает врача С. прервать беременность Р. – жены Т. Во время операции Р. умирает. Последствия аборта не могут вменяться в вину Т. Он знал, что имел дело с врачом и подлежит ответственности по ст. 17 и ч. 1 ст. 114 (ст. 17 и ч. 1 ст. 116), а С. – по ч. 3 этой статьи¹¹⁷. Иная квалификация действий Т. была бы объективным вменением. Другое дело, если на стороне исполнителя имеются квалифицирующие обстоятельства (отсутствие высшего медицинского образования либо неоднократность), которые известны соучастнику. В таком случае его действия, кроме ст. 17 (17), квалифицируются по той же части ст. 114 (116), что и действия исполнителя.

Сложными являются случаи, когда посредственное соучастие не соединено с оказанием непосредственной помощи абортисту: совет, кто может произвести аборт, дача адреса этого лица, предоставление помещения для совершения операции и т.д. Во всех случаях такое содействие беременной женщине в производстве ей незаконного аборта становится содействием лицу, производящему аборт. Здесь и возникает вопрос о разграничении деятельности преступной и не преступной.

Некоторые криминалисты такое разграничение не проводят, считая, что лицо, содействующее беременной женщине, всегда желает оказать содействие абортисту, ибо иначе оно не может оказать помощь беременной, женщине в прерывании беременности¹¹⁸.

Нельзя не согласиться с тем, что с объективной стороны такое содействие тождественно действиям пособника. Подруга, которая привела беременную женщину к абортисту, делает то же самое, что и лицо, завербовавшее «клиентку» по поручению абортиста. В обоих случаях эти криминалисты усматривают и субъективную сторону соучастия, с чем уже согласиться нельзя.

Их аргументация сводится к следующему. Субъективная сторона соучастия выражается в умысле, содержанием которого являются знание соучастником, в частности пособником, преступления, совершаемого исполнителем, понимание, что оказывается содействие преступлению, и желание оказать содействие. Все это имеет место в деятельности лица, способствовавшего производству незаконного аборта беременной женщине и стремившегося при этом помочь самой женщине, а не абортисту.

Автор этой точки зрения ограничивает понятие умысла. Для наличия последнего необходимо понимание лицом общественно опасного характера своих действий. Соответственно этому, чтобы признать лицо виновным в пособничестве, недостаточно установить знание им преступления, совершаемого исполнителем, и понимание общественно опасного характера его действий. Необходимо установить, что пособник сознавал общественно опасный характер своих действий. Такое понимание обычно отсутствует у лица, действующего исключительно в интересах беременной женщины. Оно сознает, что помогает беременной женщине, которая, избавляясь от бремени, не совершает преступления, и поэтому не сознает, что оказывает содействие преступлению.

Другое дело, если лицо состоит в преступной связи с абортистом, вербуя для него пациенток. В таком случае имеются необходимые объективные и субъективные признаки соучастия. Поэтому при оценке содействия беременной женщине в производстве ей незаконного аборта необходимо выяснить, в интересах кого лицо действует и, следовательно, имеется ли субъективная сторона соучастия.

Глава 4. Преступления, опасные для жизни и здоровья (оставление в опасности)

§ 1. Неоказание помощи погибающему посторонним лицом

Состав преступления сформулирован в ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) как «неоказание лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой и явно не терпящей отлагательства помощи, если она заведомо могла быть оказана виновным без серьезной опасности для себя или других лиц, либо несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи».

Объектом этого преступления является жизнь человека. Помощь не оказывается лицу, находящемуся «в опасном для жизни состоянии» вследствие своей беспомощности.

Наиболее распространенными являются физиологические причины беспомощности: малолетство, дряхлость, болезнь. Однако в некоторых случаях в посторонней помощи нуждается и здоровый человек. Например, лицо не может само выбраться из горящего здания. Беспомощным является также тот, кто находится в таком состоянии, что не чувствует надвигающейся на него опасности: спящий или глухонемой, находящийся на рельсах, по которым движется поезд; пьяный на сильном морозе и т.д.

Беспомощным является также лицо, подвергшееся общественно опасному нападению, которому не может противостоять. УКК Верховного суда РСФСР нашла состав оставления в опасности в поведении Ш. и других, видевших, как Л. гнался за К., ударил его два раза по голове, отчего К. умер, и не воспрепятствовавших совершению этого преступления¹. Хотя в жизни подобные случаи встречаются нередко, привлечение таких лиц к уголовной ответственности почти не встречается. Между тем такое равнодушие, когда можно было без серьезной опасности для себя или других лиц пресечь нарушение и спасти жизнь человеку, образует состав рассматриваемого преступления.

Для состава неоказания помощи важна не причина беспомощности, а то, что лицо, жизни которого угрожает опасность, не может принять меры к самосохранению.

Неоказание помощи выражается в неоказании лицу, жизни которого угрожает опасность, помощи физической путем предоставления

транспорта, вызова врача и т.д. В отдельных случаях преступление может выражаться в неоказании материальной помощи. Так, 21 сентября 1953 г. в 150 км от поселка партия изыскателей, пробиваясь сквозь тайгу, неожиданно подошла к широкой и бурной реке Верхний Турухан. Двое изыскателей, Максимов и Круглов, удачно перешли реку, а у третьего – Поликарпова – бурное течение выбило из рук одежду и унесло. Максимов и Круглов, не поделившись с пострадавшим товарищем одеждой, хотя могли это сделать без какой-либо опасности для себя, оставили его без одежды и пищи в покрытой снегом тайге².

Часть 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) к неоказанию помощи приравнивает несообщение надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи. Это объясняется тем, что законодатель предъявляет к посторонним людям меньшие требования, чем к лицам, специально обязанным заботиться о погибающем.

Однако само по себе сообщение об опасности, угрожающей другому лицу, не является равнозначным оказанию помощи. Если оставленный нуждается в немедленной помощи, неоказание которой может привести к его гибели, то одно лишь сообщение надлежащим лицам о его состоянии не исключает ответственности. Такое лицо не привлекается к ответственности лишь в случае, если оно настолько своевременно смогло предупредить других лиц, что последние оказали или имели возможность оказать погибающему необходимую помощь.

Сообщение, о котором говорится в ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127), должно быть сделано учреждениям или лицам, специально обязанным заботиться об оставленном. Кто именно должен быть поставлен в таких случаях в известность, зависит от того, в каком состоянии находится погибающий и, следовательно, в какой помощи он нуждается. В одном случае необходимо вызвать врача, в другом – пожарную команду, в третьем – родителей и т.д. Из формулировки ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) следует, что сам факт своевременного сообщения упомянутым лицам об опасности свидетельствует об исполнении правовой обязанности таким лицом.

Неоказания помощи не будет, если кто-либо для спасения другого человека не пожелал дать, хотя бы и без ущерба для своего здоровья, кровь для переливания или кожу для пересадки.

Человек в физиологическом смысле – это его живое тело, и, пока оно живое, никто не может отторгать от него какие бы то ни было части: ни ткани (в том числе жидкую ткань – кровь), ни органы. В этом состоит элементарная гарантия обществом человеку его сущности – телесной целостности. Стоит от нее отказаться – и прочные

нити, объединяющие людей в общество, будут разорваны и общежитие станет едва ли возможным. Насильственное отторжение от человека его телесной части – крайнее выражение бесчеловечности, независимо от того, почему и кто это делает. Поэтому дача крови, ткани хотя бы и без ущерба для себя не может быть вынуждаема, но должна быть поощряема. В условиях советской действительности, когда для спасения жизни человека нужна кровь или кожа, стоит об этом только объявить – и появляется масса добровольцев.

Ответственность за неоказание помощи наступает при наличии у обвиняемого возможности оказания помощи. Такая возможность имеется всегда, когда отсутствуют непреодолимые силы, препятствующие действиям, или когда субъект не находился в состоянии крайней необходимости.

Разрешая вопрос о возможности оказания помощи, необходимо установить, что обвиняемый, не оказавший помощи, мог бы сделать, чтобы оказать ее. Матросы Х. и Л., на глазах которых случайно оказавшийся на грузотеплоходе человек упал за борт, не приняли мер к его спасению. Они подлежат ответственности, ибо хорошо плавали и могли оказать помощь³. В той же обстановке лица, не умевшие плавать, могли бы бросить спасательный круг, веревку. Если какое-то лицо лишено возможности лично оказать помощь, оно обязано призвать к этому других лиц.

Отсутствие у определенного лица возможности оказать помощь или призвать к этому других лиц является такой причиной бездействия, которая исключает ответственность. Однако это не означает, что один факт наличия возможности действовать делает неоказание помощи уголовно наказуемым деянием. Если для спасения погибающего субъект должен был пожертвовать собой, но он не сделал этого, он за свое бездействие не может быть привлечен к уголовной ответственности. Законодатель не обязывает под угрозой наказания к самопожертвованию.

От самопожертвования отличается риск. Возникает вопрос, можно ли признать во всех случаях уважительной причиной бездействия нежелание рисковать в какой-либо мере своими интересами. Буржуазная уголовно-правовая доктрина отвечает на этот вопрос положительно. Н.С. Таганцев отмечал, что для ответственности за неоказание помощи погибающему необходимо, чтобы помощь могла быть оказана без всякой опасности для себя «...причем, разумеется, вопрос об опасности может быть обсуждаем с точки зрения обвиняемого лица»⁴. И.Я. Фойницкий писал: «Нельзя требовать от человека обязательной помощи ближнему, если от того грозит какая-либо опасность его собственным благам»⁵.

Подобные взгляды, выражающие буржуазный индивидуализм и эгоизм, чужды коммунистической морали. В советской литературе общепринято, и об этом указано во всех учебниках уголовного права, что известный риск и опасность, связанные с оказанием помощи, не исключают обязанности ее оказывать.

Вопрос о том, в какой мере лицо должно рисковать своими интересами для спасения погибающего, зависит как от характера лежащей на нем обязанности действовать, так и от его причастности к создавшейся опасности. Наибольшие требования могут предъявляться к лицам, которые в силу своей профессии должны спасать человеческие жизни, а равно к лицам, которые создали опасную для другого человека обстановку (ч. 2 ст. 125 УК).

Последствия неоказания помощи выходят за рамки рассматриваемого состава. Ответственность наступает уже за сам факт неисполнения обязанности по оказанию помощи, независимо от дальнейших последствий⁶. Также не имеет значения, могла ли помощь, если она была бы оказана, предотвратить последствия.

То положение, что последствия рассматриваемого состава выходят за его рамки, вовсе не означает, что факт их наступления или ненаступления не имеет никакого значения. При назначении наказания нельзя не учитывать, остался ли жив потерпевший.

Неоказание помощи образует состав преступления, если имело место заведомое оставление без помощи. Указание на заведомое оставление без помощи означает сознание обвиняемым того, что оставленный находится в опасности, непосредственно угрожающей его жизни. Отсутствие такого сознания исключает ответственность.

Х., затопив соломой русскую печь, ушла за водой. Во время ее отсутствия произошел пожар, в результате чего погибли двое детей Х., оставленные в помещении. Верховный Суд СССР признал неправильным осуждение Х. за оставление детей в опасности. «В тот момент, – говорилось в определении коллегии, – когда Х. уходила из своего дома, никакого состояния, опасного для жизни ее детей, не было, т.к. пожар возник после ее ухода. Поэтому не могло быть и заведомого оставления ею без помощи своих детей в таком состоянии»⁷.

«Заведомость» является необходимым признаком рассматриваемого состава и в тех кодексах, где непосредственное указание на «заведомость» отсутствует⁸. Это вытекает из того, что для ответственности за неоказание помощи необходимо, чтобы оставшийся без помощи имел возможность оказать ее. Чтобы иметь такую возможность, нужно, по крайней мере, знать, что потерпевший

нуждается в помощи, т.е. сознавать, в каком состоянии он находится. Игнорирование этого обстоятельства может привести к неправильному применению рассматриваемой нормы.

В этом отношении заслуживает внимания дело К. и С. Они и другие лица, находясь в доме А., в 11 ч вечера послали К. за водкой. По дороге К. встретил своего знакомого Д., который добавил ему денег, при этом К. видел, что у Д. было 1100 руб. (в старых деньгах). Купив водку, К. и Д. направились в дом А., где вместе с другими распили ее. После этого Б. и Г. вывели на улицу Д., который был сильно пьян, и посадили его на лавочку.

Когда Б. и Г. хотели вызвать скорую помощь, чтобы привести Д. в чувство, К. успокоил их, сказав, что он отведет Д. к себе домой. Когда Б. и Г. ушли, К. и С. отвели пьяного Д. к котловану, сняли с него пиджак, забрали деньги, а его, завернув в пальто, оставили лежать на снегу, причем температура воздуха была два градуса мороза. Очнувшись, вероятно, от холода, Д. спустился на дно котлована, запутался в проволоке, упал в воду и на незначительной глубине утонул.

К. и С. были осуждены⁹ не только за похищение чужого личного имущества, но и за умышленное убийство. Вышестоящим судом¹⁰ приговор был изменен. Исходя из того, что осужденные «не желали смерти Д., но не оказали ему помощи в протрезвлении, т.е. действовали в этом отношении легкомысленно и неосторожно», судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда БССР переквалифицировала действия виновных на статью об ответственности за неоказание помощи.

Для наличия рассматриваемого состава преступления было необходимо установить, что обвиняемые, оставляя Д. на улице, сознавали, что его жизни угрожает опасность. Однако в указанном случае в момент оставления потерпевшего после его ограбления никакая опасность его жизни не угрожала. Незначительный мороз не был этой опасностью, и обвиняемые не предвидели, что Д. может замерзнуть. То обстоятельство, что потерпевший, проснувшись, пошел не по тропинке, имевшейся там, а на дно котлована, не могло быть учтено обвиняемыми. Тем более они не могли предвидеть, что Д. запутается в проволоке, упадет в воду и на незначительной глубине утонет. В определении коллегии правильно указывается, что «в деле нет никаких данных о том, что К. и С. сознательно допускали, что Д. встанет и пойдет не по тропинке на выход из котлована, а внутрь котлована, попадет в воду, зацепится обязательно за проволоку и утонет». Следовательно, в данном случае отсутствовало сознание опасности, угрожающей жизни

оставленного, и в действиях К. и С. нет состава преступления не оказания помощи.

Не имеют значения мотивы не оказания помощи: нежелание утруждать себя, неприязненное отношение к потерпевшему и т.д.

Субъектом данного преступления является лицо, специально не обязанное заботиться об оставленном. Если ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127), определяющая ответственность за неисполнение специальной обязанности заботиться об оставленном, исходит из того, что такая обязанность установлена определенными актами, то ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) непосредственно сама определяет эту обязанность. Указанная обязанность является правовой, поскольку уголовный закон предписывает всем под угрозой наказания оказывать помощь лицу, жизни которого угрожает опасность.

Очевидцами угрожающей другому лицу опасности могут быть одновременно многие лица. Отсюда возникает вопрос о круге лиц, ответственных за не оказание помощи погибающему.

Характерным для буржуазной уголовно-правовой доктрины является искусственное ограничение этого круга. Н.С. Таганцев указывал, что ответственность за не оказание помощи со стороны лиц, специально не обязанных ее оказывать, не наступает, если не оказавший помощь «был только одним из зрителей»¹¹.

Немецкий юрист Лист также исключал ответственность в том случае, если не оказавший помощь «имел основание с уверенностью ожидать, что покинутый будет подобран другими лицами»¹². Американский юрист Роберт Хейл пишет: «Если человек упал в реку, не может быть юридической обязанности каждого помочь ему»¹³. Из приведенных высказываний явствует, что при наличии группы лиц, оказавшихся очевидцами опасности, угрожающей другому лицу, гарантируется безнаказанность каждого, хотя бы он и мог оказать помощь, но бездействовал. Согласно этой точке зрения оказывалось, что одиночный зритель, не оказавший помощь погибающему, подлежит ответственности, в то время как бездействие нескольких лиц, имеющих возможность объединенными усилиями легче и быстрее спасти погибающего, исключает их ответственность. Так, дореволюционный юрист Н. Тимашев прямо пишет: «Почему я обязан помочь, если только я могу это сделать, и никто не обязан, если это могут сделать двадцать человек»¹⁴.

Приведенные взгляды не являются случайными высказываниями отдельных авторов. Они вытекают из основ буржуазной морали.

Более 100 лет тому назад К. Маркс и Ф. Энгельс в Манифесте Коммунистической партии говорили о том, что «буржуазия,

повсюду, где она достигла господства... не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана», «что человеческие отношения она потопила» в ледяной воде эгоистического расчета»¹⁵.

Корысть, жажда наживы, богатство, богатство и еще раз богатство отдельного индивидуума являются мерилом долга, мерилом отношения к человеческой жизни, мерилом отношения к спасению человека от грозящей ему опасности. Несчастья одних являются здесь источником наживы и блага других. Владелец больших запасов хлеба заинтересован в том, чтобы была засуха, – это поднимет цены на хлеб; врач заинтересован в том, чтобы было больше больных, – это увеличивает его доходы; по тем же основаниям священник заинтересован в том, чтобы больше умирало людей, а архитектор, – чтобы чаще происходили пожары.

Когда в 1906 г. в России разразился очередной голод, вопрос об ассигновании денег на помощь голодающим стал предметом торговли между кадетами и правительством. В основе этой торговли лежала борьба за овладение министерскими портфелями. Разоблачая кадетов и называя правительство «правительством погромщиков», Ленин, иронизируя, говорил: «Уступите нам, господа погромщики, назначьте Муромцева в премьеры вместо Ермолова, – а мы уступим вам и дадим, может 15, а может и все 50 миллионов на помощь голодающим без «опасного» (и для вас, погромщиков, и для нас, помещиков), обращения к «вольным учреждениям» народа»¹⁶.

Во время наводнения в Англии в феврале 1953 г. сигнал тревоги был дан лишь в некоторых городах. Почти все английские газеты в это время обращали внимание на тот факт, что население не было предупреждено о надвигавшемся бедствии, хотя поступали тревожные сообщения метеорологической службы. В большинстве мест поэтому жители оказались застигнутыми врасплох, и многие из них погибли, не успев выбраться из затопленных домов.

Во время землетрясения 1953 г. в греческом городе Аргостолионе тюремные власти, несмотря на отчаянные призывы политзаключенных, продолжали держать их в камерах, с тем чтобы они были уничтожены, а на острове Закинф, когда 12 августа обвалилось здание тюрьмы и раненые и изувеченные политзаключенные пытались выбраться из развалин, по ним открыли пулеметный огонь.

Третьего апреля 1954 г. греческое рыболовное судно «Георгис» было застигнуто сильным штормом. Машина была повреждена,

и судно направилось к турецкому берегу. Солдаты турецкой береговой охраны, видевшие сигналы бедствия, вместо того чтобы поспешить на помощь, открыли огонь.

Богата такими примерами буржуазная действительность.

Однако в капиталистическом обществе буржуазной морали противостоит мораль пролетарская – мораль сознательной части трудящихся. В борьбе против капиталистического строя и его человеконенавистнической морали в среде трудящихся выковывается принцип взаимопомощи и сотрудничества, заботы о человеке. Если в буржуазном обществе нередки героизм и самоотверженность при спасении людей, то они имеют место преимущественно в среде трудящихся.

Во время сильного наводнения в провинции Ровиго в ноябре 1951 г. коммунисты Ровиго и других городов по призыву компартии заняли первое место в рядах спасательных бригад. Секретариат Коммунистической партии Италии принял решение о том, что оказание помощи пострадавшему населению является в этот момент самым важным долгом всех коммунистов, всех честных граждан¹⁷.

В связи с наводнением в Голландии в феврале 1953 г. секретарь Объединенного профсоюзного центра Голландии Брандсен заявил: «Повсюду... можно было избежать бесчисленных жертв, если бы правительство обратилось к народу. Об этом свидетельствуют, в частности, успехи многочисленных рыбаков, спортсменов и рабочих, действовавших по собственной инициативе. Например, молодые спортсмены одного из яхтклубов, которым было заявлено, что власти не нуждаются в их помощи, действуя по собственной инициативе, спасли 286 человек»¹⁸.

Немало примеров мужества и самоотверженности дали простые люди Польши, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и других стран, спасая с риском для своей жизни бежавших из плена больных и раненых советских воинов. Всему миру известен подвиг итальянского крестьянина Черри и его семи сыновей, спасавших в своем доме бежавших из фашистских лагерей военнопленных союзных армий¹⁹.

Большинство уголовных кодексов буржуазных государств содержат статьи об ответственности за неоказание помощи во время опасности посторонним лицом²⁰. Такие нормы – дань общечеловеческой морали, но они не согласуются с основами буржуазной морали. Введенные в кодексы в демагогических целях, они не имеют практического значения. И определенную роль в сведении на нет этих норм сыграли и вышеприведенные и им подобные комментарии к ним, даваемые буржуазными учеными.

Неприемлемость ограничения круга лиц, ответственных за не оказание помощи погибающему, для социалистического уголовного права очевидна.

Часть 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) непосредственно не разрешает вопроса о круге лиц – свидетелей опасности и отсылает в этой части к нормам социалистической морали. Наличие группы очевидцев грозящей кому-то опасности свидетельствует о большей возможности объединенными усилиями спасти погибающего. Поэтому уголовную ответственность за бездействие – не оказание помощи при наличии группы свидетелей опасности должен нести каждый, кто имел реальную возможность без серьезной опасности для себя оказать помощь. Такое требование вытекает из основ социалистической морали и соответствует интересам наилучшей охраны жизни советских граждан. Анализируя норму УК Польской Народной Республики, аналогичную ч. 1 ст. 125 нашего кодекса, К. Бухала в полном соответствии с требованиями социалистической морали пишет: «Если в какой-либо конкретной обстановке группа лиц находится возле потерпевшего, которому угрожает опасность, то обязанность оказания помощи лежит на всех. Никто из них не сможет оправдаться тем, что, по его мнению, другие окажут помощь»²¹.

§ 2. Оставление без помощи погибающего лицом, обязанным заботиться о нем

Состав преступления сформулирован в ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) как «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности принять меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности, в случаях, если виновный имел возможность оказать потерпевшему помощь и был обязан иметь о нем заботу, либо сам поставил его в опасное для жизни состояние».

Несмотря на значительные редакционные различия между 1-й и 2-й частями ст. 125 (127), предусмотренные в них составы, за исключением формулировки «сам поставил его в опасное для жизни состояние», отличаются лишь по субъекту преступления. Это видно из следующего.

На беспомощное состояние потерпевшего, лишенного возможности принять меры к самосохранению, указывает лишь ч. 2 ст. 125. Если лицо, обязанное заботиться о потерпевшем, не несет ответственности за не оказание ему помощи, когда он не находится

в беспомощном состоянии, то тем более нельзя говорить об ответственности при тех же обстоятельствах постороннего лица.

На «необходимую и явно не терпящую отлагательства помощь» указывает лишь ч. 1 ст. 125. Если жизни потерпевшего угрожает опасность, то он нуждается именно в такой помощи, и умолчание об этом в ч. 2 ст. 125 не имеет значения. Бездействие виновного, который «имел возможность оказать потерпевшему помощь» (ч. 2), ничем не отличается от неоказания помощи, если она «могла быть оказана виновным» (ч. 1).

Часть 1 ст. 125 говорит об ответственности за неоказание помощи, если она могла быть оказана «без серьезной опасности для себя или других лиц». При наличии такой опасности не может наступить ответственность и по ч. 2 ст. 125. Наконец, ч. 1 говорит о несообщении «надлежащим учреждениям или лицам о необходимости оказания помощи». Своевременное сообщение надлежащим лицам об опасности, угрожающей другому лицу, помощь которому была оказана, исключает ответственность как по ч. 1, так и по ч. 2 ст. 125 УК.

Таким образом, «неоказание помощи» и «оставление без помощи» понятия тождественные: объект, объективная и субъективная стороны этих преступлений совпадают, они различаются лишь по субъекту преступления, и соответственно этому мы и применяем эти термины.

Субъектом преступления оставления без помощи является либо лицо, обязанное иметь заботу о потерпевшем, либо лицо, поставившее его в опасное для жизни состояние.

Такая обязанность в большинстве случаев предусмотрена нормативными актами. Так, каждый боец и командир пожарной охраны обязаны спасать людей, находящихся в горящих зданиях. Если воздушному судну, находящемуся в полете, грозит опасность или оно потерпело бедствие, все члены экипажа, а в необходимых случаях и пассажиры обязаны принять участие в спасении людей. При дорожных происшествиях, сопровождавшихся несчастными случаями с людьми, водитель транспорта, независимо от причастности к происшествию, обязан немедленно принять все необходимые меры к оказанию помощи пострадавшим. Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 6 октября 1970 г. № 11 разъяснил, что действия водителя, виновного в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств и заведомо оставившего без помощи потерпевшего, находящегося в опасном для жизни состоянии, подлежат квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 206 (211) и ч. 2 ст. 125 (127)²².

Основы законодательства о здравоохранении в ч. 3 ст. 37 и Закон Белорусской ССР о здравоохранении в ст. 56 установили, что «в случаях, угрожающих жизни больного, врач или другой медицинский работник может использовать бесплатно любой из имеющихся в данной обстановке видов транспорта для проезда к месту нахождения больного или его транспортировки в ближайшее лечебно-профилактическое учреждение». Согласно этому каждый владелец транспортного средства обязан предоставить его медработнику для указанных целей, и, поскольку ему известно о них со слов медработника, в случае отказа он несет ответственность по ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127).

Обязанность оказания помощи может быть предписана договором. Сиделка, принявшая на себя обязанность ухаживать за тяжелобольным, проводник, взявшийся провести туриста в определенное место, – все они отвечают за оставление порученного их надзору человека в состоянии опасности. При этом не имеет значения, был ли заключен договор в письменной форме или имела место лишь устная договоренность.

Определенная профессия того или иного лица или род его занятий также могут порождать обязанность оказать помощь лицу, оказавшемуся в опасном для жизни состоянии. Так, взаимную помощь обязаны оказывать друг другу альпинисты²³. Спасать людей во время аварий в шахтах обязаны специальные спасательные станции и вспомогательные спасательные команды, создаваемые из рабочих и инженерно-технических работников²⁴.

Обязанность заботиться о другом лице может вытекать из родственных или брачных отношений. Непосредственно в законе эта обязанность не предусмотрена. Однако вся совокупность регламентированных Кодексом о браке и семье отношений между родственниками и супругами позволяет сделать такой вывод. Если доставление содержания каким-либо лицом другому в силу их родственных или брачных отношений является правовой обязанностью, то тем более такой обязанностью является забота о жизни оставленного. Поэтому следует признать, что специальная обязанность оказывать помощь находящемуся в опасности лежит на всех лицах, которые в силу закона должны доставлять ему содержание²⁵.

Правильное понимание обязанности проявлять заботу о потерпевшем имеет решающее практическое значение. В тех республиках, уголовные кодексы которых предусматривают лишь ответственность лиц, обязанных заботиться об оставленном, это вопрос разграничения преступного и непроступного, в БССР и остальных республиках – это вопрос квалификации содеянного.

По мнению отдельных авторов²⁶, неисполнение служебной или профессиональной обязанности в отношении неопределенного круга лиц не образует состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 125, и ответственность должна наступать по ч. 1 этой статьи.

Основанием выделения данного видового состава оставления в опасности из родового являются особые обязанности виновного по отношению к потерпевшему, состоящие в заботе о нем вообще и оказании помощи во время опасности в частности. В случаях же, охватываемых родовым составом, виновный не исполняет лишь одной обязанности – спасти погибающего. Только этим можно объяснить существование расхождения в санкциях первой и второй частей ст. 125 (127). К тому же, когда возникает обязанность в силу службы или профессии заботиться о другом лице, она всегда имеет адресата. Работник службы спасения на водах обязан спасать тонущего, кто бы он ни был. Своим бездействием он нарушает уголовный закон и не исполняет свои служебные функции, в то время как посторонний человек, не протянувший руку помощи, лишь нарушает уголовный закон.

Оспариваемое мнение без достаточных оснований суживает область применения ч. 2 ст. 125 (127).

Привлекая к ответственности за неисполнение обязанности по оказанию помощи какому-то лицу, суд в приговоре должен указывать источник этой обязанности. Таким путем может быть наиболее полно раскрыто содержание упоминаемой обязанности, что будет способствовать ее лучшему усвоению гражданами.

В рассмотренных случаях неоказания помощи и оставления без помощи обвиняемый не создает для другого опасной ситуации. Правда, иногда опасность порождается случайными действиями обвиняемого, но это ничего не меняет, ибо такие действия не являются действиями в уголовно-правовом смысле.

При оставлении в опасности потерпевшего лицом, которое «поставило его в опасное для жизни состояние»²⁷, опасность создается виновными действиями обвиняемого. Поставление в опасность может быть умышленным или неосторожным. Поставление в опасность – это виновное создание конкретной опасности для оставленного без помощи, при которой обвиняемый неосторожно относится к последствиям при условии, что в результате этих действий не наступила смерть потерпевшего.

Степень опасности оставления без помощи и поставления в опасность различны. Если в первом случае предшествующее бездействию поведение само по себе не является общественно опасным, то во втором случае оно является таковым.

Между тем, признавая одинаково опасным оставление без помощи и поставление в опасность, законодатель в ч. 2 ст. 125 (127) хотя и рассматривает поставление в опасность в качестве основания заботиться о потерпевшем, фактически карает только за оставление без помощи. Это также говорит о целесообразности создания родового состава поставления в опасность.

По ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) квалифицируется подкидывание детей без умысла на лишение их жизни. При наличии такого умысла преступление квалифицируется как убийство или покушение на убийство.

О направленности умысла виновного можно судить по тому, в какое время (зимой, летом, ночью, днем), в какое место и в каком состоянии ребенок подкинут и, следовательно, какова была вероятность его спасения, насколько быстро после оставления он мог быть подобран.

При отрицании конструкции покушения с косвенным умыслом наличие такого умысла па убийство, если смерть не последовала, будет квалифицировано как оставление без помощи по ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127). Если же последствием при косвенном умысле на убийство оказались тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, то содеянное следует рассматривать не как оставление без помощи, а по ст. 106 (108), 107 (109) как более тяжкое преступление.

§ 3. Неоказание капитаном судна помощи гибнущему на водном пути

Состав преступления в ст. 127 УК сформулирован как «неоказание помощи капитаном судна людям, терпящим бедствие на реке или ином водном пути, если эта помощь могла быть оказана без серьезной опасности для своего судна, его экипажа и пассажиров». В ст. 129 УК РСФСР вместо слов «на реке» записано «на море».

Правовая обязанность оказания помощи па море предусмотрена рядом международных конвенций. Необходимость их принятия вызвана международным характером основных морских путей и особым значением взаимопомощи на водном пути.

Основное требование международных конвенций, сформулированное в действующей конвенции от 23 сентября 1910 г. «Об объединении некоторых правил относительно оказания помощи и спасения на море»²⁸, гласит: «Каждый капитан обязан, насколько он может это сделать без серьезной опасности для своего судна, своего экипажа, своих пассажиров, оказать помощь всякому лицу, даже враждебному, встреченному в море и находящемуся в опасности погибнуть»

(ст. 11). Статья 12 этой конвенции определяет, что «высокие договаривающиеся стороны, законодательства коих не карают за нарушения предшествующей статьи, обязываются принять или предложить своим подлежащим законодательным учреждениям надлежащие меры к тому, чтобы это нарушение было наказуемо».

В последующее время аналогичные конвенции принимались в 1914, 1929, 1948 и 1960 гг.²⁹ Все они в части, определяющей упоминаемую обязанность капитана, отсылают к ст. 11 конвенции 1910 г. Так, в конвенции 1948 г. определяется, что «капитан судна, находящегося в море, по получении сигнала о том, что судно или самолет, или какое-либо спасшееся средство находится в состоянии бедствия, обязан со всей возможной скоростью следовать на помощь людям, терпящим бедствие, сообщив по возможности им об этом». Приведенное правило не определяет, в каких случаях капитан судна, пришедшего к месту бедствия, обязан оказать помощь, но указывает, что сохраняет силу ст. 11 конвенции 1910 г. Конвенция 1960 г. также подтвердила обязанность капитана судна, находящегося в море, оказывать помощь людям, терпящим бедствие (глава 5, правило 10 приложенных к конвенции правил)³⁰.

Неоказание капитаном судна помощи на море – международное преступление. Требования конвенции 1910 г. конкретизированы в Кодексе торгового мореплавания СССР, принятом 17 сентября 1968 г.³¹ Статья 53 этого кодекса гласит: «Капитан обязан, поскольку он может это сделать без опасности для своего судна, экипажа и пассажиров: 1) оказать помощь любому обнаруженному в море лицу, которому угрожает гибель; 2) следовать со всей возможной скоростью на помощь погибающим, если ему сообщено, что они нуждаются в помощи, и если на такое действие с его стороны можно разумно рассчитывать. За неисполнение указанных в настоящей статье обязанностей капитан несет установленную законом ответственность».

Хотя конвенции распространяются только на морские пути, они послужили основанием для установления в национальном законодательстве аналогичных обязанностей капитана на любом другом водном пути.

Статья 36 Устава внутреннего водного транспорта СССР, принятого 15 октября 1955 г., указывает, что «капитан, получивший сигнал бедствия или обнаруживший на водном пути находящегося в опасности человека, судно или плот, обязан оказать помощь терпящим бедствие».

В советском законодательстве ответственность за неисполнение требований ст. 11 конвенции 1910 г., ст. 53 Кодекса торгового

мореплавания и ст. 36 Устава внутреннего водного транспорта СССР предусмотрена в ст. 125 (127) УК.

Эта норма определяет ответственность за неоказание помощи на водном пути. Не имеет значения, в силу каких обстоятельств потерпевший оказался в беспомощном состоянии: крушение судна, непогода и т.д. Равно так же не имеет значения, находится ли потерпевший на еще плавающем судне, спасается на каком-либо предмете или лишен этого.

Потерпевший может быть как соотечественником, так и иностранцем. Статья 11 конвенции обязывает оказать помощь «всякому лицу, даже враждебному». Статья 18 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение из состава вооруженных сил на море» указывает, что стороны, находящиеся в конфликте, «после каждого боя... немедленно примут все возможные меры к тому, чтобы разыскать и подобрать потерпевших кораблекрушение». Участники Женевской конвенции приняли на себя обязательство об уголовной ответственности лиц, виновных в нарушении конвенции (ст. 50). Аналогичные нормы содержала 10-я Гагская конвенция от 18 октября 1907 г. «О применении к морской войне начал Женевской конвенции 1906 года».

Империалистические державы во время первой мировой войны в нарушение конвенции и элементарных норм гуманности нередко расстреливали спасающихся после потопления судна матросов и пассажиров. Так, немецкие подводные лодки потопили пассажирский корабль «Лузитания», не приняв мер для спасения пассажиров. 27 июня 1918 г. немецкая подводная лодка № 86 торпедировала и потопила английское госпитальное судно «Ландовери Кэстль». С торпедированного судна было спущено 19 спасательных шлюпок, из которых 18 было потоплено. Погибло 234 человека. Англичане нередко платили своему противнику тем же. Например, после потопления в феврале 1916 г. немецкого крейсера «Грейер» английским крейсером «Комус» моряки последнего безжалостно расстреляли спасавшихся на шлюпках моряков «Грейера». 29 апреля 1917 г. были потоплены немецкие подводные лодки «Д-42» и «Д-85»³².

Между тем как Германия, так и Великобритания были участниками Гагской конвенции от 18 октября 1906 г. и Брюссельской конвенции от 23 сентября 1910 г.

Во время второй мировой войны уничтожение экипажей потопленных кораблей противника было возведено немецкими фашистами в обязанность моряков. 17 сентября 1942 г. был издан

приказ: «Не следует делать никаких попыток спасать членов команды потопленных кораблей... Спасение противоречит элементарным требованиям ведения войны об уничтожении вражеских судов и команд». На Нюрнбергском процессе отмечалось, что этот приказ явился указанием командирам подводных лодок уничтожать команды тонущих, хотя бы и торговых судов. Главный морской штаб гитлеровской Германии утвердил приказ от 17 сентября 1942 г. об уничтожении оставшихся в живых членов команд потопленных судов³³.

С объективной стороны рассматриваемый состав преступления выражается в бездействии капитана – неоказании им помощи людям, терпящим бедствие на водном пути.

Капитан судна обязан оказывать потерпевшим всякую возможную по обстоятельствам помощь. В одном случае необходимо подбодрить тонущих и взять их на свое судно, в другом – помочь ликвидировать пожар, взять на буксир и т.д. Когда судно не находится на месте бедствия, с получением сигнала о бедствии оно должно немедленно поспешить на помощь. Запоздалая без уважительной причины помощь, хотя и принесшая определенную пользу, не исключает уголовной ответственности. Так, в июне 1939 г. на реке Каме поднявшейся бурей перевернуло ялик с пассажирами. Об этом стало известно капитану речного трамвая, который не поспешил на помощь тонувшим. Лишь по настоянию своих пассажиров с большим опозданием капитан распорядился последовать к месту бедствия и бросить спасательные круги и шары. Удалось спасти 6 человек. Остальные 5 человек погибли. Виновный был осужден³⁴.

Ответственность за неоказание помощи наступает, если помощь могла быть оказана «без серьезной опасности для своего судна, его экипажа и пассажиров». Уголовный закон, как уже отмечалось, не требует и не может требовать самопожертвования при спасении терпящих бедствие. Если спасение требовало принесения в жертву жизни члена экипажа или пассажира своего судна, то уголовная ответственность за неоказание помощи исключается. Однако одно лишь опасение возможных последствий, лишенное серьезных оснований, не оправдывает бездействия. Не считается серьезной опасностью какой бы то ни был имущественный ущерб. Угроза судну такими повреждениями, в результате которых оно все же способно дойти со спасенными до ближайшего порта, также не может рассматриваться как оправдывающее обстоятельство. Статья 160 Кодекса торгового мореплавания Союза ССР указывает, что перевозчик не отвечает за утрату, недостачу и повреждение

груза, если это имело место вследствие действий по спасению человеческих жизней.

С субъективной стороны необходимо сознание капитаном судна опасности, угрожающей потерпевшему. Вина в данном случае может быть только умышленной. Если капитан судна не знает об опасности, угрожающей кому-либо на водном пути, то от него нельзя требовать и принятия мер к спасению погибающего. Капитан судна несет ответственность лишь в том случае, когда он сознавал, что кому-либо на водном пути угрожает опасность, и, несмотря на это, имея возможность оказать помощь, бездействовал.

Субъектом рассматриваемого преступления является капитан судна, не оказавший помощи. При этом имеется в виду не должность, а исполняемые обязанности. Поэтому капитан судна, не находившийся на судне в момент неоказания помощи, не будет нести ответственность. Такую ответственность несет член экипажа, заменяющий в это время капитана и выполняющий его обязанности.

Остальные члены экипажа не могут быть привлечены к ответственности по ст. 127 (129). Такое положение объясняется тем, что в законе прямо указывается субъект преступления – капитан. Отсюда вовсе не следует, что члены экипажа, не оказавшие помощи потерпевшему на водном пути, не несут ответственности. Член экипажа, не исполнивший приказ капитана об участии в спасении терпящих бедствие, привлекается к ответственности по ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127). В остальных случаях член экипажа, имеющий возможность оказать помощь терпящим бедствие на водном пути и не оказавший ее, подлежит ответственности по ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127).

§ 4. Неоказание медицинской помощи

Родовой состав преступления сформулирован в ч. 1 ст. 126 УК как «неоказание помощи больному без уважительных причин лицом медицинского персонала, обязанным согласно установленным правилам оказывать такую помощь». В ч. 1 ст. 128 УК РСФСР состав сформулирован как «неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать по закону или по специальному правилу». Видовым составом данного преступления является «то же деяние, если оно повлекло или заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие последствия» – ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128).

Будучи бланкетной нормой, ст. 126 (128) отсылает к ст. 14, 32 и 33 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик

о здравоохранении, ст. 16, 40–44, 46, 47 Закона Белорусской ССР о здравоохранении. Статья 14 Основ и ст. 16 последнего Закона гласят, что «профессиональные обязанности и права медицинских, фармацевтических и других работников учреждения здравоохранения по отдельным специальностям определяются Министерством здравоохранения СССР». Последнее издает положения, определяющие права и обязанности по отдельным специальностям и тем самым круг лиц, являющихся субъектами преступления, указанного в ст. 126 (128).

Объектом этого преступления является не только жизнь, как в остальных преступлениях оставления в опасности, но и здоровье. Это вытекает из ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128), которая говорит о неказании медицинской помощи, что «могло повлечь смерть больного или иные тяжелые последствия».

Потерпевшим является больной, нуждающийся в помощи. Им может быть не только гражданин СССР, но и иностранец, и лицо без гражданства. Согласно ст. 32 Основ законодательства о здравоохранении и ст. 41 Закона Белорусской ССР о здравоохранении иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в СССР медицинской помощью наравне с гражданами СССР. Если оставленным без помощи является больной или раненый военнопленный, то ответственность за неказание ему помощи на территории лагеря для военнопленных наступает как за воинское преступление – ст. 257 (268).

С объективной стороны преступление состоит в «неказании помощи больному без уважительных причин».

Прежде всего речь идет о неказании медицинской помощи. Это объясняется тем, что ст. 126 (128) говорит об ответственности лиц медицинского персонала и о неказании помощи больному. Неказание больному, жизни которого угрожает опасность, иной (не медицинской) помощи в качестве преступления предусматривается ст. 125 (127). Не будь ст. 126 (128), медицинские работники за неказание помощи (в том числе медицинской) отвечали бы по ст. 125 (127). По известным причинам, связанным со спецификой медицинской службы и источником опасности, угрожающей человеку, законодатель выделил неказание медицинской помощи больному в специальный состав преступления и расширил его рамки, признав преступлением и неказание помощи больному, здоровью которого угрожает опасность.

Неказание медицинской помощи может выражаться:

а) в неявке к больному по вызову, приглашению или по собственной инициативе (последний случай возможен, если медработнику

известно о том, что в его помощи нуждаются, но почему-либо лишены возможности его пригласить). Обязанность медработника оказать больному помощь является не только его профессиональной, но и правовой. Статья 33 (ч. 3) Основ законодательства о здравоохранении и ст. 43 (ч. 2) Закона Белорусской ССР о здравоохранении указывают на обязанность медработников «оказывать первую неотложную медицинскую помощь гражданам в дороге, на улице, в иных общественных местах и на дому». Ответственность за неоказание помощи не исключается, если вместо личной явки к больному врач по телефону или через третьих лиц передает указание о том, что следует предпринять. Без осмотра больного такие распоряжения не могут быть эффективными и могут оказаться даже вредными. Так, была осуждена дежурный врач скорой помощи Е., которая не выехала к тяжело больному Р. Е. не выехала и по повторному вызову, ответив по телефону, какие меры помощи следует оказать³⁵;

б) в отказе принять больного в лечебное учреждение, куда он доставлен или явился сам;

в) в неоказании помощи больному, находящемуся в лечебном учреждении. Так, К., будучи дежурным врачом скорой помощи, не выполнил распоряжение заместителя главного врача проследить за состоянием здоровья больного (у него были симптомы кишечной непроходимости) и в случае необходимости отправить его в хирургическое отделение. К. в течение ночи не следил за ребенком, а утром доложил главному врачу об удовлетворительном состоянии больного. Другой врач, принявший дежурство от К., нашел ребенка в тяжелом состоянии и немедленно отправил его в хирургическое отделение. Вследствие запоздалого хирургического вмешательства ребенок умер³⁶;

г) в невызове специалиста медработником, который явился к больному, но оказал некомпетентным из-за недостатка знаний или по другим причинам. Так, Ю., работая акушеркой и прийдя в дом К., где один ребенок уже родился, диагностировала двойню и ненормальное течение родов, но роженицу в больницу не отправила и специалиста не вызывала, а длительное время, с 00:00 до 13:00 выжидала рождения второго ребенка. Оставшись без квалифицированной помощи, роженица умерла от обильного кровотечения³⁷;

д) сам по себе один только факт явки к больному или принятие его в лечебное учреждение еще не свидетельствует об исполнении медработником своего долга. Оказанию медицинской помощи предшествует постановка диагноза, без которого нельзя определить, в какой именно помощи больной нуждается. Постановке

диагноза, в свою очередь, предшествуют осмотр больного, а в необходимых случаях дополнительные исследования (рентгеноскопия, лабораторные исследования и т.д.). Если врач, не осматривая больного, свидетельствует, что он не нуждается в помощи или ставит такой диагноз, при котором медицинской помощи не требуется, то такой врач должен нести ответственность за не оказание медицинской помощи. Постановка подобного «диагноза» с целью уклониться от оказания медицинской помощи равнозначна отказу от оказания помощи. Примером подобного уклонения может служить дело фельдшера М. На медпункт был доставлен лесоруб Д., который во время работы на лесном участке получил тяжелую травму и потерял сознание. Фельдшер М., не осмотрев больного, заявил, что Д. пьян, и отправил его в больницу г. Речица (БССР). По дороге Д. умер³⁸. Постановку «диагноза» с целью уклониться от оказания медицинской помощи не следует смешивать с ошибкой в диагнозе, вызванной недостатком знаний или неосторожностью (врачебная ошибка). Такая ошибка образует состав преступления, если только в результате ее наступили тяжкие последствия – смерть, тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения, и квалифицируется как неосторожное убийство или неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение.

Распространяется ли ст. 126 (128) на случаи не оказания медицинским персоналом непосредственно лечебной помощи?

Неоказание такой помощи может выражаться: а) в непредоставлении лечебным учреждением или аптекой своего помещения для подачи первой неотложной помощи и временного пребывания больного до его отправления в надлежащее лечебное учреждение; б) в непредоставлении лечебным учреждением или аптекой необходимых для оказания первой неотложной помощи медикаментов; в) в несообщении аптекой гражданину по поводу внезапного заболевания или несчастного случая сведения об имеющихся в данном районе лечебных учреждениях и медицинских работниках; г) в воспрепятствовании использованию телефона для вызова скорой помощи или медицинского работника. Перечисленные обязанности лечебных учреждений и аптек предусматривались ст. 7–10 инструкции Наркомздрава, Наркомвнудела, Наркомтруда и ВЦСПС «О порядке и правилах оказания первой неотложной медицинской помощи» от 11 марта 1926 г.³⁹ Нарушение этих обязанностей инструкция рассматривает как неоказание помощи больному, влекущее уголовную ответственность. На этом основании автор ранее писал, что неоказание такой, непосредственно не лечебной помощи, квалифицируется по статье о неоказании

медицинской помощи⁴⁰. Там же отмечалось, что, поскольку в практике подобные случаи уже не имеют места и что общественная опасность подобных действий незначительна, представляется целесообразным исключить из инструкции указания на уголовную ответственность за такие нарушения, заменив ее дисциплинарной ответственностью.

С принятием Основ законодательства о здравоохранении и соответствующих им законов союзных республик положение изменилось хотя бы тем, что названная инструкция утратила силу и нет правовых оснований для квалификации всех перечисленных случаев не оказания непосредственно лечебной помощи по ст. 126 (128). Лишь отдельные из них, которые непосредственно примыкают к медицинской помощи, могут рассматриваться по этой статье. Сюда относятся непредоставление лечебного учреждения для подачи первой неотложной помощи и временного пребывания больного и непредоставление медикаментов.

Первый случай есть лишь вариант отказа принять больного в лечебное учреждение, о котором уже говорилось. При наличии надлежащего субъекта преступления и вины он подпадает под действие ст. 126 (128).

Что касается непредоставления медикаментов, то обязанность их выдачи имеется при наличии соответствующего и надлежаще оформленного рецепта. Если эта обязанность не исполнена, вследствие чего медицинская помощь не могла быть оказана, то содеянное образует *объективную* сторону рассматриваемого преступления.

За неисполнение других обязанностей, перечисленных выше, вопрос об ответственности должен рассматриваться на основе состава преступления, предусмотренного ст. 125 (127).

Для состава преступления, предусмотренного ст. 126 (128), необходимо, чтобы не оказание помощи больному имело место без уважительной причины. Вопрос о том, является ли причина уважительной, в каждом отдельном случае решается судом.

Уважительной причиной является, например, состояние крайней необходимости. Так, Верховный суд РСФСР признал неправильным осуждение врача Я. за не оказание помощи роженице, к которой он был вызван в то время, когда оперировал больную сибирской язвой. Естественно, что бросить операцию Я. отказался, сказав, чтобы больную привезли в больницу. Попытка пригласить другого врача не увенчалась успехом. Когда, наконец, роженицу привезли в больницу, Я. тотчас же явился к ней и вынул уже мертвого ребенка. У больной уже были признаки заражения⁴¹.

По делу врача Л. Верховный Суд СССР признал уважительной причиной отказ Л. явиться в первую очередь к далеко проживающему больному из-за непредоставления ему транспортных средств при наличии одновременных вызовов к нескольким другим не менее тяжело больным, обслуживание которых также входило в его обязанности⁴².

Уважительной причиной является непреодолимая сила, в том числе болезнь самого медицинского работника, его некомпетентность при условии, что он отдал соответствующие распоряжения о вызове специалиста.

Не является уважительной причиной неоказания помощи больному обращение к медицинскому работнику после установленного для него времени приема больных или во время его нахождения в отпуске, на отдыхе, на семейном вечере и т.д.⁴³. Так, осужден за неоказание медицинской помощи фельдшер К., не оказавший помощь привезенному к нему Л. К., зная, что Л. тяжело ранен во время охоты и что его отказ может повлечь тяжелые для больного последствия, отказался тем не менее оказать Л. помощь. Свое бездействие К. объяснил тем, что у него был выходной день⁴⁴.

Первую неотложную помощь больному, жизни которого угрожает опасность, медицинский работник обязан оказать в любое время. Это его не только профессиональная, но и правовая обязанность. Последняя вытекает из уже упоминавшейся ч. 3 ст. 33 Основ законодательства о здравоохранении, обязывающей медицинских работников оказывать помощь «в дороге, на улице, в иных общественных местах и на дому». Такое «поле деятельности» не может учитывать того, находится ли медработник на службе, дома или в ином месте.

В нашей литературе были попытки ограничить ответственность врачей за неоказание помощи больному путем расширения понятия уважительной причины. Так, проф. Рожановский писал: «...при привлечении врачей к уголовной ответственности должны быть принимаемы во внимание... права ежедневного и еженедельного отдыха, периодических отпусков, наконец, право часть времени уделять своим личным интересам»⁴⁵. Подобные взгляды противоречат этике врача вообще и советского врача в особенности. Поэтому они не встретили поддержки со стороны медицинской общественности.

Обязанность врача оказывать медицинскую помощь во время нахождения в отпуске, например, не является безусловной. Врач, к которому обратились во внеслужебное время, может

посоветовать больному обратиться в ближайшую больницу или другое лечебное учреждение. Такой совет уместен, если есть возможность следовать ему и если необходимое для этого время не может повлиять на ухудшение состояния больного. Если же помощь со стороны данного врача является незаменимой или когда обращение к другому врачу связано с потерей времени, что может оказаться опасным для больного, то никакие ссылки на отдых, отпуск и т.д. не могут оправдать бездействия врача.

Не признается уважительной причиной неоказания помощи больному отказ в приеме в лечебное учреждение, являющееся специальным (ведомственным). Статья 33 (ч. 2) Основ законодательства о здравоохранении и ст. 42 (ч. 2) Закона Белорусской ССР о здравоохранении указывают, что «лицам, пострадавшим от несчастных случаев или оказавшимся вследствие внезапною заболевания в состоянии, требующем срочной медицинской помощи, эта помощь оказывается безотлагательно ближайшим лечебно-профилактическим учреждением независимо от его ведомственной подчиненности».

При характеристике состава неоказания медицинской помощи возникает вопрос об ответственности врача, не оказавшего помощи больному ввиду несогласия последнего или его представителей.

В дореволюционное время имел место ряд случаев, когда даже для спасения жизни больного его родственники не соглашались на производство операции. Подобные факты свидетельствовали о низком культурном уровне определенной части населения.

В дореволюционной юридической литературе имела распространение теория, по которой согласие больного или его законных представителей признавалось обстоятельством, исключающим преступный характер врачебных мер. Деятельность врача рассматривалась как деятельность лица, причиняющего телесное повреждение, и поэтому она нуждалась в каком-то оправдании, которое находили в согласии. Если не было согласия на операцию, то, независимо от ее исхода, наступала ответственность врача. Этой теории следовала судебная практика, в частности германская и русская. Так, германский имперский суд осудил врача, который вопреки воле отца ампутировал в больнице ногу его семилетней дочери. Отец девочки заявил, что ему легче было бы видеть ребенка в гробу, чем калекой. Врача привлекли к ответственности, несмотря на вывод экспертов о том, что операция была необходима для спасения жизни⁴⁶. Поэтому врачи не рисковали производить

операцию, не заручившись согласием больного или его законных представителей. Неоказание помощи больному для спасения его жизни при отсутствии согласия не влекло уголовной ответственности. Оказание же помощи при таких обстоятельствах могло повлечь ее.

До принятия Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении в литературе обсуждался вопрос о значении согласия больного на операцию. На этот счет имелись и определенные правовые нормы.

Статья 20 Постановления ВЦИК и СНК СССР от 1 декабря 1924 г. указывала, что «хирургические операции производятся с согласия больных». Инструкция Народного комиссариата здравоохранения СССР от 1 сентября 1940 г. о применении новых медицинских средств и методов указывала, что такие средства и методы могут применяться, «когда имеется на это согласие больного». В то же время примечание к ст. 20 Постановления от 1 декабря 1924 г. указывало, что «операцию, необходимую и неотложную для спасения жизни... врач может произвести... и без согласия больного, когда он находится в бессознательном состоянии»⁴⁷.

Что касается хирургических операций лицам моложе 16 лет или душевнобольным, то ст. 20 этого постановления требовала для их производства согласия родителей или опекунов. Такого согласия не требовалось лишь в случаях, когда операция необходима для спасения жизни и родители или опекуны не могут быть опрошены без риска опоздания.

Проф. Н.И. Гуревич считал, что если жизни больного угрожает опасность, но он не соглашается на операцию, то врач должен «осуествить операцию, не считаясь с мнением больного». Более определенно эту мысль высказал Ю. Эдель: «Если необходима срочная операция для предотвращения неминуемой смерти и хирург чувствует себя во всеоружии опыта и знаний – больного не о чем спрашивать, его нужно оперировать». По мнению Г. Топровера, оперировать без согласия больного следует там, «где шансы велики, значительны», и не следует, «где они малы и весьма сомнительны»⁴⁸.

Различия между приведенными точками зрения в итоге несущественны. Предпринимается ли попытка убедить больного в необходимости операции либо врач этого не делает, но если хирургическое вмешательство способно сохранить жизнь, то, по мнению упомянутых и других медиков, оно должно быть произведено, независимо от согласия больного.

Ф.Ю. Бердичевский пытается обосновать такой взгляд ссылкой на крайнюю необходимость. Сравнивая взгляды Ю. Эделя и автора настоящей работы, высказанные им в 1960 г. и состоящие в том, что сознательное волеизъявление больного, отказывающегося от предложенной операции, не должно нарушаться, Ф.Ю. Бердичевский пишет, что «первая точка зрения представляется более правильной, т.к. правовой основой для нее является институт крайней необходимости»⁴⁹.

Автор, однако, не указывает, в чем состоит связь между крайней необходимостью и несогласием больного на операцию. Если Ф.Ю. Бердичевский имеет в виду то, что хирургическая операция является единственным средством спасения жизни больного и, следовательно, «опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена другими средствами» (ст. 14 УК), что и является одним из условий правомочности крайней необходимости, то этого далеко не достаточно.

Сущность крайней необходимости как института, устраняющего общественную опасность и противоправность действий, подпадающих под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, состоит в том, что когда опасность угрожает нескольким интересам, каждый из которых охраняется законом, и спасти один можно лишь за счет причинения вреда другому, то закон разрешает спасти более ценное за счет менее ценного. Такой коллизии интересов нет при производстве хирургической операции, хотя бы для спасения жизни больного, не желающего, чтобы ее спасали. Поэтому ссылка на крайнюю необходимость в рассматриваемой ситуации не является предметной.

Так как мнение о допустимости хирургической операции без согласия больного, находящегося в полном сознании, не согласовывалось с действовавшим законом, то один из упомянутых авторов предлагал внести в него соответствующие изменения⁵⁰. Однако законодатель не изменил своих взглядов. Статья 35 Основ законодательства о здравоохранении гласит: «Хирургические операции производятся... с согласия больных, а больным, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, и психическим больным – с согласия их родителей, опекунов или попечителей. Неотложные хирургические операции производятся врачами без согласия самих больных либо их родителей, опекунов или попечителей только в тех исключительных случаях, когда промедление в проведении операции угрожает жизни больного, а получить согласие указанных лиц не представляется возможным».

Мнение о необходимости производства хирургической операции для спасения жизни больного, независимо от его согласия на такую операцию, хотя он и находится в полном сознании, представляется неприемлемым.

Нет никаких оснований игнорировать свободное волеизъявление больного. Нужно лишь, чтобы больной отдавал себе отчет в последствиях своего несогласия на операцию, это врач должен разъяснить ему. Если, несмотря на это, больной отказывается от операции, она не может быть произведена. Иное решение вопроса было бы ничем не оправданным вмешательством в естественное право человека жить или не жить. Бессмысленно принуждать человека жить, если он этого не желает. При всем отрицательном отношении нашей морали к самоубийству оно, как и покушение на самоубийство, не является противоправным деянием. Сознательный отказ от жизнеспасательной операции есть то же самоубийство или по крайней мере мало чем от него отличается.

Врач, который не произвел операции ввиду отказа больного или его законных представителей в тех случаях, где согласие необходимо, не может нести ответственность. Так было в нижеуказанном случае. В дер. Худолеки Богусhevского района Витебской области гр-ну Г. преступник нанес ножевое ранение в грудь. Будучи доставленным в больницу, Г. от операции отказался и через 13 ч умер. Из заключения судебно-медицинской экспертизы видно, что ранение не было безусловно смертельным и если бы Г. была произведена операция, он остался бы жить.

Врач, не сделавший операции потому, что не заручился согласием больного или его законных представителей в тех случаях, где согласия не требовалось, должен нести ответственность за неоказание медицинской помощи по ст. 126 (128).

Однако зафиксированное в ст. 35 Основ законодательства о здравоохранении право врача оперировать лиц, не достигших 16 лет, лишь с согласия их родителей, в том числе тогда, когда операция необходима для спасения жизни, вызывает возражения. Правда, в упоминаемой ст. 35 Основ законодательства о здравоохранении говорится, что если промедление в проведении операции угрожает жизни больного, а получить согласие родителей, опекунов «не представляется возможным», то операция производится. Однако это дополнение мало что меняет.

Представим себе такую ситуацию. Родители находятся в помещении больницы. Врачу это известно. Он обращается к ним за согласием, но не получает его и поэтому не может оперировать.

Заменяя согласие больного согласием его законных представителей, законодатель, очевидно, руководствовался тем, что несовершеннолетние не отдадут себе полного или частичного отчета в вопросах жизни, смерти и здоровья, недостаточно понимают или вовсе не сознают значения предстоящей операции и последствий ее несовершения. Если это так, то почему вопрос о том, оперировать или не оперировать, должны решать родители или опекуны? Возможно, законодатель основывается на том, что родители или опекуны могут действовать только в интересах своих детей и подопечных. Для подавляющего большинства случаев в нашей действительности это безусловно так.

Однако присущая родителям любовь к своим детям может у отдельных из них сопровождаться религиозными предрассудками, диктующими решения, которые по своим последствиям прямо противоположны их намерениям и желаниям. Практике такие случаи известны. Например, осужден К., который на почве сектантских побуждений умышленно оставил без медицинской помощи малолетнюю дочь, страдающую туберкулезным менингитом. Когда участковый врач, узнав о болезни ребенка, явилась по своей инициативе к К. на квартиру и предложила госпитализировать девочку, К. не только отказался это сделать, но и запретил врачу производить лечение на дому⁵¹.

Не исключается и возможность случаев безразличного, а то и неприязненного отношения к своим детям, что касается опекунов, то их действительное отношение к подопечным может быть продиктовано и корыстной заинтересованностью. Так или иначе, но признание того, что оперировать детей, не достигших 16 лет, можно лишь с согласия их законных представителей, предоставляет возможность этим представителям проявить неприязненное отношение к детям в законной форме несогласия на их оперирование.

Требую согласия родителей или опекунов на производство детям операции, необходимой для спасения их жизни, закон тем самым вообще предоставляет им право распоряжаться жизнью ребенка. Между тем такое право родителям и опекунам не принадлежит.

Соглашаясь с критикой ранее действовавшего закона (новый закон содержит ту же норму), Н.И. Загородников пишет, что «может быть, необходимо установить, чтобы эти вопросы решались коллегиально, с участием родителей, не исключительно и не только родителями»⁵². Если несогласие родителей при обсуждении вопроса в коллегии будет означать, что операция не может быть

произведена, то создается ситуация, ничем не отличающаяся от той, которая предусмотрена ст. 35 Основ законодательства о здравоохранении. Если же несогласие родителей парализуется противоположным мнением врачей, то в этом случае участие родителей в коллегии теряет смысл.

Отрицание *de lege ferenda* необходимости согласия родителей на производство операции вызывает вопрос о возрасте больного, с наступлением которого требуется его согласие на операцию, поскольку он находится в сознательном состоянии. Лицо, хотя и достигшее 16 лет, как отмечалось, еще не отдает себе достаточного отчета в вопросах жизни, здоровья и смерти. Очевидно, пока оно не достигло более высокого возраста, было бы негуманным основываться на его согласии и несогласии на операцию. Представляется поэтому целесообразным положение о производстве хирургических операций с согласия больных распространить на лиц, достигших 18-летнего возраста.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления выражается в умышленном неоказании медицинской помощи больному: виновный сознает, что больной нуждается в помощи, но не желает ее оказать. О том, какая опасность угрожает больному и в какой помощи он нуждается, медицинский работник узнает лишь после осмотра больного. В момент вызова к больному о грозящей опасности медицинский работник знает лишь со слов тех, кто его вызывает. При таких обстоятельствах нельзя требовать, чтобы виновный уже в момент вызова знал, какая именно опасность угрожает больному. Достаточно того, что виновный сознательно не исполняет своего профессионального и правового долга, т.е. не является по вызову, не принимает больного в лечебное учреждение, не оперирует больного и т.д.

Отношение к ненаступившим последствиям может выражаться только в преступной небрежности. При заведомости возможных последствий применяется ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128).

В связи с характеристикой субъективной стороны неоказания медицинской помощи возникают следующие вопросы: 1) о квалификации длительной отлучки единственного дежурного на пункте скорой помощи врача, в результате чего оказывается невозможным его вызов к больному и 2) о том, несет ли ответственность врач, отказавшийся явиться к заведомо для него безнадежному больному.

Указанные вопросы имеют практическое значение. В связи с изложенным заслуживает внимания дело В.⁵³. Девятого марта 1956 г. в 1 ч 30 мин к проходной будке артели подошел гр-н Б., который тут

же упал, жалуясь на сильную боль в области сердца. Дежурный вахтер стал вызывать скорую помощь, но в течение двух часов на его звонки никто не отзывался, как выяснилось впоследствии, единственный дежурный фельдшер скорой помощи В. без уважительных причин не находился на своем посту. После сердечного приступа больной прожил еще два часа. По заключению судебно-медицинской экспертизы при своевременном оказании помощи жизнь Б. могла быть спасена.

Единственный врач (фельдшер), который дежурит на пункте скорой помощи, оставляя на длительное время свой пост, сознает, что он может быть вызван к больному. Следовательно, он безразлично относится к возможным последствиям своего отсутствия на работе для больного, к которому может быть в это время вызван. Такой уход с рабочего места есть уклонение от исполнения своего профессионального и правового долга. Мы считаем, что в подобных случаях виновный должен привлекаться к ответственности за неоказание медицинской помощи.

На вопрос о том, несет ли ответственность врач, отказавшийся явиться к заведомо для него безнадежному больному, Верховный суд РСФСР по делу врача О. дал в свое время отрицательный ответ, указав на наличие в данном случае проступка, не совместимого с врачебной этикой⁵⁴. Отзвуки такого мнения появились и впоследствии. Так, прокуратура Плисского района б. Молодечненской области 22 августа 1954 г. вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела против врача Р. 28 апреля 1954 г. Р. отказалась выехать к больному П., у которого открылось обильное кровотечение. В постановлении прокуратуры указывается, что если бы Р. и выехала к П., то ввиду крайне тяжелого положения больного она бы все равно не смогла предупредить его смерть. Р., ранее лечившая П., была хорошо осведомлена о состоянии П.

Мнение об отсутствии состава преступления при уклонении от оказания помощи заведомо безнадежному больному является, на наш взгляд, ошибочным.

Прежде всего врач, не видя больного, может ошибиться в оценке его состояния. Однако дело не только в этом. Признание оспариваемого мнения противоречило бы самой сущности профессии врача. Врач обязан до последней возможности сражаться за жизнь больного. Помощь врача не ограничивается назначением лекарства или хирургического вмешательства. Врач обязан внимательно и заботливо отнестись к больному, ободрить его. Отказ от оказания помощи больному может повлечь

серьезные переживания больного. Даже в том случае, когда медицина действительно бессильна, помощь нужна для облегчения страданий больного.

Кроме того, оправдание отказа в медицинской помощи безнадежному больному подрывает авторитет медицины, вносит элемент недисциплинированности, дает возможность недобросовестному врачу ссылаться в оправдание своего бездействия на безнадежное состояние больного⁵⁵.

Субъектом рассматриваемого преступления является лицо, обязанное «согласно установленным правилам», оказывать медицинскую помощь. Общее правило сформулировано в ст. 33 (ч. 3) Основ законодательства о здравоохранении и в ст. 43 (ч. 1) Закона Белорусской ССР о здравоохранении, указывающих, что первую неотложную медицинскую помощь обязаны оказывать «медицинские и фармацевтические работники». Дальнейшее уточнение круга лиц, обязанных оказывать медицинскую помощь, в том числе неотложную, содержится в Положениях о профессиональных обязанностях и правах работников учреждений здравоохранения по отдельным специальностям.

Согласно этим Положениям медицинскую помощь оказывают: врач, фельдшер, акушерка, медицинская сестра. Положения перечисляют профессиональные обязанности и права каждого из них. Так, Положение о правах и обязанностях акушеров, утвержденное Министерством здравоохранения СССР 6 июня 1946 г., к обязанностям акушера относит оказание самостоятельно акушерской помощи, первоначальной помощи больному ребенку раннего возраста, хирургические перевязки и т.д. Положение о правах и обязанностях медицинской сестры, утвержденное тем же органом 31 мая 1956 г., указывает, что медсестра в больницах, во внебольничных лечебно-профилактических учреждениях и на дому по назначению врача имеет право выполнять следующие медицинские манипуляции: втирать лекарственные вещества; производить подкожные, внутримышечные и внутривенные инъекции; налагать кровоостанавливающие жгуты; производить искусственное дыхание; оказывать первую помощь при травматических повреждениях, отравлениях, ожогах и т.д.⁵⁶

Что касается фармацевтических работников, то положения об их профессиональных обязанностях не содержат в числе последних оказание медицинской помощи, и до принятия Основ законодательства о здравоохранении их в юридической литературе не причисляли к числу лиц, могущих быть субъектами преступления, предусмотренного ст. 126 (128). За неоказание помощи

больному они привлекались к ответственности на общих основаниях, т.е. по ст. 125 (127).

После принятия Основ законодательства о здравоохранении ответственность фармацевтических работников за неоказание медицинской помощи наступает по ст. 126 (128). Законодатель, очевидно, руководствовался тем, что по уровню своей профессиональной подготовки фармацевтический работник способен оказать первую неотложную медицинскую помощь и что обычно (если находится на работе) он имеет необходимые для этого медикаменты и иные средства. Статья 43 (ч. 2) Закона Белорусской ССР о здравоохранении указывает, что неоказание фармацевтическим работником первой неотложной медицинской помощи больному влечет уголовную ответственность по ст. 126 УК Белорусской ССР⁵⁷.

Перечисленные лица несут ответственность по ст. 126 (128), если не оказали такую медицинскую помощь, которую должны были оказать в пределах своей специальности. Фельдшеру, например, не может быть инкриминировано неоказание медицинской помощи, если он не произвел необходимой в данном случае резекции желудка, поскольку производство такого вмешательства выходит за рамки его прав и обязанностей, но ему может быть инкриминировано то, что он не вызвал специалиста или не транспортировал больного в надлежащее лечебное учреждение.

Врач, фельдшер, медицинская сестра, акушерка, фармацевт несут ответственность за неоказание медицинской помощи в том случае, если они занимаются медицинской или фармацевтической практикой. Упомянутые лица, имеющие соответствующее образование, но не работающие по специальности, за неоказание помощи больному, в том числе медицинской помощи, несут ответственность на общих основаниях.

Отдельные авторы необоснованно расширяют круг лиц, ответственных по ст. 126 (128). Так, Ф.Ю. Бердичевский считает возможным квалифицировать по этой статье преступление шофера машины скорой помощи, отказавшего в перевозке больного⁵⁸. Такой взгляд не согласовывается с упомянутыми выше нормативными актами о профессиональных обязанностях медицинских работников и приводит к признанию ответственными за неоказание медицинской помощи лиц, которые по своему положению не оказывают такой помощи.

Лица медицинского персонала, в обязанности которых не входит оказание медицинской помощи (лаборанты, санитары, зуботехники

и др.), за неоказание помощи больному также несут ответственность на общих основаниях.

Врач, фельдшер, акушерка, медсестра, фармацевт несут ответственность по ст. 126 (128), независимо от того, имело ли место неоказание помощи в служебное или иное время.

Это объясняется тем, что при выполнении своих профессиональных функций медицинский работник не является должностным лицом. Если ранее этот вопрос еще был спорным и даже Верховный Суд СССР решал его по-разному⁵⁹, то в настоящее время квалификация неоказания медицинской помощи в служебное время как должностного преступления является, бесспорно, ошибочной. Когда хирург оперирует, медицинская сестра делает инъекцию, а акушерка принимает роды, имеет значение только их искусство и добросовестность. В момент отправления своих профессиональных функций они являются только врачами, медсестрами, акушерками, независимо от того, какие должности они занимают в области управления здравоохранением.

Неоказание медицинской помощи может сопровождаться злоупотреблением должностным лицом своим служебным положением (например, главврач ведомственной клинической больницы запретил дежурному врачу оказывать помощь раненому, не прикрепленному к данной больнице). В таком случае имеет место конкуренция уголовных законов – ст. 126 (128) и ст. 166 (170), при которой подлежит применению более строгий закон.

Поэтому неоказание медицинской помощи, если при совершении этого преступления должностным лицом использовано служебное положение и наступили последствия, которые могут рассматриваться как «существенный вред охраняемым законом правам и интересам граждан», должно квалифицироваться по ст. 166 (170). В конкуренции ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128) и ст. 166 (170) предпочтение отдается последней, как предусматривающей более тяжкое преступление. Если же неоказание медицинской помощи не повлекло последствий, указанных в ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128), то должностное лицо подлежит ответственности по ч. 1 ст. 126 (ч. 1 ст. 128), поскольку такое злоупотребление служебным положением состава должностного преступления вообще не образует.

Действующее законодательство различает простой и более опасные виды неоказания медицинской помощи. Последние имеют место, если неоказание помощи «повлекло или заведомо могло

повлечь смерть больного или иные тяжкие последствия» – ч. 2 ст. 126 (ч. 2 ст. 128). Тяжкими последствиями являются телесные повреждения любой тяжести.

Если, как уже отмечалось, оказание помощи не могло бы предотвратить смерти или вреда здоровью, то неоказание медицинской помощи следует квалифицировать по ч. 1 ст. 126 (ч. 1 ст. 128).

Неоказание медицинской помощи, если оно заведомо могло повлечь смерть больного или телесные повреждения, имеет место только при умышленном неоказании помощи. При этом отношение к последствиям является умышленным или неосторожным в форме самонадеянности (см. гл. 3, § 7). В данном случае виновный сознает, что жизни или здоровью больного угрожает опасность, и, несмотря на это, не оказывает ему помощи. Решая вопрос о том, сознавал ли виновный возможность наступления последствий, суд исходит из того, что именно было известно виновному о состоянии больного. При этом следует учитывать и квалификацию виновного.

Специальными видами неоказания медицинской помощи являются неисполнение обязанностей по лечению больных и раненых военнопленных и оставление раненых на поле боя.

Война, всегда связанная с кровопролитием, ставит в непосредственную опасность огромные массы людей. Десятки, сотни тысяч раненых нуждаются в неотложной медицинской помощи и в ограждении медицинских учреждений, куда их доставляют, от вражеского огня. Немалое число раненых оказывается на территории неприятеля.

Забота человечества об участии раненых, особенно попавших в плен, привела к созданию международных конвенций об улучшении участи больных и раненых воинов.

Женевская конвенция 1864 г. об улучшении участи раненых и больных воинов установила неприкосновенность походных лазаретов и военных госпиталей, личного состава этих учреждений и гарантировала свободу и неприкосновенность местным жителям, оказывающим помощь раненым.

Женевская конвенция 1906 г. определила, что раненые и больные воины пользуются покровительством и уходом со стороны воюющего, во власти которого они оказались; что после каждого боя сторона, занимающая поле сражения, обязана принять меры к розыску раненых и оградить их от дурного обращения; что

главнокомандующие армиями обязаны наблюдать за исполнением настоящей конвенции.

Однако международные конвенции выполняются не всеми государствами. Во время первой мировой войны убийство раненых, попавших в плен, имело место по прямому приказу Верховного командования кайзеровской армии. Примеру своих союзников следовали и турецкие солдаты⁶⁰.

Подробно регламентировала отношение к больным и раненым и Женевская конвенция 1929 г., заменившая собой по данному вопросу прежние конвенции. Как и конвенция 1906 г., последняя предусматривала уголовную ответственность за ее нарушение. Несмотря на это, гитлеровские войска систематически нарушали конвенцию 1929 г.

В июле 1941 г. у железнодорожной станции Шумилино фашисты захватили в плен группу тяжело раненных советских воинов и тут же расстреляли их. В том же месяце в районе г. Борисова они отравили мышьяком 70 тяжело раненных советских воинов. В дер. Лагутино, около Брянска, фашисты привязали к двум танкам раненого красноармейца и разорвали его на части. В Рудне Смоленской области фашисты захватили советский полевой госпиталь и расстреляли всех раненых, а также санитаров и санитарок. В Каунасе, в лагере для военнопленных, истощенных воинов, которые не были в состоянии двигаться, ежедневно выносили за лагерь, живыми складывали в заранее вырытые ямы и засыпали землей. В селе Воронки, на Украине, гитлеровцы разместили 40 раненых красноармейцев и медсестер в помещении бывшей больницы. У медицинского персонала отобрали перевязочные средства, медикаменты и продукты питания, медсестер изнасиловали и расстреляли, а возле раненых поставили охрану и в течение четырех дней никого к ним не подпускали. Часть раненых умерла, а остальных бросили в реку⁶¹.

Это лишь отдельные примеры злодеяний фашистов по отношению к беспомощным раненым. В ноте Народного комиссара иностранных дел СССР от 27 апреля 1942 г. указывалось, что зверства Чингисхана, Батыя и Мамай бледнеют перед злодеяниями фашистских разбойников⁶².

Массовое истребление советских военнопленных, в том числе раненых и больных, явилось следствием организованной системы истребления, а не результатом недисциплинированности отдельных солдат и офицеров. Накануне вероломного нападения на СССР 21 июня 1941 г. гитлеровские войска получили приказ:

«С ранеными русскими... нечего долго возиться: их надо приканчивать на месте»⁶³.

Кровью раненых, больных и медицинского персонала запятнали свои мундиры и японские офицеры и солдаты. Так, в военном госпитале в Гонконге японцы закололи всех больных и раненых. В январе 1942 г. в Малайе японские солдаты, захватив колонну санитарных машин с больными и ранеными, вытащили их из машины и закололи штыками.

Тринадцатого февраля 1942 г. в Сингапуре, в Александрийском госпитале, они убили 223 человека⁶⁴. Вот как описывает эту трагедию Ноэл Барбер – бывший лондонский корреспондент в Сингапуре: «Еще не было двух часов дня, как войска противника уже появились возле госпиталя. После краткого обмена мнениями медицинский персонал пришел к выводу, что сдача – единственный выход в сложившейся ситуации. Когда японцы появились во дворе госпиталя, им навстречу был послан лейтенант Уэстон. Он стоял там, держа в руках белый флаг и не подозревая об опасности, когда первые японские солдаты подбежали к крыльцу, не задумавшись ни на одну секунду, японцы закололи Уэстона штыками. Пока он умирал на крыльце, группа японцев вбежала в коридор операционного отделения. Весь военно-медицинский персонал стоял, подняв руки, а капитан, бывший среди них старшим по чину, сделал шаг вперед и показал на нарукавные повязки с красным крестом. Их быстро вывели из здания и закололи штыками. Затем японские солдаты вывели из палат около 200 раненых и оставшихся сотрудников госпиталя. Эти люди, многие из которых находились в очень тяжелом состоянии, были связаны группами по четыре-пять человек. Под лучами палящего солнца их повели в подсобные помещения, находившиеся за зданием госпиталя, и буквально втиснули в несколько маленьких комнаток. Постепенно теснота становилась все меньшей: несколько раз приходили японцы, отбирали несколько человек и выводили на улицу. Оставшиеся слышали душераздирающие крики, после чего солдаты возвращались за новой партией, вытирая кровь со штыков»⁶⁵.

Во время второй мировой войны грубо и бесчеловечно попирались нормы международного права о гуманном обращении с ранеными и больными, но военные преступники понесли за свои злодеяния уголовную ответственность.

Советское правительство и Советская армия неуклонно соблюдали нормы конвенции.

После окончания второй мировой войны конвенция 1929 г. была пересмотрена и заменена ныне действующей Женевской

конвенцией от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Конвенция, содержащая 9 глав (64 статьи), подробно регламентирует отношение к раненым и больным в действующих армиях.

Конвенция 12 августа 1949 г.:

- ☞ обязывает подбирать раненых и больных. «Во всякое время и в особенности после боя, – гласит ст. 15, – стороны, находящиеся в конфликте, немедленно примут все возможные меры к тому, чтобы разыскать и подобрать раненых и больных и оградить их от ограбления и дурного обращения... Каждый раз, когда это позволяют обстоятельства, будут заключаться соглашения о перемирии или о прекращении огня или же местные соглашения, чтобы позволить подобрать раненых, оставшихся на поле боя, транспортировать их, а также произвести обмен ими»;
- ☞ обязывает оказывать раненым и больным медицинскую помощь. Статья 12 указывает, что «строго запрещается... оставлять их (раненых и больных – *И.Г.*) без медицинской помощи или ухода». В ст. 30 конвенции указывается: «Каждый лагерь будет иметь соответствующий лазарет, где военнопленные получают помощь, в которой они могут нуждаться, и где им будет предоставлен необходимый режим питания... Военнопленные, страдающие тяжелой болезнью или состояние которых требует специального лечения, хирургического вмешательства или госпитализации, должны быть приняты в любое медицинское учреждение... Особые условия будут созданы для ухода за инвалидами, в частности слепыми...»;
- ☞ устанавливает неприкосновенность медицинских учреждений и медицинского персонала. Постоянные санитарные учреждения и подвижные санитарные формирования медицинской службы, госпитальные суда, транспорты с ранеными и больными или санитарным имуществом «будут во всякое время пользоваться покровительством и охраной сторон, находящихся в конфликте» (ст. 19, 20, 35);
- ☞ запрещает «применение репрессалий к раненым, больным, личному составу, зданиям и имуществу, находящимся под защитой конвенции» (ст. 46).
- ☞ указывает, что «никто не должен подвергаться преследованию... за то, что он ухаживал за ранеными или больными» (ст. 18).

Аналогичные нормы содержит и Женевская конвенция от 12 августа 1949 г. «Об улучшении участи раненых, больных и лиц,

потерпевших кораблекрушение, из состава вооруженных сил на море»⁶⁶.

Статья 49 конвенции «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и ст. 50 конвенции «Об улучшении участи раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение...» указывают:

«Высокие Договаривающиеся Стороны берут на себя обязательство ввести в действие законодательство, необходимое для обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения настоящей конвенции...».

К серьезным нарушениям, которые должны влечь уголовную ответственность, конвенции относят: преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, преднамеренное причинение тяжелых страданий, нанесение ущерба здоровью и т.д. (ст. 50 и 51 упомянутых конвенций). В числе серьезных нарушений конвенции непосредственно не называют неоказание медицинской помощи. Последнее охватывается указанием на «бесчеловечное обращение».

В советском уголовном праве нормы конвенции нашли отражение в военно-уголовном законодательстве. Статья 32 Закона об уголовной ответственности за воинские преступления от 25 декабря 1958 г. предусматривает «дурное обращение с военнопленными направленное против больных и раненых, а равно небрежное исполнение обязанностей в отношении больных и раненых лицами, на которых возложены лечение их и попечение о них». Таким образом, неоказание медицинской помощи больным и раненым военнопленным влечет уголовную ответственность по ст. 32 названного закона – ст. 257 (268) УК, а не по ст. 126 (128). В отличие от ст. 126 ответственность по ст. 257 наступает не только при неоказании помощи, когда жизни или здоровью больного угрожает опасность, но и при небрежном исполнении обязанностей в отношении больных и раненых. Ответственность по ст. 257 несут не только лица, обязанностью которых является оказание медицинской помощи, но и все другие военнослужащие, на которых возложено попечение о больных и раненых пленниках.

Отражение в уголовном законодательстве СССР требований международных конвенций означает не только признание общественно опасным дурного обращения с военнопленными, но и является выражением уважения к этим конвенциям, в соблюдении которых должны быть заинтересованы все государства и все честные люди.

Если неоказание медицинской помощи раненым является преступлением, то тем более является преступлением оставление их на поле боя. Конвенции 1949 г. обязывают воюющие стороны выносить раненых с поля боя. Невынос раненых с поля боя является оставлением лиц, лишенных возможности принять меры самосохранения, в состоянии опасности, и поэтому подпадает под признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) УК.

§ 5. Оставление в опасности и убийство (разграничение составов)

Значение правильного разграничения составов убийства и оставления в опасности общеизвестно. Степень опасности этих преступлений далеко не одинакова и обществу небезразлично, за что осужденный отбывает наказание – за убийство или оставление в опасности⁶⁷.

Ошибки, допускаемые при разграничении упоминаемых преступлений, являются прежде всего следствием неправильного понимания субъективной стороны оставления в опасности. В литературе распространено мнение, согласно которому при наличии умысла на лишение жизни оставление в опасности перерастает в умышленное убийство.

С этим согласиться нельзя. Если, сознавая опасность, которая нависла над потерпевшим, виновный предвидит возможность или неизбежность его гибели и не оказывает помощи при наличии к тому возможности, что всегда и имеет место при оставлении в опасности, то он по меньшей мере сознательно допускает смерть потерпевшего. При таких обстоятельствах умысел к последствиям становится обязательным для оставления в опасности и в каждом случае неоказания помощи погибающему можно видеть умышленное убийство. Умышленное убийство путем бездействия и неоказание помощи со смертельным исходом оказываются одним и тем же преступлением, что противоречит самому существу норм об ответственности за оставление в опасности.

Разграничение убийства и оставления в опасности исключительно по признаку психического отношения виновного к последствиям фактически не разделяет, а отождествляет эти преступления.

Другие авторы критерий разграничения упоминаемых преступлений ищут в источнике обязанности действовать.

В зависимости от того, была ли деятельность данного лица включена в развитие причинного ряда, Т.В. Церетели различает

причиняющее и не причиняющее бездействие. Первое имеет место, если в силу «специальной обязанности действовать», вытекающей из требований нормативного акта, занимаемого положения либо предшествующих действий, деятельность лица была включена в развитие причинного ряда, но оно виновно бездействовало. Если вследствие такого бездействия – оставления без помощи – наступила смерть, то, по мнению Т.В. Церетели, виновный отвечает за убийство. Пожарник, который не выполнил своей обязанности по тушению пожара, если он виновно бездействует, несет ответственность за гибель находящихся в горящем здании людей. Не причиняющее бездействие имеет место там, где «упущение само по себе представляет нарушение обязанности и выполнение требуемого действия могло бы предотвратить наступление общественно опасного последствия». В качестве примера такого бездействия Т.В. Церетели и приводит неоказание помощи погибающему лицом, специально не обязанным заботиться о потерпевшем. За смерть потерпевшего он ответственности не несет.

Дифференциация бездействия, проведенная Т.В. Церетели, имеет несомненное теоретическое и практическое значение. Основанное на ней разграничение убийства и неоказания помощи лицом, не причастным к создавшейся опасности – ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127), не вызывает возражений. Действительно, при неоказании помощи в таких обстоятельствах «наступление вреда не связано с волевым поведением субъекта, вред возникает вне сферы его деятельности. Лицо, которое... не оказывает необходимой помощи, хотя оно может это сделать, не стоит предварительно в таком отношении к находящимся в опасности объектам, чтобы своим бездействием оказать влияние на течение причинности... не оказавший помощи лишь случайно сталкивается с поставленными в опасность объектами, лишь случайно оказывается в таком положении, что имеет фактическую возможность действовать для предотвращения вредного последствия»⁶⁸.

Однако нельзя согласиться с тем, что оставление без помощи погибающего лицом, специально обязанным заботиться о нем, всегда, если наступила смерть оставленного без помощи, образует состав убийства. Неисполнение обязанности заботиться о другом лице само по себе еще не свидетельствует о причастности бездействовавшего к возникшей опасной ситуации. Этого не учитывает теория Т.В. Церетели. Недостаток ее в том и состоит, что она не дифференцирует специальную обязанность действовать,

которая может состоять либо в обязанности не допускать возникновения опасности, либо только в обязанности не оставлять человека в опасности, уже созданной другими лицами или силами природы. Отец обязан заботиться о своем ребенке. Если, возвращаясь с работы, он случайно увидел, что ребенок тонет, и не спасет его, то согласно теории Т.В. Церетели здесь такое же убийство, как в случае, если отец, катаясь на лодке, недосмотрел за ребенком и тот утонул, упав в воду и не получив помощи, хотя отец мог ее оказать. В том и другом случае отец обязан был заботиться о ребенке, но лишь в одном из них он не должен был допустить самого возникновения опасной для жизни ребенка ситуации. В первом случае опасность для ребенка возникла помимо бездействия родителя и нет поэтому объективных оснований ответственности за убийство.

Теория Т.В. Церетели необоснованно расширяет понятие убийства путем бездействия. Следуя этой теории, ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) в случаях смерти оставленного без помощи не может применяться, поскольку она предусматривает ответственность лиц, обязанных в силу нормативного акта или занимаемого положения заботиться об оставленном.

По мнению другого автора⁶⁹, при разграничении убийства и оставления в опасности следует различать общую обязанность действовать, под которой понимается обязанность в отношении неопределенного круга объектов, и конкретную обязанность, т.е. обязанность по отношению к конкретному объекту. Первая возникает либо непосредственно из уголовного закона, либо из «положений, предусматривающих профессиональные или служебные обязанности в отношении неопределенного круга объектов». Неисполнение такой обязанности, независимо от формы вины по отношению к последствию, всегда должно рассматриваться как специальный деликт по ч. 1 ст. 125 (ч. 1 ст. 127) и не может считаться убийством. Вторая возникает «либо из профессионального и служебного долга по отношению к данному объекту, либо из конкретных действий, совершенных лицом по отношению к данному объекту, например из конклюдентных действий». Неисполнение конкретной обязанности влечет ответственность по ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127), а если в результате этого наступила смерть, то виновный, по нашему мнению, должен отвечать за умышленное или неосторожное убийство, а при прямом умысле к ненаступившим последствиям – за покушение на убийство.

Разграничение общей и конкретной обязанности практически едва ли возможно. На наш взгляд, например, врач,

не оказавший помощи попутчику в поезде, нарушает лишь общую обязанность действовать, а врач, совершивший «определенные действия, свидетельствующие о принятии обязанности оказания помощи лицу», а затем не оказавший ее, нарушает конкретную обязанность действовать. Однако, прежде чем оказать помощь больному, нужно явиться к нему, осмотреть, поставить диагноз. Помощь всегда оказывается определенному лицу, и этому предшествует совершение определенных действий. Следуя критикуемым рассуждениям, нарушение общей обязанности имеет место лишь в случаях отказа врача явиться к больному. Посещение больного, даже лишь согласие прийти к нему, уже есть определенное действие, свидетельствующее о принятии обязанности заботы о больном. Профессиональные или служебные обязанности по оказанию помощи, как только их приходится исполнять, всегда конкретны.

Попытки найти критерий разграничения оставления в опасности и убийства путем бездействия в источнике обязанности действовать не могут быть до конца успешными, поскольку он (источник) лишь определяет, исчерпывается ли эта обязанность спасением погибающего либо виновный вообще должен заботиться о нем. По источнику обязанности действовать еще нельзя судить о причастности бездействовавшего к возникновению опасной для потерпевшего обстановки. Обязанность заботы о потерпевшем сама по себе не создает при ее неисполнении объективных оснований ответственности за убийство. Их возникновение зависит от объема обязанностей виновного в оставлении в опасности по отношению к потерпевшему.

В связи с этим следует разграничивать бездействие, создающее опасность, и бездействие-невмешательство (см. гл. 1, § 3).

Как уже отмечалось, бездействие создает опасность и приравнивается к действию тогда, когда оно удовлетворяет трем условиям: к моменту возникновения обязанности действовать опасной ситуации еще не существует; на бездействовавшем лежала обязанность действовать, чтобы предотвратить возникновение такой ситуации; вследствие бездействия такого лица события развиваются до степени возникновения опасной ситуации. Также отмечалось, что при бездействии-невмешательстве отсутствует обязанность воспрепятствовать развитию опасной ситуации. Разница, таким образом, в объеме обязанностей: при бездействии, создавшем опасность, виновный должен был предотвратить возникновение опасности, а при бездействии-невмешательстве – лишь оказать помощь, чтобы устранить возникшую опасность.

По объему обязанностей в отношении потерпевшего только и можно правильно разграничить убийство путем бездействия и оставления в опасности.

Объективные основания ответственности за убийство, если последовала смерть оставленного без помощи, будут лишь при бездействии, создающем опасность. А., который мог, но не оказал помощи тонущей женщине, желая по каким-либо мотивам ее гибели, и сознался в этом, не может быть привлечен к ответственности за убийство, поскольку опасность для этой женщины возникла помимо его. При неоказании помощи нет объективных оснований ответственности за убийство. При бездействии, создавшем опасность объективные основания ответственности за убийство есть: опасная ситуация создана бездействием обвиняемого. Если к тому же при создании опасности виновный предвидел и желал или сознательно допускал возможность смерти оставленного без помощи, то налицо умышленное убийство или покушение на него.

Так, за умышленное убийство, а не за оставление в опасности, осуждена В., которая, почувствовав приближение родов, не обратилась за помощью в лечебное учреждение, а, родив над ведром жизнеспособного ребенка, не приняла никаких мер к сохранению его жизни, когда же ребенок умер, похоронила его во дворе⁷⁰.

Опасность может быть создана и по неосторожности. Если в таком случае виновный осознал уже возникшую, созданную им опасность и не оказал помощи, которую мог оказать без риска для себя и для других, то содеянное выходит за рамки оставления в опасности. Б., находясь с девушками на помосте, балуясь, сбросил Н. в воду, а когда она, не умея плавать, о чем ему, кстати, было известно, стала звать на помощь, ничего не предпринял для ее спасения, хотя хорошо плывал и понимал, что девушка тонет. Нельзя согласиться с судом, признавшим Б. виновным в оставлении в опасности⁷¹. Неосторожно создавая опасность, Б. не предвидел последствий своего баловства. Однако, когда опасность уже возникла и Б. осознал это, его бездействие свидетельствовало по крайней мере о безразличном отношении к жизни девушки, и он должен отвечать за умышленное убийство.

Следовательно, умышленное убийство, а не оставление в опасности имеет место и в том случае, когда опасность создана по неосторожности, но после ее возникновения осознана виновным, который мог, но не оказал помощи погибающему.

Если неосторожно созданная опасность не осознана человеком, то его ответственность определяется в зависимости от тяжести наступивших последствий и возможности их предвидения.

В связи с этим интересно дело Н., признанного виновным в том, что он оставил в опасности шестилетнего С. С разрешения санитарки Т., матери С., врач Н. взял его с собой покататься на лодке. Переправившись на противоположный берег реки, Н. велел мальчику побыть на берегу, а сам поехал на лодке в ближайшую деревню на свидание с девушкой. Берег, на котором был оставлен мальчик, порос кустарником и высокой травой, и ребенок не мог видеть деревни. Когда стало темнеть, он испугался, начал звать на помощь (это слышали люди на другом берегу), а затем стал переходить реку (ширина ее около 20 м) и утонул.

Оставляя мальчика одного, Н., как указано в приговоре⁷², не подумал о том, что с ним может что-либо случиться. В момент оставления С. никакая опасность ему не угрожала. Заведомость опасности – одно из условий применения ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) – в данном случае отсутствовала. Неосторожное создание опасности, не осознанное человеком, и последующее оставление без помощи, не повлекшее последствий, не образуют по советскому законодательству состава преступления. В то же время неосторожное создание опасности означает, что виновный должен был и мог предвидеть возможность наступления тяжких последствий и потому отвечает за неосторожное их причинение. За неосторожное лишение жизни должен был нести ответственность и Н.

Повлекшее смерть неосторожное создание опасности должностным лицом, обязанным в силу своего служебного положения проявлять заботу о других, образует состав должностной халатности. Пленум Верховного Суда СССР признал должностную халатность в поведении Ш., дежурного фельдшера станции Молодечно. Отправив в больницу снятую с поезда Б., Ш. не позаботилась о ее двух малолетних детях, удалив их с медпункта, расположенного в помещении вокзала. Впоследствии дети Б. оказались в Вильнюсе, где один из них умер в больнице⁷³.

Неосторожное лишение жизни (а равно должностная халатность) – более тяжкое преступление, чем оставление в опасности. Однако неосторожное создание опасности, не осознанное лицом и не повлекшее последствий, не образует состава преступления, за исключением случаев, предусмотренных законом, тогда как заведомое оставление в опасности влечет уголовную ответственность само по себе и без наступления последствий.

Неосторожное создание опасности, не осознанное виновным после ее возникновения и повлекшее телесные повреждения, тяжкие или менее тяжкие, должно квалифицироваться по ст. 112 (114).

Санитарка родильного отделения сельской больницы А. была признана виновной в том, что, положив новорожденного к горячей печке, оставила его без присмотра и не подходила к нему в течение сорока минут, в результате чего ребенок получил ожоги левой руки и левой ягодицы. Признавая себя виновной, А. объяснила, что, пеленая ребенка, обнаружила у него холодные ноги и, чтобы согреть его, запеленав, положила около печи, не подумав о том, что он может получить ожоги. Органами прокуратуры ее действия были квалифицированы как оставление в опасности. Народный суд не согласился с такой квалификацией, считая, что, ставя кровать с новорожденным у печи, А. не сознавала, что тем самым создает для ребенка опасность, и правильно осудил ее за неосторожное причинение телесных повреждений⁷⁴.

Глава 5. Преступления, опасные для жизни, здоровья и материальных ценностей

§ 1. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта

Часть 1 ст. 82 (ч. 1 ст. 85) предусматривает ответственность за «нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, повлекшее несчастные случаи с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия, а также недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи, повлекший те же последствия».

Часть 2 этой же статьи говорит о таких же деяниях, «если они не повлекли, но заведомо создавали угрозу наступления тех же последствий».

Соответственно такой редакции ст. 82 (85) состав поставления в опасность жизни, здоровья людей и материальных ценностей может быть сформулирован как нарушение работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, а также недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи, если эти нарушения заведомо создавали угрозу несчастных случаев с людьми, крушения, аварии или иных тяжких последствий.

Объективная сторона преступления состоит в создании конкретной опасности для людей либо материальных ценностей нарушением правил безопасности движения или эксплуатации железнодорожного, водного, воздушного транспорта, либо недоброкачественным ремонтом транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи.

Правилами безопасности движения являются правила отправления, следования, маневрирования, приема транспортных средств, обеспечивающие безопасность участников движения и других лиц, а также сохранность материальных ценностей.

Нарушениями правил безопасности движения, создающими конкретную опасность для людей и материальных ценностей на железнодорожном транспорте, в частности, являются: прием поезда на

занятый путь; отправление поезда по неготовому маршруту; проезд запрещающих сигналов; превышение скорости движения в местах ее ограничения; невыдача машинисту предупреждения о необходимости особой бдительности на отдельных участках дороги; несвоевременное открытие шлагбаума; незажигание сигнальных фонарей на шлагбаумах в ночное время, а также днем при плохой видимости; перевод стрелки под поездом.

На водном транспорте нарушениями правил плавания, создающими конкретную опасность для людей и материальных ценностей, в частности, могут быть: пересечение курса движущимся судам; необставление предостерегающими знаками обнаруженных в пределах судового хода или акватории порта предметов, препятствующих судоходству; превышение скорости плавания; движение в темное время суток речных судов на участках, где действует только дневная обстановка; обгон буксирных составов при сильном навалном ветре; разворот без подачи сигнала встречному судну.

Нарушениями правил безопасности движения воздушного транспорта, создающими конкретную опасность для людей и материальных ценностей, в частности, являются: полеты на опасных для данных аппаратов высотах; полеты над населенными пунктами на высоте, исключающей возможность в случае неисправности судна произвести посадку за пределами этих пунктов или на ближайшем аэродроме; проведение опытных и фигурных полетов над населенными пунктами; полеты воздушных судов на таком близком расстоянии друг от друга, когда создается угроза столкновения; превышение скорости руления по аэродрому.

Правила эксплуатации транспорта – правила, предъявляемые к техническому состоянию транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи, либо определяющие условия рационального использования транспорта.

Нарушениями правил безопасности эксплуатации транспорта, в частности, являются: эксплуатация неисправных транспортных средств; превышение габарита приближения грузов к путям; плавание судна во время ледохода при отсутствии на судне специального подкрепления; отсутствие замков на стрелках, которые перед приемом и отправлением поездов должны запираться; неопущение на дно каната во время стоянки парома у берега; неограждение места производства путевых работ предупреждающими знаками.

Изучение судебной практики показывает, что наиболее распространенными из названных нарушений являются: превышение скорости движения в местах ее ограничения; передача управления транспортным средством постороннему лицу; нарушение правил

сигнализации; прием поезда на занятый путь или отправление его по неготовому маршруту; нахождение при исполнении служебных обязанностей в нетрезвом состоянии; невыдача предупреждения о необходимости особой бдительности или вынужденной остановке в определенном месте.

К нарушениям правил безопасности движения и эксплуатации транспорта закон приравнивает недоброкачественный ремонт «транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи».

Транспортными средствами на железнодорожном транспорте считаются: локомотивы, которые в зависимости от конструкции двигателя и первичного источника энергии делятся на электровозы, тепловозы, газотурбовозы, паровозы и мотовозы; вагоны – пассажирские и грузовые (в том числе полувагоны, платформы, цистерны, изотермические и вагоны спецназначения); специальный подвижный состав (снегоочистители, балластеры, путеукладчики, краны на железнодорожном ходу и т.д.); съемные подвижные единицы (автодрезины, путевые вагончики, путеизмерительные, дефетоскопные и другие тележки, которые могут быть сняты с пути вручную обслуживающими их работниками).

Водными транспортными средствами являются суда: транспортные, технические (дноуглубительные и дноочистительные снаряды, обстановочные суда, плавучие маяки), вспомогательные (дебаркадеры, брандвахты, шаланды, нефтеперекачивающие плавучие станции, плавучие перегружатели и краны, плавучие мастерские, плавучие магазины и т.д.) и плоты. К транспортным средствам следует также отнести все спасательные средства. Недоброкачественный ремонт их так же опасен, как и недоброкачественный ремонт средств, прямо названных в ст. 82 (85).

Воздушными транспортными средствами являются самолеты, вертолеты, планеры, аэростаты, дирижабли.

Под железнодорожным путем понимают «земляное полотно с водоотводными и укрепительными устройствами, искусственные сооружения (мосты, трубы, тоннели) и верхнее строение пути (рельсы и стрелочные переводы со всеми креплениями, шпалы и балласт)»¹. Применительно к водному транспорту термин «путь», употребляемый в ст. 82 (85), охватывает собой шлюзы, мосты, плотины, воздушные и подводные переходы, рейды, причалы и причальные приспособления (бочки и т.д.), лесные гавани, водоприемники, оградительные и защитные устройства (дамбы, волноломы и т.д.), насосные станции, а также судоводную часть водного пути. Неполная очистка этой части пути от затонувших предметов либо недостаточные дноуглубительные работы так же

опасны для плавания судов, как недоброкачественный ремонт железнодорожного полотна для движения поездов. Путь воздушный в смысле ст. 82 (85) – взлетные и посадочные площадки.

Средствами сигнализации и связи являются: светофоры, semaфоры, шлагбаумы, аппараты СЦБ, указатели и приборы путевого заграждения, знаки судоходной обстановки (маяки, створы, бакены, буи, вехи, рейдовые столбы, сигнальные мачты и т.д.), проводная связь, аппараты и приборы радиосвязи и т.д.

Недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи есть прежде всего такой неудовлетворительный ремонт, вследствие которого не были устранены опасные для движения неполадки и дефекты.

Недоброкачественный ремонт имеет место и в том случае, когда соответствующие лица не исполняют своих обязанностей по проверке состояния указанных средств и путей или исполняют их небрежно, вследствие чего опасные для движения неисправности не обнаруживаются. Так, по ст. 82 УК осуждены осматривавшие вагон Д. и Ю., которые 18 августа 1959 г., осматривая двухосный полувагон, не вскрыли буксы и не проверили наличие рисков на шейке оси, вследствие чего в пути следования поезда из-за сильного нагрева произошел излом шейки оси, отчего полувагон сошел с рельсов.

Наконец, понятие недоброкачественного ремонта охватывает собой и случаи установки нового, но недоброкачественного оборудования. Как отмечает Б.А. Куринов, «хотя закон прямо говорит только о ремонте, однако этим понятием охватываются и случаи установки на транспортных средствах, на станциях, аэродромах, в морских и речных портах такого нового оборудования, которое заведомо непригодно (полностью или частично) к использованию и может создать угрозу безопасности движения транспорта»².

Недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей и средств сигнализации и связи образует состав преступления, предусмотренный ст. 82 (85), если они сданы в эксплуатацию и она началась. Только в этом случае создается конкретная угроза безопасности движения. Если недоброкачественность ремонта обнаружена до начала эксплуатации транспортного и иного, указанного выше средства, то ответственность по ст. 82 (85) исключается.

Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта либо недоброкачественный ремонт транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи образуют рассматриваемый состав преступления, если они могли повлечь «несчастные случаи с людьми, крушение, аварию или иные тяжкие последствия».

Несчастными случаями с людьми являются смерть или телесные повреждения любой тяжести, причиненные хотя бы одному человеку³. Отдельные авторы⁴ к несчастным случаям не относят легкие телесные повреждения, а в судебной практике их причинение иногда квалифицируется по ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85). Так, Р. признан виновным в том, что, работая помощником машиниста и будучи в нетрезвом состоянии, воспользовавшись отсутствием машиниста, привел в движение паровоз и при неосторожном подъезде к составу пассажирского поезда допустил сильный удар, от которого 10 пассажирам были причинены легкие телесные повреждения. Р. осужден по ч. 2 ст. 82 УК⁵.

Крушением, определение которого дано ниже, считаются, в частности, столкновения и сходы подвижного состава, повлекшие человеческие жертвы (убитых или раненых). Нет оснований отказываться от применения ч. 1 ст. 82 (ч. 1 ст. 85), если причинены ранения, в том числе легкие телесные повреждения, не связанные со столкновением и сходом подвижного состава. Более того, считаются аварией сходы подвижного состава, повлекшие лишь причинение материального ущерба. Если и в этом случае применяется ч. 1 ст. 82 (ч. 1 ст. 85) УК, то тем более она должна применяться при причинении телесных повреждений, хотя бы легких. Основным аргументом против причисления легких телесных повреждений к несчастным случаям является то, что в ст. 49 (51) они отнесены к малозначительным преступлениям⁶.

В этой статье к малозначительным преступлениям отнесены не все легкие телесные повреждения, а лишь те из них, которые не повлекли за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности, т.е. повреждения, имеющие незначительные, скоропроходящие последствия, длившиеся не более пяти дней.

Но дело не в этом. Есть принципиальная разница между легким телесным повреждением, причиненным бытовым путем (в ссоре, драке и т.д.), и таким же повреждением, причиненным при эксплуатации источника повышенной опасности. Не случайно, что причинение легкого телесного повреждения по неосторожности не образует состава преступления против личности, а причинение такого повреждения нарушением правил эксплуатации источника повышенной опасности является преступным. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к ст. 137 (140), 206 (211), 206-2 (211-2, 209 (214), 210 (215), согласно которым нарушение правил техники безопасности либо правил безопасности движения автомототранспорта, повлекшее причинение легких телесных

повреждений, образует состав преступления, хотя вина к таким последствиям является неосторожной. Между тем нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта является более опасным преступлением, чем вышеназванные. Это подтверждается тем, что преступление, предусмотренное ст. 82 (85), отнесено к государственным, и тем, что санкция здесь более высокая. Если, следовательно, в случаях, предусмотренных ст. 137 (140), 206 (211) и т.д., причинение легких телесных повреждений образует материальный состав преступления, то тем более причинение таких повреждений нарушением правил безопасности движения железнодорожного, водного, воздушного транспорта должно рассматриваться по ч. 1 ст. 82 (ч. 1 ст. 85).

Далее, к последствиям, которые могут наступить в результате нарушений правил безопасной работы железнодорожного, водного, воздушного транспорта, относятся крушения, аварии и иные тяжкие последствия. Содержание этих понятий должно определяться на основе того, как они сформулированы для указанных видов транспорта действующими нормативными актами⁷.

Крушениями на железнодорожном транспорте считают:

во-первых, сходы и столкновения пассажирских поездов с другими поездами или подвижным составом, независимо от размеров последствий;

во-вторых, все столкновения грузовых поездов с грузовыми поездами и подвижным составом на перегонах и станциях, сходы подвижного состава в грузовых поездах на перегонах и станциях, столкновения и сходы подвижного состава при маневрах, экипировке, на деповских путях и при других передвижениях, в результате которых были: а) человеческие жертвы (убитые или раненые), б) разбиты локомотивы и вагоны до степени капитального ремонта или исключения из инвентаря или в) произошли значительная порча и загромождения пути, вызвавшие полный перерыв движения поездов на участке в продолжение часа и более.

На морском транспорте крушением (кораблекрушением) считается аварийный случай с судном, повлекший гибель судна или его полное конструктивное разрушение. Нормативные акты, действующие на внутренних водных путях, не знают понятия крушения. Неизвестно оно и воздушному транспорту, где применяется термин «катастрофа». Катастрофой признается гибель людей из состава экипажа или пассажиров при повреждении или разрушении самолета, а также смерть людей от полученных ранений, последовавшая в течение 10 суток после происшествия. Крушением

в смысле ст. 82 (85) следует считать и катастрофу на воздушном транспорте.

Авариями на железнодорожном транспорте считаются: столкновения грузовых поездов с грузовыми поездами или подвижным составом на перегонах и станциях, сходы подвижного состава в грузовых поездах на перегонах и станциях, столкновения и сходы подвижного состава при маневрах, экипировке, на деповских путях и при других передвижениях, в результате которых произошло повреждение подвижного состава в объеме среднего ремонта. Аварией на морском флоте считается случай с судном, в результате которого имели место: повреждение судна, приведшее к потере мореходности и требующее не менее 48 ч на исправление повреждения; повреждение судном берегового сооружения, исправление которого требует вывода этого сооружения из эксплуатации на срок не менее 48 ч; нахождение на мели грузового судна не менее 48 ч, а пассажирского – не менее 12 ч, независимо от наличия повреждений.

Любой аварийный случай с судном на море, приведший к человеческим жертвам, рассматривается как чрезвычайное происшествие и расследуется как авария.

Авариями на внутренних судоходных путях считаются: а) аварийные случаи, повлекшие человеческие жертвы; б) столкновения, удары и навалы, посадки на мель судов и составов; гибель и затопление судов или иных плавсредств; повреждение судами и составами гидротехнических и иных сооружений, повлекшие общие технические и коммерческие убытки на сумму не менее 10 тыс. руб.; в) повреждение судами и составами гидротехнических или иных сооружений, а также посадка на мель судов или составов, повлекшие заграждение судового хода и прекращение по этим причинам движения транспортных судов на этом участке на срок свыше 48 ч; г) разрушение и повреждение буксируемых плотосоставов с разном досудостроения и утратой такелажа, повлекшие общие технические и коммерческие убытки на сумму не менее 10 тыс. руб.

Авариями на воздушном транспорте являются: разрушение самолета или такое повреждение, при котором восстановление его нецелесообразно, даже если происшествие не повлекло гибели людей из состава экипажа или пассажиров; потеря самолета в результате его вынужденной посадки, исключающей целесообразность его эвакуации, при условии спасения находящихся на борту самолета людей.

Сложным является определение «иных тяжких последствий». На железнодорожном транспорте уничтожение или повреждение

транспортных средств и повреждение путей сообщения охватывается понятиями крушения и аварии. Последние не распространяются на случаи уничтожения или повреждения имущества, не принадлежащего железнодорожному транспорту (наезды на автогужевой транспорт, скот и т.д.). Ни крушением, ни аварией не являются сход и столкновение подвижного состава. Эти случаи и должны быть отнесены к «иным тяжким последствиям» на железнодорожном транспорте.

К таким последствиям должны быть отнесены «аварийные происшествия» на водном транспорте и «чрезвычайный случай» и «особое происшествие» на воздушном транспорте.

На морском транспорте аварийным происшествием считается аварийный случай с судном, в результате которого имели место: а) повреждение судна, приведшее к потере мореходности и требующее менее 48 ч на исправление повреждения; б) повреждение судном берегового сооружения, исправление которого требует вывода этого сооружения из эксплуатации на срок менее 48 ч; в) нахождение на мели грузового судна менее 48 ч, а пассажирского судна – менее 12 ч; г) повреждение судном средства навигационного оборудования, выведшее его из эксплуатации.

К аварийным происшествиям на внутренних водных путях относятся: а) столкновения, удары и навалы, посадки на мель судов и составов, гибель или затопление судов или иных плавсредств, повреждение судами и составами гидротехнических или иных сооружений, повлекшие общие технические и коммерческие убытки от 1 тыс. рублей до 10 тыс. рублей; б) повреждения судами и составами гидротехнических сооружений, а также посадки на мель судов или составов, повлекшие заграждение судового хода и прекращение по этим причинам движения транспортных судов на этом участке на срок от 12 до 48 ч; в) посадка судов на мель с простоем пассажирских судов более 12 ч или других самоходных судов и толкаемых составов с простоем более 48 ч; г) разрушение и повреждение буксируемых плотосоставов с разномом древесины и утерей такелажа, повлекшие общие технические и коммерческие убытки от 1 тыс. рублей до 10 тыс. рублей.

На воздушном транспорте происшествие вне полета, приведшее к смерти или увечью человека, именуется чрезвычайным случаем, а разрушение или повреждение самолета вне полета, не сопровождавшееся человеческими жертвами, – особым происшествием.

Понятие «иных тяжких последствий» этим не исчерпывается. К правилам эксплуатации, о которых говорит ст. 82 (85), относятся,

как уже отмечалось, правила рационального использования транспорта. Если при нарушении правил безопасности движения может иметь место уничтожение или повреждение транспортных средств, средств сигнализации и связи, то при нерациональном использовании транспорта материальный ущерб наносится в форме упущенной выгоды. Длительный простой вагонов способен нанести такой же ущерб народному хозяйству, как и повреждение подвижного состава, требующее его ремонта.

Следует поэтому согласиться с авторами, которые к «иным тяжким последствиям» относят длительный перерыв движения поездов, судов, значительное нарушение графика движения транспорта, большой простой транспортных средств⁸. На тех же основаниях к «иным тяжким последствиям» следует отнести засылку грузов не по назначению⁹.

Статья 82 (85) УК «иные тяжкие последствия» по степени опасности приравнивает к несчастным случаям с людьми, крушениям и авариям. Поэтому при решении вопроса о наличии иных тяжких последствий должен учитываться размер причиненного ущерба. Если последний не является значительным, но могли наступить более тяжкие последствия, должна применяться ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85). Ошибка, допускаемая отдельными судами, состоит в том, что при незначительности ущерба они выносят оправдательный приговор. Как уже говорилось (гл. 1, § 5), при наличии лишь материального состава нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта с этим нужно было согласиться. При наличии же и формального состава, предусмотренного ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85), подобные оправдательные приговоры противоречат закону.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 82 (85), могут быть только работники железнодорожного, водного, воздушного транспорта, которые по характеру своей работы связаны с движением, эксплуатацией и ремонтом транспортных средств, путей, средств сигнализации и связи.

Ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта могут нести лишь те работники, для которых обязательны эти правила. Иное определение круга лиц, являющихся субъектами рассматриваемого преступления, противоречило бы смыслу ст. 82 (85). Субъектами преступления, предусмотренного ст. 82 (85), являются работники железнодорожного, водного и воздушного транспорта, независимо от того, к какому

гражданскому ведомству принадлежат транспортные средства, если только для них обязательны правила движения и правила технической эксплуатации¹⁰.

На этом основано постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 января 1950 г. «О квалификации нарушений трудовой дисциплины работниками водного транспорта, не состоящими на службе в органах Министерства морского флота и Министерства речного флота» с изменениями, внесенными Постановлением № 9 того же Пленума от 14 декабря 1961 г.¹¹ Указывая, что «соблюдение действующих на территориях союзных республик правил плавания по внутренним водным путям, правил технической эксплуатации речного транспорта и других правил, обеспечивающих безопасность плавания, является обязательным для экипажей всех судов», Пленум разъяснил, что нарушения правил движения флота, совершенные работниками водного транспорта, принадлежащего государственному, кооперативному или общественным организациям, для которых обязательно соблюдение правил безопасности движения флота, подлежат квалификации по ст. 85 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик, «независимо от того, какой организации принадлежат эти транспортные средства».

Правила плавания по внутренним водным путям СССР распространяются, как указано в их § 1, «на все суда, плавучие сооружения и плоты (независимо от их принадлежности), плавающие по внутренним судоходным путям».

Таким образом, работниками водного транспорта, нарушение которыми правил безопасности движения и эксплуатации транспорта влечет ответственность по ст. 82 (85) УК, являются работники, связанные с движением, эксплуатацией и ремонтом судов, плавучих сооружений, плотов, береговых и гидротехнических сооружений, бечевников, речных портов и пристаней, независимо от принадлежности этих транспортных средств и сооружений.

Кроме работников железных дорог системы Министерства путей сообщения СССР, по ст. 82 (85) несут ответственность работники железных дорог промышленных и других предприятий и организаций, имеющих подвижной состав и подъездные пути. Не распространяется ст. 82 (85) на работников внутришахтного и внутрицехового электротранспорта, поскольку они выполняют чисто производственные функции. Нарушение лицами, обслуживающими эти средства, правил безопасности, рассматривается согласно законам об ответственности за нарушение правил техники безопасности или преступления против личности.

Вопрос о квалификации нарушения работником метрополитена правил безопасности движения и эксплуатации этого вида транспорта остается в литературе спорным. По мнению одних, ответственность должна наступать по ст. 206 (211), поскольку метро относится к городскому электротранспорту. По мнению других, ответственность должна наступать по ст. 82 (85), поскольку метрополитен является подземной железной дорогой с электрической тягой и подчиняется общему режиму железных дорог. Б.А. Куринов мотивирует такую квалификацию тем, что к работникам метро должны предъявляться более строгие требования при соблюдении ими трудовой дисциплины и что при квалификации их действий не по ст. 82 (85), а по ст. 206 (211) окажутся непременными нарушения, которые не повлекли, но заведомо могли повлечь тяжкие последствия¹².

Позиция и тех и других одинаково уязвима. Правила технической эксплуатации железных дорог на метрополитен не распространяются. Метро фактически является городским электротранспортом. Но его все-таки нельзя приравнивать к трамваю и троллейбусу. Метро – вид транспорта, имеющий признаки и железнодорожного и городского электрического транспорта. Очевидно, следует в целях установления единства в судебной практике вопрос о квалификации решить в постановлении Пленума Верховного Суда СССР.

В соответствии со ст. 6 и 7 Воздушного кодекса СССР работниками воздушного транспорта, ответственными по ст. 82 (85), являются все работники, связанные с полетами, эксплуатацией и ремонтом воздушных судов и наземных сооружений, независимо от их ведомственной принадлежности.

Работником транспорта может быть лицо, достигшее определенного возраста. Так, лишь лица, достигшие 18 лет, допускаются к занятию должностей, непосредственно связанных с движением поездов. Перечень этих должностей дан в § 8 Правил технической эксплуатации железных дорог Союза ССР. Согласно § 35 Инструкции по устройству и обслуживанию поездов лицо, не достигшее 18 лет, не может быть назначено на должность дежурного по поезду.

Перед принятием на работу и в дальнейшем работники транспорта должны периодически подвергаться медицинскому освидетельствованию для определения их годности к работе. Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта в результате болезненного состояния, при котором работник не был пригоден, но допущен администрацией к работе, не может расцениваться

как преступление со стороны этого работника. Пленум Верховного Суда СССР признал неправильным осуждение машиниста М., который вследствие болезненного состояния проехал закрытый семафор. По заключению комиссии М. по состоянию здоровья не был пригоден к должности машиниста, но вопреки этому администрация оставила его в такой должности¹³.

Нарушения, предусмотренные ст. 82 (85), образуют состав преступления, если они совершены работником транспорта при исполнении служебных обязанностей.

Каждый работник транспорта, деятельность которого связана с обеспечением безопасности движения и эксплуатации транспорта, несет по кругу своих обязанностей личную ответственность за безопасность движения. Так, согласно § 153 Правил технической эксплуатации железных дорог, ответственным за правильное сцепления локомотива с первым вагоном поезда является машинист локомотива, а остальных вагонов – составитель или кондуктор, подготовивший поезд к отправлению. За непринятие мер к уборке упущенного на фарватере предмета, создающего опасность для судоходства, ответственность несет в первую очередь старшее лицо на судне или на плоту, с которого предмет упущен, а также капитан паротеплохода, буксирующего судно или плот (§ 93 Правил плавания по внутренним водным путям Союза ССР).

Круг служебных обязанностей каждого работника транспорта определен в нормативных актах, на которые опирается ст. 82 (85) УК. При этом следует иметь в виду, что обязанность, указанная в одном нормативном акте, нередко детализируется в другом. Так, указание § 225 Правил технической эксплуатации железных дорог о том, что движением поездов на участке руководит дежурный поездной диспетчер, конкретизировано в § 245–269 Инструкции по движению поездов и маневровой работе.

Необходимо также иметь в виду, что в ряде случаев в зависимости от занимаемой должности и обстановки служебные обязанности работника транспорта не ограничены обычным рабочим временем. Так, проводка буксирных, толкаемых составов и плотов под всеми мостами на всех реках БССР осуществляется под управлением капитана, независимо от времени его вахты (§ 15 Местных правил плавания по внутренним судоходным путям Белорусской ССР). Капитан (командир, шкипер) судна имеет право во всякое время суток проводить авральные работы, явка на которые для всех членов экипажа судна обязательна (§ 20 Устава службы на судах речного флота РСФСР).

Правовая оценка неисполнения подобных служебных обязанностей дана в определении ЖДК Верховного Суда СССР по делу П. Последняя, находясь на пассажирском поезде в качестве проводника вагона, совместно с проводником того же вагона С. напилась пьяной, в результате чего пассажиры остались без обслуживания, а вагон без присмотра на протяжении его следования расстоянием в 240 км. Суд первой инстанции мотивировал оправдание П. тем, что употребление ею спиртных напитков имело место в момент нахождения ее на отдыхе. Проводник, выехавший в составе бригады проводников с пассажирским поездом, считается находящимся при исполнении служебных обязанностей до окончания рейса, независимо от того, дежурит ли он или отдыхает. Отправляясь от этого положения, записанного в должностных инструкциях, Верховный Суд СССР признал неправильным оправдание П. и указал, что «проводник вагона во время сопровождения поезда, в любой момент, независимо от того, находится ли он на отдыхе, обязан сменить своего напарника при несчастном случае с ним или оказать помощь при каком-либо происшествии с пассажирами или с поездом и что совершенное П. нарушение могло повлечь какой-либо несчастный случай с пассажирами, находившимися в этом вагоне»¹⁴.

За несовершенство действий, не входящих в круг служебных обязанностей, работник транспорта не может нести ответственности. Так, дежурный по станции при наличии на посту стрелочника не обязан проверять лично правильность маршрута и не должен нести уголовной ответственности за неправильно подготовленный маршрут¹⁵.

Неисполнение работником транспорта гражданской обязанности воспрепятствовать совершаемым другим работником нарушениям правил безопасности и эксплуатации транспорта не является основанием для уголовной ответственности.

Старший дорожный мастер П. и дорожный мастер В. были преданы суду за то, что они, погрузив на дрезину рельсы, не сцепили прицеп и тележку-диплорий сцепными приборами, рельсы к ним не привязали и, посадив на дрезину, рассчитанную на 6 человек, – 9, доверили управление дрезину лицу, не имеющему водительских прав. Последний развил скорость до 30 км в час, вследствие чего рельсы сместились и, падая, сбили рабочего К. Суд установил, что согласно § 9, 29, 30 действовавшей тогда Инструкции по обеспечению безопасности движения при производстве путевых работ (принята 24 мая 1959 г.)¹⁶ ответственным за погрузку и безопасность находящихся на дрезине людей несет старший дорожный

мастер П., который и был осужден по ч. 1 ст. 82 УК. Что касается В., то он сам находился в подчинении П. Хотя В. не указал П. на его неправильные действия, но это не входило в служебные обязанности В., исходя из чего суд вынес ему оправдательный приговор¹⁷.

Состав рассматриваемого преступления имеет место и в том случае, когда нарушение правил безопасности движения совершается не при исполнении служебных обязанностей, но с использованием виновным своего служебного положения. Так, по ч. 2 ст. 82 УК осужден Т., признанный виновным в том, что, работая авиа-механиком и воспользовавшись тем, что имел доступ к самолетам, будучи в нетрезвом состоянии, беспрепятственно подошел к месту стоянки самолетов, самовольно совершил взлет и, пробыв в воздухе 33 минуты, приземлился на тот же аэродром¹⁸.

В судебной практике заметное место занимают дела о нарушении служебных обязанностей в состоянии опьянения.

Применение в этом случае ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) не вызывает сомнений. Управление поездом, плавучим средством или летательным аппаратом в нетрезвом состоянии создает конкретную угрозу безопасности движения. Именно поэтому, например, Инструкция о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях РСФСР относит к числу предпосылок к авариям и аварийным происшествиям «управление движущимися судами судоводителями, находящимися в нетрезвом состоянии» (ст. 40). Такая угроза создается и при исполнении служебных обязанностей в нетрезвом состоянии и другими работниками транспорта, непосредственно связанными со службой безопасности движения. Именно поэтому, например, Правила технической эксплуатации железных дорог запрещают допускать к работе лиц, находящихся в нетрезвом состоянии (§ 10). «Если исполнение работником транспорта своих служебных обязанностей в нетрезвом состоянии является обстоятельством, создающим угрозу правильности и безопасности движения, – указывает Пленум Верховного Суда СССР, – то эта угроза не устраняется в зависимости от того, наступило ли состояние опьянения в момент совершения служебных действий или наступило до этого, но продолжалось и при исполнении этих обязанностей»¹⁹.

Создается ли конкретная угроза безопасности движения при появлении на работе в нетрезвом состоянии, когда работник транспорта не был допущен к работе?

Верховный Суд СССР отвечает положительно на этот вопрос. По делу стрелочника Ю., который явился на дежурство

в «нетрезвом виде, ввиду чего к работе не был допущен, Пленум Верховного Суда в Постановлении от 4 апреля 1947 г. говорил: «Соображения Коллегии о том, что в действиях Ю. отсутствует состав преступления, т.к. он не был допущен к работе и поэтому совершенное им нарушение трудовой дисциплины не могло повлечь тяжких последствий, не является основательным. Прежде всего само отстранение Ю. от работы при отсутствии заместителя или при невозможности своевременного его замещения уже создавало угрозу тяжких последствий. Но даже и при условии своевременного его замещения устранение по независящим от Ю. обстоятельствам путем постороннего вмешательства возможности тяжких последствий не снимает с него ответственности за создание условий, допускающих возможность их наступления и потребовавших принятия мер к их устранению»²⁰.

С этим согласиться нельзя. Если работник транспорта не допущен к исполнению служебных обязанностей, то объективно его нетрезвое состояние никак не может создать угрозу безопасности движения. Наступление последствий, указанных в ст. 82 (85), возможно лишь тогда, когда работник, будучи в нетрезвом состоянии, исполняет служебные обязанности: управляет транспортным средством или средством сигнализации и связи, отдает распоряжения, регулирующие движение, или, напротив, забывает их отдавать и т.д. Только в таких случаях поведение виновного создает конкретную возможность наступления последствий, и если они фактически не имели места, то это является случайностью. Недопущенный к работе лишен возможности исполнять служебные обязанности, чем и устраняется всякая угроза несчастных случаев с людьми, крушений, аварий и иных тяжких последствий.

Следуя аргументации Верховного Суда СССР, необходимо было признавать наличие ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) и в случае невыхода работника транспорта на работу без уважительных причин, поскольку его приходится заменять другим работником. Между тем такой прогул не образует состава преступления. С точки зрения оценки возможных последствий неявка на работу без уважительных причин и явка на работу в нетрезвом виде, вследствие чего лицо не допущено к работе, – нарушения трудовой дисциплины, которые не отличаются друг от друга.

На транспорте должен особенно строго соблюдаться режим рабочего времени. Преступление работника, явившееся следствием нарушения этого режима, – серьезная угроза для безопасности работы транспорта. По делу капитана Н., который по вине администрации круглосуточно один нес вахту и вследствие переутомления

допустил аварию, Водно-транспортная коллегия Верховного Суда СССР признала неправильным его осуждение, отменила приговор и дело о нем в уголовном порядке прекратила²¹.

Однако, как отмечает Н.С. Алексеев²², если лицо сознательно игнорировало правила безопасности движения и эксплуатации транспорта, то хотя общественно опасные действия совершены во время переработки сверх положенного времени, уголовная ответственность не исключается. Нарушения, предусмотренные ст. 82 (85), если они вызваны переутомлением, в котором работник транспорта не повинен, не образуют состава преступления.

Каждый работник транспорта при отсутствии документов, подтверждающих его квалификацию и право на занятие той или иной должности, должен подвергаться проверке знаний и пройти дублирование в установленном порядке. Он, кроме того, должен знать все, что связано с исполнением служебных обязанностей на своем участке работы: машинист – профиль железнодорожного пути, капитан и шкипер судоходную обстановку на маршруте, стрелочник – количество, месторасположение стрелок и расписание движения поездов и т.д.

Ссылка на незнание не исключает ответственности, если работник транспорта после проверки его знаний, оцененных положительно, допущен к работе. Так, суд признал виновным по ст. 82 УК моториста Ш., который, управляя мотовозом, допустил при производстве маневровых работ сцепку мотовоза с вагонами во время движения, что привело к травмированию сцепщика С., и не принял во внимание заявление подсудимого о том, что ему не были известны правила, запрещающие сцепку во время движений. Экзамены на знание правил маневровых работ Ш. сдал на отлично²³.

Не являются субъектами преступления, предусмотренного ст. 82 (85), стажеры. Так, «работники железнодорожного транспорта, проходящие в установленном порядке стаж работы в качестве вторых лиц, могут допускаться к управлению локомотивами, моторвагонными поездами, автотрисами, автодрезинами, сигналами, стрелками, аппаратами и механизмами только под наблюдением и под личную ответственность работников, непосредственно обслуживающих эти устройства» (§ 6 Правил технической эксплуатации железных дорог). Судоводители буксирных теплоходов, впервые следующие на Днепро-Бугскую шлюзованную систему, к самостоятельному управлению судном не допускаются до получения ими достаточного практического опыта судовождения в условиях канала, что подтверждается проверкой их знаний (§ 31 Местных правил плавания).

Следовательно, работником железнодорожного, водного, воздушного транспорта – субъектом преступления, предусмотренного ст. 82 (85), является лицо, которое, удовлетворяя требованиям, предъявляемым к возрасту, здоровью и знаниям, допущено к работе, связанной с движением, эксплуатацией и ремонтом транспорта, независимо от ведомственной принадлежности последнего.

Где лицо, незаконно допущенное к работе, не предвидело и вследствие возраста, нездоровья или отсутствия необходимых знаний не могло предвидеть общественно опасных последствий совершаемых им нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, там его ответственность исключается.

При виновном нарушении им правил безопасности движения и эксплуатации транспорта отдельные авторы считают его ответственным по ст. 82 (85). Ответственность по этой статье лиц, незаконно принятых на работу до достижения ими требуемого возраста, З. Корчева аргументирует ссылкой на ст. 10 Основ уголовного законодательства – ст. 10 (10) УК, которая устанавливает ответственность с 16, а по некоторым преступлениям с 14 лет. Говоря об отсутствии знаний и нездоровье, автор признает, что эти признаки относятся к характеристике субъекта преступления, но не считает их необходимыми для применения ст. 82 (85)²⁴.

С этим согласиться нельзя. Статья 82 (85) предусматривает состав со специальным субъектом. Последний должен удовлетворять всем указанным выше признакам. Лицо не может законно считаться работником транспорта, если оно не достигло необходимого возраста или не обладает специальными знаниями или не удовлетворяет требованиям здоровья, хотя и допущено к работе. Ссылка на ст. 10 Основ уголовного законодательства не способна обосновать применение ст. 82 (85), поскольку ст. 10 Основ указывает на общий признак, которому должен удовлетворять любой субъект преступления, в то время как для применения ст. 82 (85) нужны дополнительные признаки, вытекающие из содержания этой нормы. Согласно ст. 10 Основ несовершеннолетние, незаконно принятые на работу на транспорт, могут и должны нести ответственность за виновные совершенные ими общественно опасные деяния, если они достигли указанного в этой статье возраста. Однако ответственность должна наступать не по ст. 82 (85), а по другим статьям, где не требуется специальный субъект. Так, по нашему мнению, следует решать вопрос и об ответственности лиц, принятых на работу на транспорт без медицинского освидетельствования или проверки их знаний. Если совершенные ими нарушения повлекли причинение смерти, телесных повреждений,

истребление имущества, то должны применяться статьи о преступлениях против личности, социалистической или личной собственности.

В таком случае за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, не повлекшие последствий, способных образовать состав преступления против личности или имущественного, указанные лица не будут нести ответственность.

За незаконный прием на работу на транспорт лиц, не достигших необходимого возраста или без медицинского освидетельствования либо проверки знаний, ответственность несут соответствующие должностные лица. Принимая на работу таких лиц, представитель администрации создает абстрактную, но не конкретную возможность наступления указанных в ст. 82 (85) последствий, вследствие чего он не подлежит ответственности по этой статье. При создании незаконным приемом на работу конкретной опасности для самого лица, принятого на работу, представитель администрации должен отвечать по ст. 137 (140).

В других случаях незаконные действия представителя администрации могут образовать состав должностного преступления: превышение служебных полномочий – ст. 167 (171) либо халатность – ст. 168 (172).

Военнослужащие за нарушение правил полетов или подготовки к ним либо за нарушение правил кораблевождения несут ответственность соответственно по ст. 242 (253) и 243 (254). В этих статьях составы преступления сформулированы как материальные и имеют место, если нарушения повлекли человеческие жертвы или другие тяжкие последствия.

Нарушения военнослужащими правил безопасности полетов и безопасности плавания создают угрозу не только для военных самолетов и судов, но и всех других летающих аппаратов и плавучих средств, а также для людей, и являются не менее опасными, чем аналогичные нарушения, совершаемые работниками транспорта – невоеннослужащими. Между тем ст. 242 (253) и 243 (254) не предусматривают ответственности военнослужащих за нарушения, создающие конкретную опасность тяжких последствий. Поэтому представляется, что в таких случаях военнослужащие должны привлекаться к ответственности по ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85).

Субъективная сторона поставления в опасность жизни, здоровья и материальных ценностей нарушением правил безопасности

движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта характеризуется заведомостью создания угрозы наступления тяжких последствий.

В литературе и судебной практике заведомость, как уже отмечалось (гл. 3, § 7), иногда рассматривается как объективная возможность: ненаступившие последствия признаются заведомыми, если они объективно могли вызвать определенный, в законе указанный результат, независимо от психического отношения к нему со стороны деятеля. Так, Н.С. Алексеев под заведомостью понимает «создание (вследствие нарушения правил безопасности движения или эксплуатации либо недоброкачественного ремонта) такой обстановки, при которой наступление тяжелых последствий было реально возможно или было бы неминуемо, если бы, например, не постороннее вмешательство, предотвратившее их наступление»²⁵. Создание такой обстановки присуще деяниям, называемым поставлением в опасность. Это – их объективная характеристика. Другое дело – психическое отношение деятеля к таким деяниям. Закон характеризует его в составах поставления в опасность неодинаково.

Если согласиться с таким толкованием «заведомости», которое дает Н.С. Алексеев, то теряется различие между составами, предусматривающими ответственность за деяния, которые «могли повлечь последствия», и составами, где говорится о последствиях, которые «заведомо могли наступить». Такое понимание естественно ведет к признанию «заведомости» лишним словом в перечне элементов состава поставления в опасность.

Между тем указанием на «заведомость» в ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) законодатель существенно ограничивает действие этой нормы: если последствия не наступили, то нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта либо недоброкачественный ремонт образуют состав преступления лишь в случае, когда они совершены умышленно.

При умышленном нарушении названных правил отношение к последствиям может быть умышленным либо неосторожным. Указание на «заведомость», непосредственно относящееся к последствиям, ограничивает формы вины к ним. Совершая нарушения, виновный сознает, что они могут вызвать последствия, и его отношение к ним может быть умышленным либо неосторожным в форме лишь самонадеянности.

Указание о «заведомости» последствий не исключает применения норм об ответственности за покушение. Не будь ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85), покушение на причинение смерти, телесных повреждений

или на уничтожение материальных ценностей рассматривалось бы как покушение на преступление, предусмотренное ч. 1 той же статьи. Выделение в ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) состава поставления в опасность является средством расширения области уголовно-правового вмешательства и усиления борьбы с нарушениями правил безопасности работы транспорта. Поэтому, несмотря на наличие состава, покушение на причинение смерти, телесных повреждений или на уничтожение материальных ценностей должно рассматриваться по ст. 15 (15) и ч. 1 ст. 82 (ч. 1 ст. 85). Иное решение вопроса противоречило бы целевому назначению ч. 2 ст. 82. Это бесспорно, если речь идет о покушении с прямым умыслом. Тем самым, в смысле ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85), «заведомость» охватывает собой умышленные нарушения, соединенные с косвенным умыслом либо преступной самонадеянностью, а при признании возможным покушения с косвенным умыслом – лишь с преступной самонадеянностью к ненаступившим последствиям. Если в большинстве случаев наказуемо виновное создание конкретной опасности при любой неосторожной форме вины к ненаступившим последствиям, то при поставлении в опасность на транспорте наказуемым оказывается лишь умышленное создание опасности, соединенное не менее чем с неосторожностью – самонадеянностью к ненаступившим последствиям.

Вследствие этого нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, подобные нижеописанному, оказываются вне рамок ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85). Оставляя паровоз для другой бригады, машинист Ч. забыл поставить винт переменного хода на центр. Вступив на дежурство, машинист Б. отпустил завтракать кочегара Г. К этому времени в топке разгорелся сильный огонь и, чтобы спустить излишний пар, Б. открыл регулятор, не зная, что винт переменного хода остался в прежнем положении. Оставив в таком положении паровоз, Б. также ушел завтракать. После ухода бригады паровоз самопроизвольно, ввиду накопления пара, тронулся с места и пошел к станции. Услышав шум уходящего паровоза, Б. и Г. пытались догнать его, но не смогли. Паровоз без бригады прошел станцию, вышел на станционные пути, разрезал стрелку и ушел на перегон. Лишь на 6-м километре от станции ввиду израсходования пара и перед подъемом паровоз остановился. Случайно происшествие обошлось без последствий²⁶.

Введение в признаки состава, предусмотренного ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85), заведомости последствий приводит к тому, что при наличии небрежности к ненаступившим последствиям нарушения

правил безопасности работы нет состава преступления. В то же время нарушение должностным лицом правил техники безопасности на транспорте при такой же небрежности к ненаступившим последствиям образует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140).

Может быть, поэтому упомянутые авторы и некоторые суды стремятся путем толкования «заведомости» как объективной возможности расширить рамки ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) УК.

Так, М. осужден по ч. 2 ст. 82 за то, что, работая старшим стрелочником и получив задание подготовить для приема поезда № 65 первый путь, не выполнил этого задания и принял поезд на четвертый занятый путь. Крушение было предотвращено благодаря бдительности машиниста поезда № 65. Судом установлено, что, принимая поезд на четвертый путь, М. был уверен в том, что принимает его на первый путь. Ошибка произошла потому, что М. принимал другой поезд на четвертый путь, чему соответствовало положение стрелок, и забыл, что после этого он не поставил стрелки в положение для приема поезда № 65 на первый путь²⁷. Не сознавая, что совершает нарушение, М. действовал неосторожно и не предвидел возможности крушения, хотя должен был и мог это предвидеть.

В этом и других случаях суды, применяя ч. 2 ст. 82, считают достаточным наличие неосторожного нарушения правил безопасности движения, которое объективно создавало конкретную угрозу тяжких последствий.

Не оправдывая нарушений закона, как это имело место в вышеприведенном случае, необходимо в то же время изменить редакцию ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) УК, исключив из нее слово «заведомо». Тем самым общественно опасными будут признаны и совершенные по неосторожности нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта, если они создавали конкретную угрозу для жизни и здоровья людей и материальных ценностей.

В заключение параграфа разграничим анализируемый состав преступления со смежными составами, предусмотренными ст. 83 (86), 125 (127), 137 (140), 149 (152).

1. Статья 83 (86) УК предусматривает ответственность за «умышленное разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них, подвижного состава или судов, средств связи и сигнализации, которое повлекло или могло повлечь крушение поезда,

аварию корабля или нарушение нормальной работы транспорта и связи».

Одни авторы считают, что совершение указанного преступления работником транспорта при исполнении своих служебных обязанностей должно квалифицироваться по ст. 82 (85)²⁸. По мнению других, ст. 82 (85) должна быть применена лишь в том случае, когда работник транспорта совершает действия, могущие повлечь крушение поезда, чтобы затем, предупредив возможные последствия, приписать себе заслугу предотвращения крушения²⁹.

С этими мнениями согласиться нельзя. Разрушение или повреждение транспортных средств, путей сообщения, средств сигнализации и связи – деяния, не тождественные нарушению правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, хотя в том и другом случаях одинаково создается угроза крушений, аварий или иных тяжких последствий. Диспозиция ст. 82 (85) охватывает круг таких преступных деяний, каждое из которых представляет собой нарушение определенных правил, зафиксированных в нормативных актах, на которые опирается эта статья, а в диспозиции ст. 83 (86) речь идет о преступных деяниях вообще, безотносительно к каким-либо правилам. Уже поэтому мнение о квалификации разрушений и повреждений путей сообщения, транспортных средств и средств сигнализации и связи в зависимости от того, кем они совершены, представляется необоснованным.

Деяния, образующие состав нарушения правил безопасности движения, сами по себе еще не причиняют ущерба, в то время как разрушение или повреждение путей сообщения уже само причиняет вред и могло бы образовать материальный состав преступления. Поэтому нарушения, которые не могли повлечь указанных в ст. 82 (85) последствий, при наличии всех других признаков этой статьи не образуют состава преступления. Разрушение или повреждение указанных в ст. 83 (86) средств, если оно не могло вызвать крушения, аварии, рассматривается как иное преступление (например, уничтожение или повреждение государственного имущества).

Повреждением в смысле ст. 83 (86) является также подкладывание предметов на железнодорожные пути или взлетные площадки, которое, создавая опасность для движения, непосредственно еще не причиняет ущерба. Только в этой части можно говорить о каком-то совпадении объективных признаков упоминаемых здесь составов преступлений. Однако квалификация подкладывания предметов на транспортные пути работником транспорта по ст. 82 (85) УК противоречила бы содержащейся в законе оценке

степени опасности умышленного нарушения правил безопасности движения, создающего конкретную угрозу для людей и материальных ценностей, и умышленного разрушения или повреждения путей и транспортных средств, создающих такую же угрозу. Если в первом случае наказанием является лишение свободы на срок от одного до трех лет или исправительные работы, то во втором случае назначается лишение свободы на срок от трех до пятнадцати лет.

При таких обстоятельствах квалификация по ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) повреждений путей, в какой бы форме они ни были совершены работником транспорта, оказалась бы менее тяжким преступлением, чем аналогичные действия, совершенные не работником транспорта. Между тем по известным основаниям работник транспорта подлежит более строгой ответственности.

Оспариваемое мнение в свое время было высказано ВЖДК Верховного Суда СССР по делу Н.³⁰ Последняя, будучи при исполнении обязанностей старшего стрелочника, перед приемом поезда в районе приготовления маршрута сломала киркой висячий замок и тут же заявила дежурному по станции, что она обнаружила подготовку злоумышленниками крушения. ВЖДК указала, что такие действия должны рассматриваться как нарушение трудовой дисциплины по ст. 59-36 УК РСФСР (ст. 80-3 УК БССР 1928 г.).

Такая квалификация соответствовала ранее действовавшему законодательству. Ст. 59-36 УК РСФСР 1926 г. (ст. 80-2 УК БССР 1928 г.) предусматривала ответственность за разрушение или повреждение путей сообщения, сооружений на них, предохраняющих знаков, подвижного состава и судов «с целью вызвать крушение поезда или судна». Н. не преследовала цель крушения поезда, и ее действия не могли поэтому квалифицироваться по ст. 80-2 УК БССР. В то же время ст. 80-3 УК БССР, предусматривавшая ответственность за «нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины», если оно могло повлечь указанные в этой статье последствия, охватывала собой и нарушения, совершенные Н.

В действующем законодательстве ст. 83 (85) не содержит указаний на цель вызвать крушение, и нет оснований не применять ее, если имело место повреждение путей сообщения с целью приписать себе заслугу предотвращения крушения.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 83, может быть любое лицо, в том числе работник транспорта.

2. Нарушение правил безопасности движения железнодорожного, водного и воздушного транспорта может выражаться в оставлении в опасности людей и материальных ценностей.

Нормативные акты, на которые опирается ст. 82 (85) УК, обязывают работников железнодорожного, водного и воздушного транспорта в целях обеспечения безопасности движения устранять возникающую для людей и материальных ценностей угрозу. Эти акты можно разделить на две группы.

Первую из них образуют нормы, обязывающие работников транспорта оказывать помощь исключительно в связи с их принадлежностью к данной категории работников.

Так, § 3 Правил технической эксплуатации железных дорог указывает, что «каждый работник железнодорожного транспорта обязан подавать сигнал остановки поезду или маневрирующему составу во всех случаях, угрожающих жизни людей или безопасности движения, а при обнаружении неисправности сооружения или устройства, угрожающей безопасности движения, кроме того, немедленно принимать меры к ограждению опасного места и устранению неисправности». Статья 71 Правил плавания по внутренним водным путям РСФСР указывает, что «при несчастном случае на воде, когда человеческие жизни находятся в опасности, все находящиеся вблизи суда должны немедленно принять участие в оказании помощи». Статья 26 Воздушного кодекса СССР говорит, что «командир воздушного судна, принявший сигнал бедствия от другого воздушного судна или от морского или речного судна или обнаруживший воздушное, морское или речное судно терпящим бедствие либо находящихся в опасности людей, обязан оказать помощь».

Перечисленные обязанности по оказанию помощи работникам транспорта должен исполнять в любое время и независимо от круга своих непосредственных служебных обязанностей.

Ко второй группе относятся нормы, обязывающие оказывать помощь в случае опасности, созданной работником транспорта. Так, § 461 Правил технической эксплуатации речного транспорта СССР признает нарушением правил безопасности движения обрубку и отдачу буксирных и швартовых тросов и оставление этим в опасности людей буксируемого судна.

Правовая оценка неоказания помощи со стороны работника железнодорожного, водного, воздушного транспорта зависит от характера проявленного им бездействия.

При бездействии-невмешательстве ответственность работника транспорта наступает лишь в случаях, охватываемых ст. 125 (127) и 127 (129). Командир воздушного судна, не исполнивший требования ст. 26 Воздушного кодекса, несет ответственность по ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127). По этой же части ст. 125 (127) привлекается

к ответственности работник железнодорожного транспорта, не исполнивший предписания § 3 Правил технической эксплуатации железных дорог во внеслужебное время или хотя и в служебное время, но не в связи со своими непосредственными служебными обязанностями. По ст. 127 (129) несет ответственность капитан судна, который вопреки § 71 Правил плавания по внутренним водным путям РСФСР не оказал помощи людям, гибнущим на водном пути.

Нарушением правил безопасности движения, квалифицируемым по ст. 82 (85), является бездействие, создающее опасность. Такое бездействие имеет место, когда работник железнодорожного транспорта не совершает действий, указанных в § 3 Правил технической эксплуатации железных дорог и входящих в круг его непосредственных служебных обязанностей. Путьевой обходчик, обнаруживший спящего на рельсах человека и не удаляющий его с железнодорожного полотна, зная, что здесь должен пройти локомотив, несет ответственность по ст. 82 (85), если он находился при исполнении служебных обязанностей и событие произошло на обслуживаемом им участке пути, и по ч. 2 ст. 125 (ч. 2 ст. 127) – в остальных случаях. По ст. 82 (85) должны нести ответственность работник водного транспорта, нарушивший § 461 Правил технической эксплуатации речного транспорта СССР, и командир воздушного корабля, не принявший во время опасности при воздушном полете мер к спасению людей, корабля и имущества.

Разграничение между бездействием-невмешательством и бездействием, создающим опасность, проводится по тому, является ли оказание помощи непосредственной служебной обязанностью работника транспорта или его общей обязанностью, диктуемой принадлежностью к данной категории работников. Это разграничение особенно важно на водном транспорте, где § 19 Устава службы на судах Министерства речного флота РСФСР указывает, что «члены судового экипажа, находящиеся на вахте или вне ее и заметившие грозящую лицам, судну, грузу или буксируемым судам опасность, обязаны немедленно принимать меры к ее предотвращению». Отождествление общей и непосредственной обязанности членов судового экипажа по оказанию помощи означало бы, что члены экипажа за неоказание помощи могли бы во всех случаях привлекаться к ответственности по ст. 82 (85) УК. Такое отождествление противоречило бы ст. 127 (129), предусматривающей отдельный состав неоказания помощи капитаном судна людям, гибнущим на водном пути. Поэтому на водном транспорте

бездействие, создающее опасность, имеет место, если капитан судна или другие члены судового экипажа не исполняют своей непосредственной служебной обязанности по оказанию помощи. Такая обязанность существует по отношению к буксируемому, сопровождаемому или охраняемому в пути судну, неоказание помощи которому является нарушением правил безопасности движения, квалифицируемым по ст. 82 (85) УК.

Иллюстрацией к этому может служить дело Б. и Р. 17 мая 1936 г. в Азовском море судно «Егоров» вело на буксире рыбацкое судно «Комсомолец». Когда поднялся сильный шторм, шкипер судна «Егоров» Б. и моторист Р., даже не предупредив команду «Комсомольца», обрубили концы буксира и ушли. Брошенный на произвол бушующей стихии «Комсомолец» и его экипаж, состоявший из четырех человек, погибли³¹.

Ответственность по ст. 82 (85) должна наступать и в том случае, когда помощь не была оказана члену своего экипажа или пассажиру данного судна, которые оказались за бортом по причинам, связанным с ненадлежащим состоянием судна или нарушениями в несении экипажем службы, или не были приняты меры к спасению транспортируемого груза.

3. Нарушение правил безопасности движения и нарушения правил безопасности труда – смежные составы, условием наличия которых является нарушение определенных правил, предусмотренных соответствующими нормативными актами. В области транспорта эти акты нельзя разграничить на относящиеся либо к безопасности движения, либо к безопасности труда. Правила технической эксплуатации транспорта и правила движения (плавания, полетов) содержат также нормы по технике безопасности, а инструкции и правила по технике безопасности включают и ряд правил движения и эксплуатации транспорта. Так, С. признана виновной в том, что, работая старшей стрелочницей, не предупредила М., занятую очисткой стрелки, о приближении маневрового поезда и подала сигнал, разрешающий следование поезду, вследствие чего М. попала под паровоз.

С. нарушила правила по технике безопасности при производстве маневровой работы и обслуживании поездов, запрещающие производить очистку стрелок перед самым проходом железнодорожного транспорта, но преступление было квалифицировано по ст. 82 УК, а не по ст. 137 УК³².

В отличие от нарушений правил безопасности труда на транспорте нарушения правил движения и эксплуатации транспорта непосредственно связаны с движением транспортных

средств – локомотивов, судов, летательных аппаратов. Где такой связи нет, там создание конкретной опасности для людей не образует преступления, предусмотренного ст. 82 (85).

В частности, эта статья не может быть применена при создании опасности нарушением правил погрузки и выгрузки грузов. Однако если при этом не были соблюдены габариты приближения сложенных грузов к путям, то нарушение образует состав преступления, предусмотренный ст. 82 (85), поскольку им создана угроза для движения поездов и перевозимых ими людей. Создание опасности для людей применением неправильных приемов работы при ремонте транспортных средств, средств сигнализации и связи, путей сообщения квалифицируется по ст. 137 (140). Если же нарушение состояло в невыставлении необходимых знаков, ориентирующих движущиеся транспортные средства, то применяется ст. 82 (85). Не связана с движением транспорта, но образует состав преступления, предусмотренный ст. 137 (140), халатность должностного лица, повлекшая неправильную укладку рельсов на платформу поезда, вследствие которой при следовании поезда рельсы сместились и один из них, проломив стенку тамбура платформы, нанес ранение работнице К.³³

Следовательно, состав нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, водного, воздушного транспорта имеется, если конкретная опасность создана передвижением транспортных средств или для этих средств и перевозимых ими людей и материальных ценностей.

Действия должностного лица – работника транспорта, подпадающие под признаки ст. 82 (85) УК и при этом сопровождаемые нарушением правил безопасности труда на вверенном виновному участке работы, полностью охватываются составом нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта и не должны квалифицироваться по ст. 137 (140), в том числе в совокупности со ст. 82 (85)³⁴.

Поскольку по ст. 137 (140) могут отвечать только должностные лица, работники транспорта, не являющиеся должностными лицами (машинист, стрелочник, путевой обходчик и т.д.), за нарушение правил техники безопасности привлекаются к ответственности по статье о преступлениях против личности.

4. Выпуск из ремонта недоброкачественных транспортных средств и средств сигнализации и связи есть выпуск недоброкачественной продукции³⁵. Нет различия между выпуском заводом нового паровоза и выпуском тем же заводом (или другим заводом или мастерской) отремонтированного паровоза.

Народнохозяйственное значение нового паровоза и паровоза, выпущенного из капитального ремонта, совершенно одинаково³⁶. Однако ответственность за такие действия закон предусматривает в разных статьях.

Статья 149 (152) говорит об ответственности за «неоднократный или в крупных размерах выпуск из промышленного предприятия недоброкачественной... продукции директором, главным инженером или начальником отдела технического контроля, а также лицами, занимающими другие должности, но выполняющими обязанности указанных лиц».

Недоброкачественный ремонт транспортных средств и средств сигнализации и связи можно было квалифицировать по ст. 149 (152) при наличии указанного в ней субъекта преступления и неоднократности либо крупных размеров, а при отсутствии этих признаков применялась бы ст. 82 (85). Однако такая квалификация противоречила бы данной законодателем оценке степени опасности преступлений, описанных в этих статьях (сравни санкции), поскольку отдельные случаи недоброкачественного ремонта наказывались бы более строго, чем неоднократные, и, кроме того, лица, не названные в ст. 149 (152), всегда привлекались бы к ответственности за более тяжкое преступление, т.е. по ст. 82 (85).

Но главное не в этом. Недоброкачественный ремонт транспортных средств и средств сигнализации и связи образует состав преступления, предусмотренный ст. 82 (85), если этим создана угроза безопасности движения и тем самым конкретная опасность для людей и материальных ценностей. Между тем такая опасность создается лишь при эксплуатации недоброкачественно отремонтированных транспортных средств или средств сигнализации и связи. По этому признаку и должны разграничиваться упоминаемые составы преступления.

Статья 149 (152) может и должна применяться, если указанные в ней лица допустили неоднократный или в крупных размерах выпуск из ремонта недоброкачественных транспортных средств и средств сигнализации и связи, но эксплуатация этих средств еще не имела места, и тем самым не создана угроза безопасности движения.

Статья 82 (85) УК применяется, если работником транспорта из ремонта выпущены недоброкачественные транспортные средства либо средства сигнализации и связи, эксплуатация которых началась, и этим создана конкретная опасность для людей и материальных ценностей.

§ 2. Управление транспортными средствами в состоянии опьянения

В ч. 1 ст. 206-1 (ч. 1 ст. 211-1) предусмотрена уголовная ответственность за «управление автотранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной лицом, находящимся в состоянии опьянения и лишенным права на управление транспортными средствами за такое нарушение».

В ч. 2 ст. 206-1 (ч. 2 ст. 211-1) формулируется уголовная ответственность за «управление транспортными средствами, указанными в первой части настоящей статьи, лицом, находящимся в состоянии опьянения и не имевшим водительских прав, если эти действия совершены повторно в течение года».

С объективной стороны эти составы одинаково характеризуются управлением транспортными средствами в состоянии опьянения.

К автотранспортным средствам относится транспорт, подлежащий регистрации в государственной автомобильной инспекции (ГАИ): все автомашины (пассажирские, грузовые, санитарные, пожарные и т.д.), мотоциклы, мотороллеры и мопеды с двигателем, рабочий объем которых не менее 49,8 куб. см. К городским электротранспортным средствам относятся трамвай и троллейбус. О метро – см. предыдущий параграф. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 11 от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» разъяснил, что под «иной самоходной машиной» следует понимать «любые дорожные, строительные, сельскохозяйственные и другие специальные машины (экскаватор, грейдер, автокран, скрепер, автопогрузчик и т.п.)» (п. 7)³⁷.

Состав преступления имеется, если названные средства использовались в качестве транспортных, а не рабочих машин. Повторное управление в состоянии опьянения, например, трактором при производстве вспашки, грейдером, производящим дорожные работы, автомобилем-самосвалом при выгрузке из него строительных материалов состава преступления не образует. Это объясняется тем, что при выполнении таких работ водитель контактирует с точно определенным кругом лиц и последние всегда имеют возможность своевременно отстранить его от работы и тем самым не допустить возникновения опасной ситуации.

Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом Постановлении разъяснил, что «при решении вопроса, управляло ли лицо транспортным средством в состоянии опьянения, надлежит иметь

в виду, что под опьянением следует понимать не только алкогольное, но также и наркотическое опьянение» (п. 14).

Относительно последнего Б.А. Куринов пишет: «Группа наркотических средств весьма многочисленна, действие их довольно разнообразно, есть особенности и в способах установления состояния наркотического опьянения. В медицине проводится различие между алкогольным опьянением и состоянием лица, вызванным употреблением наркотиков. Правовая наука и судебная практика не могут не учитывать данного обстоятельства, тем более что уголовный закон не дает ясного ответа на этот вопрос»³⁸. На этом основании Б.А. Куринов предлагает указать в законе на ответственность за управление транспортными средствами лицами, находящимися в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения.

С этим предложением следует согласиться. Закон вслед за медициной также различает алкогольное и наркотическое опьянение. Об этом свидетельствуют, например, ст. 210 УК РСФСР, указывающая на ответственность за «вовлечение несовершеннолетних в пьянство... либо склонение несовершеннолетних к употреблению наркотических веществ» (в редакции от 3 июля 1965 г.), и ст. 210 УК ЛатвССР, указывающая на «вовлечение несовершеннолетних в пьянство, употребление наркотических средств» (в редакции от 29 августа 1966 г.). Поэтому, если закон говорит об ответственности за управление транспортным средством «в состоянии опьянения», то имеется основание считать, что он не распространяется на случаи управления транспортным средством в состоянии, вызванном употреблением наркотических средств. Чтобы не было таких суждений, Пленум Верховного Суда СССР и дал вышеуказанное разъяснение. Однако лучше и уважительнее для закона, если об этом будет сказано в самом законе.

Степень опьянения водителя не влияет на квалификацию деяния, поскольку опасность для жизни, здоровья и материальных ценностей создается и в случае легкого опьянения водителя, при котором частично утрачиваются необходимые водителю быстрота реакции и координация движений. Тем более что нет ни четкой классификации степеней опьянения, ни способов их четкого определения.

Факт опьянения должен быть документирован актом медицинского освидетельствования либо актом медицинского вытрезвителя. Если нет возможности доставить водителя в медицинское учреждение, то факт опьянения может быть удостоверен актом сотрудника ГАИ, подписанным не менее чем двумя свидетелями³⁹.

Управление транспортным средством состоит в выполнении во время движения функций водителя или инструктора водителя. Последний обязан следить за действиями ученика, руководить ими и в случае необходимости взять на себя управление транспортом. В состоянии опьянения он не может должным образом исполнять эти функции, чем создается опасность для людей и материальных ценностей.

Не имеет значения, управляет ли виновный транспортным средством, которое движется самостоятельно или на буксире. Последнее объясняется требованиями, предъявляемыми к буксируемому транспортному средству, которое при жесткой сцепке должно иметь исправное рулевое управление, а при гибкой сцепке – еще и исправные тормоза. Соответственно этому определяются обязанности водителя буксируемого транспортного средства, которые не могут быть надлежащим образом выполнены, если он находится в состоянии опьянения.

Для ответственности за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения не имеет значения, управлял ли виновный им на улице, на территории предприятия или ином месте и в течение какого отрезка времени.

Преступление считается оконченным с момента, когда виновный завел мотор и тронулся с места стоянки машины.

Последствия, указанные в ст. 206 (211), выходят за рамки рассматриваемых составов преступлений. Однако если имели место менее значительные, чем указанные в ст. 206 (211), последствия (несущественный материальный ущерб, ушибы без признаков телесного повреждения), то при наличии прочих признаков имеется состав управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Уголовная ответственность наступает за повторное управление транспортными средствами в состоянии опьянения.

Управление в таком состоянии транспортными средствами создает конкретную опасность для жизни, здоровья и материальных ценностей, хотя бы оно имело место впервые. Однако в целях экономии уголовной репрессии законодатель не счел возможным квалифицировать единственный случай управления транспортными средствами в состоянии опьянения в качестве преступления.

По характеру повторности действующий закон различает два состава рассматриваемого преступления: управление транспортными средствами в состоянии опьянения лицом, лишенным водительских прав, но ранее имевшим их, и лицом, не имевшим водительских прав.

В первом составе условием уголовной ответственности является то, что виновный ранее был лишен права управления транспортными средствами за такое же нарушение и до восстановления водительских прав снова был уличен в том, что управлял транспортными средствами в состоянии опьянения.

В ст. 13 Указа «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» сказано, что водители транспортных средств за управление ими в состоянии опьянения либо за уклонение или отказ от медицинского освидетельствования на алкогольное опьянение подвергаются, кроме штрафа, лишению водительских прав на срок от одного до двух лет. Если после истечения срока лишения водительских прав за управление транспортным средством в состоянии опьянения в течение пяти лет снова имело место управление транспортным средством в состоянии опьянения, то, кроме штрафа, лицо подвергается лишению права на управление транспортными средствами на срок от двух до пяти лет.

В этой же статье Указа определено, что водители транспортных средств, имеющие удостоверения на право управления несколькими видами транспортных средств, за управление транспортом в состоянии опьянения лишаются права на управление всеми видами транспортных средств⁴⁰.

Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении № 11 от 6 октября 1970 г. разъяснил, что «за повторное управление транспортными средствами в состоянии опьянения лицо может быть привлечено к уголовной ответственности лишь в том случае, когда в каждом из совершенных им проступков содержатся признаки административного нарушения, причем за первое из них оно закономерно и обоснованно было лишено водительских прав. ...Если в судебном заседании будет установлена необоснованность привлечения лица к административной ответственности за первое нарушение, то наряду с принятым решением по существу рассматриваемого дела председательствующий ставит в установленном порядке вопрос об отмене постановления о применении меры административного взыскания» (п. 11).

В этом же Постановлении Пленум пришел к выводу, что «лицо, лишенное права управлять транспортными средствами не за административное нарушение, а по приговору суда за преступление, предусмотренное ст. 211 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, и после этого вновь допустившее управление транспортными средствами в состоянии опьянения, подлежит административной ответственности» (п. 12).

Это разъяснение нуждается в уточнении. В ст. 206-1 (211-1) говорится об уголовной ответственности за управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения и «лишением права на управление транспортными средствами за такое нарушение». В законе не оговорено, что за такое же нарушение – управление транспортным средством в состоянии опьянения – лицо было лишено водительских прав в административном порядке. Тем самым порядок лишения водительских прав не определяет различную оценку повторного нарушения, выразившегося в управлении транспортным средством в состоянии опьянения. Лишение водительских прав может применяться и в качестве уголовного наказания на основании ст. 29 (29) УК. Если оно применено за управление транспортным средством в состоянии опьянения, повлекшее последствия, указанные в ст. 206 (211), то, очевидно, содеянное и деятель в этом случае более опасны, чем при управлении транспортным средством в состоянии опьянения, не повлекшем таких последствий. Между тем согласно упомянутому разъяснению состава преступления в более опасном случае не усматривается. Это не только не понятно, но и противоречит и смыслу и букве закона. Есть два одинаковых нарушения – управление транспортными средствами в состоянии опьянения, есть факт законного лишения за первое нарушение права управления транспортным средством. Для состава данного преступления закон ничего более не требует. Прав Б.А. Курипов, указывая, что «не имеет значения, было ли первое нарушение административным проступком или же оно стало причиной тяжелых последствий и было признано преступлением, за что суд назначил виновному определенную меру уголовного наказания – лишение права управлять транспортными средствами»⁴¹.

Управление транспортным средством в состоянии опьянения образует состав преступления, если оно имело место до истечения срока лишения водительских прав за такое же нарушение.

«Срок лишения права на управление транспортными средствами исчисляется со дня принятия такого решения, а в случае уклонения водителя от сдачи удостоверения на право управления транспортными средствами – с момента фактического изъятия у него этого удостоверения» (ст. 11 Указа Президиума Верховного Совета БССР от 16 сентября 1968 г. «Об усилении административной ответственности за нарушение правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами», ст. 11 аналогичного наименования Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1968 г.⁴²).

Во втором случае имеет место фактическое продление срока лишения водительских прав, поскольку нельзя себе представить, чтобы водитель, не сдавший удостоверения на право управления транспортными средствами, считался не лишенным водительских прав. Поэтому состав преступления имеется, если после состоявшегося решения ГАИ о лишении данного лица водительских прав, но до сдачи удостоверения, это лицо снова было уличено в управлении транспортным средством в состоянии опьянения. Однако в ст. 11 названного Указа также говорится, что «удостоверение на право управления транспортными средствами не может быть изъято, если истек срок, на который водитель был лишен права на управление транспортными средствами».

Во втором составе основанием уголовной ответственности является управление транспортными средствами и состоянии опьянения повторно в течение года лицом, не имевшим водительских прав.

Таким считается лицо, которое никогда не имело водительских прав, либо было лишено их и после истечения срока не восстановило в законном порядке, либо имеет права, но не такие, которые необходимы для управления данным видом транспорта.

Первый случай управления таким лицом транспортным средством в состоянии опьянения влечет штраф до пятидесяти рублей, налагаемый отделом (отделением) ГАИ или отделом внутренних дел исполнительного комитета районного (городского) Совета депутатов трудящихся. Состав преступления имеется, если те же действия совершены до истечения срока, исчисляемого со дня первого случая, а не со дня наложения штрафа либо вынесения приговора, если управление транспортным средством в состоянии опьянения повлекло тяжкие последствия и виновный был осужден по ст. 206 (211).

Однако административная (или уголовная) преюдиция не является условием уголовной ответственности. Этим состав преступления управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, не имевшим водительских прав, в действующем законе отличается от первой редакции ст. 206-1 (211-1) УК, где преюдиция требовалась. Состав преступления имеется, если первый факт был документирован, но виновному каким-либо образом удалось избежать административной ответственности.

По-разному решается вопрос о квалификации управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, осужденным за

повторное совершение таких действий. Применение в таком случае административной ответственности аргументируется принципом «не дважды за одно и то же»⁴³. Ошибочность такого взгляда убедительно показана Б.А. Куриновым⁴⁴. К этому можно добавить лишь следующее. Если условием уголовной ответственности является повторность, то она не исчезает, когда зафиксирован третий случай управления транспортным средством в состоянии опьянения в то время, когда за первые два лица уже осуждено и отбывает наказание.

В литературе не рассматривается вопрос о том, является ли управление транспортным средством в состоянии опьянения умышленным или неосторожным преступлением. Между тем от того или иного его решения зависит возможность применения ст. 50 (52), ч. 3 ст. 43 (ст. 45), ч. 8 ст. 51 (ст. 54) УК и амнистии, если она не распространяется на лиц, совершивших умышленное преступление.

На первый взгляд управление транспортным средством в состоянии опьянения представляется умышленным преступлением, поскольку виновный осознает состояние опьянения и знает, что в таком состоянии управляет транспортным средством. Но этим определяется лишь его отношение к деяниям. Между тем они признаются преступными потому, что создают конкретную опасность для людей и материальных ценностей, и психическое отношение к ненаступившим последствиям выражается в неосторожной вине, как и во всех других составах поставления в опасность (гл. 1, § 6). Поэтому в итоге управление транспортным средством в состоянии опьянения должно быть признано неосторожным преступлением.

При этом нельзя не учитывать и того, что если управление транспортным средством в состоянии опьянения повлекло последствия, указанные в ст. 206 (211), то преступление считается совершенным по неосторожности. Такое разъяснение содержит п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 11 от 6 октября 1972 г. Признание управления транспортным средством в состоянии опьянения умышленным преступлением порождало бы парадокс: при отсутствии последствий преступление квалифицировалось бы как умышленное, а при их наличии – как неосторожное.

§ 3. Незаконное владение взрывчатыми веществами

Часть 1 ст. 213 (ч. 1 ст. 218) предусматривает ответственность за «ношение, хранение, изготовление или сбыт огнестрельного

оружия (кроме гладкоствольного охотничьего), боевых припасов или взрывчатых веществ без соответствующего разрешения».

Объективная сторона этого преступления в части, относящейся к поставлению в опасность, характеризуется изготовлением, хранением, ношением, сбытом боевых припасов или взрывчатых веществ без соответствующего разрешения.

Боевыми припасами являются предметы, предназначенные для производства выстрела из стрелкового оружия и артиллерийских орудий, а также для бомбометания (винтовочные патроны, мины, артснаряды, ручные гранаты и т.д.).

Взрывчатыми веществами являются соединения или смеси, способные к взрыву с образованием газов и выделением значительного количества тепла (аммонит, гремучая ртуть, динамит, нитроглицерин, пироксилин, тетрил, тол, тротил и т.д.). К взрывчатым веществам не относятся средства взрыва: огнепроводный шнур, зажигательные патроны, электровоспламенители⁴⁵.

Изготовлением является производство пригодных к употреблению боеприпасов или взрывчатых веществ. Изготовление таких веществ гражданами всегда является незаконным, отнесено к запрещенным промыслам (п. «г» Правил регистрации некооперированных кустарей и ремесленников, утвержденных Постановлением Совета Министров СССР от 30 июня 1949 г.⁴⁶), и разрешения на это не выдаются.

Хранением считается фактическое обладание боеприпасами или взрывчатыми веществами. В связи с выделением отдельного понятия ношения хранение не включает держания этих веществ при себе. Место хранения (в квартире, подвале, сарае, на чердаке, на работе и т.д.) не имеет значения. Разрешение на хранение и ношение боеприпасов выдается лицам, которым разрешено хранение и ношение огнестрельного оружия. Хранение (ношение) является незаконным, если нет разрешения на это либо разрешение просрочено.

В определенных случаях разрешается ношение оружия (и боеприпасов к нему) в связи с выполнением определенных служебных обязанностей (например, инкассатора, фельдъегеря связи). После исполнения соответствующих служебных действий оружие и боеприпасы подлежат сдаче. Оставление их у себя влечет дисциплинарную ответственность, но если это совершается систематически, то должна применяться ст. 213 (218) УК.

Хранение взрывчатых веществ при наличии разрешения, но с нарушением правил хранения рассматривается по ст. 212 (218) УК.

Если взрывчатые вещества приобретены для совершения преступления, то ответственность должна наступать по правилам о совокупности преступлений: по ст. 213 (218) и за приготовление к совершению соответствующего преступления.

Сбыт взрывчатых веществ или боеприпасов есть их продажа, обмен на другие товары, уплата ими долга, дарение, передача другому лицу на определенное или неопределенное время. Сбыт взрывчатых веществ их незаконным владельцем охватывается понятием хранения. Ответственность за сбыт этих веществ несет их законный владелец, поскольку он не имеет права передавать эти вещества лицам, которые не могут быть их законными владельцами.

Сбыт является также незаконным, если он осуществляется торговыми работниками, передающими эти вещества ненадлежащим лицам, если за это не установлена ответственность в административном порядке. Последняя предусмотрена Указом Президиума Верховного Совета БССР от 4 декабря 1964 г. «Об усилении борьбы с нарушениями порядка хранения и использования огнестрельного оружия»⁴⁷ за продажу боеприпасов к огнестрельному нарезному оружию лицам, не имеющим разрешения на их приобретение, и за продажу боеприпасов к охотничьему гладкоствольному оружию лицам, не имеющим охотничьих билетов.

Понятие сбыта и уголовная ответственность не связаны с тем, передаются ли взрывчатые вещества ненадлежащему лицу бесплатно или за вознаграждение. В связи с этим нельзя согласиться с содержащимся в одном из комментариев к УК РСФСР утверждением, что «безвозмездная передача... указанных в настоящей статье предметов их владельцем другому, лицу не соответствует составу данного преступления и является наказуемой сама по себе лишь в случаях, если такая передача соответствует признакам иного преступления»⁴⁸.

Действия, предусмотренные ч. 1 ст. 213 (ч. 1 ст. 218), могут быть совершены только умышленно: виновный сознает, что изготавливает, хранит, носит или сбывает боеприпасы или взрывчатые вещества и что он не имеет на это права.

§ 4. Нарушение правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами

Согласно ст. 212 УК БССР карается «нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ, а также незаконная пересылка этих веществ по

почте или багажом, если эти действия могли повлечь тяжкие последствия». Установлена повышенная ответственность за «те же действия, если они повлекли тяжкие последствия».

Такие же формулировки содержит ст. 217 УК РСФСР. В ней, кроме того, в числе предметов преступления, наряду со взрывчатыми и радиоактивными веществами, названы пиротехнические изделия⁴⁹.

Объективная сторона преступления в части, относящейся к поставлению в опасность, характеризуется нарушением правил хранения, использования, перевозки взрывчатых или радиоактивных веществ либо незаконной пересылкой этих веществ по почте или багажом, если это могло повлечь тяжкие последствия.

Радиоактивные вещества – природные или искусственные вещества (уран, радий, стронций, кобальт, мезоторий и т.д.), обладающие способностью самопроизвольного ядерного превращения с выделением лучевой энергии, опасной для живых организмов. О взрывчатых веществах – см. предыдущий параграф.

Опасность взрывчатых и радиоактивных веществ требует соблюдения определенных правил их хранения, использования и перемещения. Содержание правил зависит от вида и свойств веществ и подробно регламентируется соответствующими инструкциями.

Так, взрывчатые вещества должны храниться на специальных складах, куда запрещается доступ посторонним лицам. При работе с такими веществами запрещается курить, разводить открытый огонь ближе 100 м от места расположения взрывчатых веществ. Независимо от группы, радиоактивные вещества, предназначенные к перевозке, должны быть заключены в специальные контейнеры, гарантирующие максимально допустимую мощность дозы гамма-излучения на поверхности упаковки или на расстоянии 1 м от нее. Взрывчатые вещества запрещается перевозить в поездах ручной кладью и багажом, по воздуху, в газогенераторных машинах, городском электротранспорте и автотранспорте общего пользования.

Вызывает возражение безоговорочное утверждение о квалификации по ст. 212 (217) нарушений правил эксплуатации железнодорожного, водного и воздушного транспорта, выразившихся в несоблюдении правил перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ и создавших угрозу безопасности движения⁵⁰.

В ряде случаев правила перевозки таких веществ отождествляются с правилами безопасности движения и эксплуатации транспорта. Так, вагоны с опасными грузами запрещается ставить

в пассажирские и грузопассажирские поезда, и такие вагоны должны иметь прикрытие от ведущего локомотива и в хвосте.

Нарушение правил перевозки опасных веществ, связанное с неправильной эксплуатацией транспорта, если оно создает угрозу безопасности движения и совершено работником железнодорожного, водного или воздушного транспорта, должно рассматриваться соответственно признакам ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85). Санкция здесь более строгая, и если нарушение правил перевозки является одновременно нарушением правил безопасности движения и имеется надлежащий субъект преступления, то нет оснований применять ст. 212 (217), а должна применяться ст. 82 (85).

Ответственность по ст. 212 (217) УК наступает, если нарушение правил перевозки опасных веществ непосредственно не связано с эксплуатацией транспорта, не создает угрозы безопасности движения, но было опасным для людей либо могло повлечь уничтожение или повреждение имущества. Так, изотопы транспортируются к месту их использования в опечатанном виде и в упаковке, обеспечивающей должную защиту от излучения и от механических повреждений в пути ампул, пробирок и т.д., в которых находятся препараты. При нарушении такого правила перевозки вопрос об ответственности будет рассматриваться на основании ст. 212 (217). Эта же статья применяется во всех случаях нарушения правил перевозки со стороны лиц, не являющихся работниками транспорта, хотя бы нарушением создана угроза безопасности движения транспорта.

Пересылка взрывчатых и радиоактивных веществ по почте (в бандеролях, посылках) или багажом всегда является незаконной, поскольку запрещена нормативными актами⁵¹.

Для состава преступления необходимо, чтобы нарушения правил обращения с названными веществами были такими, которые «могли повлечь тяжкие последствия». Необходимо поэтому не только выяснять наличие определенного нарушения, инкриминируемого данному лицу, но и уяснить, могло ли оно повлечь тяжкие последствия. Определенные нарушения правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами не способны повлечь тяжких последствий и по одному этому не могут рассматриваться в качестве преступления (например, нарушение запрещения иметь при себе во время работы со взрывчатыми веществами огнестрельное оружие или спички).

Тяжкими последствиями являются: смерть, тяжкие либо менее тяжкие телесные повреждения, существенный ущерб государственному, общественному или личному имуществу граждан.

Состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 212 (ч. 1 ст. 217), имеется и в том случае, если наступили не тяжкие последствия (легкие телесные повреждения, незначительный материальный ущерб), но могли наступить тяжкие последствия. Если такой угрозы не было, то имеется дисциплинарная или административная ответственность.

Потерпевшим может быть любое лицо: работник соответствующего предприятия, стройки, склада, работник транспортной организации, постороннее лицо.

Вина к деянию может быть умышленной либо неосторожной, а если деяние выразилось в пересылке по почте или багажом радиоактивных или взрывчатых веществ, – только умышленной.

Что касается вины к возможным последствиям, то едва ли не во всех литературных источниках безоговорочно утверждается, что она бывает лишь неосторожной.

Такой взгляд не учитывает различий в санкциях ст. 212 (217) УК и статей о преступлениях против личности и имущественных. Неосторожная вина к возможным (и наступившим) последствиям всегда образует состав преступления, предусмотренный ст. 212 (217) УК. Однако ответственность по ч. 2 ст. 212 (ч. 2 ст. 217) либо по ст. 15 (15) и ч. 2 ст. 212 (ч. 2 ст. 217) должна наступать и при наличии умысла на причинение менее тяжких телесных повреждений либо имущественного ущерба, если последний охватывается ч. 1 ст. 96 (ч. 1 ст. 98) либо ч. 1 ст. 146 (ч. 1 ст. 149), поскольку преступление, предусмотренное ст. 212 (217), является более тяжким. Квалификация, например, умышленного причинения менее тяжкого телесного повреждения, причиненного нарушением правил использования взрывчатых веществ, по ст. 107 (109), где максимальная санкция – лишение свободы на срок до трех лет, привела бы к тому, что причинение при тех же обстоятельствах менее тяжкого телесного повреждения по неосторожности влекло бы по ч. 2 ст. 212 (ч. 2 ст. 217) лишение свободы на срок до семи лет. Умышленное преступление оказалось бы по сравнению с неосторожным менее тяжким.

При характеристике субъекта преступления прежде всего нельзя согласиться с мнением о квалификации нарушений правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами по ст. 166 (170), если они подпадают под признаки должностного преступления⁵².

Статья 212 (217) предусматривает ответственность любого лица, для которого обязательны правила обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами и которое нарушает их и тем

создает конкретную опасность для людей и материальных ценностей. Не могут быть исключением и должностные лица, хотя бы потому, что квалификация их деяний по ст. 168 (172) ставила бы их в привилегированное положение по сравнению с другими лицами, деяния которых при прочих равных условиях рассматривались бы по ч. 2 ст. 212 (ч. 2 ст. 217), санкция которой значительно более строгая (лишение свободы на срок до семи лет). Кроме того, при наличии преступления с формальным составом должностные лица наряду с другими лицами отвечали бы по ч. 1 ст. 212 (ч. 1 ст. 217) и ответственность при прочих равных условиях была бы одинаковой, а при наступлении тяжких последствий этого равенства уже не было бы.

При решении вопроса о субъекте рассматриваемого преступления следует исходить из того, что норма является бланкетной и правила обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами возлагают ответственность за их соблюдение на определенных лиц – должностных и недолжностных. Поэтому, привлекая к ответственности по ст. 212 (217), необходимо указывать не только какие правила обращения с упоминаемыми веществами нарушены, но и основания, на которых к ответственности привлекается данное лицо (правила безопасного обращения с данными веществами либо приказ по предприятию), возлагающие определенные обязанности на данное лицо, либо его расписка о том, что был ознакомлен с правилами). В отличие от ст. 213 (218), где субъектом преступления является незаконный владелец опасных веществ, по ст. 212 (217) ответственность несет законный владелец этих веществ, нарушивший правила обращения с ними.

Что касается пересылки взрывчатых и радиоактивных веществ по почте или багажом, то субъектом этого преступления является любое лицо, которое заведомо противозаконно отправило эти вещества по почте или багажом. Если им является незаконный владелец, то его действия должны рассматриваться по ч. 1 ст. 213 (ч. 1 ст. 218) (незаконное владение опасными веществами) и ст. 212 (217) (пересылка их по почте или багажом).

§ 5. Нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях

Состав преступления в ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216) сформулирован как «нарушение производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или взрывоопасных цехах».

Правила, обеспечивающие безопасность производства, суть правила по технике безопасности, а производственно-техническая дисциплина – это правила технической эксплуатации, являющиеся одновременно и правилами техники безопасности. Поэтому нарушение «производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства», и предусмотренное в ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) нарушение «правил по технике безопасности» – понятия тождественные. Основные различия между составами преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216) и ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), связаны с местом нарушения правил техники безопасности, что, в свою очередь, расширяет в первом из них объект посягательства, и кругом лиц, являющихся субъектами этих преступлений. Другими различиями являются несколько неодинаковый круг лиц, признаваемых потерпевшими, и несовпадение в определении «иных тяжких последствий».

Что касается нарушений правил техники безопасности, то, как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 30 мая 1967 г. № 4, судам следует иметь в виду, что в тех случаях, когда при производстве работ на взрывоопасных предприятиях должностными лицами нарушены и общие правила охраны труда, содержание должно квалифицироваться по правилам о реальной совокупности преступлений – по ст. 137 (140) и ст. 211 (216)⁵³.

Нормативные акты не содержат определения взрывоопасного предприятия (цеха). Верховный Суд СССР в определениях по отдельным делам отвечал на вопрос, подпадает ли место, где было совершено нарушение, под понятие взрывоопасного цеха. По делу М. и других, признанных виновными в пожаре, возникшем в театре по окончании спектакля, по ходу которого производился выстрел, уголовно-судебная коллегия признала неправильным отнесение театра к взрывоопасному цеху. По делу З., признанного виновным в том, что он оставил включенным утюг, а сам ушел домой, что вызвало пожар в артели. Та же коллегия указала, что пошивочная артель не может быть отнесена к упоминаемому цеху. В определении уголовно-судебной коллегии по делу Г. и Х. говорится, что колхозный сарай, даже если в нем хранится бензин, не может рассматриваться как взрывоопасный цех. Характерно определение той же коллегии по делу Г. Последний признан виновным в том, что он, работая техником-подрывником при сейсмографической партии Обской геофизической экспедиции, в нарушение правил безопасности при ведении взрывчатых работ без разрешения инспектора с целью оказания помощи буровой бригаде в производстве буровых работ произвел взрыв трехсотграммовой толовой

пашки в скважине. Заряд оказался на поверхности скважины, т.к. Г. не проверил правильности закладки взрывчатого вещества, а рабочие не были удалены в безопасную зону, в результате чего была взорвана труба, одним из осколков которой был смертельно ранен человек. Коллегия признала неправильной квалификацию преступления как совершенного во взрывоопасном цеху, исходя из того, что допущенное виновным нарушение правил произошло «не в условиях особого режима, имеющего значение для безопасности во взрывоопасных цехах, а в поле, в обычных условиях производства горных работ». Наконец, в определении по делу Н. уголовно-судебная коллегия Верховного Суда СССР признала полировочный цех мебельной фабрики взрывоопасным, поскольку в нем для производства использовались шеллак и нитролак – быстроспламеняющиеся вещества⁵⁴.

Как видно из определений Верховного Суда СССР, взрывоопасным цехом является производство (завод, фабрика, артель, шахта и т.д.) или часть его, а не место, где хранятся взрыво- или огнеопасные материалы. Сам факт взрыва или пожара на производстве не говорит о том, что оно взрывоопасно.

Взрывоопасным цехом является: а) предприятие по добыче взрыво- или огнеопасных веществ; б) предприятие по добыче других ископаемых, но в условиях, способствующих возникновению взрыва или пожара; в) предприятие по изготовлению взрыво- или огнеопасных веществ, изделий, материалов; г) предприятие, на котором для изготовления изделий или материалов используются взрыво- или огнеопасные вещества.

Таким образом, взрывоопасным производством (цехом) является предприятие или часть его, где добываются, изготавливаются или используются для изготовления взрыво- или огнеопасные вещества, а равно где при добыче ископаемых создаются способствующие взрыву или пожару условия.

Это определение, данное ранее автором⁵⁵, содержит лишь фактическую характеристику взрывоопасного цеха, что для применения ст. 211 (216) еще недостаточно.

Вопрос возник при рассмотрении выездной сессией Верховного Суда СССР в Минске дела о взрыве в футлярном цехе Минского радиозавода, повлекшем человеческие жертвы⁵⁶. Преступление предварительным следствием в отношении должностных лиц этого завода квалифицировано по ст. 211 УК Белорусской ССР. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР переквалифицировала деяние виновных на ст. 137 того же кодекса. Хотя цех, в котором произошел взрыв, был фактически

взрывоопасным, это обстоятельство не было зафиксировано в акте о сдаче цеха в эксплуатацию. Положения же о данном цехе вообще не было. Вследствие этого работники не знали о том, что цех является взрывоопасным.

Для ответственности по ст. 211 (216) необходимо, чтобы цех (предприятие) был фактически взрывоопасным, чтобы это было зафиксировано в соответствующем нормативном акте или акте о сдаче цеха в эксплуатацию и чтобы об этом было известно работникам цеха.

Часть 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216) не указывает на возможные последствия нарушений правил техники безопасности во взрывоопасных цехах. Такая конструкция поставления в опасность выше объяснена (гл. 1, § 3). Эта норма применяется, если последствий не было либо имело место причинение легких телесных повреждений одному или многим лицам, менее тяжких телесных повреждений одному лицу, материального ущерба государственной, общественной организации или гражданам, если он не является значительным. Состав преступления имеется, если опасность создана для работника данного производства либо постороннего лица. Как разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. № 4, потерпевшим в результате преступных действий, предусмотренных ст. 211 (216), может быть любое лицо.

Субъектом нарушения правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях (цехах) является любое лицо – должностное или недолжностное, но работающее на данном предприятии. Что касается посторонних лиц, то об их ответственности по ст. 211 (216) высказаны противоположные мнения. Согласно одному из них посторонние лица несут ответственность по этой статье, если они были проинформированы о том, что предприятие является взрывоопасным, и предупреждены о необходимости соблюдения установленных правил⁵⁷. Возражения состоят в том, что посторонние лица, даже предупрежденные о необходимости определенного поведения во взрывоопасном цеху, не могут реально представлять себе всю опасность последствий допускаемых ими нарушений. Такие лица поэтому могут отвечать лишь по ст. 104 (106), 112 (114)⁵⁸.

От того или иного решения зависит, будет ли состав преступления в случаях нарушения посторонним лицом правил техники безопасности на взрывоопасном предприятии, если последствия не наступили. Второе мнение представляется более обоснованным. Если посторонние лица не могут реально представить себе всю опасность допускаемых ими нарушений правил поведения на

взрывоопасном предприятии, то они не могут и предвидеть возможные последствия своих деяний. Поскольку они проинформированы о необходимости соблюдения определенных правил, имеется лишь объективный критерий, необходимый для определения преступной небрежности. Однако для наличия такой вины еще необходим субъективный критерий, отсутствующий в данном случае.

Общепринято считать, что субъективная сторона данного преступления характеризуется умыслом по отношению к факту нарушения правил техники безопасности и неосторожностью по отношению к последствиям.

Если иметь в виду ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216), то такая характеристика субъективной стороны является правильной. Что касается ч. 2 этой статьи, то характеристика психического отношения субъекта к последствиям должна быть дифференцирована с учетом того, какими являются эти последствия. Как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 30 марта 1973 г., под «иными тяжкими последствиями» № 5 в ст. 211 (216) следует понимать, «в частности, причинение тяжких телесных повреждений одному или нескольким лицам, менее тяжких телесных повреждений двум и более лицам, а равно причинение значительного материального ущерба государственной, общественной организации или гражданам».

Часть 2 ст. 211 (ч. 2 ст. 216) предусматривает в качестве наказания лишение свободы на срок до семи лет. Если квалифицировать по этой статье причинение по неосторожности менее тяжких телесных повреждений нескольким лицам, а по ст. 107 (109) причинение таких повреждений нескольким лицам умышленно, то несостоятельность здесь очевидна, поскольку ст. 107 (109) предусматривает в качестве наказания лишение свободы на срок до трех лет или исправительные работы на срок до одного года.

Такая же ситуация складывается и при квалификации по ч. 1 ст. 146 (ч. 1 ст. 149) нарушения правил техники безопасности во взрывоопасных цехах, повлекшего «умышленное уничтожение или повреждение личного имущества граждан, причинившее значительный ущерб потерпевшему», поскольку наказанием здесь являются исправительные работы на срок до шести месяцев или штраф до пятидесяти рублей. Поэтому общепринятая характеристика необходимой для ч. 2 ст. 211 (ч. 2 ст. 216) формы вины к последствиям должна быть уточнена: неосторожность к таким последствиям, как смерть, тяжкие телесные повреждения, значительный материальный ущерб государственной или общественной

организации; неосторожность либо умысел к таким последствиям, как менее тяжкие телесные повреждения двум и более лицам или значительный материальный ущерб гражданам.

В упоминаемом Постановлении Пленума Верховного Суда СССР остался открытым вопрос о правовой оценке таких нарушений правил техники безопасности во взрывоопасных цехах, которые повлекли причинение менее тяжких телесных повреждений одному лицу, а равно легких телесных повреждений одному или многим лицам. Разъясняя понятие «иные тяжкие последствия» одинаково в отношении преступлений, предусмотренных ст. 209, (214), 210 (215), 211 (216), Пленум Верховного Суда СССР не учел того, что в ч. 1 ст. 209 (214) и ч. 1 ст. 210 (215) говорится о нарушениях, которые причинили «вред здоровью людей», а в ч. 1 ст. 211 (216) состав сформулирован как формальный. Если для ч. 1 ст. 209 (214) и ч. 1 ст. 210 (215) названные последствия включают менее тяжкие телесные повреждения одному лицу и легкие телесные повреждения одному или многим лицам, то такие последствия выходят за рамки ч. 2 ст. 211 (ч. 2 ст. 216).

Применять ч. 1 ст. 211 при наличии таких последствий нет оснований. Иное решение вопроса к тому же означало бы, что причинение таких повреждений при нарушении правил техники безопасности во взрывоопасных цехах оказалось бы менее опасным преступлением, чем причинение таких повреждений при нарушении правил техники безопасности на иных предприятиях, не являющихся взрывоопасными. В то же время нет оснований и для применения в рассматриваемом случае ч. 2 ст. 211 (216). Это противоречило бы и напрямую разъяснению, данному в упоминаемом Постановлении Пленума Верховного Суда СССР.

При таких обстоятельствах можно было бы говорить о применении ст. 112 (114), но это означало бы ответственность без учета того, что преступление совершено при эксплуатации источника повышенной опасности. А что касается легких телесных повреждений, то причинение их при нарушении правил техники безопасности во взрывоопасных цехах вовсе не образовало бы состава преступления, т.к. неосторожное причинение такого повреждения не является уголовно наказуемым.

В итоге представляется единственно возможным вывод о квалификации нарушения правил техники безопасности, повлекшего причинение менее тяжкого телесного повреждения одному лицу либо легких телесных повреждений одному или многим лицам, по ч. 2 ст. 137 (140). Эта норма говорит об ответственности за нарушение должностным лицом правил по технике безопасности,

«повлекшее причинение телесных повреждений или утрату трудоспособности», что наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года. И только в том случае, если виновный является недолжностным лицом, преступление будет квалифицироваться по ст. 112 (114).

Поставление в опасность нарушением правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях согласно ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216) наказывается исправительными работами на срок до одного года, или штрафом до 100 руб., или увольнением с должности. Между тем поставление в опасность нарушением правил техники безопасности, предусмотренное ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140), наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до 100 руб., или увольнением с должности.

Нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях является более тяжким преступлением, чем такое же нарушение на иных предприятиях. Весь смысл выделения нарушений правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях в отдельный состав преступления состоит в том, что на таких предприятиях они угрожают более тяжкими последствиями. Это должно отразиться и на содержании санкций. Однако законодатель учел это только при определении наказания за нарушения, повлекшие наступление последствий, установив в ч. 2 ст. 211 (ч. 2 ст. 216) лишение свободы на срок до семи лет. В санкции же за поставление в опасность законодатель не только не учел повышенной опасности нарушений правил техники безопасности во взрывоопасных цехах, а фактически признал ее меньшей, установив по сравнению с ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) заметно менее значительное наказание. По указанным причинам санкция ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216) УК должна быть повышена⁵⁹.

Взрывоопасные предприятия могут быть одновременно горными. В правовом смысле горные работы – это «комплекс работ под землей, связанный с добычей и доставкой полезных ископаемых на поверхность земли»⁶⁰.

Поставление в опасность при производстве горных работ предусматривают кодексы УССР (ст. 218, ч. 1), МССР (ст. 233, ч. 1), ЛитССР (ст. 229, ч. 1), ЭССР (ст. 206, ч. 1).

Уголовные кодексы других союзных республик, в том числе УК БССР (ст. 209) и УК РСФСР (ст. 214), формулируют состав нарушения правил безопасности горных работ в качестве материального.

Поэтому поставление в опасность нарушением правил техники безопасности на горном предприятии, являющемся одновременно взрывоопасным, должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 211 (ч. 1, ст. 216).

В литературе высказано мнение, что поскольку ст. 209 (214) говорит о нарушении правил безопасности горных работ, независимо от категории горного предприятия (взрывоопасного или невзрывоопасного), постольку эта статья должна применяться, независимо от того, является ли данное горное предприятие взрывоопасным⁶¹.

Такое мнение не учитывает того, что нарушение правил техники безопасности на взрывоопасных предприятиях является по сравнению с нарушением тех же правил при производстве горных работ более тяжким преступлением, что вытекает из сравнения санкций ч. 2 ст. 211 (ч. 2 ст. 216) и ч. 2 ст. 209 (ч. 2 ст. 214). Поэтому предлагаемая квалификация противоречила бы закону. Нарушение правил техники безопасности на горном предприятии, являющемся взрывоопасным, должно квалифицироваться по ст. 211 (216) УК. И лишь в том случае, если наступили последствия, указанные в ч. 1 ст. 209 (ч. 1 ст. 214) УК (легкие телесные повреждения одному или многим лицам, менее тяжкие телесные повреждения одному лицу), должна применяться эта статья.

§ 6. Загрязнение водоемов

Состав преступления сформулирован в ст. 218 (223) УК как формально-материальный: «загрязнение рек, озер и других водоемов и водных источников неочищенными и необезвреженными сточными водами, отбросами или отходами промышленных, сельскохозяйственных, коммунальных и других предприятий, учреждений и организаций, причинившее или могущее причинить вред здоровью людей либо сельскохозяйственному производству или рыбным запасам».

Загрязнение водоемов наиболее опасно хотя бы потому, что водой пользуются все. В итоге и все выбросы вредных веществ в атмосферу оказываются в водоемах. Не случайно «обеспечение чистой пресной водой и охрана вод от загрязнений по праву считается одной из наиболее острых проблем современности»⁶².

Вместе с тем весьма затруднительно зафиксировать загрязнение проточного водоема и определить, насколько оно опасно для здоровья людей, сельскохозяйственного производства и рыбных запасов. Во всяком случае для применения ст. 218 (223) необходимо

заклочение органов санитарного надзора о загрязнении данного водоема о том, какими веществами он загрязнен и достигло ли оно степени концентрации, опасной для указанных в этой статье объектов.

Состав преступления имеется, если опасность создана хотя бы для одного из них: здоровья людей, сельскохозяйственного производства (посевов, скота, птицы), рыбных запасов.

Объективная сторона этого преступления подробно описана в ст. 218 (223) УК, определяющей место, способ, источники загрязнения и последствия (возможные или наступившие).

Местом загрязнения являются водоемы и водные источники – естественные и искусственные (океан, море, озеро, водохранилище, ручей, пруд, канал, шлюз, колодец). Состав преступления имеет место как при непосредственном загрязнении этих мест, так и при загрязнении воды в трубопроводах. Загрязнение воды после ее изоляции в резервуаре (цистерне, бочке, аквариуме и т.д.) следует квалифицировать в зависимости от последствий, формы вины и цели (умышленное или неосторожное преступление против личности, уничтожение или повреждение чужого имущества, диверсионный акт).

Не имеет значения для квалификации содеянного загрязнение водоема, не используемого для забора воды, сельскохозяйственного производства и не являющегося местом обитания рыбы. На земном шаре не должно быть таких помойных ям, и нет возможности абсолютно изолировать такие водоемы от живых существ.

Загрязнение совершается сбрасыванием в водоемы неочищенных и необезвреженных сточных вод, а также отходов или отходов промышленности, сельскохозяйственных, коммунальных и других предприятий, учреждений и организаций.

Закон содержит исчерпывающий перечень источников загрязнения: деятельность любых предприятий, учреждений, организаций. Промышленными являются производящие предприятия и обслуживающие их организации. Сельскохозяйственные – предприятия, выращивающие продукты сельского хозяйства (колхозы, совхозы, подсобные хозяйства, парниковые хозяйства). Коммунальными предприятиями являются предприятия общего пользования, обслуживающие хозяйственные и культурные нужды населения: канализация, бани, прачечные и т.д. К другим предприятиям, учреждениям и организациям относятся: транспортные организации, фармацевтические, и медицинские учреждения, учебные заведения, торговые учреждения, хранилища и т.д.

Состава рассматриваемого преступления не имеется, если в водоемы сбрасываются отходы домашнего хозяйства. В таком случае

виновные подлежат административной ответственности, а при наступлении последствий (отравления людей или рыбы) уголовной ответственности при наличии состава преступления против личности или имущественного. Будь в уголовном кодексе родовой состав поставления в опасность, он охватывал бы собой и случаи загрязнения водоемов отходами домашнего хозяйства.

Загрязнение имеет место, если вредные вещества сбрасываются непосредственно в водоемы, либо на лед, или на затопляемые берега.

Преступление может быть совершено путем действия. Так, запрещается сливать за борт отработанные масла и топливо, выбрасывать использованные обтирочные материалы, мусор, отходы древесных и других грузов на всех реках, водоемах, рейдах, в шлюзах и подходных к шлюзам каналах. Нарушение этого запрещения образует загрязнение водоемов путем действия.

Мнение о возможности совершения этого преступления путем бездействия вызывает сомнение. В качестве примеров загрязнения водоемов таким путем называют непроведение лабораторного контроля за работой очистных и обезвреживающих устройств, невыполнение предписаний органов санитарного надзора об обезвреживании отходов производства и т.д.⁶³. Однако преступление, предусмотренное ст. 218 (223), состоит не в невыполнении упомянутых действий, что само по себе еще не ведет к загрязнению водоемов, а в сбрасывании в них вредных веществ. Если не проведен лабораторный контроль либо не выполнено предписание, но вредные вещества не сброшены в водоем, то нет его загрязнения.

Следует иметь в виду, что ст. 218 (223) различает возможность причинения вреда, причинение вреда и причинение существенного вреда здоровью людей, сельскохозяйственному производству или рыбным запасам. Состав поставления в опасность имеется, если загрязнение водоема достигло концентрации, при которой создана возможность причинения вреда: возможность отравления, желудочного или иного заболевания, эпидемии; возможность гибели посевов, растений, уничтожения животных, птицы; возможность гибели рыбы, нереста, кормовых баз рыб⁶⁴. Различие между существенным вредом, при наличии которого применяется ч. 2 ст. 218 (ч. 2 ст. 223), и иным вредом состоит в количественной стороне ущерба. Если потерпевшими были люди, то вред должен быть признан существенным, когда причинены смерть, тяжкие или менее тяжкие телесные повреждения хотя бы одному лицу, легкие телесные повреждения с расстройством здоровья нескольким лицам. В остальных случаях существенный вред должен определяться

в зависимости от размеров материального ущерба, нанесенного государству или кооперативной организации.

Загрязнение водоемов может быть умышленным либо неосторожным, вина к ненаступившим (а равно наступившим) последствиям является неосторожной. При умысле на причинение существенного вреда сельскохозяйственному производству или рыбным запасам преступление квалифицируется по ст. 15 (15) и ч. 2 ст. 96 (ч. 2 ст. 98). При умысле на массовое отравление или распространение эпидемий и эпизоотий с целью ослабления Советской власти применяются ст. 15 (15) и ст. 65 (68).

Субъектами преступления могут быть должностные и недолжностные лица. В литературе отмечается, что совершение должностным лицом действий, упомянутых в ст. 218 (223), является специальным видом должностного преступления и потому не требует квалификации их по правилам совокупности преступлений⁶⁵. Это верно лишь в отношении материального состава загрязнения водоемов. В части поставления в опасность преступление, предусмотренное ст. 218 (223) УК, не может быть видом должностного преступления, поскольку составной частью последнего является существенный вред государственным или общественным интересам либо охраняемым законом правам и интересам граждан.

Недолжностные лица указанных в ст. 218 (223) учреждений несут ответственность, если, несмотря на наличие обезвреживающих установок, загрязняли водоем отходами или отбросами, или там, где таких установок не было и отбросы должны были вывозиться в другие места, сбрасывали их в водоемы. Они несут ответственность по ст. 218 (223) и в том случае, когда действовали по распоряжению должностного лица, но сознавали его противозаконность.

Заключение

Рассмотренные составы поставления в опасность связаны либо с неосторожностью при использовании источника повышенной опасности, либо с бытовой неосторожностью.

Неосторожность в быту и при использовании источника повышенной опасности внешне одинакова: субъект не знает правил техники безопасности либо знает их, но не умеет или не желает соблюдать. Однако если правила бытовой безопасности просты и немногочисленны, то правила использования источника повышенной опасности сложны, многочисленны и требуют специальных знаний. Существенно различны и последствия несоблюдения правил безопасности. Если при бытовой неосторожности они поражают отдельных лиц и сравнительно редко, то нарушения правил использования источника повышенной опасности встречаются чаще, поражают массы людей, наносят колоссальный материальный ущерб⁶⁶.

Неосторожность в быту не столь опасна и поэтому преследуется на основании уголовного закона обычно при наступлении последствий. Лишь в виде исключения составы формулируются как поставление в опасность.

Напротив, исключительная опасность нарушений правил безопасности использования источников повышенной опасности вынуждает к признанию преступлением и без последственных нарушений, создавших конкретную угрозу для людей и материальных ценностей. По мысли законодателя, такая угроза в арсенале средств предупреждения отрицательных проявлений технического прогресса должна содействовать их предупреждению.

Между тем большинство законов об уголовной ответственности за поставление в опасность нарушениями правил использования источников повышенной опасности применяется очень редко⁶⁷. Не было случаев осуждения в БССР за загрязнение атмосферного воздуха. Между тем постоянная комиссия по охране природы Верховного Совета БССР в марте 1971 г. констатировала, что Министерство промышленности стройматериалов, Управление нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности, Главное производственное управление энергетики и электрификации, а также руководители Гомельского химического завода, Могилевского и Светлогорского заводов искусственного волокна, Витебского комбината известковых материалов, Новополоцкого нефтеперерабатывающего и Гродненского азотнотукового заводов, минских ТЭЦ-3, завода отопительного оборудования и других

предприятий не приняли должных мер к предотвращению загрязнения воздушного бассейна⁶⁸.

Основной причиной редкого применения законов об уголовной ответственности за поставление в опасность является недооценка социальной опасности таких преступлений.

Известный ученый Жак-Ив Кусто говорит: «Я прекрасно понимаю, чего не хватает для того, чтобы действительно начать борьбу за охрану окружающей среды: общего сознания опасности, давления общественности»⁶⁹.

Такого сознания опасности нет и при нарушениях правил использования источника повышенной опасности, обошедшихся без тяжких последствий.

Представление об упречном как реально вредоносном складывалось веками. Счастливым исход по-прежнему не вызывает у третьих лиц чувства необходимости наказания за поведение, которое лишь могло вызвать тяжкие последствия. Поэтому народное правосознание необходимо в этой части переформировывать. И начать надо с правосознания тех, кто призван применять закон.

Недооценка социальной опасности имеется и в отношении оставления в опасности. Обращает на себя внимание отсутствие случаев привлечения к ответственности за оставление без помощи лиц, подвергшихся преступным нападениям⁷⁰.

Другой причиной, препятствующей надлежащему применению законов об ответственности за поставление в опасность, является теория неизбежности несчастных случаев при использовании источников повышенной опасности. В советской печати высказано мнение, что «в огромной промышленности несчастные случаи, к сожалению, возможны»⁷¹. В юридической литературе О.С. Иоффе объясняет это тем, что «техника... неизбежно развивается быстрее, чем техника безопасности, поскольку самый вопрос об изобретении эффективного средства безопасного использования того или иного механизма не может быть поставлен ранее изобретения этого механизма»⁷². На этой основе М.С. Гринберг утверждает, что «пользование источниками повышенной опасности само по себе составляет определенную причину возникновения вредоносных происшествий и как таковое связано с известным риском, степень которого зависит от технического и научного прогресса, от состояния техники безопасности, но не зависит от воли и поведения конкретного лица»⁷³.

С этим согласиться нельзя. Целью социалистического производства является удовлетворение материальных и культурных

потребностей человека. Машины – могучее средство осуществления этой цели, но использование техники подчинено у нас строгому нормированию. Темп работы согласуется с физиологическими возможностями человеческого организма. Создание новых машин сопровождается принятием правил их безопасного использования⁷⁴.

Нельзя допускать, чтобы техника безопасности отставала от самой техники. Действие нового механизма в основном известно до его создания. Остальное выясняется в процессе испытания. Сдача же его в эксплуатацию должна сопровождаться правилами техники безопасности. Если это условие соблюдается, то пользование источником повышенной опасности не может само по себе быть причиной возникновения вредоносных происшествий, и если они имеются, то это зависит от поведения конкретного лица. Не сами машины с неизбежностью влекут за собой вредоносные происшествия, а нарушения правил их эксплуатации. Где нет таких нарушений, там нет несчастных случаев. Это подтверждается опытом работы многих предприятий, участков дорог.

В передовой статье «Советской Белоруссии» «За безопасность движения» от 15 июля 1971 г. правильно указывалось: «Было бы глубоко ошибочным полагать, что аварийность – это неизбежное зло. Его можно свести на нет. Об этом красноречиво свидетельствует опыт передовых автохозяйств».

Нельзя не согласиться с Б.С. Антимоновым, который писал, что статистика несчастных случаев «вовсе не дает оснований к пессимистическому выводу: так было, значит, так и будет. Дело строителей социализма, – по крылатому слову Маркса, – в том, чтобы «изменить мир». В области техники дело также в том, чтобы изменить то, что было. Так было, но так не будет, тем более не будет при коммунистическом строе... В социалистическом обществе несчастные случаи от применения передовой техники вообще принципиально устранимы»⁷⁵. В области уголовного права теория неизбежности несчастных случаев ведет к отрицанию необходимости применения анализируемых законов: если несчастные случаи неизбежны, то надо довольствоваться тем, что их в данном конкретном случае не было, а не наказывать только за то, что они могли иметь место.

Третьей причиной редкого применения законов об уголовной ответственности за поставление в опасность является порядок расследования этих преступлений.

Согласно Положению о расследовании и учете несчастных случаев на производстве (утвержденному Постановлением Президиума

ВЦСПС от 20 мая 1966 г.)⁷⁶ расследованию и учету подлежат только несчастные случаи. Случаи поставления в опасность вообще не отнесены к числу тех, которые должны расследоваться. В Положении о техническом инспекторе профсоюза (утвержденном Постановлением Президиума ВЦСПС от 26 августа 1966 г.)⁷⁷ к числу обязанностей технического инспектора отнесено расследование групповых, смертельных и тяжелых несчастных случаев (п. «д» ст. 11). В Положении также указано, что технический инспектор имеет право «налагать в установленных размерах штрафы на должностных лиц за нарушение правил и норм по охране» труда или направлять следственным органам материалы для привлечения виновных лиц к ответственности» (п. «з» ст. 13). Можно считать, что под такие нарушения правил и норм по охране труда подпадают и случаи поставления в опасность. Хотя они образуют состав преступления, вопрос о характере ответственности фактически предпрещает технический инспектор.

На основании Инструкции о порядке служебного расследования случаев брака в поездной и маневровой работе (утвержденной 22 августа 1960 г. заместителем министра путей сообщения СССР) расследование брака особого учета⁷⁸ на железной дороге производят сами работники железнодорожной администрации: начальник отделения дороги, ревизор по безопасности движения отделения, начальники отделов отделения дороги и другие, по хозяйству которых учитывается брак (ст. 2).

Положение о порядке расследования морских аварий (утвержденное приказом министра Морского флота СССР от 12 февраля 1957 г.)⁷⁹ предусматривает расследование происшествий, не являющихся кораблекрушением или аварией, судовладельцами в порядке подчиненности. Согласно Инструкции о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях РСФСР (утвержденной приказом министра Речного флота РСФСР от 9 апреля 1971 г.)⁸⁰ расследование аварий и аварийных происшествий производится судоходными инспекциями (ст. 15), а органы прокуратуры ставятся в известность о содеянном, если оно квалифицируется как авария (ст. 9).

Брак в работе и предпосылки к авариям и аварийным происшествиям⁸¹ подлежат ведомственному расследованию и дисциплинарному воздействию. Так что органы прокуратуры не осведомлены не только о случаях поставления в опасность (к ним относится большинство случаев брака в работе и предпосылок к авариям и аварийным происшествиям), но и об аварийных происшествиях.

Между тем названная Инструкция была согласована с КГБ СССР и прокурором РСФСР.

Поставление в опасность нарушением правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, расследуется должностными лицами санитарно-эпидемиологической службы, которые согласно Положению о государственном санитарном надзоре в СССР от 31 мая 1973 г. «в необходимых случаях... имеют право возбуждать перед органами прокуратуры вопрос о привлечении виновных к уголовной ответственности» (п. 9)⁸².

По делам об уклонении от лечения венерической болезни и поставлении в опасность заражения такой болезнью приказом министра здравоохранения СССР предписано «вопросы о передаче материалов в следственные органы решать комиссией в составе: врача дерматовенеролога, заведующего отделением и главного врача кожно-венерологического (или другого лечебно-профилактического) учреждения»⁸³.

Практика свидетельствует о том, что соответствующие лица обычно не сообщают прокуратуре о случаях поставления в опасность, вследствие чего органы прокуратуры не осведомлены о нарушениях, создающих конкретную опасность для жизни и здоровья людей. Не осведомлены органы прокуратуры и о большинстве случаев неоказания медицинской помощи, поскольку органы здравоохранения ограничиваются применением к виновным мер дисциплинарного воздействия и не передают материалы следственным органам. Между тем, если нарушение образует состав преступления, то вопрос об ответственности должен решаться органами прокуратуры. Поэтому упомянутые положения и инструкции о порядке расследования преступлений, опасных для жизни и здоровья, следует привести в соответствие с нормами уголовного законодательства. Передача материалов о нарушителях следственным органам должна быть обязанностью технического инспектора, железнодорожной администрации, судоходной инспекции, медицинских и других учреждений, если нарушение образует состав преступления. Без этого эффективная борьба с преступлениями, опасными для жизни и здоровья, вряд ли возможна.

Как видно, между законами об ответственности за преступления, опасные для жизни и здоровья (особенно об ответственности за поставление в опасность нарушением правил использования источников повышенной опасности), и практикой их применения образовался определенный взрыв.

В истории советского государства был небольшой отрезок времени, когда законы служили главным образом формой пропаганды.

На XI съезде РКП (б) В.И. Ленин об этом говорил: «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют; вся белогвардейская пресса полна насмешек на этот счет, но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте. Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике сразу давали в форме декретов»⁸⁴.

Так было в первые месяцы Советской власти, когда она еще не была достаточно сильной, чтобы обеспечить соблюдение всех своих декретов.

Полоса, когда законы выполняли только пропагандистскую роль, давно прошла. Сейчас законы не говорят «вот как нам хотелось бы», «попробуйте», а требуют от всех граждан строгого соблюдения содержащихся в них предписаний, а от соответствующих государственных органов – привлечения к ответственности виновных в несоблюдении этих предписаний.

Мало издать даже самые совершенные законы. Цели, поставленные ими, будут достигнуты только при неуклонном соблюдении социалистической законности, т.е. применением этих законов. Закон, в частности уголовный, сохраняет свое предупредительно-воспитательное воздействие до тех пор, пока он не нарушается или его нарушение влечет применение указанных в нем санкций, будь то меры уголовного наказания или общественного воздействия. Если же неоднократные нарушения данного закона остаются вне воздействия, то его предупредительно-воспитательное значение снижается, а то и вовсе теряется.

Так обстоит дело со значительной частью законов об ответственности за преступления, опасные для жизни и здоровья.

Большая часть наших граждан не читает уголовного кодекса и свои суждения о преступности и наказуемости тех или иных деяний основывает на судебно-прокурорской практике. Когда деяния, предусмотренные уголовным законом в качестве преступных, фактически не преследуются, они и оцениваются этими гражданами как непроступные. Наша, печать часто говорит об оставлении в опасности и неоказании во внеслужебное время медицинской помощи как лишь об аморальных поступках. Мало кто знает, что закон считает преступлением само нарушение правил безопасности труда, не повлекшее никаких вредных последствий, но лишь создавшее угрозу наступления таких последствий. Еще меньше людей осведомлено о преступности загрязнения воздуха или водоемов. Все это является

следствием того, что соответствующие законы на практике редко применяются. Таким образом, создается разрыв между оценкой данных деяний законом и большинством граждан.

Сказанным не исчерпываются отрицательные последствия не применения на практике ряда анализируемых в настоящей работе законов.

Главное состоит, пожалуй, в том, что неисполнение указанных законов воспитывает неуважение к законам вообще. А это уже опасно для правопорядка. Поэтому мы постоянно должны воспитывать уважение к нашим советским законам.

Действующие законы должны соблюдаться. Если кто-либо не согласен с тем или иным законом, он может вносить предложение об его отмене или изменении. Но пока закон не изменен, его нужно соблюдать. Тем более что не возникает сомнений в необходимости законов, предусматривающих уголовную ответственность за поставление в опасность и оставление в опасности.

Поскольку это так, постольку необходимо прежде всего привлечь внимание к этим законам тех, кто по долгу своего служебного положения обязан следить за их исполнением. Специальное постановление Пленума Верховного Суда СССР и приказ Генерального Прокурора Союза СССР, обращающие внимание судебных и следственно-прокурорских работников на опасность нарушений правил использования источников повышенной опасности и других преступлений, опасных для жизни, здоровья людей и материальных ценностей, и требующие применять соответствующие законы, были бы важным событием в формировании нового отношения к названным преступлениям.

В целях совершенствования законодательства о борьбе с преступлениями, опасными для жизни и здоровья, и практики его применения в работе предпринята попытка обосновать следующие предложения.

А. В области нормативных актов о расследовании названных преступлений

1. В Положении о техническом инспекторе профсоюза и Положении о расследовании несчастных случаев на производстве⁸⁵ указать на обязанность передавать материалы следственным органам и в случаях, когда нарушения правил охраны труда не повлекли, но могли повлечь последствия, указанные в ч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) УК.

2. В Инструкции о порядке служебного расследования случаев брака в поездной и маневровой работе, в Положении о порядке расследования морских аварий и в Инструкции о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях⁸⁶ указать на обязанность работников железнодорожной администрации, владельцев судов, судоходных инспекций передавать материалы следственным органам и в тех случаях, когда нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, указанных в ст. 82(85) УК, не повлекли, но могли повлечь последствия, указанные в этой статье.

3. В Положении о государственном санитарном надзоре в СССР⁸⁷ указать, что во всех случаях, когда нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями, повлекло или могло повлечь распространение заразных заболеваний, органы санитарного надзора обязаны передавать материалы следственным органам для привлечения виновных к ответственности по ст. 217 (222) УК. Предусмотреть такую обязанность и в случаях загрязнения водоемов и воздуха, если они повлекли или могли повлечь последствия, указанные в ст. 218 (223) УК.

4. Приказом министерства здравоохранения СССР обязать главврачей кожно-венерологических учреждений передавать материалы органам прокуратуры на лиц, уклоняющихся от лечения венерической болезни, несмотря на предупреждение их со стороны органов медицинского учреждения, а равно на лиц, которые нарушают правила поведения в быту и тем самым создают опасность заражения других лиц венерической болезнью. Таким же приказом возложить обязанность на городские (районные) отделы здравоохранения передавать следственным органам материалы на лиц медицинского персонала, не оказавших без уважительных причин медицинской помощи лицам, жизни которых угрожала опасность.

5. Министерству юстиции СССР вместе с соответствующими организациями утвердить список ядовитых, а также сильнодействующих веществ, не являющихся наркотическими, незаконное изготовление которых, сбыт, хранение с целью сбыта, а равно нарушение правил их использования влечет ответственность по ст. 219 (224) УК.

Б. В области уголовного законодательства

1. Из ч. 2 ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления (ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) УК) исключить слово «заведомо».

2. Статью 114 (116) УК сформулировать в следующей редакции: «Производство аборта вне стационарного лечебного учреждения или при наличии противопоказаний врачом, имеющим высшее специальное медицинское образование, – наказывается...

Производство аборта лицом, не имеющим высшего специального медицинского образования, – наказываются...

Действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные неоднократно или повлекшие смерть потерпевшей или причинение ей тяжких телесных повреждений, – наказываются...»

3. Часть 1 ст. 126 (ч. 1 ст. 128) УК сформулировать в следующей редакции: «Неоказание без уважительных причин медицинской помощи больному лицами медицинского персонала, обязанными оказывать такую помощь, – наказывается...»

4. В ч. 1 и 2 ст. 206-1 (ч. 1 и 2 ст. 211-1) УК вместо слов «лицом, находящимся в состоянии опьянения» указать «лицом, находящимся в состоянии алкогольного либо наркотического опьянения».

5. Изменить санкцию ч. 1 ст. 211 (ч. 1 ст. 216) УК, предусмотрев в качестве наказания лишение свободы на срок до одного года или исправительные работы на тот же срок, или увольнение от должности.

6. Статью 219 УК сформулировать следующим образом: «Изготовление, сбыт, а равно хранение с целью сбыта или приобретение с той же целью наркотических веществ без специального на то разрешения, –

наказывается лишением свободы на срок от одного года до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой, с обязательной конфискацией наркотических веществ.

Изготовление, сбыт, а равно хранение с той же целью других сильнодействующих или ядовитых веществ, не являющихся наркотическими веществами, совершенные без специального на то разрешения, –

наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года с конфискацией сильнодействующих и ядовитых веществ.

Нарушение установленных правил производства, хранения, отпуска, учета, перевозки, пересылки наркотических и других сильнодействующих и ядовитых веществ – наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до ста рублей».

7. Главу Уголовного кодекса «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» дополнить составами: «Поставление в опасность жизни или здоровья другого лица – наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительными работами на срок до одного года» (ст. 112-1) и «Понуждение женщины к производству аборта, – наказывается лишением свободы на срок до двух лет» (ст. 114-1).

В. В области других законов

1. В ст. 35 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении заменить в ч. 1 слова «не достигшим шестнадцатилетнего возраста» словами «не достигшим восемнадцатилетнего возраста».

2. В ст. 13 (ч. 1, 2, 3) Указа Президиума Верховного Совета БССР от 21 июля 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма»⁸⁸ слова «в состоянии опьянения» заменить словами «в состоянии алкогольного или наркотического опьянения».

3. В соответствии со ст. 31 (п. «б») Конституции БССР разъяснить значение термина «неоднократность», содержащегося в ряде статей Уголовного кодекса.

Г. В постановлениях Пленума Верховного Суда СССР

1. Из постановления от 3 июля 1963 г. № 9 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве»⁸⁹ исключить пункт 1.

2. В постановлении от 30 мая 1967 г. № 4 «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений»⁹⁰ п. 4 сформулировать в следующей редакции: «Объектом преступного посягательства, предусмотренного ст. 140 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, является жизнь и здоровье людей, а объектом преступных посягательств, предусмотренных статьями 214–216 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, – жизнь, здоровье людей и социалистическая и личная собственность граждан. Поэтому потерпевшими в результате преступных нарушений правил охраны труда могут быть не только работники предприятия (колхоза), но и любые другие лица».

3. В постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. № 11 «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях»⁹¹ внести пункт, разъясняющий вопросы

квалификации нарушений правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств метрополитена.

4. В том же Постановлении п. 12 (ч. 1) сформулировать следующим образом:

«Лицо, лишенное права, управлять транспортными средствами не за административное нарушение, а по приговору суда за преступление, предусмотренное ст. 211 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик, и после этого вновь допустившее управление транспортным средством в состоянии опьянения, подлежит административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, за исключением тех случаев, когда нарушение, повлекшее указанные в этой статье последствия, выразилось в управлении транспортным средством в состоянии опьянения. В последнем случае действия виновного, вновь допустившего управление транспортным средством в состоянии опьянения, подлежат квалификации по ст. 211 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик».

5. Пленуму Верховного Суда СССР в специальном постановлении о судебной практике по делам о преступлениях, опасных для жизни и здоровья, нацелить судебные органы на действенную борьбу с этими преступлениями. Приказом Генерального прокурора обратить внимание прокурорско-следственных органов на опасность этих же преступлений, необходимость выявления и расследования всех случаев преступного нарушения правил безопасности эксплуатации источников повышенной опасности и других преступлений, опасных для жизни и здоровья, и предания суду виновных.

Примечания

Введение. Глава 1

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., С. 90–91.

² Из Заявления Советского правительства. «Известия» от 22 августа 1963 г.

³ «Правда» от 11 апреля 1972 г.

⁴ Программа Коммунистической партии Советского Союза. С. 106.

⁵ Здесь и в дальнейшем, если не оговорено иное, имеется в виду Уголовный кодекс Белорусской ССР 1960 г. В скобках указываются соответствующие статьи Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.

⁶ См.: Советское уголовное право. Библиография. 1917–1960. Составители: Ф.М. Аскиназий и Н.В. Маршалова. М., 1961. С. 219 и след.; Курс советского уголовного права. Под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. Т. V. М., 1971. С. 17.

⁷ И.И. Горелик. Преступления, опасные для жизни и здоровья. Л., 1965. С. 37; отдельные журнальные статьи, упоминаемые в дальнейшем.

⁸ Н.Ф. Кузнецова. Преступление и преступность. М., 1969. С. 70.

⁹ В социалистическом уголовном праве эти пределы еще несколько расширяются за счет признания преступным доведения до самоубийства: уголовные кодексы советских социалистических республик, Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии 1968 г. (ч. 3 ст. 127) и т.д.

¹⁰ Такая оценка деяний, создающих конкретную опасность для жизни и здоровья людей, является весьма распространенной. См.: В.Г. Макашвили. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957. С. 127; Б.С. Никифоров. Объект преступления. М., 1960. С. 20, 26; В.Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 100; М.Г. Угрехелидзе. Уголовная ответственность за неосторожность. «Советское государство и право». 1970. № 12; А.А. Пионтковский. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса. «Советское государство и право». 1972. № 4; и т.д.

¹¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 108.

¹² Программа Коммунистической партии. Советского Союза. С. 119–120.

¹³ Приговор народного суда Ивановского района Брестской области от 4 января 1958 г.

¹⁴ Уголовное право. Особенная часть. М., 1939. С. 203. Также: Н. Манчев. Престыпления против личностата. София, 1963. С. 309.

¹⁵ М.Д. Шаргородский. Вопросы наказания в проекте уголовного кодекса... «Советское государство и право». 1955. № 1. С. 53.

¹⁶ З.А. Вышинская. Преступления в области трудовых отношений. М., 1949. С. 96.

¹⁷ С. Келина. Об уголовно-правовой защите политических и трудовых прав граждан. «Советское государство и право». 1963. № 8. С. 67;

Э. Зинченко. Нарушение правил безопасности горных работ. «Социалистическая законность». 1971. № 7. С. 53.

¹⁸ А.С. Никифоров. Ответственность за телесные повреждения. М., 1959. С. 7.

¹⁹ Приговор народного суда Ляховичского района Брестской области от 23 августа 1958 г. по делу М., См. также: Э. Зинченко. Судебные дела о нарушениях правил по охране труда и технике безопасности. «Социалистическая законность». 1969. № 9. С. 39.

²⁰ Потребление наркотиков является преступлением согласно уголовным кодексам ГССР (ст. 257), АрмССР (ст. 229), КиргССР (ст. 235ж), АзССР (ст. 226).

²¹ Такое определение конкретно опасных действий дано автором в работе «Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву» (Минск, 1964. С. 7). А.А. Пионтковский определяет конкретную опасность как «определенные действия или бездействие лишь при условии, если они могли в конкретных условиях повлечь наступление вредных последствий» (А.А. Пионтковский. Уголовный закон в борьбе с отрицательными последствиями научно-технического прогресса. «Советское государство и право». 1972. № 4. С. 32). Примерно таким же является определение конкретной опасности у Т.В. Церетели (см.: Т. Церетели. Деликты создания опасности. «Советское государство и право». № 8. С. 56).

²² А. Fräbel. Die strafrechtliche Verantwortlichkeit für Verstöße gegen Arbeitsschutzanordnungen. «Neue Justiz». 1957. № 23. S. 764.

²³ М.М. Розенталь. Марксистский диалектический метод. М., 1947. С. 107.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Приговор Оршанского городского суда от 15 сентября 1960 г. по делу Г. и Б.

²⁷ Пример из ст.: В.Т. Ткаченко. Ответственность за автотранспортные преступления по уголовному законодательству союзных республик. «Советское государство и право». 1963. № 6. С. 123.

²⁸ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1947. Вып. 4. С. 12.

²⁹ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1946. Вып. 5. С. 7.

³⁰ В.Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления. С. 104. 170–171.

³¹ Такая характеристика абстрактно опасных действий дана автором в упомянутой работе (прим. 21) на с. 11. Определение абстрактно опасных действий А.А. Пионтковским и Т.В. Церетели см. в статьях, упомянутых в прим. 21, соответственно на с. 32 и 57.

³² Н.Д. Дурманов. Понятие преступления. М.–Л., 1948. С. 53.

³³ Там же. С. 56.

³⁴ Взгляд на бездействие как единое понятие критикует и Я.М. Браини. Последний проводит различие между «бездействием как такой формой поведения, которая может непосредственно порождать те или иные вредные последствия» и «бездействием в форме невмешательства, выражающегося в невоспрепятствовании наступлению вредных

последствий, вызванных другими причинами» (Я.М. Брайнин. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 213).

³⁵ О.С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 101–102.

³⁶ Лишь в случае, предусмотренном ст. 126 (128), карается бездействию-невмешательство, когда опасность угрожает хотя бы здоровью больного.

³⁷ А.Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 143.

³⁸ А.Н. Трайнин. Учение о составе преступления. М., 1946. С. 81–83.

³⁹ А.Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. С. 143.

⁴⁰ Отрицание беспоследственных преступлений не мешает признавать деление преступлений на формальные и материальные (см., например: Т.В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве. Тбилиси, 1957. С. 19–26).

⁴¹ См.: И. Рённеберг. Объективная сторона преступления. Пер. с нем. М., 1957. Предисловие А.А. Пионтковского к русскому изданию. С. 7.

⁴² М.Д. Шаргородский. Рецензия на книгу А.Н. Трайнина «Учение о составе преступления». «Советская книга». 1947. № 5. С. 70.

⁴³ Т.В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве. С. 22.

⁴⁴ Н.Ф. Кузнецова. Значение преступных последствий. М., 1958. Гл. 1. § 1.

⁴⁵ А.А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 179; см. также: И.И. Карпец. Индивидуализация наказания. М., 1961. С. 90.

⁴⁶ Материальные преступления, совершением которых создается опасность для жизни или здоровья людей, отнесены во многих уголовных кодексах социалистических государств к так называемым общеопасным преступлениям и выделены в отдельные главы. См. уголовные кодексы: Болгарии 1968 г. (гл. 11). Чехословакии 1961 г. (гл. 4), ГДР 1968 г. (гл. 7), ФНРЮ 1951 г. (гл. 21). Криминалисты ГДР указывают, что «совершает общеопасное преступление тот, кто подвергает опасности жизнь и здоровье определенной или неопределенной группы лиц или индивидуально неопределенного лица или кто подвергает опасности значительные материальные ценности (U. Dressler, N. Naundorf. Die gemeingefährlichen Verbrechen. Berlin, 1955. S. 8). В одном из учебников уголовного права Чехословацкой Социалистической Республики общеопасные преступления определяются как «такие действия, которые направлены против общества, жизни или здоровья людей или причинили большой ущерб чужому имуществу» (Československé trestní právo. Svazek I. Obecná část. Praha, 1957. S. 235). Приведенные определения, несколько отличающиеся друг от друга, что отражает некоторые различия в системе преступления этой группы, применимы и к соответствующим главам вышеназванных кодексов. Кроме материальных преступлений, совершением которых создается опасность для жизни и здоровья людей, общеопасные преступления включают, как

видно из приведенных определений, преступления, направленные против собственности. В числе общеопасных преступлений имеется ряд составов поставления в опасность группы лиц или индивидуально неопределенного лица. В советской литературе выделить отдельную группу общеопасных преступлений, которые угрожают жизни или здоровью многих лиц, и отнести их к преступлениям против личности предлагает М.М. Кисенишский (см.: Уч. зап. Томск. ун-та. № 33. Юр. науки. Томск, 1957. С. 118).

⁴⁷ Такая оценка аборта принята и в литературе зарубежных социалистических стран (см.: И. Ненов. Наказательно право на Народна Република България. Особена част. I. София, 1956. С. 383; N. Dressler, N. Naundorf. Упомянутая работа. S. 71; H. Wolińska (см.: Państwo i prawo. 1960. № 2. S. 290).

⁴⁸ Кроме случая, когда причиняется легкое телесное повреждение, не образующее по ряду кодексов советских республик состава преступления против личности.

⁴⁹ Ср., например, п. «б» ст. 200 УК БССР 1928 г. со ст. 137 УК БССР 1960 г. (ч. 3 ст. 133 УК РСФСР 1926 г. со ст. 140 УК РСФСР 1960 г.).

⁵⁰ В редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 19 марта 1971 г. (СЗ БССР. 1971. № 9. Ст. 115).

⁵¹ Статья 112 УК УССР; ч. 1 ст. 115 УК ЛатвССР; ст. 126, 127 УК ЭССР.

⁵² Н.Д. Дурманов. Понятие преступления. М.–Л., 1948. С. 55.

⁵³ Социалистическая законность. 1945. № 3. С. 47.

⁵⁴ Т.В. Церетели. Деликты создания опасности. «Советское государство и право». 1970. № 8. С. 60.

⁵⁵ Н.Д. Дурманов. Понятие преступления, С. 260–272; А.Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951. С. 331–337; Т.В. Церетели, В.Г. Макашвили. Состав преступления как основание уголовной ответственности. «Советское государство и право». 1954. № 5. С. 75–77; Н.Ф. Кузнецова. Преступление и преступность. С. 119–132.

⁵⁶ А.Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву. С. 331.

⁵⁷ Н.Д. Дурманов. Понятие преступления. С. 266.

⁵⁸ Т.В. Церетели, В.Г. Макашвили. Состав преступления как основание уголовной ответственности. «Советское государство и право». 1954. № 5. С. 75.

⁵⁹ Там же. С. 76.

⁶⁰ Оправдательный приговор народного суда Сиротинского района Витебской области от 16 января 1961 г. по делу А.

⁶¹ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962. С. 369.

⁶² Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий. Т. 2. Особенная часть. Свердловск, 1962. С. 425; Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971. С. 340.

⁶³ Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967. С. 459.

⁶⁴ Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969. С. 466.

⁶⁵ Комментарий УК РСФСР. М., 1963. С. 463.

⁶⁶ Необходимость конкретизации таких признаков состава, как тяжкие последствия, признают большинство авторов. См., например: Б.С. Никифоров. Итоги кодификации Советского уголовного законодательства и некоторые вопросы совершенствования уголовно-правовых норм (см.: Научная конференция «Проблемы советского уголовного права в период развернутого строительства коммунизма». Л., 1963. С. 17); А. Наумов. О конкретизации тяжких последствий. «Советская юстиция». 1972. № 11.

⁶⁷ Н.Д. Дурманов. Понятие преступления. С. 266.

⁶⁸ Там же. С. 270.

⁶⁹ С.Ф. Кечекьян. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958. С. 15.

⁷⁰ Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1952. С. 276.

⁷¹ М.Д. Шаргородский. Научный прогресс и уголовное право. «Советское государство и право». 1969. № 12. С. 89.

⁷² М.Г. Угрехелидзе. Уголовная ответственность за неосторожность. «Советское государство и право». 1969. № 12. С. 110.

⁷³ М.Д. Шаргородский. Научный прогресс и уголовное право. «Советское государство и право». 1969. № 12. С. 91–92.

⁷⁴ См., например: Советское уголовное право. Общая часть. М., 1969. С. 176.

⁷⁵ А.Б. Сахаров. Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. М., 1956. С. 112, 113.

⁷⁶ Н.Ф. Кузнецова. Значение преступных последствий. С. 92, 93; Б.С. Волков. Проблема воли и уголовная ответственность. Казань, 1965. С. 41.

⁷⁷ И. Филановский. Составы с простой и сложной формой вины. «Советская юстиция». 1967. № 14.

⁷⁸ П.С. Дагель. Проблемы вины в советском уголовном праве. Владивосток, 1968. С. 131.

⁷⁹ Там же. С. 133.

⁸⁰ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. М., 1970. С. 492.

⁸¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1947. Вып. I (XXXV). С. 9.

⁸² Судебная практика Верховного Суда СССР. 1956. № 6. С. 15. См. также: дело Гапанюка (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1959. № 5. С. 6–7). Б.А. Куринов также отмечает, что предложения о целесообразности раздельного рассмотрения субъективного отношения виновного к общественно опасному действию и преступному результату находятся в противоречии с теми совершенно правильными положениями, которые сложились в нашей судебной практике (Б. Куринов. Понятие неосторожности в Основах уголовного законодательства. «Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Право». № 3. 1960. С. 15).

⁸³ Г. Кригер. Еще раз о смешанной форме вины. «Советская юстиция». 1967. № 3. С. 5.

⁸⁴ См.: Уголовное право БССР. Часть Особенная. Минск, 1971. Гл. 13.

⁸⁵ Например, вч. 1 ст. 137 (ч. 1 ст. 140) УК.

⁸⁶ Например, УК Социалистической Федеративной Республики Югославии 1951 г. различает умышленное нарушение правил безопасности движения транспорта (ч. 1 ст. 271) и неосторожное нарушение тех же правил (ч. 3 ст. 271), умышленное нарушение правил безопасности при производстве строительных работ (ч. 1 ст. 270) и неосторожное нарушение тех же правил (ч. 2 ст. 270).

⁸⁷ Так, по законодательству СССР не образует состава преступления неосторожное создание опасности нарушением правил безопасности движения железнодорожного, водного и воздушного транспорта (ч. 2 ст. 22 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления от 25 декабря 1958 г., ч. 2 ст. 82 УК).

⁸⁸ Советские уголовные кодексы не разграничивают составы поставления в опасность по формам вины, как это имеет место в УК СФРЮ.

⁸⁹ См.: В.Д. Пакутин. Некоторые вопросы ответственности за преступные нарушения правил производства строительных работ и работ в горной промышленности. «Уч. зап. ВИЮН». Вып. 7. 1959. С. 150).

⁹⁰ См.: Расследование дел о вредительских и диверсионных актах, совершаемых при помощи и под видом нарушения правил по технике безопасности. «Пособие для следователя». М., 1937. С. 8.

⁹¹ Я.С. Дагель. Проблемы вины в советском уголовном праве. С. 141.

⁹² Г. Кригер. Еще раз о смешанной форме вины. «Советская юстиция». 1967. № 3. С. 6; И.Г. Филановский. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. С. 154.

⁹³ Е. Фролов, А. Свинкин. Двойная форма вины. «Советская юстиция». 1969. № 7. С. 8.

⁹⁴ Следует согласиться с В. Кириченко в том, что разграничение форм вины необходимо и в отношении обстоятельств, которые не относятся между собой как действие (бездействие) и последствие. Так, при изнасиловании несовершеннолетней преступление совершается с прямым умыслом, а в отношении несовершеннолетия потерпевшей вина может быть неосторожной (В. Кириченко. Смешанные формы вины. «Советская юстиция». 1966. № 19. С. 14).

⁹⁵ М.И. Блум. Ответственность за преступную халатность должностных лиц по советскому уголовному праву. «Уч. зап. Латв. гос. ун-та». Т. XII. Юрид. науки. Вып. I. Рига, 1957. С. 182.

⁹⁶ Н.С. Таганцев. Русское уголовное право. Часть Общая. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1902. С. 702; А.Я. Трайнин. Общее учение о составе преступления, С. 307; А.А. Пионтковский. Курс советского уголовного права. Т. II. М., 1970. С. 428–429; Я.Д. Дурманов. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. С. 124–125; И.С. Тишкевич. Приготовление и покушение по уголовному праву. М., 1958. С. 198–199;

В. Кудрявцев. Квалифицировать преступление в строгом соответствии с законом. «Советская юстиция». 1963. № 13. С. 7; Э.Ф. Побегайло. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 59; и т.д.

⁹⁷ А. Mogilnicki. Zamiar wynikowy i usiłowanie. «Państwo i prawo». 1948. № 1. S. 70.

⁹⁸ W. Bugajski. Zamiar ewentualny i usiłowanie. «Nowe prawo». 1961. № 1. S. 30.

⁹⁹ В двух случаях для наличия состава преступления закон требует только прямого умысла: во-первых, когда само преступление немислимо при иной форме вины (например, кража); во-вторых, когда в самом законе субъективная сторона данного преступления ограничена прямым умыслом. См., например, ст. 123 (125) УК.

¹⁰⁰ Возражая против такого аргумента, высказанного в польской литературе С. Сливинским (S. Śliwiński. Polskie prawo karne materialne. Warszawa, 1946. S. 302) и В. Вольтером (W. Wolter. Prawo karne. Część ogólna. Warszawa, 1947), Д. Могильницкий говорит, что закон признает одинаково опасным и оконченное, и неоконченное преступление, устанавливая одинаковую ответственность (см.: Państwo i prawo. 1948. № 1/23. S. 71).

Это действительно так, если исходить только из того, что оконченное и неоконченное преступления преследуются по одной и той же статье, в которой наказание не дифференцируется в зависимости от того, окончено ли преступление. В то же время закон признает отсутствие последствий смягчающим обстоятельством. Следовательно, оконченное и неоконченное преступления не являются одинаково опасными, как прямой и косвенный умысел.

¹⁰¹ Э. Немировский. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. С. 574.

¹⁰² П.С. Дагель. О косвенном умысле при предварительной преступной деятельности. «Вопросы государства и права». Л., 1964. С. 192.

¹⁰³ Б.С. Утевский. Вина в советском уголовном праве. М., 1950. С. 258.

¹⁰⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1960. № 5. С. 37.

¹⁰⁵ М.М. Исаев, А.А. Пионтковский. Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда Союза ССР. М., 1947. С. 39.

¹⁰⁶ В.Я. Лившиц. К вопросу о понятии эвентуального умысла. «Советское государство и право». 1947. № 7. С. 43.

¹⁰⁷ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. М., 1970. С. 448–449.

¹⁰⁸ Приговор народного суда Брагинского района Гомельской области от 11 июня 1956 г. по делу К.

¹⁰⁹ А. Хаданов. Огнестрельный случай. «Комсомольская правда» от 11 января 1961 г.

¹¹⁰ Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1964. № 12. С. 15.

¹¹¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 5. С. 24.

¹¹² А.Н. Трайнин. Общее учение о составе преступления. С. 200–201; А.А. Пионтковский. Курс советского уголовного права. Т. II. М., 1970.

С. 304; В.Д. Меньшагин. Советское уголовное право. Часть Общая. М., 1962. С. 146.

¹¹³ См.: П.С. Дагель. Проблемы вины в советском уголовном праве. С. 91–94.

¹¹⁴ Г.А. Злобин, Б.С. Никифоров. Умысел и его формы. М., 1972. С. 105, 106, 108.

¹¹⁵ Там же. С. 257.

¹¹⁶ И. Ненов. Наказателю право на Народна Република България. Особена част. Т. 1. Особена част. Т. 1. София, 1956. С. 358; Lehrbuch des Strafrechtes der Deutschen Demokratischen Republik. Allgemeiner Teil. Berlin, 1959. S. 430; Československé trestní právo. Svazek, Obecná část. Praha, 1957. S. 271; W. Bugajski. Zamiar ewentualny i usiłowanie. «Nowe prawo». 1961. № 1. S. 21.

Глава 2

¹ Охрана труда. Учебное пособие. Изд. 2-е. М., 1956. С. 156.

² И.И. Слуцкий. Ответственность за нарушение правил по технике безопасности. Л., 1953. С. 23; М.С. Браинин, Э.Д. Куранова, Н.П. Косоплечев. Расследование преступных нарушений правил техники безопасности. М., 1958, С. 13; М.И. Федоров. Охрана труда как объект преступного посягательства. «Уч. зап. Перм. гос. ун-та им. М. Горького». Т. XV. Вып. 3. Пермь, 1958. С. 155; С. Булатов в работе «Ответственность за преступления против политических, трудовых и других прав граждан по уголовному кодексу Казахской ССР» (Алма-Ата, 1962) объектом этого преступления считает «социалистические условия труда, обеспечивающие жизнь и здоровье трудящихся на производстве» (с. 25).

³ И. Горелик, М. Меркушев. Преступления против личности в проекте УК БССР. «Правоведение». 1960. № 2. С. 153.

⁴ М.Г. Сердюков. Судебная гинекология и судебное акушерство. М., 1957. С. 372.

⁵ З.Г. Корчева. Объект нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта. «Уч. зап. Харьков. юрид. ин-та». Вып. XV. 1961. С. 229.

⁶ Н.С. Алексеев. Транспортные преступления. Л., 1957. С. 53.

⁷ В.Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Т. IV. М., 1970. С. 200.

⁸ Б.А. Куриное. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965. С. 27; Уголовное право. Часть Особенная. М., 1968. С. 104.

⁹ Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1951. С. 131.

¹⁰ Б.А. Куринов. Указ. соч. С. 24.

¹¹ А.А. Жижиленко. Преступления против личности. М. – Л., 1927. С. 5.

¹² А.А. Пионтковский. Советское уголовное право. Т. 2. Особенная часть. М., 1928. С. 372, 382, 383.

¹³ Уголовное право. Особенная часть. Изд. 2-е. М., 1939. С. 190.

¹⁴ А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955. С. 603; Курс советского уголовного права. Т. V. М., 1971. С. 126.

¹⁵ А.А. Жижиленко. Преступления против личности. С. 57, 58.

¹⁶ А.А. Пионтковский. Советское уголовное право. Т. 2. Особенная часть. 1928. С. 372.

¹⁷ А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. 1. С. 603.

¹⁸ А.А. Пионтковский. Курс советского уголовного права. Т. V. М., 1971. С. 127.

¹⁹ БСЭ. Изд. 2-е. Т. 38. С. 52.

²⁰ А.П. Трайнин. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 259.

²¹ Основные правила по технике безопасности, промышленной санитарии и иные правила охраны труда, к которым следует обращаться при применении ст. 137 УК, содержатся в «Справочнике по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии» в 4 т. Сост.: Ю.А. Духанин, Я.М. Осминкин, С.С. Сидорочкин [и др.]. Под общ. ред. А.И. Игнатка. 4-е перераб. изд. Л., 1969–1972 гг.

²² М.С. Гринберг. Момент оправданного риска в производственном процессе и его уголовно-правовое значение. «Советское государство и право». 1954. № 1. С. 107.

²³ Закон Белорусской ССР о здравоохранении. «Советская Белоруссия» от 9 июня 1970 г.; Законодательство по здравоохранению. Т. 1. М., 1955.

²⁴ Правила технической эксплуатации железных дорог Союза ССР. М., 1972; Инструкция по движению поездов и маневровой работе на железных дорогах Союза ССР, М., 1971; Инструкция по сигнализации на железных дорогах Союза ССР. М., 1971; Инструкция по эксплуатации тормозов подвижного состава железных дорог. М., 1972; Правила по технике безопасности и производственной санитарии при производстве работ в путевом хозяйстве. М., 1961; Устав железных дорог СССР. М., 1964; Устав о дисциплине работников железнодорожного транспорта СССР. М., 1964; Инструкция по устройству и обслуживанию поездов. М., 1966.

²⁵ Правила плавания по внутренним водным путям РСФСР. М., 1959; Местные правила плавания по внутренним судоходным путям Белорусской ССР. Гомель, 1966; Правила технической эксплуатации речного транспорта СССР. Изд. 6-е. 1958; Устав службы на судах Министерства речного флота РСФСР. 1959; Устав внутреннего водного транспорта СССР. 1956; Правила технической эксплуатации транспортных гидротехнических сооружений. 1958; Инструкция о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях РСФСР. М., 1971; СП СССР. 1966. № 24.

В части, относящейся к морскому транспорту, ст. 85 УК РСФСР опирается на международные правила для предупреждения столкновения судов в море 1948 г. (Сборник международных конвенций, договоров, соглашений и правил по вопросам торгового мореплавания. М., 1959), Правила технической эксплуатации судов морского флота от 20 сентября 1952 г. (Сборник нормативных актов по морскому транспорту.

М., 1968), Инструкцию о порядке выпуска судов в море капитанам и портов от 22 апреля 1955 г. (там же), Положение о порядке расследования аварий морских судов от 12 февраля 1957 г. (там же) и другие нормативные акты.

²⁶ Воздушный кодекс СССР (СЗ БССР. 1961. № 39); Основные правила полетов на территории СССР. М., 1947.

²⁷ ЗОС – земное обеспечение самолетовождения.

²⁸ Закон Белорусской ССР о здравоохранении. «Советская Белоруссия» от 9 июня 1970 г.; СП СССР. 1973. № 16. Ст. 86; Сборник важнейших официальных материалов по санитарным и противоэпидемическим вопросам. Кн. 1. М., 1953; Кн. 2. М., 1953; Кн. 3. М., 1954.

²⁹ Таковую же формулировку содержала первая редакция ст. 224 УК РСФСР. Принятым в РСФСР законом от 25 июля 1962 г. (см.: Советская юстиция. 1962. № 15–16) редакция ст. 224 УК изменена. Последняя сейчас различает «наркотические вещества» (ч. 1 ст. 224) и «другие сильнодействующие или ядовитые вещества, не являющиеся наркотическими».

³⁰ Текст Единой конвенции о наркотических средствах см.: Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXIII. М., 1970; Справочник основных руководящих документов по аптечному делу. Л., 1972; Государственная фармакопея СССР. Изд. 10-е. М., 1968; Справочник по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии. Т. 3, С. 293 и след.; Правила перевозок пассажиров и багажа по железным дорогам Союза ССР. М., 1970; Правила перевозок грузов. М., 1967.

³¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 22. Ст. 425. Также: Уголовное законодательство СССР и союзных республик. М., 1957. С. 35.

³² Единые правила безопасности при взрывных работах. М., 1968; Санитарные правила работы с радиоактивными веществами и источниками ионизирующих излучений. М., 1960; Правила перевозок пассажиров и багажа по железным дорогам Союза ССР. М., 1970; Правила перевозок грузов. М., 1967. См. также примечание 21 к гл. 2.

³³ См. примечание 23 к гл. 2.

³⁴ «Правила дорожного движения». М., 1972; Боевой Устав пожарной охраны. М., 1954.

³⁵ § 4 п. «г» Правил регистрации некооперированных кустарей и ремесленников (см.: Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971. С. 260); СЗ БССР. 1959. № 3. Ст. 85.

³⁶ П.И. Люблинский. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. Петроград, 1917. С. 24.

³⁷ Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 1. Л., 1968. С. 79.

³⁸ Уголовный кодекс Грузинской ССР говорит: «Производство аборта врачом вне больницы или родильного дома либо в антисанитарных условиях» (ст. 123, ч. 1). Уголовный кодекс Узбекской ССР формулирует состав как «производство врачом аборта вне больницы

или других лечебных учреждений» (п. «а» ст. 102). Аналогичную формулировку содержит ч. 1 ст. 115 Уголовного кодекса Азербайджанской ССР.

³⁹ По такому пути пошел Уголовный кодекс Эстонской ССР, хотя сформулировал состав как материальный. Статья 126 этого кодекса гласит: «Неоказание без уважительных причин медицинской помощи больному медицинским работником, который был обязан и имел возможность оказать такую помощь, если в результате этого бездействия наступили тяжкие последствия».

⁴⁰ Т.В. Церетели. Деликты создания опасности. «Советское государство и право». 1970. № 8. С. 63.

⁴¹ Соответственно: приговор народного суда 1-го участка Оршанского района Витебской области от 25 апреля 1957 г.; приговор народного суда Лиозненского района Витебской области от 23 марта 1955 г.; приговор народного суда 1-го участка Октябрьского района г. Минска от 20 сентября 1955 г.; постановление прокурора г. Гродно от 4 февраля 1964 г.

⁴² А. Харитановский. Пять дней под снегом. «Советская Белоруссия» от 25 января 1966 г.

⁴³ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1966. № 5. С. 24.

⁴⁴ См. примечание 40 к гл. 2.

⁴⁵ Ранее автор предлагал это в работе «Ответственность за поставление в опасность по советскому уголовному праву». Минск, 1964. С. 45.

Глава 3

¹ УК РСФСР (ч. 1 ст. 140), УК АрмССР (ч. 1 ст. 138), УК ЛатвССР (ч. 1 ст. 134), УК ЛитССР (ч. 1 ст. 141), УК МССР (ч. 1 ст. 139), УК ТаджССР (ч. 1 ст. 149), УК ТССР (ч. 1 ст. 151). Вместо «нарушение могло повлечь несчастные случаи с людьми» уголовные кодексы УССР (ч. 1 ст. 135), АзССР (ч. 1 ст. 137), УзССР (ч. 1 ст. 142) и ЭССР (ч. 1 ст. 135) говорят «нарушение создавало опасность для жизни и здоровья трудящихся». УК КиргССР (ч. 1 ст. 136), УК КазССР (ч. 2 ст. 126), УК УзССР (ч. 1 ст. 142) и УК ЭССР (ч. 1 ст. 135) говорят о нарушении правил техники безопасности, которое «заведомо создавало опасность для жизни и здоровья людей».

² А.Б. Сахаров. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958. С. 41; В.Ф. Кириченко. Виды должностных преступлений по советскому уголовному праву. М., 1959. С. 153.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. М., 1970. С. 508.

⁴ Соответственно: Я. Яблоков. Квалификация преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности. «Советская юстиция». 1968. № 3. С. 5; Я.Я. Лановенко. Уголовная ответственность за преступления против трудовых прав граждан и безопасности производства в Украинской ССР. Автореф. докт. дис. Киев, 1972. С. 30.

⁵ Б.В. Цейтлин. Техника безопасности в машиностроении. М., 1952. С. 9.

⁶ Б.В. Цейтлин. Упомянутая работа. С. 9; К.В. Павлов. Основы техники безопасности в горной промышленности. М., 1954. С. 9; Р.Д. Певзнер. Техника безопасности на предприятиях промышленности строительных материалов. М., 1948. Р.Д. Певзнер вообще не употребляет термина «промышленная санитария», говоря во всех случаях о технике безопасности.

⁷ О соотношении правил технической эксплуатации и техники безопасности см.: М.И. Федоров. Охрана труда как объект преступного посягательства. «Уч. зап. Перм. гос. ун-та им. М. Горького». Т. XV. Вып. 3. 1958. С. 169–171.

⁸ См. гл. XI и XII Кодекса законов о труде Белорусской ССР 1972 г.

⁹ З. Ельянов. Записки технического инспектора. М., 1958. С. 124.

¹⁰ Я.Я. Яблоков. Общее понятие, система и классификация преступлений, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности. «Вестник Моск. ун-та, право». 1969. № 2. С. 45–46; Я.Я. Яблоков. Ответственность за нарушения правил охраны труда и техники безопасности. «Советская юстиция». 1972. № 8. С. 8.

¹¹ Опубликовано в журнале: Охрана труда и социальное страхование. 1966. № 9. С. 42–45 и Справочнике по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии. Т. 1. 1969. С. 84; в книге: Охрана труда. Сборник официальных документов. М., 1971. С. 84.

¹² Неосторожное легкое телесное повреждение предусмотрено в уголовных кодексах ЛатвССР (ч. 2 ст. 110) и УзССР (ч. 1 ст. 92).

¹³ См.: Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий. Т. 2. Свердловск, 1962. С. 225.

¹⁴ Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» (ст. 47) на колхозы распространены действующие в МТС правила техники безопасности и промышленной санитарии (СП СССР. 1958. № 7. С. 62). Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 февраля 1959 г. «О мерах по дальнейшему укреплению рыбооловецких колхозов и реорганизации моторно-рыбооловецких станций» (ст. 18) на рыбооловецкие колхозы распространены действующие в моторно-рыбооловецких станциях правила техники безопасности и производственной санитарии (СП СССР. 1959. № 2. Ст. 11). Постановление Совета Министров БССР от 3 августа 1960 г. № 434 «О состоянии и мерах по улучшению охраны труда учащихся общеобразовательных школ» (СЗ БССР. 1960. № 21. Ст. 168).

¹⁵ И.И.Слущкий предлагал установить правила по безопасным приемам работы домашних работниц (см. журнал: Правоведение. 1960. № 2. С. 176).

¹⁶ Трудовые резервы СССР. Сборник официальных материалов. М., 1950. С. 6; СЗ БССР. 1960. № 21. Ст. 163.

¹⁷ В.Д. Пакутин. Субъект уголовной ответственности за нарушение правил об охране труда. «Уч. зап. ВЮЗИ». Вып. 3. 1957. С. 169, 175.

¹⁸ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1955. № 1. С. 14–15.

¹⁹ И.П. Лановенко предлагает ввести в уголовные кодексы состав нарушения правил техники безопасности рядовыми работниками,

если это повлекло несчастные случаи с людьми (см. примечание 4 к гл. 3).

²⁰ М.С. Гринберг. Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963. С. 94.

²¹ Такое мнение высказано в статье польского криминалиста А. Губинского «Риск, связанный с новаторством» (*Raństwo i prawo*. 1960. № 1. S. 65).

²² М.С. Гринберг. Момент оправданного риска в производственном процессе и его уголовно-правовое значение. «Советское государство и право». 1954. № 1. С. 106.

²³ Подробней см.: М.С. Гринберг. Проблема производственного риска в уголовном праве. С. 75 и след.

²⁴ Приговор народного суда Дрогичинского района Брестской области от 10 декабря 1956 г. по делу С. и Д.

²⁵ В.Н. Кудрявцев. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 225.

²⁶ Приговор народного суда Желудокского района Гродненской области от 2 июля 1957 г. по делу Л. и К. Также: Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1941. С. 52; Судебная практика Верховного Суда СССР. 1951. № 2. С. 17; и т.д.

²⁷ Положение о государственном санитарном надзоре. СП СССР. 1963. № 20. Ст. 199.

²⁸ БСЭ. Т. 49. Изд. 2-е. С. 119.

²⁹ Там же.

³⁰ Курс советского уголовного права. Т. VI. М., 1971. С. 432.

³¹ Комментарий УК РСФСР. М., 1963. С. 4–70; Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969. С. 470; Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967. С. 475.

³² Бюллетень Верховного суда РСФСР. 1972. № 12. С. 6.

³³ М. Орлов. Редкий, но тяжкий вид преступлений. «Социалистическая законность». 1967. № 1. С. 62–63.

³⁴ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. С. 494.

³⁵ Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1971. С. 404.

³⁶ Э.Х. Чекушев. Уголовная ответственность за преступления, связанные с наркотическими веществами. «Вопросы судебной экспертизы и уголовного процесса». Ташкент, 1965. С. 162.

³⁷ Правила перевозок пассажиров и багажа по железным дорогам Союза ССР. М., 1970 (§ 63, 78, 122, 134); Правила перевозок грузов. М., 1967 (раздел 30).

³⁸ Курс советского уголовного права. Т. VI. М., 1971. С. 375.

³⁹ Комментарий УК РСФСР. М., 1963. С. 474; Э.Х. Чекушев. Упомянутая статья. С. 167.

⁴⁰ См.: Л.Н. Анисимов. Международно-правовые вопросы борьбы с незаконным применением и распространением наркотических средств. «Правоведение». 1970. № 6; Л.Н. Галенская. Международная борьба с преступностью. М., 1972. С. 61–73.

⁴¹ Статья 205 УК БССР в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 21 мая 1966 г. СЗ БССР. 1966. № 16. Ст. 183; ст. 210 УК РСФСР в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1965 г. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 27. Ст. 670.

⁴² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. М., 1970. С. 502.

⁴³ «Советская Белоруссия» от 23 июня 1972 г.; также: СЗ БССР. 1972. № 18. Ст. 261.

⁴⁴ Такое же мнение высказывает М.И. Блум. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность и пьянство. «Вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей». Рига, 1971. С. 181–182.

⁴⁵ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. М., 1970. С. 456.

⁴⁶ Вопросы эффективности уголовно-правовых мер воздействия на несовершеннолетних правонарушителей. Рига, 1971. С. 177.

⁴⁷ К. Кенни. Основы уголовного права. М., 1949. С. 68.

⁴⁸ См. ст. 149 (152), 154 (157), 169 (173), 169-1 (174-1), 170 (174), 257 (268) УК.

⁴⁹ См., например, ст. 87 (89), 88 (90), 90 (93), 91 (92), 141 (144), 142 (145), 144 (147) УК.

⁵⁰ В редакционной статье «Взяточничество – тягчайшее преступление» журнал «Советская юстиция» (1962. № 5. С. 22) разделяет это мнение.

⁵¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. М., 1970. С. 471.

⁵² В.П. Малков. Повторность преступлений. Казань, 1970. С. 104.

⁵³ Там же. С. 108–109.

⁵⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 40. С. 392.

⁵⁵ І.Б. Вейнеров, М.Н. Бухарович. Що треба знати про венеричні хвороби. Київ, 1971.

⁵⁶ БМЭ. Т. 15. М., 1960. С. 1179; Т. 19. М., 1961. С. 727.

⁵⁷ Курс советского уголовного права. Т. V. М., 1971. С. 124; также: Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967. С. 274.

⁵⁸ И. Викторов. Уголовная ответственность за распространение венерических болезней. «Социалистическая законность». 1972. № 8. С. 45.

⁵⁹ И.Я. Бычков, Н.С. Исаев. Уголовная ответственность за заражение венерической болезнью. М. – Л., 1931. С. 25.

⁶⁰ М.Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья. М., 1947. С. 350.

⁶¹ Н.И. Загородников. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 117.

⁶² Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. С. 897.

⁶³ М.Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья. С. 351.

- ⁶⁴ Я.И. Загородников. Преступления против здоровья. С. 115–116.
- ⁶⁵ Толковый словарь русского языка. Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 1. С. 394.
- ⁶⁶ Зубной техник имеет право на техническое изготовление по заданию врача-протезиста зубных, челюстных и лицевых протезов, но не имеет права заниматься клиническим зубопротезированием (см. Положение о правах и обязанностях зубного техника. «Справочник медицинского работника». М., 1950. С. 25).
- ⁶⁷ М. Авдеева. Ответственность за незаконное врачевание. «Советская юстиция». 1966. № 2. С. 13.
- ⁶⁸ Приговор народного суда Дуниловичского района б. Молодеченской области от 24 июня 1959 г. по делу Доломанова.
- ⁶⁹ Сборник постановлений Президиума и определений судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР. 1957–1959. М., 1960. С. 262.
- ⁷⁰ И.Ф. Огарков. Врачебные правонарушения и уголовная ответственность за них. Л., 1966. С. 73.
- ⁷¹ С.Н. Ягубов. К вопросу об ответственности за незаконное врачевание. Девятая расширенная конференция ленинградского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов. Л., 1955. С. 164.
- ⁷² Там же. С. 165.
- ⁷³ Советское уголовное право. Особенная часть. М., 1958. С. 342.
- ⁷⁴ И.Ф. Огарков. Упомянутая работа. С. 74.
- ⁷⁵ Приговор народного суда 2-го участка Осиповичского района Могилевской области от 27 января 1959 г. по делу Наливайко. Определение областного суда от 10 февраля 1959 г. по тому же делу.
- ⁷⁶ «Советская Белоруссия» от 4 июля 1959 г.
- ⁷⁷ Е. Шатров. Витаген-Лешукен. Здоровье. 1958. № 8; Г. Анашкин. Три мнения двух юристов. «Известия» от 12 октября 1960 г.; Б. Хромов. Крах мадам Лешук. «Известия» от 24 ноября 1960 г.
- ⁷⁸ Советская юстиция. 1961. № 2. С. 31.
- ⁷⁹ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1945. Вып. 1. С. 14–17.
- ⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20. С. 21.
- ⁸¹ Kenny's outlines of criminal law, 17-th edition. Cambridge. 1958. P. 120.
- ⁸² Там же. P. 177.
- ⁸³ М.М. Гродзинский. Преступления против личности. М., 1924. С. 4.
- ⁸⁴ А.А. Пионтковский. Советское уголовное право. Т. 2. М., 1928. С. 341.
- ⁸⁵ Ф. Лист. Учебник уголовного права. Особенная часть. М., 1905. С. 5.
- ⁸⁶ Уголовное право. Особенная часть. М., 1939. С. 154.
- ⁸⁷ Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1951. С. 181; Курс советского уголовного права. Т. V. М., 1971. С. 22.
- ⁸⁸ Я.И. Загородников. Преступления против жизни. М., 1961. С. 35.
- ⁸⁹ Соответственно: Dressler U., M. Naundorf. Verbrechen gegen die Person. Berlin, 1955. S. 19; И. Ненов. Наказательно право на народна Република България. Особена част. Т. 1. София, 1956. С. 330. Československé trestní právo. Svazek II. Zvláštní část. Praha, 1957.

⁹⁰ Уголовные кодексы: УССР (ст. 96), ЛатвССР (ст. 100), ЛитССР (ст. 106), ЭССР (ст. 102), МССР (ст. 92), АзССР (ст. 96), КиргССР (ст. 97), ТаджССР (ст. 106). Также: Уголовный кодекс ГДР 1968 г. (§ 113, п. 2); Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии 1968 г. (ст. 120); и др.

⁹¹ А.А. Пионтковский, В.Д. Меньшагин. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. I. М., 1955. С. 614.

⁹² Г.А. Мендельсон. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 19.

⁹³ Приговор народного суда Логойского района Минской области от 11 июня 1958 г.

⁹⁴ БМЭ. Т. I. С. 44.

⁹⁵ М.Г. Сердюков. Судебная гинекология и судебное акушерство. М., 1957. С. 320.

⁹⁶ Приговор народного суда 2-го участка г. Полоцка Витебской области от 28 марта 1958 г. по делу К.; приговор народного суда 2-го участка Пинского района Брестской области от 6 января 1960 г. по делу К.

⁹⁷ Н.И. Загородников. Преступления против здоровья., С. 125–126; Г.А. Мендельсон. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 16; М.И. Ковалев. Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий. Т. 2. Свердловск, 1962. С. 170.

⁹⁸ Я.С. Лапшина. Аборт. М., 1939. С. 15.

⁹⁹ U.Dressler, M. Naundorf. Verbrechen gegen die Person. Berlin, 1955. S. 71.

¹⁰⁰ В. Maurach. Deutsches Strafrecht. Besonderer Teil. 2 Auflage. Karlsruhe, 1956. S. 50.

¹⁰¹ М.Д. Шаргородский. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 423.

¹⁰² Приговор народного суда Лельчицкого района Гомельской области от 8 мая 1959 г. по делу Г.; дело 1-57 народного суда 2-го участка Ветковского района Гомельской области. Приговор от 4 августа 1959 г.; Приговор народного суда Берестовицкого района Гродненской области от 29 сентября 1958 г. по делу Ш.

¹⁰³ Приговор народного суда Ганцевичского района Брестской области от 24 февраля 1958 г. по делу Г.; приговор народного суда Скидельского района Гродненской области от 17 марта 1961 г. по делу М.; приговор народного суда 2-го участка г. Минска от 14 мая 1959 г. по делу Т.

¹⁰⁴ Приговор народного суда Толочинского района Витебской области от 10 июля 1956 г. по делу В. Некоторые авторы считают, что если беременность не была прервана, то такого рода деяния должны квалифицироваться как покушение на аборт (см.: Я.И. Загородников. Преступления против здоровья. С. 130).

¹⁰⁵ Г.А. Мендельсон. Упомянутая работа. С. 25.

¹⁰⁶ Уголовные кодексы ЛатвССР (ст. 113), ТаджССР (ст. 119) и ТССР (ст. 121) определенно говорят о «производстве аборта врачом... в лечебном заведении, но без законного основания».

¹⁰⁷ Я.И. Загородников. Преступления против здоровья. С. 123.

¹⁰⁸ Там же. С. 132.

¹⁰⁹ Определение УСК Верховного Суда СССР от 20 марта 1946 г. по делу О. «Судебная практика Верховного Суда СССР». 1946. Вып. 4. С. 15.

¹¹⁰ К «иным тяжким последствиям» менее тяжкие телесные повреждения относят: Я.И. Загородников. Преступления против жизни и здоровья. С. 138; М.И. Ковалев. См.: Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий. Т. 2. Свердловск, 1962. С. 172.

¹¹¹ Правила по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденные Министерством здравоохранения БССР от 25 апреля 1961 г. (ст. 17, 18).

¹¹² Приговор народного суда Славгородского района Могилевской области от 26 июля 1960 г. по делу А.

¹¹³ Я.И. Люблинский. Ответственность за понуждение к производству аборта. Социалистическая законность. 1936. № 3. С. 25.

¹¹⁴ СЗ СССР. 1936. № 34; СЗ БССР. 1936. № 30.

¹¹⁵ Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. № 15.

¹¹⁶ Приговор народного суда 2-го участка Октябрьского района г. Минска от 22 февраля 1957 г. по делу Г. и В.

¹¹⁷ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 26 мая 1972 г. по делу Т. Действия Т. народным судом были неправильно квалифицированы по ст. 17 и ч. 3 ст. 114 УК БССР.

¹¹⁸ Г.А. Мендельсон. Упомянутая работа. С. 51.

Глава 4

¹ С. Мокринский, В. Натансон. Преступления против личности. Комментарий к VI главе. Харьков, 1928. С. 82.

² М. Водопьянов. Трое в тайге. «Комсомольская правда» от 11 декабря 1953 г.

³ Дело № 1-152 народного суда г. Бреста. Приговор от 22 декабря 1960 г. по делу К. Постановлением следователя от 30 сентября 1960 г. дело в отношении Х. и Л. было прекращено на том основании, что они наказаны в дисциплинарном порядке.

⁴ Я.С. Таганцев. О преступлениях против жизни по русскому праву. Т. II. СПб., 1870. С. 464.

⁵ Я.Я. Фойницкий. Курс уголовного права. Часть особенная. Посягательства личные и имущественные. Изд. 7-е. Петерб., 1916. С. 53–54.

⁶ В уголовных кодексах АрмССР (ч. 2 ст. 128), КазССР (ч. 2 ст. 110), УССР (ч. 2 ст. 111) наступление смерти или иных тяжких последствий при неоказании помощи рассматривается в качестве квалифицированного вида этого преступления.

⁷ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1942. М., 1947. С. 103.

⁸ Уголовные кодексы АрмССР (ст. 128), УССР (ст. 112).

⁹ Приговор Минского областного суда от 23 марта 1957 г.

¹⁰ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 5 апреля 1957 г.

¹¹ Н.С. Таганиев. О преступлениях против жизни по русскому праву. С. 464.

¹² Ф. Лист. Учебник уголовного права. Часть Особенная. СПб., 1905. С. 26.

¹³ R. Hale. Prima Facie Torts, Combination and Non Feasans. Columbia Law Review. 1946. Vol. XLVI. № 2. P. 214.

¹⁴ Н.С. Тимашев. Проблема невмешательства в уголовном праве. «Журнал Министерства юстиции». 1916. № 10. С. 136.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1948. С. 49.

¹⁶ В.И. Ленин. Помощь голодающим и думская тактика. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 237.

¹⁷ Наводнение в Северной Италии. «Правда» от 19 ноября 1951 г.

¹⁸ Последствия наводнения в Голландии. «Правда» от 13 февраля 1953 г.

¹⁹ А.Черви. Мои семь сыновей. М., 1956.

²⁰ Уголовный кодекс Франции (ст. 349, 352); Итальянский уголовный кодекс (ст. 593, ч. 1 и 2); Уголовный кодекс Дании (§ 235); Уголовный кодекс Японии (§ 217, 218, ч. 1); и т.д.

²¹ Państwo i prawo. 1960. № 12.

²² Соответственно: ст. 4, 44, 47 Боевого Устава пожарной охраны, утвержденного Приказом МВД СССР № 150 от 28 октября 1953 г.; ст. 25 Воздушного кодекса СССР; п. «в» – «д» ст. 11 Правил дорожного движения 1972 г.; Бюллетень Верховного Суда СССР, 1970. № 6. С. 21–22.

²³ Организация спасательной службы в альпинизме подробно описана заслуженным мастером спорта А. Малеиновым в брошюре «Меры безопасности в альпинизме» (М., 1955).

²⁴ Б.В.Бокий. Горное дело. Изд. 2-е. М., 1954. С. 500.

²⁵ Статьи 27, 80, 90, 94, 95, 96, 99 Кодекса о браке и семье Белорусской ССР 1969 г.

²⁶ А.С. Горелик. Объективные основания и пределы уголовной ответственности за последствия при бездействии. «Правоведение». 1962. № 2. С. 109–110.

²⁷ Этих слов нет в ст. 110 УК КазССР, ст. 125 УК ЭССР и ст. 129 УК ГССР. Здесь законодатель, очевидно, считает, что если одно лицо поставило другое в опасное для жизни состояние, то (и это естественно) оно должно помочь ему.

²⁸ См.: Сборник международных конвенций, договоров, соглашений и правил по вопросам торгового мореплавания. М., 1959. Участником этой Конвенции, вступившей в силу в 1913 г., была и Россия. Постановлением СНК СССР от 2 февраля 1926 г. Конвенция признана действующей для СССР (СЗ СССР. 1926. № 31. Ст. 188 и 189).

²⁹ Международная конвенция 1960 г. по охране человеческой жизни на море ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 9 июля 1965 г. и вступила в силу для СССР 4 ноября 1965 г. Текст конвенции см.: Международная конвенция по охране челове-

ческой жизни на море 1960 года. Л., 1963. Текст конвенции 1948 г. см.: Международные конвенции по охране человеческой жизни на море. Л., 1965.

³⁰ В конвенции об открытом море (текст см.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 46 или СЗ БССР. 1962. № 3, 6), принятой в Нью-Йорке 30 октября 1958 г. и ратифицированной Президиумом Верховного Совета СССР 20 октября 1960 г., также указывается, что «каждое государство вменяет в обязанность капитану любого судна, плавающего под его флагом, поскольку капитан может это сделать, не подвергая серьезной опасности судно, экипаж или пассажиров: а) оказать помощь любому обнаруженному в море лицу, которому угрожает гибель, б) следовать со всей возможной скоростью на помощь погибающим, если ему сообщено, что они нуждаются в помощи, поскольку на такое действие с его стороны можно разумно рассчитывать» (ст. 12).

³¹ Кодекс торгового мореплавания Союза ССР. М., 1972.

³² П.С. Ромашкин. Военные преступления империализма. М., 1953. С. 95, 202.

³³ Нюрнбергский процесс. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1954. С. 551–552.

³⁴ Преступление капитана. «Правда» от 21 июля 1939 г.

³⁵ Приговор народного суда 2-го участка Слуцкого района Минской области от 31 мая 1954 г. по делу Е.

³⁶ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1952 г. № 3. С. 18–19.

³⁷ Приговор народного суда Дрогичинского района Брестской области от 17 октября 1956 г. по делу Ю. и Я.

³⁸ «Правда» от 3 марта 1936 г. и от 22 марта 1936 г.

³⁹ Бюллетень Наркомздрава РСФСР. 1926. № 5.

⁴⁰ И.И. Гурелик. Ответственность за оставление в опасности. М., 1960. С. 38.

⁴¹ Судебная практика РСФСР. 1931. № 5. С. 15.

⁴² Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР. 1938–1939 гг. М., 1940. С. 103.

⁴³ «Заболевшего человека нельзя оставлять без помощи. Если предоставить врачам право отказываться от приглашения, то в нужную минуту невозможно будет добыть врача. У меня в смертельной опасности близкий, дорогой мне человек. Я еду за врачом. Он выходит ко мне в прихожую, пережевывая бифштекс, и хладнокровно заявляет: «Я сейчас ужинаю, а после ужина лягу спать; ехать поздно, поищите другого врача». В другом месте мне отвечают, что врача нет дома, в третьем – что он играет в карты и не расположен ехать. Пока я рыскал по городу в поисках врача, больной умер, а мог бы быть спасен. Разве не врачи виноваты в его смерти и разве не заслуживают они тюрьмы?» (В. Вересаев. Соч. Т. 1. 1948. С. 645).

⁴⁴ Приговор народного суда Сталинского района Брестской области от 3 ноября 1955 г. по делу К.

⁴⁵ Бюллетень Наркомздрава. 1927. № 16. С. 15.

⁴⁶ См.: С.П. Мокринский. Медицина в ее конфликтах с уголовным правом. «Журнал Министерства юстиции». 1914. № 5. С. 90. Ф. Шаляпин

в своих воспоминаниях пишет: «Мать, сидя на койке сестры, говорила кому-то: «Что вы, разве можно человеку горло резать?..» Я догадывался, что горло резать хотят моей сестре. Это не удивило меня: «Здесь не разбойники, а больница. Значит, так надо, – резать горло». Но мать не согласилась на это, и сестра умерла» (Ф. Шаляпин. Страницы из моей жизни. Ростов, 1958. С. 34). Также: И.Ф. Крылов. Врач и закон. Л., 1972. С. 15–22.

⁴⁷ СУ РСФСР. 1924. № 88.

⁴⁸ Соответственно несколько замечаний о статье: И.А. Бычков. Юридические вопросы и хирургическая практика. «Хирургия». 1948. № 5. С. 16; Девятая расширенная конференция Ленинградского отделения Всесоюзного научного общества судебных медиков и криминалистов. Л., 1955. С. 164; О юридических вопросах в хирургической практике. «Хирургия». 1951. № 9. С. 5.

⁴⁹ Ф.Ю. Бердичевский. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970. С. 57.

⁵⁰ Девятая расширенная конференция Ленинградского отделения судебных медиков и криминалистов. Л., 1955. С. 164.

⁵¹ Приговор народного суда 2-го участка Пинского района Брестской области от 28 сентября 1959 г.

⁵² Н.И. Загородников. Преступления против здоровья. М., 1969. С. 19.

⁵³ Приговор народного суда Глубокского района б. Молодеченской области от 23 апреля 1956 г. по делу В.

⁵⁴ См.: Вестник современной медицины. 1928. № 11. С. 719.

⁵⁵ Мнения о ненаказуемости неоказания медицинской помощи заведомо безнадежному больному придерживаются отдельные авторы зарубежных социалистических стран. Так, К. Бухала (Польская Народная Республика) считает, что ответственность за неоказание помощи, если помощь не способна предотвратить результат, противоречит признанию объектом этого преступления жизнь человека (*Raństwo i prawo*. 1960. № 12. S. 1001). С этим следовало бы согласиться, если бы в таких случаях виновного привлекали к ответственности за причинение последствий. Между тем, как правильно указывает М. Ковалев, если бы последствия наступили, независимо от оказания или неоказания помощи, деяния виновного следовало бы квалифицировать как формальное преступление (ч. 1 ст. 126 УК), т.к. виновное лицо может нести уголовную ответственность только за последствия, которые стояли в причинной связи с его деяниями (Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий. Т. 2. Свердловск, 1960. С. 200).

⁵⁶ Законодательство по здравоохранению. Т. I. М., 1955.

⁵⁷ П.С. Дагель и С.Я. Улицкий предлагают «во избежание ошибок на практике и в целях согласования общесоюзного и республиканского законодательства» указать в ст. 126 (128) в качестве субъекта преступления медицинских и фармацевтических работников (см.: Советское государство и право. 1971. № 7. С. 104).

⁵⁸ Ф.Ю. Бердичевский. Упомянутая работа. С. 74; Б. Царегородцев ответственным по статье о неоказании медицинской помощи считает

всех работников лечебных учреждений, которые по трудовому договору и правилам внутреннего распорядка обязаны оказывать помощь больным (Б. Царегородцев. Ответственность медицинских работников за профессиональные ошибки. «Вестник современной медицины». 1928. № 11. С. 718).

⁵⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегии Верховного Суда СССР. 1938–1939. М., 1940. С. 103; Судебная практика Верховного Суда СССР. 1952. № 3. С. 18; Судебная практика Верховного Суда СССР. 1956. № 1. С. 11.

⁶⁰ П.С. Ромашкин. Военные преступления империализма. М., 1952. С. 90 и т.д.

⁶¹ Нюрнбергский процесс. Т. 1. М., 1954. С. 429, 430, 451, 459, 465, 514 и т.д.

⁶² Там же. С. 486.

⁶³ Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 459.

⁶⁴ П.С. Ромашкин. Военные преступления империализма. С. 152.

⁶⁵ За рубежом. 1968. № 38.

⁶⁶ Упомянутые конвенции от 12 августа 1949 г. ратифицированы Президиумом Верховного Совета СССР 17 апреля 1954 г. (см.: Женевские конвенции о защите жертв войны. М., 1954).

⁶⁷ Н. Манчев. Преступления против личностата. София, 1963. С. 312.

⁶⁸ Т.В. Церетели. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 273–274.

⁶⁹ А.С. Гурелик. Объективные основания и пределы уголовной ответственности за последствия при бездействии. «Правоведение». 1960. № 2. С. 109–110.

⁷⁰ Приговор народного суда 3-го участка Фрунзенского района г. Минска от 22 марта 1955 г. по делу В.

⁷¹ Из судебной практики.

⁷² Приговор народного суда Гуродокского района Витебской области от 29 июня 1958 г. по делу Н.

⁷³ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 3. С. 5–8.

⁷⁴ Приговор народного суда Скидельского района Гродненской области от 9 февраля 1955 г. по делу А.

Глава 5. Заключение

¹ К. Добросельский, И. Николаев, Н. Чернышев, В. Шиловский. Общий курс железных дорог. М., 1956. С. 17.

² Б.А. Куринов. Квалификация транспортных преступлений. М., 1965. С. 67.

³ Так же считают большинство авторов. См.: Государственные преступления. М., 1961. С. 185; Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М., 1963. С. 190; Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962. С. 177; Комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1971. С. 152; Комментарий Уголовного кодекса Латвийской ССР. Рига, 1967. С. 196; и т.д.

⁴ Б. Леонтьев. Ответственность за нарушение правил движения железнодорожного, водного и воздушного транспорта. «Советская юстиция». 1963. № 10. С. 18.

⁵ Приговор народного суда г. Лиды и Лидского района Гродненской области от 17 октября 1961 г.

⁶ Б.А. Куринов. Упомянутая работа. С. 79.

⁷ Железнодорожный транспорт. См.: приказ министра путей сообщения СССР от 3 февраля 1960 г. «Об усилении борьбы с крушениями, авариями, браком в работе на железных дорогах и пресечении фактов неправильной их квалификации». Этот приказ действует лишь в части, относящейся к определению крушения, аварии и брака особого учета (см. ниже прим. 78). Водный транспорт. См.: Инструкцию о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях РСФСР от 9 апреля 1971 г.

Морской транспорт. См.: Положение о порядке расследования аварий морских судов от 12 февраля 1957 г. «Сборник нормативных актов по морскому транспорту». М., 1968. С. 245.

Воздушный транспорт. См.: Государственные преступления. М., 1960. С. 185–186.

⁸ Научно-практический комментарий к Закону об уголовной ответственности за государственные преступления. М., 1960. С. 59; Государственные преступления. М., 1961. С. 186; Б. Леонтьев. Ответственность за нарушение правил движения железнодорожного, водного и воздушного транспорта. «Советская юстиция». 1963. № 10. С. 18.

⁹ Я.С. Алексеев. Транспортные преступления. Л., 1957. С. 74.

¹⁰ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. С. 388.

¹¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. С. 388.

¹² Соответственно: Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962. С. 360; Ю. Ляпунов. Уголовная ответственность за преступления, нарушающие безопасность движения и эксплуатации транспорта. «Советская юстиция». 1968. № 17. С. 12; Уголовный кодекс Украинской ССР. Научно-практический комментарий. Киев, 1969., С. 527; Б.А. Куринов. Упомянутая работа. С. 40–41.

¹³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1938 – первое полугодие 1939 г. М., 1940. С. 69.

¹⁴ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 11. С. 35.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1939 г. по делу М. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1938 – первая половина 1939 г. С. 46.

¹⁶ Инструкция по обеспечению безопасности движения поездов при производстве путевых работ. М., 1959.

¹⁷ Дело № 2/27 Гродненского областного суда. Приговор от 8 августа 1962 г.

¹⁸ Дело № 1-34 народного суда Пинского района Брестской области. Приговор от 27 июня 1961 г.

¹⁹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР. 1943 г. М., 1948. С. 40.

²⁰ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1947. Вып. IV. 1948. С. 12–13. Такие же аргументы Пленум Верховного Суда СССР приводит в Постановлении от 24 декабря 1948 г. по делу М. Судебная практика Верховного Суда СССР. 1949. № 2. С. 11.

²¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1951. № 10. С. 9.

²² Я.С. Алексеев. Транспортные преступления. Л., 1957. С. 64.

²³ Дело № 1-11 народного суда Ганцевичского района Брестской области. Приговор от 15 марта 1961 г.

²⁴ З. Корчева. Субъект нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта СССР. «Уч. зап. Харьков. юридич. ин-та». Вып. 14. Харьков, 1960. С. 191–193.

²⁵ Советское уголовное право. Часть Особенная. Под ред. М.Д. Шаргородского и Я.А. Беляева. М., 1962. С. 78. Такое же толкование «заведомости» дано в Комментариях к Уголовному кодексу РСФСР 1960 года (Л., 1962. С. 180). См. также: Уголовный кодекс РСФСР. Научный комментарий. Т. 2. Свердловск, 1962. С. 69.

²⁶ Советская юстиция. 1931. № 9. С. 18.

²⁷ Дело № 1-54 народного суда г. Барановичи. Приговор от 28 октября 1960 г.

²⁸ Государственные преступления. Учебное пособие. М., 1961. С. 196.

²⁹ Советское уголовное право. Часть Особенная. М., 1962. С. 77.

³⁰ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР. 1944. М., 1948. С. 124.

³¹ «Правда» от 31 мая 1936 г.

³² Дело № 2-7 Минского областного суда. Приговор от 29 февраля 1960 г.

³³ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1952. № 5. С. 9.

³⁴ А.Б. Сахаров. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958. С. 167.

³⁵ См. п. 3 постановления № 7 Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 г. «О судебной практике по делам о выпуске недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции». «Бюллетень Верховного Суда СССР». 1971. № 6. С. 11.

³⁶ Б.С. Утевский. Уголовная ответственность за выпуск недоброкачественной, некомплектной и нестандартной продукции. М., 1955. С. 27.

³⁷ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 4. С. 19.

³⁸ Б.А. Куринов. Автотранспортные преступления. М., 1970. С. 130.

³⁹ Ю. Ляпунов. Уголовная ответственность за преступления, нарушающие безопасность движения и эксплуатации транспорта. «Советская юстиция». 1968. № 17. С. 13.

⁴⁰ Аналогичные нормы содержались в ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета БССР от 16 сентября 1968 г. «Об усилении административной ответственности за нарушение правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами» (СЗ БССР. 1968. № 27. Ст. 373).

- ⁴¹ Б.А. Куринов. Автотранспортные преступления. С. 31–32.
- ⁴² СЗ БССР. 1968. № 27. ст. 373; Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 26. Ст. 1010.
- ⁴³ Ю. Ляпунов. Квалификация автотранспортных преступлений. «Советская юстиция». 1969. № 18. С. 16. Также: С. Улицкий. Уголовная ответственность за управление транспортными средствами в состоянии опьянения. «Советская юстиция». 1972. № 6. С. 11; М.А. Ефимов. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. Минск, 1971. С. 81.
- ⁴⁴ Б.А. Куринов. Автотранспортные преступления. С. 137–138.
- ⁴⁵ Ч. Умантас. Квалификация нарушений правил обращения со взрывчатыми и радиоактивными веществами. «Социалистическая законность». 1972. № 6. С. 38.
- ⁴⁶ Комментарий к Уголовному кодексу БССР. Минск, 1971. С. 260.
- ⁴⁷ СЗ БССР. 1964. № 36. Ст. 411.
- ⁴⁸ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. Л., 1962. С. 371.
- ⁴⁹ Указание на пиротехнические изделия включено в ст. 217 УК РСФСР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1968 г. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 51. Ст. 1732. Пиротехническими изделиями являются смеси из горючих веществ (уголь, сера, порох и т.д.) и веществ, выделяющих кислород (селитра, бертолетова соль и т.д.), употребляемые для сигнальных огней, ракет, фейерверков, бенгальских огней и т.д.
- ⁵⁰ М.А. Ефимов. Борьба с преступлениями против общественного порядка, общественной безопасности и здоровья населения. С. 103.
- ⁵¹ Статья 60 Всемирной почтовой конвенции от 11 июля 1952 г. См.: Международные договоры, конвенции и соглашения Белорусской ССР с иностранными государствами, 1944–1959. Минск, 1960. С. 530; ст. 207 Устава железных дорог Союза ССР; § 124 Правил перевозки пассажиров, багажа и грузов по воздушным линиям СССР; ст. 117 Устава внутреннего водного транспорта Союза ССР.
- ⁵² Научно-практический комментарий Уголовного кодекса РСФСР. М., 1963. С. 463.
- ⁵³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. С. 509.
- ⁵⁴ Соответственно: Судебная практика Верховного Суда СССР. 1950. № 5. С. 22; Судебная практика Верховного Суда СССР. 1951. № 7. С. 21; Социалистическая законность. 1956. № 3, С. 12–13; Судебная практика Верховного суда РСФСР. 1956. № 3. С. 16; Судебная практика Верховного Суда СССР. 1951. № 6. С. 14.
- ⁵⁵ И. Горелик. Судебная практика по делам о преступных нарушениях правил техники безопасности. «Правоведение». 1957. № 1. С. 117.
- ⁵⁶ «Известия» от 12 марта 1972 г.; «Известия» от 8 сентября 1972 г.
- ⁵⁷ А. Дробашевская. Ответственность за нарушение правил безопасности горных работ, на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах. «Советская юстиция». 1964. № 6. С. 24.

⁵⁸ Н. Яблоков. О субъекте преступления нарушения правил охраны труда и техники безопасности. «Советская юстиция». 1968. № 23. С. 2–3.

⁵⁹ Уголовный кодекс КазССР карает лишением свободы на срок до пяти лет за «нарушение технического режима или условий работы во взрывоопасных цехах лицами, отвечающими за установленную производственно-техническую дисциплину» (ч. 3 ст. 208). Уголовные кодексы УССР (ч. 1 ст. 220), УзССР (ч. 1 ст. 213) и АзССР (ч. 1 ст. 218) за нарушение правил техники безопасности во взрывоопасных цехах предусматривают в качестве максимального наказания лишение свободы сроком на один год.

⁶⁰ Э. Зинченко. Нарушение правил безопасности горных работ. «Социалистическая законность». 1971. № 7. С. 53.

⁶¹ Е. Роспутько. Разграничение преступлений, предусмотренных статьями 214 и 216 УК РСФСР. «Советская юстиция». 1972. № 3. С. 21.

⁶² О мерах по дальнейшему улучшению охраны природы и рациональному использованию природных ресурсов. Доклад заместителя Председателя Совета Министров СССР, депутата В.А. Кириллина на четвертой сессии Верховного Совета СССР. «Правда» от 20 сентября 1972 г.

⁶³ П.С. Матышевский. Упомянутая работа. С. 149.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ М.А. Ефимов. Упомянутая работа. С. 120.

⁶⁶ М.С. Гринберг. Преступления в области техники. «Правоведение». 1972. № 2. С. 93.

⁶⁷ Автор по материалам судебной практики БССР отмечал отсутствие случаев осуждения за нарушение правил техники безопасности, которое не повлекло, но могло повлечь тяжкие последствия (см.: И. Горелик. Судебная практика по делам о преступных нарушениях правил техники безопасности. «Правоведение». 1957. № 1. С. 114).

⁶⁸ Воздух должен быть чистым. «Советская Белоруссия» от 16 марта 1971 г.

⁶⁹ Жак-Ив Кусто. Угроза мировому океану. «Советская Белоруссия» от 24 сентября 1972 г. Перепечатано из французского журнала «Пари-Матч».

⁷⁰ Э.Ф. Побегайло. Умышленные убийства и борьба с ними. Воронеж, 1965. С. 32–33.

⁷¹ М. Буренков. Без злого умысла. «Известия» от 8 июня 1960 г.

⁷² О.С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л., 1955. С. 188.

⁷³ М.С. Гринберг. Проблема производственного риска в уголовном праве. М., 1963. С. 29.

⁷⁴ И. Филимонов. Человек и машина. Вопросы философии. 1960. № 10. С. 121.

⁷⁵ Б.С. Антимонов. Гражданская ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности. М., 1952. С. 40.

⁷⁶ См. примечание 11 к гл. 3.

⁷⁷ Справочник по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии. Т. I. С. 246.

⁷⁸ К случаям брака особого учета относятся и подлежат обязательному расследованию железнодорожной администрацией: прием поезда на занятый путь; отправление поезда на занятый перегон: прием и отправление поезда по неготовому маршруту; проезд запрещающего сигнала и предельного столбика; перевод стрелки под поездом; уход вагонов на маршрут приема и отправления поезда и на перегон; развал груза в пути следования; излом оси, осевой шейки и бандажа; наезд на автогужевой транспорт, самоходные и другие машины, путевые вагончики, скот и посторонние предметы; сход и столкновение подвижного состава; неисправное действие автоблокировки, полуавтоматической блокировки, жезловой системы и централизации стрелок и сигналов, вызвавшие полный перерыв движения более часа: порча локомотива с требованием резерва в пассажирском поезде; неограждение сигналами опасного места для движения поездов при производстве работ; порча контактной сети, в результате которой допущен полный перерыв движения более часа (приказ министра путей сообщения СССР от 3 февраля 1960 г. «Об усилении борьбы с крушениями, авариями, браком в работе на железных дорогах и пресечение фактов, неправильной их квалификации»). Как видно, большинство случаев брака особого учета создает конкретную угрозу безопасности движения и подпадает под действие ч. 2 ст. 82 (ч. 2 ст. 85) УК (см. примечание 7 к гл. 5).

⁷⁹ Сборник нормативных актов по морскому транспорту. М., 1968. С. 246.

⁸⁰ Инструкция о классификации, порядке расследования, рассмотрения и учета транспортных аварийных случаев на внутренних судоходных путях РСФСР. М., 1971.

⁸¹ Согласно Инструкции по расследованию и учету случаев брака в работе на внутренних судоходных путях РСФСР (утверждена 20 апреля 1971 г.) к браку в работе относятся транспортные происшествия, которые по своим последствиям (сумма убытков, время простоев судов) не подпадают под классификацию аварийных происшествий (см. гл. 5, § 1).

Согласно Инструкции о порядке рассмотрения и учета предпосылок к аварийным случаям на внутренних судоходных путях (утверждена 20 апреля 1971 г.) предпосылками к авариям и аварийным происшествиям считаются все случаи:

а) пересечения курса движущимся судам, в результате которого создавалась угроза столкновения;

б) нарушений Правил плавания при расхождениях и обгонах судов (неподача отмашки, переотмашка, расхождение на участках, где двустороннее движение запрещено);

в) управления движущимися судами судоводителем, находящимся в нетрезвом состоянии, а также случаи передоверия управления судами лицам, не имеющим на это соответствующих прав;

г) неисправности пути и навигационной обстановки (отсутствие знаков обстановки на штатных местах, неосвещение знаков обстановки, неправильная информация о габаритах и состоянии пути);

д) отказа в работе на движущихся судах рулевого и дистанционно-го управлений;

е) назначений на суда лиц, не имеющих соответствующих дипломов по занимаемой должности.

Названные Инструкции опубликованы в издании, упомянутом в примечании 80.

⁸² СП СССР. 1973. № 16. С. 86.

⁸³ См. примечание 58 к гл. 3.

⁸⁴ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 111.

⁸⁵ Справочник по технике безопасности, противопожарной технике и производственной санитарии. Т. 1. С. 246. Также см. примечание к гл. 3.

⁸⁶ См. примечание 7 к гл. 5.

⁸⁷ СП СССР. 1973. № 16. Ст. 86.

⁸⁸ СЗ БССР. 1972. № 18. Ст. 261.

⁸⁹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1970. М., 1970. С. 448–449.

⁹⁰ Там же. С. 508.

⁹¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 4. Ст. 19.

Понятие неосторожного преступления. Применение наказаний за техническую неосторожность

Публикуется по книге: Горелик, И.И. Практика применения норм Общей части УК БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 190 с.

1. В связи с созданием нового вида исправительно-трудовых колоний для отбывания лишения свободы – колоний-поселений для лиц, совершивших преступления по неосторожности, Верховный Суд Белорусской ССР в письме на имя председателей областных судов от 14 декабря 1977 г. дал перечень неосторожных преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом республики.

Определение того, какое преступление, умышленное или неосторожное, совершено осужденным, имеет значение для решения и ряда других вопросов Общей части уголовного права: применения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 23-1 УК), поскольку этот вид наказания может быть применен к лицу, впервые осуждаемому к лишению свободы за умышленное преступление на срок до 3 лет, а за преступление, совершенное по неосторожности, на срок до 5 лет; признания лица особо опасным рецидивистом (ст. 24 УК), т.к. оно, в частности, может быть признано таковым, если во время отбывания лишения свободы за какое-либо из преступлений, перечисленных в п. 2 и 3 ч. 1 этой статьи, вновь совершило умышленное преступление и осуждено

к лишению свободы на срок не ниже 5 лет; назначения наказания по правилам ст. 40 УК, ибо они применяются, если условно осужденный (ст. 43 УК) в течение испытательного срока или условно-досрочно освобожденный в течение неотбытого срока наказания (ст. 51, 52 УК) либо условно освобожденный в течение обязательного срока работы (ст. 51-2 УК) совершил новое умышленное преступление, за которое осужден к лишению свободы; освобождения от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки (ст. 50 УК), поскольку такое освобождение не может быть применено к лицу, которое ранее было осуждено за умышленное преступление. В случаях, указанных в ст. 43, 50, 51, 51-2 и 52 УК, совершение неосторожного преступления не влечет таких последствий.

Кроме того, четкое разграничение понятий умышленного и неосторожного преступлений имеет важное значение при применении амнистии. Например, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1979 г. «Об амнистии в связи с международным годом ребенка»¹ амнистия, предусмотренная этим Указом, в частности, не применяется к «судимым более двух раз к лишению свободы за умышленные преступления» (ст. 7, п. «Г»), а также к лицам, «ранее освобождавшимся из мест лишения свободы до полного отбытия назначенного судом срока наказания по амнистии или в порядке помилования и вновь совершившим умышленное преступление» (ст. 7, п. «Д»).

Перечень неосторожных преступлений, данный Верховным Судом БССР, устранит ошибки при решении перечисленных вопросов.

2. Определение понятий умышленного и неосторожного преступлений представляет известные трудности по следующим причинам: определения умысла (ст. 8 УК) и неосторожности (ст. 9 УК) даны применительно только к преступлениям с материальным составом; ряд составов сформулирован таким образом, что вина к деянию и типа к последствиям по форме своей не совпадают; в определении неосторожной вины закон (ст. 9 УК) не говорит о содержании психического отношения деятеля к совершаемому им деяниям.

По указанным причинам понятия умысла и умышленного преступления, неосторожности и неосторожного преступления соответственно далеко не всегда совпадают. В таких случаях квалификация преступления еще не предрешает того, каким является это преступление – умышленным или неосторожным. Чтобы в этом убедиться, приведем пример. А. осужден по ч. 2 ст. 106 УК за умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее по неосторожности причинение потерпевшему смерти. Б. осужден по ч. 1

¹ Известия. 1979. 20 октября.

ст. 105 УК за доведение другого лица до самоубийства. За какие преступления, умышленные или неосторожные, они осуждены?

В письме Верховного Суда БССР неосторожные преступления разделены на три группы: преступления, которые в самом законе названы неосторожными; преступления, которые следует отнести к неосторожным; преступления, которые могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности.

3. К преступлениям первой группы отнесены: неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества (ст. 97 УК), убийство по неосторожности (ст. 104), неосторожное тяжкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 112), неосторожное менее тяжкое телесное повреждение (ч. 2 ст. 112), неосторожное уничтожение или повреждение имущества граждан (ст. 147 УК).

4. К преступлениям второй группы отнесены: утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 73 УК), преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники (ст. 97 за исключением разукомплектования машин, недобросовестное отношение к охране государственного или общественного имущества (ст. 98), нарушение правил охраны труда (ст. 137), нарушение ветеринарных правил (ст. 158), нарушение правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений (ст. 159), халатность (ст. 168), нарушение правил охраны линий связи (ст. 194-2), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами (ст. 206), выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств (ст. 206-2), нарушение действующих на транспорте правил (ст. 208), самовольная остановка поезда (ст. 208-1), нарушение правил безопасности горных работ (ст. 209), нарушение правил при производстве строительных работ (ст. 210), нарушение производственно-технической дисциплины или правил безопасности производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах (ч. 2 ст. 211), нарушение правил хранения, использования, учета или перевозки взрывчатых и радиоактивных веществ (ст. 212), небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 214), незаконная пересылка легковоспламеняющихся или едких веществ (ст. 215), нарушение правил, установленных в целях борьбы с эпидемиями (ст. 217), загрязнение водоемов и воздуха (ст. 218 УК).

В перечне Верховного Суда БССР не названы воинские преступления. Народные суды, областные и Верховный Суд БССР иногда рассматривают дела о лицах, имеющих судимость за воинские преступления, и им приходится решать вопросы, перечисленные в начале настоящего параграфа. Поэтому считаем целесообразным

дополнить вторую (а также третью) группу преступлений теми воинскими преступлениями, которые следует отнести к неосторожным. Ими являются неисполнение приказа (ст. 228 УК), утрата военного имущества (ст. 239, п. «г» и «д»), нарушение правил вождения или эксплуатации машин (ст. 241), нарушение правил полетов или подготовки к ним (ст. 242), нарушение правил кораблевождения (ст. 243), утрата документов, содержащих военную тайну (ст. 248, п. «б» и «в»), халатное отношение к службе (ст. 249 УК).

Большинство преступлений второй группы являются преступлениями с материальным составом. К преступлениям с формальным составом относятся лишь преступления, предусмотренные в ст. 73 (ч. 1), 137 (ч. 1), 212 (ч. 1), 217 (в части, указывающей на возможность последствий), 218 (в части, указывающей на такую же возможность) и 228 УК.

Преступления с материальным составом являются умышленными или неосторожными в зависимости от формы вины к наступившим последствиям. Этим руководствовался Верховный Суд БССР, составляя перечень неосторожных преступлений второй группы.

Форма вины к последствиям зависит от конструкции состава преступления и санкции.

Если состав преступления сконструирован как видовой, то форма вины к указанным в нем последствиям является такой же, как в родовом составе. Так, в частности, соотносятся между собой неосторожное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества (ст. 97 УК) и преступно небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники (ст. 97-1 УК). Первый состав является родовым, второй – видовым. Поскольку состав преступления, предусмотренный ст. 97, предусматривает неосторожное преступление, то неосторожным является и преступление, предусмотренное ст. 97-1 УК.

Как родовый и видовой составы соотносятся умышленное тяжкое телесное повреждение (ч. 1 ст. 106 УК) и умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее по неосторожности причинение смерти (ч. 2 ст. 106 УК). Поскольку первое преступление является умышленным, таким считается и второе преступление, хотя для его наличия требуется неосторожная вина к причинению смерти. Поэтому в перечне неосторожных преступлений упомянутый состав преступления не значится.

По тем же основаниям являются умышленными преступлениями умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества, повлекшее по неосторожности человеческие жертвы (ч. 2 ст. 96 УК), и умышленное уничтожение

или повреждение личного имущества граждан, повлекшее по неосторожности такие же последствия (ч. 2 ст. 146).

Санкция, будучи показателем степени опасности преступления, сформулированного в данном составе, позволяет решать вопрос о том, является ли это преступление умышленным или неосторожным. Решение является следствием сравнения санкций смежных составов преступлений.

Так, согласно ст. 208 УК, «нарушение действующих на транспорте правил об охране порядка и безопасности движения, если это повлекло гибель людей или иные тяжкие последствия», наказывается лишением свободы на срок до 5 лет. Умысел на причинение таких последствий исключает состав данного преступления, поскольку умышленное убийство (ст. 101 УК) наказывается лишением свободы на срок от 3 до 10 лет. Поэтому для наличия состава преступления, указанного в ст. 208, вина к названным в этой статье последствиям может быть только неосторожной.

По аналогичным основаниям следует признать неосторожным преступление, предусмотренное ст. 208-1 УК. Не вызывает сомнений, что самовольная остановка поезда может быть учинена только умышленно. Однако самовольная остановка поезда сама по себе еще не образует состава преступления. Он имеется при условии, если эти действия вызвали нарушение нормального движения поездов (ч. 1 ст. 208-1 УК) либо несчастные случаи с людьми, крушение, повреждение подвижного состава или иные тяжкие последствия (ч. 2 ст. 208-1). Сравнение санкций этой статьи с санкциями ст. 83, 100, 101, 106 не оставляет сомнений в том, что при наличии умысла на причинение последствий, указанных в ст. 208-1, эта статья не может быть применена.

В этих и других случаях влияние санкции на оценку преступления как неосторожного является косвенным, поскольку она позволяет определить форму вины к последствиям, когда в диспозиции, формулирующей состав преступления, вина не получила прямого отражения.

Преступления с формальным составом по своей конструкции делятся на преступления, обязательным признаком которых является возможность наступления последствий, и преступления, для которых такого условия не требуется¹.

Первый вид преступлений с формальным составом – преступления, относящиеся только к неосторожным, ибо при наличии

¹ И.И. Горелик. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Минск, 1973. С. 12–17; Уголовное право БССР. Часть Особенная. Минск, 1978. С. 378.

умысла к последствиям, которые не наступили, содеянное становится покушением на совершение другого преступления. К таким формальным составам относится, например, «нарушение должностным лицом правил по технике безопасности, если это нарушение могло повлечь несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия» (ч. 1 ст. 137 УК).

Согласно такой формулировке состава преступления, для его наличия недостаточно определенного нарушения правил по технике безопасности. Нарушение должно быть таким, которое могло повлечь последствия. Последствия считаются возможными, если они не наступили в силу каких-либо конкретных причин: вмешательства других лиц, внимательности самого потерпевшего, определенного стечения обстоятельств. Для вменения нарушений, которые могли вызвать последствия, необходимо определить вину не только к факту нарушения правил техники безопасности, но и вину к ненаступившим последствиям, указанным в ч. 1 ст. 137 УК. Иначе будет иметь место объективное вменение.

Вина к ненаступившим последствиям в данном случае может быть только неосторожной. При наличии умысла к ненаступившим последствиям имеет место покушение на совершение другого и более тяжкого преступления. Так, если должностное лицо, нарушая правила по технике безопасности, действовало с умыслом на причинение смерти своему недругу, в его действиях, поскольку смерть не наступила, имеется состав покушения на убийство.

Преступления, относящиеся ко второму виду преступлений с формальным составом, могут быть умышленными или неосторожными в зависимости от характера преступления или соотношения данного состава преступления с другими. Так, оконченным составом преступления является «нарушение производственно-технической дисциплины или правил, обеспечивающих безопасность производства на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах» (ч. 1 ст. 211 УК). Такое нарушение может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности. Поэтому указанный состав преступления не назван в числе относящихся ко второй группе неосторожных преступлений.

О том, что только неосторожным преступлением является «неисполнение приказа начальника» (ст. 228 УК), мы судим по тому, что «умышленное неисполнение приказа» образует другой состав преступления, именуемый в ст. 227 неповиновением.

Завершая характеристику второй группы неосторожных преступлений, скажем о ст. 97-1 УК предусматривающей ответственность

за «преступно-небрежное использование или хранение принадлежащих совхозам, колхозам и другим государственным или кооперативным организациям тракторов, автомобилей, комбайнов и иных сельскохозяйственных машин, повлекшее их порчу или поломку, а равно разукомплектование этих машин».

Разукомплектование машин не может совершаться по неосторожности. В литературе общепринято считать разукомплектование машин умышленным преступлением¹. Поэтому квалификация преступления по ст. 97-1 УК не предрешает признания преступления во всех случаях неосторожным. В частности, при осуждении виновного к лишению свободы по этой статье, но за разукомплектование машин он не может быть направлен в колонию-поселение для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

Разукомплектование машин следует выделить либо в самостоятельный состав преступления, либо, исключив эти слова из ст. 97-1, квалифицировать преступление как умышленное уничтожение государственного или общественного имущества.

За незначительным исключением деяние в материальных составах неосторожных преступлений второй группы может совершаться умышленно (прямой умысел) или по неосторожности (преступная небрежность). Между тем большинство судов в приговоре на форму вины к деянию не указывает.

Та или иная форма вины к деянию не влияет на квалификацию преступления. Были ли, например, правила по технике безопасности нарушены с прямым умыслом или по небрежности, одинаково для должностного лица наступает ответственность по ч. 2 ст. 137 УК, если последствия, указанные в этой норме, причинены по неосторожности.

Отсюда вовсе не следует, что безразлично, совершено ли виновным деяние с прямым умыслом или по небрежности. Не влияя на квалификацию преступления, та или иная форма вины к деянию свидетельствует о различной степени опасности нарушения, а следовательно, должна учитываться при определении наказания.

Умышленное нарушение свидетельствует о недисциплинированности работника, пренебрежении им интересами других лиц и производства, которым причиняется вред его действиями. Неосторожное нарушение свидетельствует о незнании работником правил безопасности либо недостаточном их знании, либо о невнимательности, забывчивости и т.д.

¹ Курс советского уголовного права. М, 1970. Т. 4. С. 420; С.И. Сирот. Преступления против социалистической собственности и борьба с ними. Воронеж, 1968. С. 165; Уголовное право БССР.

Отмеченный недостаток судебной практики лишает возможности при определении наказания учитывать, какими, умышленными или неосторожными, были деяния виновного. Между тем очевидно, что лицо, умышленно нарушившее определенные правила, более опасно, чем лицо, допустившее нарушение по неосторожности. Поэтому суды должны при рассмотрении дела выяснять форму вины к деянию, фиксировать это в приговоре и учитывать при назначении наказания.

5. К преступлениям третьей группы, которые могут быть как умышленными, так и неосторожными, Верховный Суд БССР относит разглашение государственной тайны (ст. 72 УК), нарушение правил международных полетов (ст. 81), нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст. 82), доведение до самоубийства (ст. 105), заведомое поставление другого лица в опасность заражения венерической болезнью (ч. 2 ст. 113), заражение другого лица венерической болезнью (ч. 3 и 4 ст. 113), выпуск недоброкачественной, некомплектной или нестандартной продукции (ст. 149), производство лесосплава или взрывных работ с нарушением производственно-технической дисциплины или правил безопасности на взрывоопасных предприятиях и во взрывоопасных цехах (ч. 1 ст. 211), нарушение правил производства, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки сильнодействующих и ядовитых веществ (ч. 2 ст. 219), нарушение правил производства, приобретения, хранения, учета, отпуска, перевозки или пересылки наркотических веществ (ст. 219-6 УК).

Из воинских преступлений к этой группе относятся порча военного имущества (п. «г» ст. 239 УК), нарушение уставных правил караульной службы (ст. 244), нарушение правил несения пограничной службы (ст. 245), нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 246), нарушение уставных правил внутренней службы (ст. 247), разглашение военной тайны (п. «а» и «г» ст. 248), незаконное ношение знаков Красного Креста и Красного Полумесяца (ст. 258 УК), за исключением злоупотребления этими знаками.

Большинство преступлений третьей группы состоит в нарушении определенных правил. Закон не вводит в признаки этих составов сознательное нарушение правил, вследствие чего нарушения могут быть умышленными либо неосторожными.

Что касается нарушений, образующих состав преступления при наличии определенных последствий, то в таких составах возможны все комбинации форм вины. Так, состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 82, имеется в следующих случаях: при неосторожном нарушении правил безопасности движения, эксплуатации железнодорожного, водного или воздушного транспорта и неосторожной вине к последствиям, указанным в этой статье; при умышленном нарушении

тех же правил и неосторожной вине к последствиям; при умышленном нарушении правил и умысле к наступившим последствиям.

В составе нескольких преступлений третьей группы закон косвенно указывает на форму вины: заведомость создания угрозы наступления последствия (ч. 2 ст. 82 УК), заведомое поставление в опасность заражения венерической болезнью (ч. 2 ст. 113 УК), заражение венерической болезнью лицом, знавшим о наличии у него этой болезни (ч. 3 ст. 113). Слово «заведомость» означает, что субъект преступления само деяние совершает умышленно, что он предвидит последствия своих деяний и сознательно допускает их либо легкомысленно рассчитывает на предотвращение. Тем самым вина к последствиям может быть в составах такой конструкции умышленной либо неосторожной. О такой же вине к последствиям свидетельствует и указание в характеристике состава преступления на знание виновным о своем заболевании.

В остальных случаях признание того, что преступление может совершаться как по неосторожности, так и умышленно, основано на характере преступления. Так, «доведение до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства» (ст. 105 УК) означает, что деяния виновного могут быть только умышленными, а что касается последствий, то он их предвидит и сознательно допускает либо легкомысленно рассчитывает предотвратить или не предвидит, но должен был и мог предвидеть.

6. Квалификация преступления по статье, предусматривающей общепризнанно опасное деяние, которое может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности, не предпринимает ответа на вопрос, какое из них совершено данным лицом. Ответ на этот вопрос может быть получен только из содержания приговора.

Однако, как показывает изучение судебной практики, не всегда в приговоре можно найти ответ на этот вопрос. Видимо, отдельные суды считают, что, если форма вины к последствиям не влияет на квалификацию преступления, нет особой необходимости выяснять ее. Ошибочность такого взгляда очевидна. Без определения формы вины к последствиям нельзя рационально решить вопрос о мере наказания, поскольку не учитывается, что умысел к последствиям, по сравнению с неосторожностью, свидетельствует о большей опасности виновного. Более того, умысел к последствиям, если он прямой, в определенных случаях меняет квалификацию преступления. Так, если доведение до самоубийства сопровождалось прямым умыслом на причинение смерти, то содеянное образует состав умышленного убийства, а не доведения до самоубийства.

Если в приговоре не фиксируется форма вины к последствиям, тем самым оставляется открытым вопрос о том, каким является преступление, за которое осужден виновный – умышленным или неосторожным. Это, в свою очередь, создает трудности для суда при решении вопроса о назначении вида исправительно-трудовой колонии, когда виновный осужден к лишению свободы, и для других судов, когда в случае рецидива приходится решать вопросы применения статей, о которых речь шла в начале настоящего параграфа.

7. Неосторожные преступления в судебной практике встречаются все чаще. Повышается и доля неосторожных преступлений в общей судимости. Наиболее распространенными неосторожными преступлениями в республике являются: нарушения правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта, в том числе выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств (ст. 206 и 206-2) – 72,8 % к числу всех осужденных за неосторожные преступления в 1980 г.; нарушение правил охраны труда, в том числе правил безопасности горных работ и строительных работ (ст. 137, 209, 210) – 13,1 %; неосторожное убийство и неосторожное причинение тяжких или менее тяжких телесных повреждений (ст. 104, 112) – 5,5 %. Судимость по ст. 104, 112 за последние 20 лет почти не изменилась. Судимость же по ст. 206 УК, а также по ст. 137, 209, 210 УК имеет тенденцию к росту. Как видно, преобладают неосторожные преступления в области использования техники.

Изучение судебной практики показывает, что за совершение этих преступлений назначаются, как правило, мягкие наказания. Там, где санкции предусматривают лишение свободы или исправительные работы, суды предпочитают назначать исправительные работы; где санкции предусматривают только лишение свободы, оно назначается в весьма редких случаях. Широко применяется условное осуждение (ст. 43 УК) и условное осуждение с обязательным привлечением осужденного к труду (ст. 23-1 УК). Подтвердим это на примере дел о нарушении правил по технике безопасности (ст. 137, 209–211 УК).

По выборочным данным, в 1970-е гг. большинство осужденных за эти преступления приговорены к исправительным работам. К большинству остальных применено условное осуждение с обязательным привлечением к труду (ст. 23-1 УК) и условное осуждение без обязательного привлечения к труду (ст. 43 УК). При этом суды отдавали предпочтение ст. 43. Что касается лишения свободы, то оно применялось в единичных случаях.

По изученным делам осуждены по ст. 137 УК: к лишению свободы – 1,1 %, к исправительным работам – 63 %; условно (ст. 43

УК) – 24,5 %; условно с обязательным привлечением к труду – 7,6 %, к другим наказаниям – 3,8 %. Соответственно по ст. 209–211 УК: 5,6 %; 65,5 %; 13,9 %; 9,2 %; 5,8 %.

Характерным для назначения наказаний за неосторожные преступления в области использования техники является все еще незначительное влияние тяжести последствий на вид наказания. Так, по ст. 210 УК за причинение смерти потерпевшему осуждено: к лишению свободы – 17 %; исправительным работам – 80 %; условно к лишению свободы с обязательным привлечением к труду – 11,7 %; условному осуждению (ст. 43 УК) – 6,7 %. За причинение тяжких телесных повреждений (одному и более лицам) и менее тяжких телесных повреждений (двум и более лицам) осуждено: к исправительным работам – 74,3 %, условному лишению свободы с обязательным привлечением к труду – 5,7 %, условному осуждению – 20 %. За причинение менее тяжких телесных повреждений (одному лицу) и легких телесных повреждений: к исправительным работам – 62,5 %, условному осуждению 37,5 %. За причинение значительного материального ущерба осуждено: к исправительным работам – 40 %, условному лишению свободы с обязательным привлечением к труду – 40 %, условному осуждению – 20 %.

Такая практика назначения наказаний за неосторожное причинение вреда при использовании техники имела место и в прошлом. Это отмечалось в постановлении НКЮ РСФСР от 9 марта 1935 г. «О борьбе органов юстиции с нарушениями техники безопасности»¹, постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. № 4 «О практике рассмотрения судебных дел, связанных с нарушениями правил охраны труда и техники безопасности, и повышении роли судов в предупреждении этих правонарушений»². Об этом же писали авторы, анализировавшие практику назначения наказаний за нарушения правил безопасности труда³.

¹ Циркуляры, приказы и постановления НКЮ и Верховных Судов СССР и РСФСР. М., 1938. С. 115.

² Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. М., 1978. Ч. 2. С. 315.

³ М. Виноградов. Техника безопасности – ответственный участок (Советская юстиция. 1935. № 6. С. 14); В. Наумов. Борьба за обеспечение техники безопасности (Советская юстиция. 1937. № 10–11. С. 46); И.И. Слуцкий. Ответственность за нарушения правил по технике безопасности. Л. 1953. С. 62; И.И. Горелик. Судебная практика по делам о преступных нарушениях правил техники безопасности (Правоведение. 1957. № 1. С. 115); А.Б. Сахаров. Уголовно-правовая охрана безопасности условий труда в СССР. М., 1958. С. 185; В. Власов. Усилить борьбу с нарушениями правил охраны труда (Советская юстиция. 1961. № 23. С. 16); В.И. Борисов. Уголовная ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ. Харьков, 1977. С. 97, 104 и т.д.

Распространенным объяснением назначения за нарушения правил безопасности труда мягких наказаний является недооценка судебными органами общественной опасности этих преступлений. Об этом говорится в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г.¹

С таким объяснением трудно согласиться. Как отмечается в литературе, «невозможно себе представить, чтобы в течение всех лет советской власти ее судебные органы недооценивали социальную опасность преступных нарушений правил безопасности труда»².

Постоянное назначение судами мягких наказаний за нарушение правил безопасности труда (да и в остальных случаях технической неосторожности) объясняется, на наш взгляд, небольшой общественной опасностью каждого отдельного неосторожного преступления, каким является нарушение правил технической безопасности, и личности преступника.

«При преступной неосторожности, – отмечает П.С. Дагель, – характер причиняемого вреда определяется не столько степенью нравственной испорченности личности, сколько сферой деятельности субъекта, характером используемых им орудий и средств, ситуацией, в которой совершается деяние, а также многими другими обстоятельствами, которые могут быть случайными для субъекта. Поэтому в некоторых преступлениях может наблюдаться разрыв, определенное противоречие между личностью преступника (его социально-нравственной характеристикой) и тяжестью наступивших последствий»³.

Характерным для этих преступлений является небрежность, когда виновный не предвидел общественно опасных последствий своих деяний, но должен и мог их предвидеть. Небрежность наименее опасный вид вины вообще, неосторожности в частности.

Существенным при назначении наказания за техническую неосторожность является учет судом положительных качеств личности виновного. Едва ли не в каждом приговоре, когда, несмотря на тяжесть последствия, назначается наказание, не связанное с лишением свободы, говорится примерно следующее: при этом суд учитывает обстоятельства, смягчающие ответственность, – положительную характеристику, добросовестное отношение к общественно полезному

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. Ч. 2. С. 317.

² Р.З. Мархасев. Уголовно-правовая борьба с нарушениями правил безопасности строительных работ: автореф. канд. дис. Минск, 1979. С. 18.

³ П.С. Дагель. Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 8–9.

труду, первую судимость, наличие на иждивении несовершеннолетних детей, ходатайство общественности о смягчении наказания.

Практика применения наказаний за техническую неосторожность соответствует целям наказания и принципам их назначения. Как отмечает Н.А. Стручков, «стоящие перед наказанием цели должны быть достигнуты в каждом конкретном случае его применения. Таково правило. Но могут быть отдельные случаи, когда практически нет необходимости достигать всех целей наказания. Может быть, что то или иное лицо, совершившее преступление... по неосторожности... не нуждается не только в перевоспитании, но и в исправлении. Однако оставлять его безнаказанным нельзя. Наказание в этом случае преследует главным образом цель общего предупреждения»¹.

Сказанное полностью относится к лицам, виновным в нарушении правил техники безопасности. Подавляющее большинство из них не нуждается или почти не нуждается в исправлении и перевоспитании. Что касается цели общего предупреждения, то она полностью была бы достигнута теми наказаниями, которые практически в настоящее время применяются, если бы был реализован принцип неотвратимости ответственности.

В связи с этим следует отметить, что безнаказанность за техническую неосторожность далеко не редкое явление. По результатам выборочного изучения дел о преступлениях, предусмотренных ст. 210 УК БССР (нарушение правил безопасности строительных работ), не были привлечены к ответственности должностные лица (главные инженеры, начальники участков, прорабы), несмотря на обоснованные заключения технических инспекторов об их виновности в нарушении правил безопасности труда, повлекшем несчастный случай².

При реализации принципа неотвратимости ответственности практика назначения наказаний за техническую неосторожность вполне соответствует целям общего предупреждения³. И задача состоит в том, чтобы устранить дисгармонию между санкциями, предусмотренными в Уголовном кодексе за техническую неосторожность, и практикой их назначения.

¹ А.Е. Наташев, И.А. Стручков. Основы исправительно-трудоого права. М., 1967. С. 31.

² Р.З. Мархасев. Указ. соч. С. 22.

³ Предложения о наказаниях за техническую неосторожность см. в кн.: Совершенствование мер борьбы с преступностью в условиях научно-технической революции. М., 1980. Гл. IV. § 4.

Признание лица особо опасным рецидивистом

Публикуется по книге: Горелик, И.И. Практика применения норм Общей части УК БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 190 с.

1. Особо опасным рецидивистом может быть признано лицо, совершившее преступление из числа названных в ст. 24 УК БССР, если до этого оно имело определенное количество судимостей, также перечисленных в этой норме. Указанное в ст. 24 количество судимостей и совершение нового преступления обязывает суд рассмотреть вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом.

В ч. 2 ст. 24 УК сказано, что «суд, рассматривая вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом, учитывает личность виновного, степень общественной опасности совершенных преступлений, их мотивы, степень осуществления преступных намерений, степень и характер участия в совершении преступлений и другие обстоятельства дела».

В судебной практике еще встречаются случаи, когда суд признает преступника особо опасным рецидивистом на основании лишь того, что он имеет определенное количество судимостей и снова совершил преступление, указанное в ч. 1 ст. 24 УК. Так, приговором народного суда Первомайского района г. Минска от 11 июня 1975 г. К., дважды судимый, осужден по ч. 3 ст. 201 УК

и ч. 1 ст. 106 УК к 6 годам лишения свободы в НТК особого режима. На основании ч. 1 ст. 24 он тем же приговором признан особо опасным рецидивистом. Мотивируя признание К. особо опасным рецидивистом, суд указал лишь на то, что К. два раза был судим за кражу чужого личного имущества и снова совершил тяжкое преступление.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР определением от 25 мая 1976 г. исключила из приговора указание о признании К. особо опасным рецидивистом. Из имеющихся в деле копий приговоров видно, что в 1966 г. К. был осужден к 2 годам лишения свободы за кражу шубы, транзисторного приемника и часов-будильника, совершенную по предварительному сговору с другими лицами из квартиры Н., а в 1969 г. он был осужден к 1 году и 6 месяцам лишения свободы за кражу косынки у М. С сентября 1971 г. по день ареста К. работал помощником машиниста экскаватора в карьероуправлении, показал себя исполнительным работником, норму выработки выполнял на 110–120 %.

В упомянутом определении Судебной коллегии по уголовным делам сказано: «Признавая подсудимого особо опасным рецидивистом, суд не должен ограничиваться в приговоре только ссылкой на имеющиеся судимости, совокупность которых в силу ст. 24 УК БССР дает суду основания для такого признания. Кроме этих данных, в приговоре должно быть указано, по каким соображениям, относящимся к личности виновного, степени общественной опасности совершенных преступлений, их мотивам, степени осуществления преступных намерений, характеру и степени участия в совершении преступлений, а также другим обстоятельствам дела, суд пришел к выводу о необходимости признания подсудимого особо опасным рецидивистом».

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 25 июня 1976 г. с изменениями, внесенными постановлением № 14 от 21 сентября 1977 г., указал, что «признавая лицо особо опасным рецидивистом, необходимо в описательной части приговора привести мотивы, которыми, суд руководствовался, а в резолютивной части изложить свое решение по данному вопросу. Если же подсудимый не будет признан особо опасным рецидивистом, в приговоре надлежит указать, что этот вопрос обсуждался» (п. 6)¹.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. Ч. 2. С. 58.

Обязанность суда обсуждать вопрос о признании лица особо опасным рецидивистом при наличии обстоятельств, указанных в ч. 1 (п. 1–4) ст. 24 УК, вовсе не означает, что оно должно быть признано таким рецидивистом. Как указано в упоминавшемся определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда БССР, «особо опасным рецидивистом по закону может быть признан лишь злостный преступник, представляющий повышенную опасность для общества и упорно не желающий стать на путь исправления».

2. Понятие особо опасного рецидивиста неоднократно изменялось. Вносились изменения и в характеристику отдельных составов преступлений, указанных в ст. 24 УК. Отдельные суды не учитывали этого, что приводило к ошибочным решениям.

Характерным в этом отношении является дело П. Приговором народного суда г. Барановичи от 31 июля 1968 г. П. был осужден по ч. 2 ст. 142 УК БССР (грабеж приотягчающих обстоятельствах) и признан особо опасным рецидивистом. Суд обосновал признание П. особо опасным рецидивистом тем, что в 1962, 1963 и 1965 гг. он был судим по ч. 2 ст. 201 УК БССР (злостное хулиганство).

Действительно, согласно п. 2 ч. 1 ст. 24 УК (в редакции Указа Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.), особо опасным рецидивистом может быть признано лицо, которое трижды осуждено за злостное хулиганство и после этого совершило грабеж.

Признавая П. особо опасным рецидивистом, суд не обратил внимания на то, за какие именно действия П. был осужден в 1962, 1963 и 1965 гг. Обращение к материалам дела показало, что в 1965 г. П. был осужден за угон мотоцикла, принадлежащего совхозу. В то время состава угона автотранспортных средств в УК БССР не было. Такой состав был впервые введен в УК Указом Президиума Верховного Совета БССР от 3 ноября 1965 г.¹, т.е. после того, как П. был осужден. По сложившейся практике такие действия ранее квалифицировались по ч. 2 ст. 201 УК. С введением в УК на основании упомянутого Указа ст. 207-2 угон автотранспортных средств стали квалифицировать по этой статье.

Следовательно, суд должен был считать, что в 1965 г. П. совершил не злостное хулиганство, а угон автотранспортных средств. А это преступление не значится в числе тех, судимость за которые может быть основанием для обсуждения вопроса о возможности признания лица особо опасным рецидивистом. В итоге

¹ СЗ БССР. 1965. № 35. Ст. 392.

следовало исходить из того, что П. имел две судимости за злостное хулиганство и совершил грабеж, что не дает оснований для признания его особо опасным рецидивистом.

По указанным соображениям Пленум Верховного Суда БССР постановлением от 17 марта 1975 г. приговор народного суда в части признания П. особо опасным рецидивистом отменил.

П. следовало считать судимым по ст. 207-2 УК, впоследствии введенной в УК, не потому, что это преступление предусматривает более мягкое наказание по сравнению с наказанием за злостное хулиганство, а потому, что угон автотранспортных средств не относится к числу преступлений, судимость за которые является основанием для обсуждения вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом. Поэтому П. не мог быть признан особо опасным рецидивистом и в случае, если бы наказание за угон автотранспортных средств оказалось более тяжким по сравнению с наказанием за хулиганство. Это связано с тем, что положения ст. 6 УК не распространяются на ту часть ст. 24, в которой перечисляются судимости за ранее совершенные преступления.

Согласно ст. 6 «преступность и наказуемость деяния определяются законом, действовавшим во время совершения этого деяния». Признание лица особо опасным рецидивистом не относится к вопросу о преступности и наказуемости деяния, поскольку сам момент признания не порождает последствий, связанных с видом или размером наказания. Что касается назначения особо опасному рецидивисту лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовой колонии особого режима, то режим отбывания наказания не относится к наказуемости деяния, а лишь определяет порядок отбывания наказания. Признание лица особо опасным рецидивистом влечет последствия, связанные с наказанием, лишь в случае, если оно совершит новое преступление в будущем, т.е. после того, как было признано особо опасным рецидивистом. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении № 4 от 25 июня 1976 г. с изменениями, внесенными постановлением № 14 от 21 сентября 1977 г., разъяснил, что «по статьям уголовных кодексов союзных республик, предусматривающим повышенную ответственность за преступление, совершенное особо опасным рецидивистом, могут квалифицироваться действия только тех лиц, которые до совершения этого преступления в установленном порядке уже были признаны особо опасными рецидивистами» (п. 17)¹.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. Ч. 2. С. 61.

Поэтому прошлые судимости должны оцениваться применительно к квалификации преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 24 УК, на момент рассмотрения вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом. Так, в частности, поступила Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР при рассмотрении дела П.

Совпадения статей (их частей), по которым лицо было осуждено в прошлом, и перечисленных в ст. 24 УК на момент рассмотрения вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом недостаточно. По имеющимся в деле копиям приговоров следует установить, за какие именно преступные действия лицо было ранее осуждено. Игнорирование этого требования и привело к ошибке суд первой инстанции по делу П. Очевидно, судьи должны знать обо всех изменениях в законодательстве¹.

Что касается нового преступления, которое совершено лицом, имеющим судимости, указанные в ст. 24 УК, то его квалификация и размер назначаемого наказания должны определяться с учетом требований ст. 6 УК: закон, смягчающий наказание, имеет обратную силу, т.е. распространяется на деяния, совершенные до его издания. Можно предложить следующий алгоритм подготовки и решения вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом.

При досудебной подготовке дела:

- определить, относится ли преступление, за которое лицо передается суду, к числу указанных в ст. 24 УК;
- выяснить, имеются ли у данного лица судимости за преступления, указанные в ст. 24 УК;
- исключить из их числа судимости за преступления, совершенные до достижения 18-летнего возраста, и судимости, погашенные или снятые на основании ст. 54 УК;

¹ До принятия Закона СССР от 11 июля 1969 г. «О внесении дополнений и изменений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» понятие особо опасного рецидивиста определялось республиканским законодательством – в БССР ст. 24 УК. Ее первую редакцию см.: Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. Минск, 1961. Последующие изменения и дополнения ст. 24 УК см.: Указ Президиума Верховного Совета БССР от 9 августа 1961 г. (СЗ БССР. 1961. № 25); Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г. (СЗ БССР. 1962. № 20). Упомянутым Законом СССР от 11 июля 1969 г. Основы уголовного законодательства были дополнены ст. 23-1, определившей понятие особо опасного рецидивиста, единое для всей страны. Соответственно этому была дана новая редакция ст. 24 УК БССР. Ее текст см. в кн.: Комментарий к Уголовному кодексу БССР (Минск. 1971). Далее в ст. 24 УК уже на основании общесоюзных законов вносились изменения, Указом Президиума Верховного Совета БССР от 11 апреля 1973 г. (СЗ БССР. 1973. № 11) и Указом того же Президиума от 31 октября 1974 г. (СЗ БССР. 1974. № 31).

- ⇒ исключить судимости, снятые в силу амнистий, имевших место в течение времени после вынесения приговора за первое преступление и до рассмотрения настоящего дела, из числа названных в ст. 24 УК, а также уточнить, не было ли снятия судимости в силу акта о помиловании;
- ⇒ привести оставшиеся судимости в соответствие с квалификацией преступлений, указанных в ст. 24 УК, на момент рассмотрения настоящего дела.

В процессе судебного разбирательства дела при наличии условий, указанных в ст. 24 УК, – заслушать мнения сторон и обсудить вопрос о возможности и целесообразности признания подсудимого особо опасным рецидивистом.

В совещательной комнате – принять по этому вопросу обоснованное решение.

Соучастие и квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к исполнителю преступления

Публикуется по книге: Горелик, И.И. Практика применения норм Общей части УК БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 190 с.

1. Квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к тяжести последствий, причиненных исполнителем, получили оценку при квалификации действий соучастника в определении Судебной коллегии Верховного Суда БССР от 26 мая 1972 г. по делу Т.

Т. признан виновным в том, что был организатором незаконного производства аборта. Он договорился с врачом С. о производстве аборта своей невесте Л. и подыскал для этого квартиру. На этой квартире осужденный по этому же делу врач С. произвел Л. аборт, в результате чего она скончалась.

Не соглашаясь с такой квалификацией действий Т., Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР в своем определении указала: «Из материалов дела усматривается, что Т. организовал производство криминального аборта своей невесте. Для этой цели он нашел имеющего высшее медицинское образование врача С., уговорил его произвести незаконный аборт своей невесте, подыскал квартиру, где С. и произвел аборт Л. В данном случае умысел Т. был направлен на достижение одной цели – незаконного производства аборта врачом. То обстоятельство, что

производство аборта закончилось смертельным исходом, не охватывалось умыслом Т. Поэтому его действия необходимо квалифицировать не по ст. 17 и 114 (ч. 3), а по ст. 17 и 114 (ч. 1) УК БССР».

Следует различать последствия как результат умысла, и последствия как результат неосторожной вины исполнителя. В деле Т. смерть потерпевшей причинена по неосторожности действиями врача С. Что касается Т., то он не должен был и не мог предвидеть, что в результате аборта последует смерть Л. Пригласив для производства операции врача, Т. имел все основания рассчитывать на его знания и профессионализм.

Правовая оценка действий соучастника не изменилась бы и в том случае, если бы он был организатором, подстрекателем или пособником в производстве аборта лицом, не имеющим высшего медицинского образования. Если бы С. был не врачом, а только фельдшером или вовсе не имел бы медицинского образования, то при тех же обстоятельствах действия Т. квалифицировались бы по ст. 17 и ч. 2 ст. 114 УК БССР, а действия исполнителя преступления по ч. 3 ст. 114.

Последствия как квалифицирующее обстоятельство, если для их вменения требуется только неосторожная вина (а это относится и к составу незаконного производства аборта, повлекшего смерть или иные тяжкие последствия, – ч. 3 ст. 114), не могут быть инкриминированы соучастнику преступления, если даже он мог их предвидеть.

Такой вывод вытекает из определения соучастия. Согласно ст. 17 УК БССР «соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления». Это определение далее конкретизируется при определении видов соучастников. В частности, «организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением». В составе незаконного производства аборта организуется совершение аборта, а не причинения смерти. Совместность их действий состоит в том, что они вместе и сознательно участвуют в совершении аборта, выполняя разные роли. В части же причинения смерти или иных тяжких последствий их действия уже не являются совместными, поскольку не являются умышленными.

В равной мере сказанное относится к любому соучастнику, в том числе подстрекателю и пособнику.

Другое дело, когда тяжесть последствий вменяется исполнителю в качестве квалифицирующего обстоятельства лишь при наличии умысла. Например, в составе умышленного убийства, предусмотренного ст. 100 УК БССР, квалифицирующим

обстоятельством, относящимся к тяжести последствий, является убийство двух или более лиц (п. «г»). Соучастник этого преступления несет ответственность по п. «г» ст. 100, если он, как и исполнитель, действовал с умыслом на причинение смерти двум или более лицам. Совместность их действий заключается в том, что они вместе участвуют в причинении смерти нескольким лицам, выполняя при этом разные роли. Лишь при эксцессе исполнителя тяжесть последствий, являющихся квалифицирующим обстоятельством, не вменяется соучастнику. Так, если А. подстрекает Н. к убийству одного человека, а тот убивает двух, то действия А. уже не могут квалифицироваться по п. «г» ст. 100 УК БССР, должны квалифицироваться (при отсутствии других отягчающих обстоятельств, указанных в ст. 100) по ч. 5 ст. 17 и ст. 101 УК БССР.

2. Уголовный кодекс БССР, как и других союзных республик, не содержит норм, которые регулировали бы квалификацию действий соучастника при наличии квалифицирующих обстоятельств, относящихся к личности исполнителя преступления.

Согласно УК БССР такими обстоятельствами являются прежняя судимость (например, в ч. 2 ст. 128), совершено преступления особо опасным рецидивистом (например, в ч. 3 ст. 87), ответственное положение должностного лица (например, в ч. 2 ст. 160) и т.д.

Как следует квалифицировать действия соучастника (организатора, подстрекателя, пособника), если такие квалифицирующие обстоятельства имеются лишь на стороне исполнителя и других соучастников, когда эти обстоятельства известны соучастнику. Если подстрекатель, например, склонял к краже государственного имущества особо опасного рецидивиста, но ему не было известно о том, что данное лицо является опасным рецидивистом, то его действия не могут быть квалифицированы по ст. 17 п. 87 (ч. 3). Такая квалификация означала бы объективное вменение.

Возможны два варианта решения, и оба встречаются в судебной практике. Одни квалифицируют действия соучастника по той же статье УК, что и действия исполнителя. В приведенном примере это означает, что соучастник несет ответственность по ст. 17 и 87 (ч. 3). Определенные основания для такой квалификации имеются. Они вытекают из ст. 8 УК, согласно которой «преступление признается совершенным умышленно, если лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и желало их или сознательно допускало наступление этих последствий». Сознание общественно опасного характера своих действий означает, кроме прочего, и сознание наличия всех фактических обстоятельств,

являющихся элементами данного состава преступления. Если, например, ч. 3 ст. 87 УК формулирует состав преступления как кражу государственного или общественного имущества, совершенную особо опасным рецидивистом, то указание на особо опасного рецидивиста есть указание на фактическое обстоятельство, являющееся элементом состава данного преступления. Поскольку соучастник об этом обстоятельстве осведомлен, он действует с умыслом на склонение особо опасного рецидивиста на совершение кражи социального имущества (подстрекательство) или на содействие ему в совершении этого преступления (пособничество).

Однако такая позиция не учитывает того, что основанием повышенной ответственности особо опасного рецидивиста является не деяние, а обстоятельство, относящееся исключительно к личности виновного. Это можно видеть при сравнении санкций ч. 1 ст. 87 УК и ч. 3 той же статьи. Значительно более строгое наказание по ч. 3 ст. 87 является следствием того, что исполнитель имеет судимости, что прежнее уголовно-правовое воздействие оказалось недостаточным для его исправления, что он до совершения кражи уже был признан особо опасным рецидивистом. Квалифицировать действия соучастника по ст. 17 и 87 (ч. 3) – значит распространить на него то квалифицирующее обстоятельство, о котором он только знает, но которое к нему не относится, поскольку он особо опасным рецидивистом не является.

Другие квалифицируют действия соучастника по ст. 17 и той статье Особенной части, которая предусматривает ответственность за то же преступление, но без квалифицирующих обстоятельств, относящихся к личности исполнителя. В приведенном примере это означает, что действия исполнителя должны квалифицироваться по ч. 3 ст. 87 УК, а действия соучастника – по ст. 17 и ч. 1 ст. 87. Такая позиция исключает вменение соучастнику квалифицирующего обстоятельства, относящегося к личности исполнителя, но не согласуется с определением умысла.

Разнобой вызван отсутствием правового регулирования данного вопроса¹. Этот пробел в законе следует устранить. Пока же представляется оптимальным следующее решение вопроса. Действия

¹ Согласно п. 4 ст. 21 Уголовного кодекса Народной Республики Болгарии «особые обстоятельства, вследствие которых закон исключает, уменьшает или увеличивает наказание для кого-либо из соучастников, не принимаются во внимание в отношении остальных соучастников, у которых эти обстоятельства отсутствуют».

В п. 5 § 22 УК Германской Демократической Республики сказано: «Если закон постановляет, что особые личные обстоятельства усиливают, смягчают или исключают уголовную ответственность, то эти постановления относятся лишь к тому исполнителю или соучастнику, у которого имеются эти обстоятельства».

соучастника должны квалифицироваться по тому же закону, который применяется к исполнителю преступления, на стороне которого имеются квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к его личности. Однако при назначении наказания соучастнику необходимо учитывать, что на его стороне нет данных квалифицирующих обстоятельств, и в рамках санкции назначить ему более мягкое наказание, а при необходимости применить ст. 42 УК БССР.

Отдельные вопросы назначения наказания

Публикуется по книге: Горелик, И.И. Практика применения норм Общей части УК БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 190 с.

В этом параграфе рассматриваются следующие вопросы: определение вида исправительно-трудовой колонии при осуждении за совокупность умышленного и неосторожного преступлений; назначение исправительно-трудовой колонии усиленного режима; назначение наказания совершившему преступление во время отбывания лишения свободы в тюрьме; лишение права занимать отдельные должности или заниматься определенной деятельностью; поглощение или сложение наказаний при совокупности преступлений.

1. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1977 г.¹ предусмотрен новый вид исправительно-трудовых колоний – «исправительно-трудовые колонии-поселения для лиц, совершивших преступления по неосторожности». Ранее лица, осужденные за умышленные преступления, и лица, осужденные за неосторожные преступления, отбывали наказание в одних и тех

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 7. Ст. 116. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1977 г. внесены соответствующие изменения в ст. 23 УК БССР (СЗ БССР. 1977. № 10. Ст. 144).

же исправительно-трудовых колониях, что существенно препятствовало исправлению и перевоспитанию лиц, отбывающих наказание за неосторожные преступления. Раздельное содержание лиц, осужденных к лишению свободы за умышленные и неосторожные преступления, – значительный вклад в развитие исправительно-трудовой политики.

Согласно упомянутому Указу и новой редакции ст. 23 УК БССР, в колониях-поселениях для лиц, совершивших преступления по неосторожности, отбывают наказание лица, впервые осужденные к лишению свободы на срок до 5 лет.

В судебной практике возник вопрос об определении вида исправительно-трудовой колонии при осуждении за совокупность умышленного и неосторожного преступлений. Так, по приговору народного суда Солигорского района Минской области от 13 октября 1977 г. Е. осужден по ч. 1 ст. 207-2 УК БССР к 6 месяцам лишения свободы и по ч. 2 ст. 206 к 2 годам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии-поселении для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

Первое преступление – угон автомототранспортных средств является умышленным, второе – нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта – неосторожным. Назначая вид исправительно-трудовой колонии, суд, очевидно, руководствовался тем, за какое преступление назначено более строгое наказание, и, поскольку таким оказалось наказание за неосторожное преступление, определил отбывание лишения свободы в колонии-поселении для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

Приговор суда в части определения вида исправительно-трудовой колонии противоречит смыслу выделения колоний-поселений для лиц, совершивших преступления по неосторожности, – раздельному содержанию лиц, осужденных за умышленные и неосторожные преступления.

При осуждении за умышленное и неосторожное преступления с применением ст. 39 УК БССР следует назначать вид исправительно-трудовой колонии за совершение умышленного преступления. Если бы Е. был осужден только по ст. 207-2 УК, то ему, бесспорно, определили бы отбывание лишения свободы в колонии общего режима. От того, что Е. совершил еще и неосторожное преступление, вид режима не может быть более мягким. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР определением от 30 марта 1978 г. отменила приговор в части назначения Е. вида ИТК и направила дело в этой части на новое судебное рассмотрение.

Вопрос о назначении вида ИТК может возникнуть и в том случае, когда осужденный отбывает лишение свободы в колонии-поселении для лиц, совершивших преступления по неосторожности, но выясняется, что до вынесения приговора он совершил другое, но уже умышленное преступление. В таком случае осужденный не может отбывать наказание в колонии-поселении для лиц, совершивших преступления по неосторожности. Если же за умышленное преступление лицо осуждено к наказанию, не связанному с лишением свободы, оно продолжает отбывать наказание в колонии-поселении для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

Возможна и такая ситуация, когда осужденный во время отбывания наказания в колонии-поселении для лиц, совершивших преступления по неосторожности, совершает новое преступление. Если за это преступление он осуждается к лишению свободы, то вид ИТК должен быть изменен независимо от того, является ли это преступление умышленным или неосторожным. Согласно ч. 4 ст. 23 УК БССР лицам мужского пола, ранее отбывавшим наказание в виде лишения свободы и вновь осужденным к лишению свободы, отбывание наказания назначается в колониях строгого режима.

Как отмечалось выше, в колонии-поселения для лиц, совершивших преступления по неосторожности, направляются лишь лица, впервые осужденные к лишению свободы и на срок не свыше 5 лет. Что касается лиц, осужденных впервые за неосторожные преступления к лишению свободы на срок свыше 5, но не свыше 10 лет, то они могут быть направлены в колонии-поселения для лиц, совершивших преступления по неосторожности, в «зависимости от характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела», как сказано в ч. 7 ст. 23 УК БССР. При этом суд обязан мотивировать принятое решение.

В колонии-поселения для лиц, совершивших преступление по неосторожности, не могут быть направлены лица, впервые осужденные к лишению свободы на срок свыше 10 лет, а также несовершеннолетние, осужденные к лишению свободы за неосторожные преступления. Не могут быть направлены в такие колонии также лица, осужденные второй раз к лишению свободы за неосторожные преступления.

Ограничение круга лиц, направляемых для отбывания лишения свободы в колонии-поселения для лиц, совершивших преступления по неосторожности, представляется необоснованным.

Размер наказания за неосторожные преступления определяется главным образом на основании тяжести последствий. Между тем последствия неосторожных действий в значительной степени имеют ситуативный характер и часто неадекватны нарушению. Одни и те же нарушения нередко вызывают последствия различной тяжести. Незначительные нарушения могут вызвать тяжкие последствия, а грубые окончиться благополучно или причинить малозначительный вред. На это указывается в литературе¹.

Поэтому по размеру назначенного срока лишения свободы либо повторности осуждения за неосторожное преступление еще нельзя судить о степени опасности личности виновного, а следовательно, нет оснований ограничивать круг лиц, осужденных к лишению свободы за неосторожные преступления, для отбывания наказания в колониях-поселениях для лиц, совершивших преступления по неосторожности.

Обоснованно лишь раздельное содержание взрослых и несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за неосторожные преступления.

Согласно изложенному следовало бы внести соответствующие изменения и дополнения в ст. 23 УК БССР.

2. До принятия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1972 г.² в колонии общего режима из числа лиц мужского пола направлялись лишь лица, осужденные впервые за преступления, не являющиеся тяжкими. Лица, осужденные впервые за тяжкие преступления, направлялись в колонии усиленного режима. Упомянутым Указом предусмотрено направление в колонии общего режима также лиц, впервые осужденных за тяжкие преступления к лишению свободы на срок не свыше 3 лет. Тем самым колонии усиленного режима стали местом отбывания лишения свободы лишь для лиц, впервые осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления на срок свыше 3 лет.

Отдельные суды допускают ошибки, когда определяют указанный вид колонии при осуждении по совокупности преступлений на срок свыше 3 лет, хотя за одно из преступлений, являющееся тяжким, назначено лишение свободы на срок менее 3 лет. Так, приговором народного суда Дрогичинского района Брестской области от 7 июля 1976 г. Л. осужден по ч. 2 ст. 201 УК БССР (злостное

¹ П.С. Дагель. Неосторожные преступления. В кн.: Проблемы борьбы с преступной неосторожностью. Владивосток. 1978. Вып. 2. С. 10–12.

² Ведомости Верховного Совета СССР 1972. № 22. Ст. 176. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 14 июля 1972 г. внесены соответствующие изменения в ст. 23 УК БССР (СЗ БССР. 1972. № 17. Ст. 48).

хулиганство) к 1 году и 6 месяцам лишения свободы и по ч. 2 ст. 187-1 (сопротивление работнику милиции, сопряженное с насилием) к 2 годам лишения свободы, а по совокупности преступлений к 3 годам и 6 месяцам лишения свободы в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

Изменяя приговор в части определения вида исправительно-трудовой колонии, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР в определении от 25 февраля 1977 г., сославшись на ст. 23 УК БССР и п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 г.¹, указала, что «лицу, осужденному за совершение нескольких преступлений, в том числе одного тяжкого, за которое назначено наказание, не связанное с лишением свободы, либо лишение свободы на срок не более 3 лет, отбывание наказания надлежит назначать в колонии общего режима, независимо от срока лишения свободы, назначенного по совокупности преступлений».

Тяжким преступлением, за которое, по совокупности с другим, осужден Л., является злостное хулиганство. За это преступление ему назначено лишение свободы на срок 1 год 6 месяцев, поэтому ему следовало назначить отбывание наказания в колонии общего режима независимо от срока лишения свободы, назначенного по совокупности преступлений.

3. Осужденный к лишению свободы Р. за злостное нарушение режима в ИТК определением народного суда Горецкого района Могилевской области от 16 сентября 1977 г. для дальнейшего отбывания наказания переведен на 3 года в тюрьму (ст. 55 Исправительно-трудового кодекса БССР). Во время нахождения в тюрьме Р. совершил злостное хулиганство (ч. 2 ст. 201 УК БССР) и умышленно причинил другому лицу легкие телесные повреждения (ч. 2 ст. 110). По приговору народного суда Ленинского района г. Гродно от 30 января 1980 г. Р. осужден по ч. 2 ст. 201 УК к 5 годам лишения свободы, по ч. 2 ст. 110 – к 6 месяцам лишения свободы, а на основании ст. 39 ему определено 5 лет лишения свободы. На основании ст. 40 УК суд к назначенному наказанию присоединил неотбытый срок лишения свободы по первому приговору и окончательно назначил 6 лет и 8 месяцев лишения свободы. Тем же приговором Р. признан особо опасным рецидивистом и ему назначено отбывание наказания в колонии особого режима.

К моменту вынесения приговора народным судом Ленинского района Р. еще не отбыл 1 года 8 месяцев тюремного заключения.

¹ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1977. Ч. 2. С. 87.

Возник вопрос о том, когда Р. для дальнейшего отбывания наказания должен быть направлен в колонию особого режима.

Тюремное заключение независимо от того, назначено ли оно приговором суда в соответствии с ч. 8 ст. 23 УК БССР или определением суда в соответствии со ст. 55 Исправительно-трудового кодекса БССР, является наиболее тяжким видом лишения свободы. Поэтому совершение нового преступления во время отбывания наказания в тюрьме не может улучшить положение осужденного.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР в определении от 20 мая 1980 г., отметив, что определение суда о переводе Р. на 3 года в тюрьму не отменено, признала: «Считать, что Р. в соответствии с определением народного суда Горецкого района от 16 сентября 1977 г. должен отбывать наказание в тюрьме, а последующий срок в ИТР особого режима».

4. Приговором народного суда Центрального района г. Минска от 24 января 1977 г. А. осужден по ч. 1 ст. 166 и ст. 171 УК БССР. Он признан виновным в том, что, работая тренером по боксу Белорусского республиканского совета «Трудовые резервы» и будучи ответственным за выдачу талонов на питание участникам учебно-тренировочных сборов, на протяжении 1974–1976 гг. неоднократно включал в списки участников лиц, не принимавших участия в сборах, путем подделки их подписей получал за них талоны на питание и передавал спортсменам из других групп. За указанное время А. причинил ущерб ДСО «Трудовые резервы» на сумму 1379 рублей.

В качестве дополнительного наказания А. лишен права заниматься тренерской деятельностью сроком на 2 года. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР определением от 30 августа 1977 г. исключила из приговора указание на лишение права А. заниматься тренерской деятельностью.

Совершение преступления должностным лицом или лицом, обладающим определенной профессией, не предрешает применения к нему хотя бы в качестве дополнительного наказания, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Согласно ч. 2 ст. 29 УК БССР «это наказание может быть назначено в случаях, когда по характеру совершенных виновным преступлений по должности или при занятии определенной деятельностью суд признает невозможным сохранение за ним права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью».

Это означает, что одним из обязательных оснований назначения этого наказания является «совершение лицом преступления,

непосредственно связанного по своему характеру с выполнением им своих служебных полномочий, профессиональных либо иных гражданских обязанностей»¹. Иными словами, это наказание «может быть назначено не за любое преступление, а лишь за то, которое было совершено в связи с занимаемой должностью или с определенной трудовой деятельностью»².

Такая связь имеется, когда виновный использовал занимаемую им должность или профессиональное занятие для совершения преступления либо бездействовал, не выполняя своих обязанностей. Такой непосредственной связи между тренерской работой упомянутого А. и совершенным им преступлением не было. Его могли бы лишить права заниматься тренерской деятельностью, если бы он обучал недозванным приемам спортивной борьбы, что повлекло бы противоправное травмирование участника спортивного состязания, либо совершил бы подлог с целью допуска к состязаниям боксера иной весовой категории, чем противник.

Отсутствие непосредственной связи между совершенным преступлением и занимаемой должностью или выполнением профессиональных функций исключает возможность применения ст. 29 УК БССР.

5. При совокупности преступлений суд, назначив наказание отдельно за каждое преступление, окончательно определяет наказание по их совокупности «путем поглощения менее строгого наказания более строгим либо путем полного или частичного сложения назначенных наказаний в пределах, установленных статьей... Кодекса, предусматривающей более строгое наказание» (ч. 1 ст. 39 УК БССР).

Закон не содержит указаний о том, когда следует применять поглощение и когда сложение наказаний. Отдельные авторы указывают, что «применение того или иного принципа назначения наказания при совершении нескольких преступлений – право суда»³. Это, безусловно, так. Однако теория уголовного права может и должна дать практике обоснованные рекомендации о том, в каких случаях следует применять тот или иной принцип назначения наказаний при совокупности преступлений.

подавляющее большинство авторов считают, что принцип поглощения наказаний должен применяться в случае совершения преступлений, существенно отличающихся одно от другого по

¹ В.И. Тютюгин. Назначение наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Харьков, 1976. С. 12.

² Курс советского уголовного права. М., 1970. Т. 3. С. 96.

³ Курс советского уголовного права. Часть Общая. Л., 1970. Т. 2. С. 354.

степени общественной опасности, а принцип сложения – когда между этими преступлениями такого различия нет¹.

Применение принципа поглощения наказаний всегда ведет к безнаказанности за одно из преступлений, входящих в совокупность. Однако при существенной разнице между степенью опасности преступлений, входящих в совокупность, безнаказанность малозначительного по сравнению с другим преступления почти незаметна. И все-таки было бы более справедливым, если бы принцип поглощения наказаний при назначении их по совокупности был исключен из закона. В рамках же действующего законодательства иного решения о пределах применения принципа поглощения наказаний быть не может.

Допускать поглощение наказаний при осуждении за преступления, существенно не отличающиеся друг от друга по степени опасности, значит одно из них явно оставлять безнаказанным. «Такая практика создает у осужденных и присутствующих в зале судебного заседания впечатление о безнаказанности виновного за отдельные преступления, входящие в совокупность»².

Между тем в судебной практике это далеко не всегда учитывается. В большинстве случаев применяется принцип поглощения наказаний, даже если между преступлениями, входящими в совокупность, нет по степени их опасности заметных различий. Так, по приговору народного суда Чериковского района от 17 декабря 1979 г. Г. осужден к 4 годам лишения свободы за грабеж (ч. 2 ст. 142 УК), к 3 годам лишения свободы за злостное хулиганство (ч. 2 ст. 201 УК), а по совокупности преступлений к 4 годам лишения свободы.

В практике вышестоящих судов мы не встретили случаев отмены приговора по мягкости назначенного наказания по совокупности преступлений, когда суд первой инстанции применил поглощение наказаний, хотя преступления, входящие в совокупность, были одинаково или почти одинаково опасными. В связи с этим представляется назревшей потребность в соответствующем разъяснении, которое дал бы Пленум Верховного Суда СССР.

¹ Курс советского уголовного права. Т. 3. С. 166; Уголовное право БССР. Часть Общая. Минск, 1978. С. 222; Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. Минск, 1979. С. 89; В.П. Малков. Совокупность преступлений. Казань, 1974. С. 246; А.С. Горелик. Назначение наказаний по совокупности. Красноярск, 1975. С. 48; и т.д. Первым это мнение высказал Г.А. Кригер в статье «Назначение наказания при совокупности преступлений» (Социалистическая законность. 1959. № 5. С. 19).

² В.П. Малков. Указ. соч. С. 245.

Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду

Публикуется по книге: Горелик, И.И. Практика применения норм Общей части УК БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 190 с.

1. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 февраля 1977 г.¹ институт условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду, прежде регулируемый Указом того же Президиума от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду»², выделен в отдельную норму – ст. 23-2 Основ уголовного законодательства. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1977 г.³ в УК БССР включена ст. 23-1 аналогичного содержания. Указом от 8 февраля 1977 г. применение условного осуждения с обязательным привлечением к труду значительно расширено. Если прежде оно могло применяться при осуждении впервые к лишению

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 7. Ст. 116.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 24. Ст. 204.

³ СЗ БССР. 1977. № 10. Ст. 144.

свободы на срок от 1 до 3 лет, то по новому закону оно может применяться при осуждении впервые к лишению свободы за умышленное преступление на срок до 3 лет, а при осуждении за неосторожное преступление – на срок до 5 лет.

Сокращен круг лиц, к которым условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду не может применяться. Согласно ст. 23-1 УК БССР оно не применяется:

а) к лицам, осужденным за особо опасные государственные преступления, бандитизм, умышленное убийство (ст. 100, 101, п. «в» ст. 229), умышленное тяжкое телесное повреждение (ст. 106), изнасилование при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 3 ст. 115)¹, особо злостное хулиганство;

б) к лицам, к которым наряду с наказанием за совершенное преступление назначаются меры принудительного лечения от алкоголизма или наркомании, а также не прошедшим полного курса лечения венерического заболевания;

в) к осуждаемым иностранцам и лицам без гражданства.

Ранее, согласно упомянутому Указу от 12 июня 1970 г., условное осуждение не могло применяться, кроме перечисленных случаев, еще и при осуждении за следующие преступления: действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений; массовые беспорядки; изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг при отягчающих обстоятельствах; нарушение правил о валютных операциях при отягчающих обстоятельствах; хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах; разбой с целью завладения государственным, общественным или личным имуществом граждан; получение, дачу взятки или посредничество во взяточничестве при отягчающих обстоятельствах; распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй; организацию или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок; хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ путем разбойного нападения. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. не допускал применения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду также

¹ В связи с изменением редакции ч. 3 ст. 115 УК БССР и дополнением этой статьи ч. 4 (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1980 г. «О внесении изменений в Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об усилении уголовной ответственности за изнасилование"») (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1980. № 4) условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду не применяется также к лицам, осужденным по ч. 4 ст. 115 УК БССР.

к лицам, повторно осужденным за разбой без отягчающих обстоятельств, грабеж или кражу (в любой последовательности) и к совершившим преступления военнослужащим срочной службы.

Расширение области применения условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, предусмотренное ст. 23-1 УК БССР, обусловлено его эффективностью, подтвержденной многолетней практикой. Она позволяет правильно определить юридическую природу условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду.

По приговору судебной коллегии по уголовным делам Гомельского областного суда от 20 августа 1974 г. Р. осужден к 1 году и 6 месяцам лишения свободы. Назначенный срок лишения свободы определен условно с обязательным привлечением на этот срок осужденного к труду в местах, указанных органами внутренних дел. Областной суд указал, что «срок наказания осужденному Р. следует исчислять со дня взятия его под стражу». Признав осуждение Р. правильным, Судебная коллегия Верховного Суда БССР определением от 20 сентября 1974 г. указала, что поскольку Р. под стражу не заключался и во время вынесения приговора под стражей не содержался, то во исполнение приговора он должен самостоятельно прибыть к месту работы и «срок исполнения наказания ему должен исчисляться с момента прибытия к месту работы и взятия на учет в органе внутренних дел». Признание условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду наказанием не вызывает здесь сомнений.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда БССР от 27 февраля 1976 г. по делу Б. сказано: «По прибытии Б. для отбывания наказания на стройку народного хозяйства медицинским освидетельствованием было установлено, что он болен туберкулезом легких, нуждается в стационарном лечении и поэтому не может быть использован на работе в стройорганизации». Отмечая, что в связи с этим Б. «меру наказания не отбывает», упоминая коллегия применила к Б. ст. 42 УК БССР. И в этом случае условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду четко определено как наказание.

Признание практикой условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду наказанием подтверждается тем, что в надлежащих случаях оно заменяется более мягким наказанием.

Так, К. признан виновным в том, что, будучи в нетрезвом состоянии, он пришел на квартиру своего брата, где в результате ссоры избил жену последнего, причинив ей легкие телесные повреждения

с расстройством здоровья. По приговору народного суда Волковысского района от 17 октября 1977 г. К. осужден по ч. 1 ст. 110 УК БССР к 1 году лишения свободы. К нему применена ст. 23-1 УК, и назначенное наказание постановлено считать условным с обязательным привлечением его на этот срок к труду в местах, определяемых органами, ведающими исполнением приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР в определении от 23 декабря 1977 г. указала следующее: «Вина К. в совершении преступления материалами дела установлена и действия его квалифицированы правильно. Однако при определении меры наказания суд не учел в должной мере данные, относящиеся к личности осужденного. Из материалов дела видно, что К. к уголовной ответственности привлекается впервые, по работе и в быту характеризуется положительно и коллектив колхоза ходатайствует о передаче осужденного ему на перевоспитание... При таких обстоятельствах коллегия сочла возможным меру наказания в отношении осужденного К. определить в виде исправительных работ по месту работы».

Если условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду заменяется более мягким наказанием, в данном случае исправительными работами, то оно и само является наказанием.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР определением от 3 августа 1979 г. отменила определение судебной коллегии по уголовным делам Гомельского областного суда по делу К. Последний по приговору народного суда Новобелицкого района г. Гомеля от 14 июня 1979 г. осужден по ст. 194-1 УК БССР за злостное нарушение правил административного надзора. Отменяя этот приговор, судебная коллегия по уголовным делам Гомельского областного суда исходила из того, что административный надзор в отношении К. установлен незаконно, ибо он был судим за тяжкое преступление «не к лишению свободы, а к лишению свободы условно с обязательным привлечением к труду».

Отвергая такой довод, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР в своем определении указала, что «лицо, к которому применено условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду, следует рассматривать как осуждавшееся к лишению свободы, если оно направлялось по определению суда в места лишения свободы для отбывания наказания, назначенного по приговору».

Судебная практика твердо считает условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду наказанием,

поскольку ему присущи все признаки наказания. Условное осуждение к лишению свободы с привлечением к труду – мера государственного принуждения, причиняющая преступнику определенные (притом значительные) лишения, применяемая судом от имени государства и выражающая отрицательную оценку преступника и его деяния.

Отдельные авторы, не считая условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду наказанием, в то же время указывают, что «по характеру и объему свойственных ему правоограничений этот вид условного осуждения является более суровой мерой уголовно-правового воздействия, чем... наказания, не связанные с лишением свободы»¹. Если условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду более суровая мера, чем, например, исправительные работы без лишения свободы, а последнее является наказанием, то как можно не признать наказанием условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду?

То, что условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду является наказанием, подтверждается тем, что к осужденным по ст. 23-1 УК применяется условно-досрочное освобождение от наказания или замена неотбытой части наказания более мягким наказанием (ст. 51 УК БССР). Как подметил М.И. Якубович, «условно-досрочно можно освобождать только от наказания»².

То, что условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду является наказанием, подтверждается и ч. 7 ст. 23-1 УК БССР, в которой сказано, что «если условно осужденный в течение определенного судом срока лишения свободы совершил умышленное преступление, за которое он осуждается к лишению свободы, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным ст. 40 настоящего Кодекса». Статья 40 применяется в случае совершения условно осужденным нового преступления «после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания». Значит, условно осужденный с обязательным привлечением к труду отбывал наказание.

Как видно из ч. 7 ст. 23-1, при совершении условно осужденным в течение определенного судом срока лишения свободы умышленного преступления, за которое он осужден к наказанию,

¹ М.А. Ефимов, В.А. Шкурко. Совершенствование уголовно-правовых норм борьбы с преступностью. Минск, 1980. С. 12–13.

² М.И. Якубович. О юридической природе нового вида условного осуждения. В кн.: Труды Горьковской высшей школы МВД СССР. Горький, 1974. Вып. 2. С. 58.

не связанному с лишением свободы, а равно при совершении неосторожного преступления правила, предусмотренные ст. 40, уже не могут применяться. Не могут применяться в таких случаях и правила, предусмотренные ст. 39 УК БССР, т.к. последняя определяет порядок назначения наказаний при совершении нескольких преступлений до вынесения приговора. В итоге вопрос о порядке назначения наказания при совершении условно осужденным к лишению свободы умышленного преступления, за которое он осужден к наказанию, не связанному с лишением свободы, или совершении им неосторожного преступления независимо от того, какой вид наказания ему назначен, остается неурегулированным. Только по этой причине практика предпочитает за умышленное преступление, совершенное условно осужденным к лишению свободы, назначать только лишение свободы, что дает возможность в дальнейшем применить ст. 40 УК.

Пробелом в законе можно объяснить следующую рекомендацию практике: «Общие правила о назначении наказания по совокупности приговоров должны применяться и в случае совершения условно осужденным нового неосторожного преступления, за которое судом назначено лишение свободы, а также, когда за новое преступление было назначено наказание, не связанное с лишением свободы, и при этом условно осужденный за уклонение от работы, систематическое или злостное нарушение трудовой дисциплины, общественного порядка или установленных для него правил проживания по определению суда направляется для отбывания лишения свободы, назначенного первым приговором»¹.

В ст. 40 УК определен порядок назначения наказания при совершении любого нового преступления «после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания». Часть 7 ст. 23-1 УК противоречит ст. 40.

Эти нормы соотносятся между собой как частное и общее. Статья 40 УК содержит правила назначения наказания для всех случаев совершения нового преступления после вынесения приговора, но до полного отбытия наказания. Частное должно содержать все признаки общего и при коллизии между частным и общим следует руководствоваться общим. Поэтому ст. 40 УК должна применяться во всех случаях совершения условно осужденным в течение определенного судом срока лишения свободы нового преступления независимо от того, было ли оно умышленным или неосторожным и какое наказание было назначено.

¹ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. С. 64.

По мнению других авторов, «если за новое преступление назначается наказание, не связанное с лишением свободы... и условно осужденный ввиду отсутствия указанных выше оснований не направляется для отбывания лишения свободы, вновь назначенное наказание исполняется наряду с условным осуждением к лишению свободы с привлечением к труду»¹.

Во избежание различных толкований и в соответствии со ст. 40 УК БССР ч. 7 ст. 23-1 УК должна быть изменена и сформулирована следующим образом: «Если условно осужденный в течение определенного судом срока лишения свободы совершил новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 40 настоящего Кодекса».

¹ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Белорусской ССР. С. 64; см. п. 15 постановления № 3 Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1981 г. (Бюллетень Верховного Суда СССР. 1981. № 5).

Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему

Публикуется по книге: Горелик, И.И. Практика применения норм Общей части УК БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – 190 с.

1. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 г. «О дополнении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик статьей 39-1»¹ и Указом Президиума Верховного Совета БССР от 29 марта 1977 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Белорусской ССР»² введен новый правовой институт – отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему. Ранее наше уголовное законодательство знало лишь отсрочку исполнения приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время (ст. 44 УК БССР).

Согласно ч. 1 ст. 44-1 УК БССР (ст. 39-1 Основ уголовного законодательства) «при назначении наказания несовершеннолетнему, впервые осужденному к лишению свободы на срок до трех лет, судом, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела, а также возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества, исполнение приговора к лишению

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 8. Ст. 137.

² СЗ БССР. 1977. № 10. Ст. 144.

свободы в отношении такого лица может быть отсрочено на срок от шести месяцев до двух лет. Суд может в этих случаях отсрочить исполнение и дополнительных наказаний».

Формальным основанием применения отсрочки является не тот или иной состав преступления, выполненный несовершеннолетним, а назначение ему лишения свободы на срок не свыше 3 лет. Поэтому практически отсрочка может быть применена при осуждении к лишению свободы на такой срок за любое преступление. В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 31 марта 1978 г.¹ № 3 разъяснил, что «судам необходимо с особой осторожностью подходить к предоставлению отсрочки несовершеннолетним, виновным в совершении тяжких преступлений или преступлений, повлекших тяжелые последствия, ранее осуждавшимся условно и к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, либо освобождавшимся от уголовной ответственности».

Другим формальным основанием применения отсрочки является осуждение несовершеннолетнего к лишению свободы впервые. Поэтому суд не вправе отсрочить исполнение приговора несовершеннолетнему, если он ранее осуждался к лишению свободы или осуждался к этой мере наказания с применением ст. 44-1 УК и при этом судимость не погашена или не снята.

Вопрос о возможности применения отсрочки решается на основании учета характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного, иных обстоятельств дела, а также возможности исправления и перевоспитания без изоляции от общества. Такие основания имеются в значительном числе случаев, поскольку речь идет о несовершеннолетнем, характер которого еще находится в стадии формирования и более всего поддается внешнему влиянию. Не случайно Пленум Верховного Суда СССР в упоминаемом постановлении обязывает суды в каждом случае осуждения несовершеннолетнего к лишению свободы на срок не свыше 3 лет обсуждать вопрос о возможности отсрочки исполнения приговора.

На необходимость обсуждать в таких случаях вопрос о возможности применения ст. 44-1 УК БССР указывается в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда БССР по делу П. и Л.

Приговором народного суда Столбцовского района от 23 мая 1977 г. П., рождения 26 мая 1960 г., и Л., рождения 19 мая 1961 г.,

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 3. С. 6.

осуждены по ч. 2 ст. 201 УК БССР на 2 года лишения свободы в воспитательно-трудовой колонии общего режима каждый. Они признаны виновными в том, что 10 августа 1976 г. в г. Столбцы на улице Клары Цеткин из хулиганских побуждений избили гражданина Д., нанеся ему удары руками и ногами, чем причинили легкие телесные повреждения с кратковременным расстройством здоровья. В совещательной комнате суд не обсуждал вопроса о возможности применения к П. и Л. отсрочки исполнения приговора.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР нашла возможным применить к осужденным ст. 44-1 УК БССР. В определении указано, что П. и Л. «преступление совершили впервые, ранее ни в чем предосудительном не замечались, занимались общественно полезным трудом и проживали с родителями. Каждый из них по работе характеризуется положительно. П. работал и учился в очно-заочной школе... Оба они вину осознали и в содеянном раскаялись. После совершения преступления в августе 1976 г. правонарушений не совершали».

Та же коллегия нашла возможным применить ст. 44-1 УК БССР к П. и С., осужденным народным судом Островецкого района Гродненской области 24 марта 1980 г. по ч. 2 ст. 142 УК к 3 годам лишения свободы в воспитательно-трудовой колонии каждый.

П., рождения 12 марта 1964 г., и С., рождения 3 июня 1964 г., признаны виновными в том, что 24 декабря 1979 г. около 19 часов, будучи нетрезвыми, встретили на автобусной станции г. п. Островец некоего Б., также нетрезвого, и, выпив с ним еще вина, избили Б. и завладели его деньгами в сумме 140 руб.

Применив к осужденным ст. 44-1 УК, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР в определении от 6 июня 1980 г. мотивировала решение тем, что «совершению преступления способствовало и неправильное поведение Б., 1937 г. р., распивающего спиртные напитки с несовершеннолетними, что к уголовной ответственности они привлекаются впервые, ранее ни в чем предосудительном замечены не были, вину свою признали».

Статья 44-1 УК БССР в судебной практике применяется весьма широко. Так, судами республики в 1980 г. она была применена к каждому второму несовершеннолетнему из числа осужденных к лишению свободы на срок не свыше 3 лет¹.

В подавляющем большинстве случаев ст. 44-1 УК применяется правильно, но встречаются и случаи ее неосновательного

¹ Об этом же свидетельствуют данные З. Вышинской, Т. Орешкиной и Н. Беляевой по Союзу ССР (Социалистическая законность. 1981. № 6. С. 51) и Г. Анашкина по РСФСР (Советская юстиция. 1981. № 6. С. 7).

применения, исправляемые Верховным Судом БССР. Так, несовершеннолетний Ж. в нетрезвом состоянии 23 сентября 1978 г. дважды совершал угон автомашин с территории машинно-тракторного парка колхоза «Правда» Слуцкого района Минской области. 17 и 24 октября того же года Ж. совершил кражу мотоцикла у гр-на Н. и мотовелосипеда у гр-на В. 24 октября он из хулиганских побуждений избил гр-ку П. Ж. плохо учился, нарушал в школе дисциплину, бросил учебу в 9-м классе, на работу в колхоз, куда был трудоустроен, не выходил, пьянствовал. Тем не менее народный суд, осудив Ж. по ст. 207 (ч. 2), 141 (ч. 2) и 201 (ч. 2) по совокупности преступлений к 2 годам лишения свободы, применил ст. 44-1 УК. После приговора Ж. не изменил своего поведения, продолжал пьянствовать, а 25 июня 1979 г. снова совершил преступление – угон автомашины.

По делу Л. Верховный Суд БССР обратил внимание на необходимость учета при рассмотрении вопроса о возможности применения отсрочки исполнения приговора тяжести наступивших последствий. Л. приговором народного суда г. Полоцка от 17 июля 1979 г. осужден по ч. 1 ст. 106 УК БССР на 3 года лишения свободы. К нему применена ст. 44-1 УК. Он признан виновным в том, что 22 апреля 1979 г. на улице г. Полоцка в ссоре с К. дважды ударил его с большей силой по голове, причинив тяжкие телесные повреждения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР определением от 19 октября признала неправильным применение к Л. ст. 44-1 УК. Коллегия указала: «Мотивируя применение ст. 44-1 УК БССР, суд сослался на возраст осужденного (он родился 9 апреля 1962 г.), положительную характеристику, раскаяние в содеянном. При этом суд не учел тяжести наступивших последствий. Как видно из материалов дела, действиями осужденного потерпевшему причинена тяжкая черепно-мозговая травма с ушибом головного мозга, что являлось опасным для жизни. С 7 апреля по 10 мая 1979 г. потерпевший находился в больнице, где ему произведена операция – трепанация черепа. Потерпевший признан инвалидом второй группы. При таких обстоятельствах суд без достаточных оснований применил ст. 44-1 и отсрочил исполнение приговора».

Хотя ст. 44-1 УК в числе оснований применения отсрочки исполнения приговора прямо не указывает на последствия преступных действий, они охватываются более широким понятием «характера и степени общественной опасности совершенного преступления». Поэтому учет последствий при обсуждении вопроса

о возможности применения отсрочки исполнения приговора обжалован.

Показателем неосновательного применения ст. 44-1 УК является рецидив до истечения срока отсрочки исполнения приговора. По Белорусской ССР в 1980 г. 4,4 % несовершеннолетних, к которым применена ст. 44-1 УК, совершили в течение срока отсрочки приговора новое преступление. Это отмечают и другие авторы¹.

Мотивируя применение отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему, суды нередко ссылаются на несовершеннолетие виновного. Однако это обстоятельство является условием для обсуждения вопроса о возможности применения ст. 44-1 УК, если лицо осуждено к лишению свободы на срок до 3 лет. Мотивом применения отсрочки исполнения приговора несовершеннолетие служить не может.

Наиболее часто суды ссылаются на смягчающее обстоятельство из числа указанных в ст. 37 УК, а также на первую судимость. Видимо, наличия какого-либо смягчающего обстоятельства, указанного в ст. 37 УК, еще недостаточно для применения отсрочки исполнения приговора. Оно лишь учитывается, как определено в ст. 37, «при назначении наказания». Для применения же ст. 44-1 УК суд должен учитывать все обстоятельства, о которых говорит ч. 1 этой статьи, и на этом основании прийти к выводу, что для исправления и перевоспитания осужденного нет необходимости изолировать его от общества. Такой вывод можно сделать при наличии совокупности смягчающих обстоятельств, относящихся к содеянному и личности виновного.

В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР определением от 13 мая 1977 г. применила ст. 44-1 УК к Р. Последний в конце ноября 1976 г. по предварительномуговору с С., В. и Б. совершил кражу двух часов марки «Ракета» и «Заря» стоимостью 81 рубль из магазина № 9 Новогрудского горпищепромторга. В ночь на 2 декабря 1976 г. Р. поговору с С. совершил кражу транзисторного приемника «Рига-104» стоимостью 181 рубль 2 копейки из магазина № 24 того же торго. Кроме того, в начале ноября 1976 г. Р. с целью совершения кражи пытался проникнуть в тот же магазин № 24.

По приговору народного суда Новогрудского района и г.Новогрудка Р. в числе других осужден по ч. 2 ст. 87 УК на 1 год и 6 месяцев лишения свободы. Определением судебной коллегии по

¹ По данным А. Филатова, 5,2 % (А. Филатов. Практика применения судами ст. 39-1 Основ уголовного законодательства. Социалистическая законность. 1978. № 7. С. 19), А. Чувилова и В. Николюка – 5 % (Советская юстиция. 1979. № 19. С. 28).

уголовным делам Гродненского областного суда приговор оставлен без изменений. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда БССР, применив к Р. ст. 44-1 УК, указала в своем определении, что «Р. к уголовной ответственности привлечен впервые, ранее не совершал никаких правонарушений, за время учебы в техникуме замечаний по поводу поведения не имел, преступление совершил под влиянием осужденного С., свою вину признал и раскаялся в совершенном преступлении, причиненный ущерб возмещен, все похищенное у осужденного изъято».

Сторонники широкого применения ст. 44-1 УК обычно ссылаются на то, что подавляющее большинство лиц, к которым применена эта статья, не совершают новых преступлений.

Процент рецидива не так уж значителен: 5-8 человек из каждых 100, к которым применена ст. 44-1 УК Белорусской ССР.

Но дело не только и не столько в этом. Подавляющее большинство осужденных совершает преступление один раз в жизни. Уже сама процедура судебного разбирательства, угроза лишиться свободы является для них достаточным предупреждением. Но все же таких лиц, за отдельными исключениями, не освобождают от наказания. И это объясняется тем, что наказание имеет целью не только «исправление и перевоспитание осужденных», но и «предупреждение совершения новых преступлений... иными лицами» (ст. 20 УК БССР).

Необоснованное применение ст. 44-1 УК опасно не только тем, что виновный, оставаясь на свободе, может совершить новое преступление. Оно опасно и тем, что может создать у несовершеннолетних уверенность в безнаказанности первого преступления.

2. При отсрочке исполнения приговора суд назначает срок лишения свободы и срок отсрочки исполнения этого наказания. О соотношении этих сроков закон ничего не говорит. Тем самым возможны любые варианты сочетания сроков: они могут совпадать (например, 2 года лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора на 2 года), срок отсрочки может быть выше (например, 1 год лишения свободы и 2-летний срок отсрочки) или ниже срока лишения свободы (например, 2 года лишения свободы с отсрочкой на 1 год). В подавляющем большинстве случаев на практике применяется первый вариант сочетания.

Срок отсрочки исполнения приговора, по сути дела, испытательный срок для несовершеннолетнего, в течение которого, по мнению суда, осужденный должен исправиться и перевоспитаться. Исправление и перевоспитание более или менее длительный во времени процесс. Поэтому суды в подавляющем числе случаев

не назначают низких сроков отсрочки исполнения приговора или сроков, близких к ним.

Однако такие случаи все же встречаются. В связи с этим заслуживает внимания мнение о продлении срока отсрочки исполнения приговора. Так, В. Степанов пишет: «При решении вопроса об освобождении от наказания, особенно если срок предоставленной отсрочки близок к минимуму, приходится встречаться с такими фактами, когда осужденный выполнил возложенные на него обязанности, нарушений общественного порядка, влекущих применение мер административного воздействия, не допустил, однако продолжает нарушать трудовую или учебную дисциплину, на замечания старших реагирует неправильно, да и поведение в общественных местах и семье оставляет желать лучшего, т.е. о нем нельзя сказать, что он примерным поведением и честным отношением к труду и обучению доказал свое исправление, хотя можно утверждать, что на путь исправления встал»¹.

В таких случаях В. Степанов предлагает продлить такому осужденному срок отсрочки до 2 лет, что позволит не освобождать его от наказания и проводить с ним воспитательную работу.

Срок отсрочки – составная часть всего института отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему. Когда приговор вступил в законную силу, он может быть пересмотрен лишь в порядке надзора. Учитывая исключительность пересмотра в порядке надзора приговоров, упоминаемое предложение о продлении срока отсрочки вряд ли приемлемо. Однако поставленный автором вопрос весьма важен.

Очевидно, не следует назначать минимальные или близкие к ним сроки отсрочки. Для несовершеннолетнего, действительно ставшего на путь исправления, длительность срока отсрочки не имеет значения. Что касается несовершеннолетних, о которых говорит В. Степанов, то для них длительные сроки отсрочки будут дополнительным стимулом для должного поведения. Чем продлевать срок отсрочки, лучше с самого начала не назначать его на минимальный или близкий к нему срок. Поэтому следовало бы внести изменения в закон (ст. 39-1 Основ уголовного законодательства, ст. 44-1 УК БССР), определив минимальный срок отсрочки в 1 год, а максимальный повысить до 3 лет, поскольку таким является максимальный срок лишения свободы, при назначении которого возможна отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему.

¹ В. Степанов Некоторые вопросы применения отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему. «Советская юстиция». 1979. № 21. С. 27.

3. Согласно ч. 2 ст. 44-1 УК «при отсрочке исполнения приговора несовершеннолетнему суд может обязать его в определенный срок поступить на работу, учебу или устранить причиненный вред».

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 31 марта 1978 г. № 3 «О практике применения судами ст. 39-1 Основ уголовного законодательства...» разъяснил, что суд, «принимая решение об отсрочке исполнения приговора, может возложить на несовершеннолетнего лишь те обязанности, которые предусмотрены законом союзной республики, с обязательным указанием срока их выполнения»¹.

Несмотря на это, отдельные суды возлагают на несовершеннолетнего обязанности, не предусмотренные ч. 2 ст. 44-1 УК. Так, на осужденных возлагались такие обязанности: «окончить за 2 года среднюю школу», «продолжить учебу в 7-м классе, хорошо учиться, соблюдать правила социалистического общежития», «после окончания учебы добросовестно работать на производстве».

4. Согласно ч. 5 ст. 44-1 УК, «если осужденный, в отношении которого исполнение приговора к лишению свободы отсрочено, не выполняет возложенные на него судом обязанности либо допускает нарушения общественного порядка, повлекшие применение мер административного воздействия, то по представлению комиссии по делам несовершеннолетних при исполнительном комитете районного (городского) Совета народных депутатов и органов внутренних дел суд может вынести определение об отмене отсрочки исполнения приговора к лишению свободы и о направлении осужденного для отбывания лишения свободы, назначенного приговором».

В судебной практике возник вопрос: может ли суд отменить отсрочку исполнения приговора, если осужденный выполнил возложенные на него обязанности, не допускал нарушений общественного порядка, которые повлекли бы применение мер административного воздействия, но допускал иные нарушения, свидетельствующие о том, что он не стал на путь исправления? Ответ следует искать в ч. 4 ст. 44-1 УК и п. 15 упоминаемого постановления Пленума Верховного Суда СССР № 3. Часть 4 ст. 44-1 указывает, что «если осужденный в течение установленного судом срока отсрочки исполнения приговора примерным поведением и честным отношением к труду и обучению докажет свое исправление,

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 3. С. 7.

то по ходатайству комиссии по делам несовершеннолетних при исполнительном комитете районного (городского) Совета народных депутатов и органа внутренних дел суд может освободить его от наказания».

Как видно из текста закона, освобождение от наказания возможно, если осужденный «примерным поведением и честным отношением к труду и обучению» доказал свое исправление. Отсюда следует, что, если осужденный не доказал своего исправления, хотя выполнил обязанности, возложенные на него судом, и не допускал нарушений общественного порядка, которые повлекли бы применение мер административного воздействия, суд может вынести решение о направлении осужденного для отбывания наказания, назначенного приговором.

В пользу такого мнения свидетельствует и п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1978 г., в котором сказано: «Исходя из смысла закона, осужденный подлежит освобождению от наказания, исполнение которого было отсрочено, если он не допустил нарушений общественного порядка, повлекших применение мер административного воздействия, полностью выполнил возложенные на него судом обязанности, примерным поведением и честным отношением к труду и обучению доказал свое исправление»¹.

Значит, выполнение возложенных судом на осужденного обязанностей и отсутствие с его стороны нарушений общественного порядка, которые повлекли бы применение мер административного воздействия, сами по себе еще недостаточны для освобождения от наказания. Одним из условий применения ч. 4 ст. 44-1 УК является также примерное поведение и честное отношение к труду и обучению.

5. В судебной практике возник также и вопрос о том, какими должны быть правовые последствия совершения нового преступления после истечения срока отсрочки исполнения приговора, но до решения суда об освобождении осужденного от наказания? Например, Г. осужден 26 декабря 1977 г. по ч. 2 ст. 15 и ч. 2 ст. 144 УК БССР к 3 годам лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора на 1 год и 6 месяцев. Срок отсрочки истек 26 июня 1979 г. Новое преступление Г. совершил 15 сентября 1979 г., т.е. спустя 2 месяца и 20 дней после истечения срока отсрочки. Однако к моменту совершения нового преступления суд еще не рассматривал вопроса об освобождении Г. от наказания.

¹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 3. С. 9.

В этом случае следует обратиться к ч. 6 ст. 44-1 УК, п. 16 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1978 г. № 3 и ч. 1 п. 3-2 ст. 54 УК.

В ч. 6 ст. 44-1 УК сказано, что «в случае совершения осужденным, в отношении которого исполнение приговора было отсрочено, нового преступления, суд присоединяет к новому наказанию ранее назначенное по правилам, предусмотренным в ст. 40 настоящего Кодекса».

Уточняя это положение, Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом постановлении от 31 марта 1978 г. указывает, что ст. 40 УК БССР применяется в случае совершения нового преступления «в период отсрочки исполнения приговора».

Часть 6 ст. 44-1 УК и п. 16 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 31 марта 1978 г. не содержат ответа на вопрос о порядке назначения наказания при совершении нового преступления после истечения периода отсрочки исполнения приговора.

Вопрос в итоге сводится к тому, считается ли судимым лицо, к которому применена ст. 44-1 УК, если срок отсрочки закончился и осужденный выполнил возложенные на него обязанности и в течение этого срока не совершил нарушений общественного порядка, которые повлекли бы применение мер административного воздействия. Если при таких обстоятельствах он считается не имеющим судимости, то при совершении им нового преступления он несет уголовную ответственность только за это преступление. Напротив, если он считается имеющим судимость, то в случае совершения нового преступления подлежит ответственности по правилам, предусмотренным ст. 40 УК.

Согласно ч. 1 п. 3-2 ст. 54 не имеющими судимости признаются «лица, осужденные к лишению свободы с применением ст. 44-1 настоящего Кодекса, если они в течение срока отсрочки исполнения приговора не совершат нового преступления и в отношении их в установленном порядке приговор не будет приведен в исполнение».

На первый взгляд в приведенной норме имеется несогласованность. Вначале утверждается, что лицо, осужденное к лишению свободы с применением ст. 44-1 УК, считается не имеющим судимости, если оно в течение срока отсрочки исполнения приговора не совершило нового преступления. Далее этого оказывается недостаточным, ибо требуется, чтобы в отношении этого лица было вынесено решение суда о неприведении приговора в исполнение.

В действительности такой несогласованности нет, т.к. вопрос об освобождении от наказания при наличии условий, указанных

в ч. 4 ст. 44-1 УК, рассматривается только после истечения срока отсрочки. Поэтому время после истечения срока отсрочки и до рассмотрения судом вопроса об освобождении от наказания в деле погашения судимости резервируется: если принято решение об освобождении от наказания, то лицо считается не имеющим судимости с момента окончания срока отсрочки, а не с момента вынесения решения об освобождении от наказания. Об этом идет речь в п. 3-2 ч. 1 ст. 54 УК.

Следовательно, если новое преступление совершено после истечения срока отсрочки, до рассмотрения судом вопроса об освобождении от наказания, а впоследствии суд принял решение об освобождении осужденного от наказания, то новое преступление считается совершенным лицом, не имеющим судимости. Тем самым оно несет ответственность только за новое преступление.

Другое дело, если суд принял решение об отмене отсрочки исполнения приговора и о направлении осужденного для отбывания лишения свободы, назначенного приговором. И этот вариант предусмотрен в п. 3-2 ч. 1 ст. 54 УК: если в установленном порядке приговор приведен в исполнение по первому преступлению, то судимость не погашается. Значит, новое преступление совершено лицом, имевшим судимость. А это означает, что при совершении нового преступления после истечения срока отсрочки приговора, но до рассмотрения судом вопроса об освобождении от наказания, виновный несет ответственность по правилам, указанным в ст. 40 УК.

Вот почему решению вопроса о том, совершено ли новое преступление после истечения срока отсрочки исполнения приговора лицом, имеющим или не имеющим судимости, должно предшествовать исполнение судом предписаний, содержащихся в ч. 4 ст. 44-1 УК.

Иное решение о судимости лица в период после истечения срока отсрочки и до рассмотрения судом вопроса, предусмотренного ч. 4 ст. 44-1 УК, немыслимо. Признать его имеющим судимость в этот период, независимо от того, какое решение вынесет суд, значит признать, что судимость зависит от оперативности государственных органов.

В литературе отмечается, что «нельзя ухудшать положение осужденного в связи с тем, что государственные органы своевременно не поставили вопроса об освобождении лица от наказания»¹.

¹ В. Сидорова. Отмена отсрочки исполнения приговора в отношении несовершеннолетних. «Советская юстиция». 1979. № 23. С. 8.

В действительности несвоевременная постановка вопроса об освобождении лица, к которому применена отсрочка исполнения приговора, от наказания не ухудшает его положения.

Допустим, что у Г. срок отсрочки исполнения приговора истек 1 января 1980 г., а новое преступление он совершил 20 января того же года. От того, освободил ли его суд от наказания за первое преступление 15 января или 25 января 1980 г., ничего не меняется. В любом случае Г. несет уголовную ответственность только за новое преступление.

Допустим, далее, что 15 или 25 января суд признал, что Г. не доказал своего исправления и поэтому от наказания, реализация которого была отсрочена, не освободил. В этом случае также ничего не меняется, т.к. новое преступление совершено лицом, имеющим судимость, и ответственность наступает по правилам ст. 40 УК БССР.

Тем не менее отсутствие сроков, в течение которых государственные органы должны рассмотреть вопрос об освобождении от наказания или приведении приговора в исполнение, является пробелом в законе о применении отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему. Такие сроки должны быть установлены для комиссий по делам несовершеннолетних и органов внутренних дел, которые ходатайствуют перед судом об освобождении осужденного от наказания, и суда, который должен принять решение.

Статьи

Значение состояния опьянения при совершении общественно опасного действия (законодательство, судебная практика)

Публикуется по статье: Горелик, И.И. Значение состояния опьянения при совершении общественно опасного действия (законодательство, судебная практика) / И.И. Горелик // Вопросы уголовного права и процесса. – Вып. 1. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1958. – С. 23–35.

Отношение советского законодательства к совершенным в состоянии опьянения общественно опасным действиям не было одинаковым на всех этапах развития советского государства. Оно менялось в зависимости от социально-политической обстановки.

В годы проведения Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, когда контрреволюция стремилась мобилизовать всех подонков общества для борьбы против Советской власти и прибегала в этих целях к самым низменным средствам, в том числе к спаиванию отсталых людей, общественно опасным было само пьянство независимо от того, совершалось или нет в этом состоянии преступление. В «Записке Ф.Э. Дзержинскому» В.И. Ленин писал, что «буржуазия идет на злейшие

преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов»¹.

Уже 5 (18) ноября 1917 г. Обращение к населению о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах, подписанное Председателем СНК В.И. Лениным, призывало: «Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и т.п.»². Приказом Петроградского Военно-революционного комитета от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. было установлено, что «лица, задержанные в пьяном виде, арестовываются и предаются Военно-революционному суду»³.

Общественная опасность алкоголизма в эти годы определялась также тем, что он был некоторым препятствием при организации нового общественного порядка. Не случайно судебная ответственность граждан за одно появление в пьяном виде в общественных местах устанавливалась в ряде случаев по инициативе самих народных масс. Например, постановлением Совета Кузнецкого уездного комиссариата (1918 г.) признавалось преступным «появление в пьяном виде на улицах и в публичных местах», что влекло штраф до 1500 руб. или заключение в тюрьму до 3 месяцев⁴. В селе Чинята Змеиногородского уезда жители разработали народный устав наказания за преступления, учиненные гражданами волости. К числу преступлений, влекущих предание избранному жителями суду, устав относил и появление на улице в нетрезвом виде⁵.

Признание преступным самого факта появления в пьяном виде в общественных местах получило наиболее четкое и юридически законченное выражение в постановлении СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ»⁶. В ст. 11 этого постановления было установлено: «За появление в публичном месте в состоянии опьянения виновные в том лица подвергаются лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года».

Правительственные органы строго следили за соблюдением этого постановления. Циркуляр № 1 от 20 января 1920 г., подписанный народным комиссаром юстиции РСФСР тов. Курским,

¹ В.И. Ленин. Соч. Т. 26. С. 336.

² СУ 1917, № 20.

³ Документы Великой пролетарской революции. Т. 1. 1938. С. 313.

⁴ История советского уголовного права. «Юриздат». 1948. С. 104.

⁵ Там же. С. 111.

⁶ СУ. 1920. № 1–2.

указывая на недопустимую мягкость некоторых приговоров в отношении лиц, осужденных за появление в пьяном виде в публичном месте, требует от судов строго руководствоваться постановлением СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г.

Признание преступным и наказуемым появления в пьяном виде в общественных местах сыграло значительную роль в борьбе с происками контрреволюционных элементов и помогло укрепить общественный порядок.

«Руководящие начала...» обошли вопрос о значении состояния опьянения при совершении преступления. Однако представляется бесспорным, что если признавалось преступным само появление в нетрезвом виде в общественных местах, то совершение в этом состоянии преступления влекло повышенную ответственность.

С окончанием гражданской войны отпала необходимость в подобных мерах борьбы с пьянством. УК РСФСР 1922 г. уже не знает состава преступления, аналогичного предусмотренному ст. 11 постановления от 19 декабря 1919 г.

Не является уголовно наказуемым появление в состоянии опьянения в общественных местах и по действующему законодательству. Однако в тех случаях, когда выполнение служебных обязанностей, особенно связанных с эксплуатацией источника повышенной опасности, требует особого внимания, осмотрительности, трезвого расчета и ясности действий, что полностью или частично исключается при нетрезвом состоянии, законодатель признает преступным исполнение служебных обязанностей в нетрезвом виде.

Так, действующее законодательство признает преступным появление в пьяном виде во взрывоопасных цехах (закон от 17 июля 1935 г.), а также появление в пьяном виде на работе работника транспорта, если такое нарушение трудовой дисциплины способно повлечь последствия, указанные в ст. 17-3 Положения о государственных преступлениях. Может рассматриваться как дискредитирование власти (ст. 212 УК БССР и соответствующие статьи УК других союзных республик) появление представителя власти в общественных местах в состоянии непристойного опьянения. В остальных случаях уголовная ответственность наступает не за само появление в нетрезвом виде в общественных местах, а за совершенные пьяным общественно опасные действия.

Общая норма о значении состояния опьянения при совершении общественно опасного действия впервые в нашем законодательстве была введена в УК РСФСР 1922 г. Статья 17, определявшая признаки и последствия невменяемости, была снабжена

примечанием, в котором указывалось, что «действие настоящей статьи не распространяется на лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления». Отсюда следовало, что лица, совершившие преступление в состоянии опьянения и не отдававшие себе отчета в своих действиях, если они не привели себя в подобное состояние, чтобы совершить преступление, рассматривались как невменяемые.

«Основные начала...» не содержат указаний на значение состояния опьянения.

Действующие уголовные кодексы¹, в отличие от УК 1922 г., признают невменяемыми всех, совершивших преступление в состоянии опьянения. Однако, если в силу закона состояние опьянения не исключает уголовной ответственности за совершенные общественно опасные действия, то это вовсе не означает, что оно лишает какого-либо юридического значения².

В состоянии опьянения, даже под действием небольших доз алкоголя, человек утрачивает способность обдумывать свои поступки и становится беспечным, ему труднее усваивать и перерабатывать внешние впечатления, мышление его становится поверхностным и непоследовательным³. Состояние опьянения вызывает разумно немотивированные или недостаточно разумно мотивированные действия (поступки).

Поведение пьяного во многом сходно с поведением душевнобольного, действия которого также разумно не мотивированы. Однако различие между ними является существенным и заключается в том, что если душевнобольной в силу своего состояния не может «действовать» иначе и его состояние является непроизвольным, то пьяный приводит себя в состояние опьянения

¹ Исключением является УК УССР, в котором примечание к ст. 10, определяющей признаки невменяемости, указывает, что меры наказания «применяются к лицам, которые для совершения общественно-опасного деяния привели себя в состояние опьянения, при котором они временно не могли отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими». Отсюда вытекает, что если лицо не привело себя в состояние опьянения, для того чтобы совершить преступление, но совершило его, будучи пьяным и не отдавая себе отчета в своих действиях, оно может считаться невменяемым. К такому выводу, естественно вытекающему из приведенного текста примечания, пришли все авторы. Однако в последнее время Г. Мендельсон и Ю. Ткачевский стали утверждать, что это неверно, ссылаясь при этом на практику судебно-прокурорских органов УССР (см. их работу «Алкоголизм и преступность». «Госюриздат». 1956. С. 64–65). Упомянутая практика доказывает лишь то, что примечание к ст. 10 УК УССР не применяется и что оно должно быть изменено.

² Здесь и в дальнейшем идет речь о состоянии обычного алкогольного опьянения, а не болезненного патологического опьянения.

³ Судебная психиатрия: учеб. для юрид. вузов. Изд. 3-е. 1949. С. 245–246.

произвольно, зная к каким последствиям может привести сильное опьянение. «Находящийся в состоянии простого опьянения во многих случаях сохраняет способность разбираться в том, что происходит вокруг и что он делает... Его действия, хотя и недостаточно мотивированные, связаны с внешними поводами и имеют определенную направленность»¹.

Состояние опьянения может быть и таким, когда лицо лишается способности руководить своими поступками, т.е. является фактически невменяемым. Несет ли оно ответственность, если в этом состоянии совершает общественно опасные действия? Большинство авторов (Н. Лейкина², Г. Мендельсон и Ткачевский³, И. Случевский⁴) отвечают положительно на этот вопрос. С ними не согласен Ю. Касаткин, утверждающий, что если лицо в момент совершения преступления находилось в состоянии невменяемости, то это есть состояние патологического опьянения⁵, исключаящее ответственность.

Мнение Ю. Касаткина противоречит данным психиатрии и смыслу примечания к ст. 11 УК РСФСР. «Не было бы смысла давать это примечание, – говорит профессор судебной психиатрии И. Случевский – если бы при всяком резко выраженном опьянении не было признаков медицинского и юридического критериев невменяемости»⁶. Не лишним будет упомянуть здесь о § 186 уголовного кодекса Чехословацкой Республики, который указывает, что лишением свободы на срок до пяти лет карается тот, «кто употреблением спиртных напитков... приведет себя хотя бы по неосторожности в состояние невменяемости и в этом состоянии совершит преступное деяние». В отличие от УК Чехословацкой Республики, рассматривающего в качестве самостоятельного деликта преступление, совершенное в состоянии невменяемости, вызванном опьянением, советский закон рассматривает аналогичное преступление на общих основаниях в зависимости от его состава.

¹ Судебная психиатрия: учеб. для юрид. вузов. Изд. 3-е. 1949. С. 246.

² Н. Лейкина. Влияние опьянения на уголовную ответственность. Теоретическая конференция по вопросам борьбы с общественно опасными действиями несовершеннолетних и невменяемых. Тез. докл. «Изд. Ленинград. ун-та». 1956. С. 23.

³ Г. Мендельсон, Ю. Ткачевский. Алкоголизм и преступность. Госюриздат, 1957. С. 57.

⁴ И. Случевский. Спорные вопросы судебно-психиатрической экспертизы. «Социалистическая законность». 1956. № 5. С. 40.

⁵ Ю. Касаткин. К изучению конкретных причин, вызывающих преступления. «Уч. зап. Таджик. гос. ун-та. Тр. юрфака». Вып. 4. 1956. С. 139.

⁶ И. Случевский. Спорные вопросы судебно-психиатрической экспертизы. «Социалистическая законность». 1955. № 5. С. 40.

Признание лица, находящегося в состоянии невменяемости в результате употребления спиртных напитков, ответственным за свои действия, совершенные в этом состоянии, вытекает из целей наказания. Наказание в СССР, как известно, преследует цели как частного, так и общего предупреждения. Наказание не достигло бы этих целей, если бы было применено к невменяемому – вследствие душевной болезни. Наказание же лица невменяемого вследствие опьянения за совершенное в этом состоянии преступление оказывает большое воспитательное воздействие не только на него самого, но и на других неумеренных потребителей спиртных напитков. Профессор А.А. Герцензон правильно указывает, что «признание опьянения условием невменяемости способствовало бы развитию так называемых алкогольных преступлений, т.к. выработало бы сознание безнаказанности у неумеренных потребителей алкоголя. Наоборот, требование от лица, потребляющего алкоголь, согласовывать свое поведение с правилами социалистического общежития, оказывает большое воспитательное значение. Поэтому непризнание опьянения условием невменяемости имеет громадное общепредупредительное воздействие»¹.

Значение правила, содержащегося в примечании к ст. 11 УК РСФСР и соответствующих статьях УК других союзных республик, не исчерпывается тем, что фактическая невменяемость, вызванная опьянением, не признается невменяемостью юридической, т.е. исключает уголовную ответственность. Верховный Суд СССР в своих постановлениях и определениях по отдельным делам неоднократно указывал на необходимость учитывать состояние опьянения при оценке общественно опасных действий, совершенных в этом состоянии. Так, по делу К. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 14 февраля 1947 г. указывал: «Если согласно заключению судебно-психиатрической экспертизы преступления К. не были совершены в состоянии патологического опьянения и он подлежит уголовной ответственности за совершенные преступления, то тем не менее для правильной юридической квалификации совершенных им действий необходимо учесть состояние, в котором он находился при их совершении»². В определении УСК от 20 июля 1946 г. по делу Ц. говорится «о значимости состояния опьянения при суждении о виновности лица, совершившего в этом состоянии общественно опасное действие»³.

¹ Уголовное право. Учеб. для юрид. школ. Изд. 2-е. 1947. С. 77.

² Судебная практика Верховного Суда СССР. Вып. 4. 1947. С. 9.

³ Там же. Вып. 8. 1946. С. 15.

Каково же юридическое значение состояния опьянения, в связи с которым совершено общественно опасное действие?

Отдельные суды, рассматривая дела о преступных действиях, совершенных субъектом в состоянии опьянения, абстрагируются от необходимого признака всякого преступления – вины деятеля. Примечание к ст. 11 УК «вовсе не означает, – указывает Верховный Суд, – что при разрешении вопроса о виновности лица, совершившего общественно опасное действие в состоянии опьянения, отпадает необходимость установления в его действиях вины умышленной или неосторожной»¹.

Статья 6 «Основных начал...» указывает, что меры наказания применяются «лишь в отношении лиц, которые: а) действуя умышленно, предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление, или б) действуя неосторожно, не предвидели последствий своих действий, хотя и должны были их предвидеть, или легкомысленно надеялись предотвратить таковые последствия». Это одно из основных начал советского уголовного законодательства применимо к любому общественно опасному действию, совершенному любым лицом, достигшим необходимого возраста, независимо от того, в каком состоянии оно находилось. Игнорировать этот принцип – принцип субъективного вменения – по отношению к лицам, совершившим преступление в состоянии опьянения, значит допускать объективное вменение, глубоко чуждое нашему уголовному праву.

Между тем при установлении виновности лица, действовавшего в состоянии опьянения, последнее имеет важное значение, ибо «не исключая вменяемости лица, состояние опьянения, – как указывает Верховный Суд СССР, – может, тем не менее, быть причиной возникновения таких условий, при которых вина исключается»². В частности, состояние опьянения способно породить ошибку, исключаящую умысел, а стало быть, и уголовную ответственность, если только данное преступление не может быть совершено по неосторожности.

Показательным в этом отношении является дело Ч. (определение УСК от 3 ноября 1950 г.). Последний осужден за то, что 16 июня в 3 ч дня похитил из квартиры гражданки Л. ситцевые платье и платок, полотенце, детский пиджак и деревянную вешалку. На предварительном и судебном следствии Ч. заявил, что был в этот

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. Вып. 8. 1946. С. 15.

² Там же. С. 16.

день в таком состоянии опьянения, что не помнит, каким образом он проник в квартиру Л. и забрал эти вещи. Адвокат утверждал, что Ч. ранее проживал в этой квартире и в силу опьянения полагал, что берет вещи у себя дома. Адвокат просил суд о вызове свидетеля А., который может подтвердить, что Ч. ранее проживал в этой квартире. По определению УСК, тот факт, что осужденный в 3 ч дня на виду у всех вынес эти вещи из квартиры и не пытался скрыться, когда его задерживали и говорил задержавшим его гражданам, что взял эти вещи, т.к. поссорился с женой, дает основания полагать, что Ч. названные вещи взял, будучи пьяным. Направляя дело на новое рассмотрение, УСК признала неосновательным отклонение судом ходатайства адвоката о вызове свидетеля А. для подтверждения того обстоятельства, что Ч. раньше жил в этой квартире и что туда он мог попасть по ошибке, вызванной состоянием опьянения¹.

Состояние опьянения должно учитываться при установлении мотива и цели действий виновного, поскольку эти элементы умысла в ряде случаев определяют квалификацию совершаемых преступных действий. Для примера приведем дело К. (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 14 февраля 1947 г.)². К. обвинялся в том, что, будучи в состоянии сильного опьянения и встретив на улице гр-ку Л., которую он ранее не знал, стал, нецензурно ругаясь, преследовать ее. Когда Л. пересекла улицу, направляясь к подъезду своего дома, К., который следовал за ней, нанес ей удар в спину перочинным ножом, причинив тяжкие телесные повреждения. Толкнув Л. ногой, К. отправился в кино, откуда был выведен за нарушение порядка и доставлен в комендатуру. Будучи освобожден комендантом, он вышел на улицу, самовольно сел на стоявшую легковую машину, принадлежавшую коменданту города, и уехал. Вскоре он налетел на телеграфный столб и повредил машину. Здесь он и был задержан.

Действия К. были квалифицированы как разбой (первый эпизод) и хищение социалистической собственности (третий эпизод). Пленум признал такую квалификацию неправильной.

Для признания в действиях К. разбоя требовалось установить, указывает Пленум, что нападение на гр-ку Л. было совершено с целью завладения ее имуществом. Суд же признал наличие этой цели исключительно на основании показаний Л., предполагавшей, что К. хотел отнять у нее сверток. «Все обстоятельства совершенного

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. Вып. 1. 1951. С. 20.

² Там же. Вып. 4. 1947. С. 8.

преступления свидетельствуют о том, что здесь имело место нанесение пьяным К. из хулиганских побуждений тяжкого телесного повреждения». Поэтому действия К. в части первого эпизода были квалифицированы по ч. 1 ст. 14, УК РСФСР.

Не будь К. в состоянии сильного опьянения, его действия по отношению к Л. дали бы основание для его обвинения в разбое, т.е. нападении с целью завладения имуществом. Как иначе можно было оценить нападение со стороны лица, находившегося в нормальном состоянии, на незнакомую, случайно встретившуюся гражданку, не давшую к тому же какого-либо повода для нападения? Именно состояние опьянения, в котором находился К. во время совершения инкриминируемых ему общественно опасных действий, дало Пленуму основания отвергнуть в его действиях корыстные мотивы и цель завладения чужим имуществом. По этим же основаниям Пленум признал неправильной квалификацию действий К., связанных с угоном автомашины (третий эпизод) как кражу государственного имущества. «Для признания в действиях К. кражи, – указывает Пленум, – необходимо установить, что он совершил изъятие имущества из чужого владения с целью присвоения. Однако, хотя К. и совершил изъятие автомашины из чужого владения... тем не менее это изъятие произведено им без цели присвоения автомашины. Обстоятельства дела не дают основания сделать вывод, что К. преследовал при этом цель присвоения, т.е. обращения автомашины в свою собственность. Его действия представляют собой хулиганскую выходку человека, находившегося в состоянии сильного опьянения, и должны быть квалифицированы по ст. 74 УК РСФСР».

О значении состояния опьянения при суждении о цели действий обвиняемого говорит также определение УСК Верховного Суда СССР по делу С.¹ Последний признан виновным в том, что с целью совершить хищение из палатки артели «Красный партизан», в которой его жена торговала морсом, он открыл ставню окна, разбил стекло, но в этот момент был задержан. Коллегия в определении от 5 мая 1951 г., отменив приговор и прекратив дело производством, указала, что суд пришел к выводу о покушении С. на хищение ценностей только на том основании, что он был задержан около палатки, когда пытался открыть окно. Между тем из материалов дела видно, что С., будучи в состоянии опьянения, разыскивал свою жену, которая ушла из палатки, попросив свою мать закрыть окна. Отметив, что доказательств, изобличающих

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. № 8. 1951. С. 9.

С. в том, что он покушался на хищение, нет, Коллегия указывает: «...не исключено, что пьяный С. открывал окно палатки, чтобы обнаружить там свою жену, которую он разыскивал».

Необходимость учета состояния опьянения, во время которого совершено общественно опасное действие, отнюдь не означает, что это состояние само по себе определяет степень виновности, или порождает ошибку, или проливает свет на мотив и цель действий. «Уголовный закон, – пишет УСК в определении по делу Ц., – содержит указание по поводу состояния опьянения не в связи с рассмотрением обстоятельств, определяющих степень виновности, а в связи с рассмотрением невменяемости как условия, освобождающего лицо, совершившее общественно опасное действие, от уголовной ответственности за эти действия»¹.

Поэтому состояние опьянения приобретает юридическое значение не само по себе, не прямо, а благодаря тому влиянию, которое оно в тех или иных случаях оказывает на субъективную сторону преступления.

Где состояние опьянения является причиной такой ошибки в фактах, которая свидетельствует об отсутствии умысла, там оно исключает уголовную ответственность за умышленно содеянное. Где такое состояние проливает свет на мотив и цель действий, если они определяют квалификацию общественно опасных действий, там оно влияет на квалификацию. Где состояние опьянения порождает низменные побуждения, озорство, легкомыслие, безразличное отношение к общественно опасным последствиям, там оно является отягчающим вину обстоятельством. Поэтому подлежат более суровой ответственности те, кто, будучи в состоянии опьянения, из озорных, низменных побуждений совершили посягательство на жизнь, здоровье личности, хулиганство и т.д.

Алкоголизм, пьянство – тяжкий порок. У нас ликвидированы социальные корни алкоголизма. Причины его коренятся преимущественно в самом субъекте, предающемся пьянству, а «кто подвержен пьянству, тот всюду – на работе, на улице, в своей квартире – неизбежно вступает в конфликт с обществом, как нарушитель его законов и правил»². Злоупотребление спиртными напитками само по себе достаточно отрицательно характеризует данную личность. И если последняя к тому же становится на путь совершения преступления, то состояние опьянения должно преимущественно рассматриваться как отягчающее вину обстоятельство.

¹ Там же. 1946. С. 15.

² Передовая статья «Известий» от 29 июля 1954 г.

Особенно сурового осуждения заслуживают работники транспорта, находящиеся на работе в состоянии опьянения. Пьянство работников транспорта – причина многочисленных аварий, крушений, человеческих жертв. Верховный Суд СССР неоднократно отмечал, что «исполнение работником транспорта своих служебных обязанностей в нетрезвом виде является обстоятельством, создающим угрозу правильности и безопасности движения»¹. Сам факт появления на работе в нетрезвом виде, если это создает угрозу наступления последствий, указанных в ст. 80-3 УК БССР (ст. 59-3в УК РСФСР), влечет для работника транспорта ответственность по этой статье, о чем неоднократно напоминал Верховный Суд СССР².

Верховный Суд постоянно обращает внимание на необходимость учета того, находился ли работник транспорта в момент инкриминируемых ему нарушений трудовой дисциплины в состоянии опьянения. Так, в определении ЖДК от 31 января 1949 г. по делу Г., осужденного линейным судом Московской окружной ж. д., сказано: «Из материалов дела не видно, какими данными установлено, что Г. вышел на работу в нетрезвом виде. С другой стороны, в случае установления этого обстоятельства действия Г. подлежат квалификации по ч. 1 ст. 59-3в». ЖДК направила дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия для выяснения этого обстоятельства³. Пленум Верховного Суда по делу М. отклонил протест прокурора, не согласившегося с квалификацией ЖДК действий М. по ст. 59-3в на том основании, что М. привел себя в состояние опьянения не при исполнении служебных обязанностей, а до того, как он приступил к работе. Пленум указал, что «М. был своевременно предупрежден о времени обязательной его явки на работу... При этих условиях он обязан был предвидеть, что, напиваясь хотя и до начала работы, он может привести себя в состояние, которое будет препятствовать выполнению им своих служебных обязанностей и создает угрозу для правильности и безопасности движения поездов»⁴.

Особого внимания заслуживает вопрос о характере ответственности водителя автотранспорта за управление машиной

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1943. С. 40. См. также постановление Пленума от 4 апреля 1947 г. по делу Ю. (Судебная практика... Вып. IV. 1947. С. 13 и т. д.

² Судебная практика Верховного Суда СССР. № 5. 1949. С. 39; № 3. 1949, с. 39; № 2. 1949. С. 34 и т. д.

³ Судебная практика Верховного Суда СССР. № 3. 1949. С. 39.

⁴ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР. 1943. С. 40.

в нетрезвом состоянии, поскольку это является причиной большинства автокатастроф. Водителям категорически запрещается «управлять транспортом... в нетрезвом состоянии, независимо от степени опьянения»¹. Редакция ст. 80-3 УК БССР охватывает собой и такие нарушения дисциплины, которые создают угрозу безопасности движения, следовательно, и управление машиной в состоянии опьянения. Между тем в судебной практике почти нет случаев привлечения водителей к уголовной ответственности за рассматриваемое нарушение дисциплины². Органы госавтоинспекции, обнаружив за рулем нетрезвого водителя, ограничиваются применением мер административного воздействия. Такая снисходительность противоречит закону и является одной из причин еще многочисленных случаев автоаварий с человеческими жертвами. Если бы водитель знал, что, будучи обнаруженным за рулем в состоянии опьянения, он обязательно угодит на скамью подсудимых, это имело бы огромное предупредительное значение.

С этим согласны все, в том числе те авторы, которые выступают против признания преступными таких нарушений дисциплины на автотранспорте, которые лишь могли повлечь, но фактически не повлекли тяжких последствий. Так, Б. Куринов считает, что в тех случаях, когда имели место нарушения правил движения и не наступили вредные последствия, хотя они могли наступить, речь может идти только об административной или дисциплинарной ответственности³. Однако, указывает он, управление транспортом в нетрезвом виде должно рассматриваться как злостное грубое нарушение дисциплины, влекущее уголовную ответственность, хотя бы оно фактически не повлекло тяжких последствий⁴.

Интересы безопасности движения и охраны жизни и здоровья граждан настоятельно диктуют необходимость использования мер уголовного наказания для борьбы с появлением за рулем в нетрезвом виде. Применения за эти нарушения трудовой дисциплины лишь мер дисциплинарного или административного воздействия недостаточно.

Состояние опьянения в отдельных случаях может рассматриваться как смягчающее обстоятельство. Об этом говорит

¹ Правила уличного движения по г. Минску (ст. 19, п. «а»).

² Случай осуждения за вождение машины в пьяном состоянии при отсутствии тяжких последствий приводит С. Домахин. Ответственность за преступления на автотранспорте. «Госюриздат». 1956. С. 30.

³ Б. Куринов. Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте. «Госюриздат». 1957. С. 42.

⁴ Там же. С. 46.

определение УСК Верховного Суда СССР от 20 июля 1946 г. по делу М.¹. Бывшие сослуживцы М. и Б. после встречи в одной из пивных города в состоянии сильного опьянения пришли на ночлег в квартиру Б. Там они продолжали развлекаться, а когда Б. уснул, М. собрал в простыню разные вещи Б., постучал в соседнюю квартиру, спросил, как выйти из дома, вышел во двор указанным путем и направился к сторожевой будке, чтобы выйти на улицу. В связи с подозрениями, возникшими у сторожа, он криком стал звать милиционера, а М. бросился бежать, но вскоре был найден в одном из коридоров другого дома лежащим на полу.

Признавая неправдоподобным объяснение обвиняемого, что он взял вещи, чтобы обменять их на водку, УСК вместе с тем указывает, что в нетрезвом состоянии, в котором находились и обвиняемый и потерпевший, у них мог произойти разговор об обмене вещей на водку, если не в виде прямого предложения со стороны Б., как первоначально утверждал, обвиняемый, то в той неопределенной форме, о которой он показывал в судебном заседании. Говоря о том, что состояние, в котором находился обвиняемый во время совершения преступления, должно быть принято во внимание при оценке степени его вины, Коллегия в тезисе к делу указывает: «Состояние опьянения, не устраняя (кроме случаев патологического опьянения) вменяемости обвиняемого, может при известных обстоятельствах быть учтено как смягчающее вину обстоятельство».

Мы считаем, что таким известным обстоятельством является отнюдь не то, что преступный умысел возник в результате состояния опьянения, как указывается в определении по упомянутому делу. Таким смягчающим обстоятельством скорее является возникшее в результате опьянения неосновательное представление о согласии потерпевшего на изъятие его имущества. Как известно, согласие является обстоятельством, устраняющим ответственность, если оно было действительным, сознательным, свободным волеизъявлением². Пусть такого согласия в действительности не было, но оно представлялось виновному в силу его состояния. Таким образом, это состояние может рассматриваться как смягчающее обстоятельство. Не является обстоятельством, устраняющим ответственность, согласие на лишение жизни или причинение вреда здоровью. Поэтому не является смягчающим обстоятельством состояние опьянения по делам о преступлениях против личности.

¹ Судебная практика Верховного Суда СССР. Вып. 8. 1946. С. 12–14.

² Советское уголовное право. Часть общая. «Госюриздат». 1952. С. 266–271.

Состояние опьянения является смягчающим обстоятельством и в том случае, когда человека споили и вовлекли в преступную деятельность, используя для этого неспособность или ограниченную способность руководить своими действиями¹.

Требую строго индивидуализировать наказание, советский закон обязывает суд учитывать степень и характер опасности преступника и совершенного им преступления, личность преступника, а также насколько само преступление в данных условиях места и времени является общественно опасным (ст. 30 «Основных начал...»). Эти требования закона означают учет и того состояния, в частности состояния опьянения, в котором и в связи с которым совершено преступление. Правильная юридическая оценка состояния опьянения, во время которого и в связи с которым совершено преступление, должно способствовать более успешному выполнению нашим законом своей активной служебной роли в борьбе с преступностью.

¹ Г. Мендельсон, Ю. Ткачевский. Алкоголизм и преступность. «Госюриздат». 1956. С. 84.

Развитие Особенной части Уголовного кодекса БССР 1960 г.

Публикуется по статье: Горелик, И.И. Развитие Особенной части Уголовного кодекса БССР 1960 г. / И.И. Горелик // Развитие уголовного права Белорусской ССР : сб. ст. / под ред. И.И. Горелика и И.С. Тишкевича. – Минск : Изд-во БГУ, 1973. – С. 107–126.

1. Особенная часть Уголовного кодекса БССР 1960 г. содержит следующие главы: «Государственные преступления» (6), «Преступления против социалистической собственности» (7), «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» (8), «Преступления против политических, трудовых, жилищных и иных прав граждан» (9), «Преступления против личной собственности граждан» (10), «Хозяйственные преступления» (11), «Должностные преступления» (12), «Преступления против правосудия» (13), «Преступления против порядка управления» (14), «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» (15), «Воинские преступления» (16).

Системой своей Особенной части ныне действующий УК БССР существенно отличается от предшествующего Уголовного кодекса. Разделение имущественных преступлений (гл. 7 УК БССР 1928 г.) на преступления против социалистической собственности и преступления против личной собственности граждан и выделение главы о хозяйственных преступлениях, неизвестной прежнему Уголовному кодексу, отразило возросшее значение социалистической

собственности и социалистической системы хозяйства, составляющих экономическую основу СССР. Новые главы – о преступлениях против политических, трудовых, жилищных и иных прав граждан и о преступлениях против правосудия свидетельствуют соответственно о значении охраны основных конституционных прав граждан и о возросшей роли органов правосудия в охране социалистических общественных отношений.

Главы 6 и 16 нового Уголовного кодекса соответственно воспроизвели общесоюзные законы от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и «Об уголовной ответственности за воинские преступления». Остальные главы УК БССР (7–15) полностью относились к республиканским уголовным законам.

2. В Кодексе 1960 г. была ограничена область уголовно наказуемого поведения. Это выразилось, во-первых, в полном исключении ряда деяний из числа образующих состав преступления по Уголовному кодексу 1928 г. К ним, в частности, относятся переплавка государственной разменной металлической монеты в слитки, а также использование этой монеты для выделки различных изделий (ст. 85); недонесение о массовых беспорядках (ст. 86); неплатеж отдельными гражданами налогов или сборов (ст. 93); злостный отказ в мирное время от выполнения повинностей и работ, имеющих общегосударственное значение (ч. 2 и 3 ст. 94); уклонение от установленного законом персонального учета инженеров, техников, агрономов и иных специалистов народного хозяйства (ст. 102); измышление и распространение ложных слухов или непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику или недоверие к власти или дискредитировать ее (ст. 104); неисполнение законного распоряжения или требования находящегося на посту милиционера, военного караула или иных органов власти, охраняющих общественный порядок и безопасность (ст. 108); нарушение установленных правил о производстве фотографических, кинематографических и других съемок (ст. 108-3); самовольная без надобности остановка поезда стопкраном (ст. 108-6); ношение ордена СССР лицом, не имеющим на это права (ст. 113); сокрытие коллекции или памятников старины и искусства или архивных материалов, подлежащих регистрации, учету или передаче в государственные хранилища (ст. 130); взимание квартирной платы выше установленного органами власти размера (ст. 142); дискредитирование власти (ст. 212); понуждение женщин к производству аборта (ст. 217); неосторожное причинение легкого телесного повреждения (ст. 224); кража электрической

энергии (ст. 244); присвоение чужого личного имущества (ст. 248 и 249); ростовщичество (ст. 259).

Ограничение области уголовно наказуемого поведения выразилось, во-вторых, в признании ряда деяний преступными лишь при условии их совершения после применения мер общественно-дисциплинарного или административного воздействия. Так, в частности, ст. 155 УК БССР 1960 г. признавала самогоноварение преступлением, если оно имело место после применения к виновному мер общественного или административного воздействия. Согласно ч. 1 ст. 163, незаконная охота становится преступлением, если совершена после применения за такое же нарушение мер административного воздействия. Если согласно ст. 241 УК БССР 1928 г. мелкое хищение социалистического имущества каралось без каких-либо условий, то ст. 94 Уголовного кодекса 1960 г. первоначально признавала преступлением мелкое хищение, совершенное лицом, которое уже подвергалось мерам общественного воздействия за мелкое хищение или хотя и не подвергалось таким мерам, но совершало мелкие хищения более двух раз, а равно совершенное лицом, к которому по обстоятельствам дела мера общественного воздействия не может быть применена.

Ограничение области уголовно наказуемого поведения свойственно социалистическому обществу. Одни деяния исчезают или почти исчезают вследствие социальных преобразований, направленных на дальнейший подъем материального благосостояния людей, и роста уровня сознания народа. К их числу относятся, например, ростовщичество. Другие деяния хотя и продолжают иметь место, но по тем же причинам их общественная опасность настолько уменьшается, что эффективная борьба с ними обеспечивается применением мер иного – не уголовно-правового воздействия. К таким деяниям, например, относится неисполнение законного распоряжения органов власти, охраняющих общественный порядок.

Вместе с тем исключение из числа преступлений некоторых наказуемых по УК БССР 1928 г. деяний является, может быть, преждевременным или во всяком случае спорным. Такими деяниями являются, в частности, присвоение чужого личного имущества и неосторожное легкое телесное повреждение¹.

¹ Присвоение чужого личного имущества считается преступлением по уголовным кодексам Узбекской, Казахской, Грузинской, Азербайджанской, Литовской, Молдавской, Латвийской, Киргизской, Таджикской и Туркменской союзных республик, а неосторожное легкое телесное повреждение – по кодексам Узбекской ССР и Латвийской ССР.

3. В новом Уголовном кодексе выделено значительное число видовых (специальных) составов преступлений.

Этот процесс в наибольшей степени затронул конструкцию составов корыстных преступлений против социалистической собственности. Единое понятие хищения государственного и общественного имущества, введенное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», в Уголовном кодексе 1960 г. отсутствует. Составы этой группы преступлений сконструированы на основе разграничения способа хищения (ст. 87–91 и 93). Лишь в случае мелкого хищения в одном составе объединены кража, мошенничество, присвоение, растрата и хищение путем злоупотребления служебным положением (ст. 94).

Выделением видовых составов законодатель преследует две цели: конкретизировать уголовно-правовое требование и, выделяя составы с отягчающими или смягчающими обстоятельствами, содействовать суду в реализации принципа индивидуализации наказания.

Конкретизация уголовно-правового требования, свойственная Уголовному кодексу 1960 г. в значительно большей степени, чем предшествующему кодексу, свидетельствует и о высоком его технико-юридическом уровне. Об этом свидетельствуют и данные к каждой статье Кодекса заголовки, содержащие сокращенные наименования составов преступлений. Подобный прием применен впервые и облегчает пользование Кодексом.

После принятия Уголовного кодекса 1960 г. он подвергался многочисленным и существенным изменениям и дополнениям. На 1 января 1972 г. изменения внесены в 39 статей Особенной части, введены 24 новые статьи и исключены 2 статьи. Некоторые статьи подвергались изменениям неоднократно, например ст. 85 (нарушение правил о валютных операциях) – 5 раз.

Указанные изменения и дополнения можно разделить на следующие группы:

- а) дополнения, восполняющие обнаружившиеся в законодательстве пробелы;
- б) дополнения, расширяющие или сужающие область уголовно наказуемого поведения;
- в) дополнения либо изменения, усиливающие ответственность за рецидив;

г) дополнения, связанные с выделением новых видовых составов;

д) изменения, связанные с усилением или смягчением наказания.

1. Пробелами в Уголовном кодексе оказались отсутствие ответственности за заранее не обещанное укрывательство государственных преступлений и отсутствие специальных составов выпуска в эксплуатацию заведомо технически неисправных автотранспортных средств и угона автотранспорта.

Предусматривая ответственность за заранее не обещанное укрывательство некоторых преступлений против личности и ряда имущественных¹, Кодекс не считал преступлением такое же укрывательство государственных преступлений, в связи с чем в него на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1961 г.² была введена статья 86-1, которой установлена ответственность за укрывательство преступлений, предусмотренных ст. 61–66, 69, 74, 75, 84 и 85 Уголовного кодекса³.

Поразному квалифицировала практика выпуск в эксплуатацию технически неисправных транспортных средств, повлекший тяжкие последствия. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 16 сентября 1968 г.⁴ в Кодекс введена ст. 206-2, сформулировавшая состав выпуска в эксплуатацию заведомо технически неисправных автотранспортных или городских электротранспортных средств либо иных самоходных машин или иного грубого нарушения правил их эксплуатации, совершенного лицом, ответственным за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств, если это повлекло причинение смерти, телесных повреждений или существенный материальный ущерб.

Пробелом оказался и отсутствие состава угона автотранспортных средств. Суды квалифицировали такие деяния поразному – как самоуправство или хулиганство либо вовсе не считали их преступными. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 3 ноября 1965 г.⁵ в Кодекс введена ст. 207-2, предусмотревшая в своей ч. 1 наказание за «угон автотранспортных средств

¹ Согласно первой редакции ст. 105 наказывалось укрывательство преступлений, предусмотренных ст. 100, 101, 115; ч. 2 и 3 ст. 87; ч. 3 ст. 141; ч. 3 ст. 88; ч. 3 ст. 142; ч. 3 ст. 89 и ст. 143.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 9. Ст. 91.

³ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 7 марта 1961 г. (СЗ БССР. 1961. № 8. Ст. 54).

⁴ СЗ БССР. 1968. № 27. Ст. 373.

⁵ СЗ БССР. 1965. № 35. Ст. 392.

или других самоходных машин без цели их хищения», а в ч. 2 – за «те же действия, совершенные повторно».

Первый пробел обнаружился сразу после принятия нового Кодекса, предусмотревшего ответственность за заранее не обещанное укрывательство ряда преступлений. Однако в их число Кодекс не мог включить государственные преступления, относящиеся к ведению общесоюзного законодательства.

Что касается остальных пробелов, то на практике они были известны еще до принятия нового Уголовного кодекса. То обстоятельство, что они не были устранены своевременно, явилось следствием упущений со стороны лиц и учреждений, готовивших проект Кодекса.

2. В течение 1961–1970 гг. имело место заметное расширение области уголовно наказуемого поведения: в 20 случаях установлена уголовная ответственность за деяния, не предусмотренные первоначальной редакцией УК БССР 1960 г.

Перечень преступлений против социалистической собственности был дополнен следующим составом: «преступно-небрежное использование или хранение принадлежащих совхозам, колхозам и другим государственным или кооперативным организациям тракторов, автомобилей, комбайнов и иных сельскохозяйственных машин, повлекшее их порчу или поломку, а равно разуконплектование этих машин» (ст. 97-1)¹. Совершение указанных деяний должностным лицом и прежде считалось преступлением (должностным). С введением этого состава указанные деяния стали преступными и при их совершении недолжностными лицами. Введение уголовной ответственности за упомянутые деяния аргументировалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1961 г. тем, что «в ряде колхозов, совхозов и других государственных и кооперативных организациях имеют место факты бесхозяйственного, нерадивого отношения механизаторов и должностных лиц к... сельскохозяйственным машинам» и что в результате этого «происходят поломки и порча машин, в связи с чем хозяйства вынуждены тратить дополнительные средства на их ремонт или техника преждевременно выходит из строя». Указ отмечает, что «нехозяйское, а иногда просто варварское отношение к технике тормозит рост сельскохозяйственного производства и фактически означает растрату народного достояния».

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 декабря 1961 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 1. Ст. 5), Указ Президиума Верховного Совета БССР от 10 января 1962 г. (СЗ БССР. 1962. № 2. Ст. 3).

К преступлениям против личности отнесено «разглашение тайны усыновления против воли усыновителя» (ст. 122-1)¹. Уголовная ответственность за такое разглашение основывается на ст. 128 КоБС БССР, согласно которой «тайна усыновления охраняется законом».

К хозяйственным преступлениям отнесены скупка для скармливания или скармливание скоту и птице хлеба и других хлебопродуктов (ст. 151-1)²; скупка, продажа или обмен в небольших размерах валюты или ценных бумаг, совершенные лицом, которое за те же действия в течение года дважды было подвергнуто административному взысканию (ст. 151-2)³; совершенные впервые изготовление, хранение или сбыт самогона либо аппаратов для самогонирования (ст. 155)⁴.

Уголовная ответственность за скармливание скоту хлеба и другие действия, перечисленные в ст. 151-1, лишена смысла. Проследить использование покупателем хлеба и хлебопродуктов практически невозможно. Закон, исполнение которого нельзя обеспечить, перестает быть законом. Не случайно лишь в 1963 и 1964 гг. было несколько случаев применения ст. 151-1. С тех пор эта статья в практике не встречалась. Из Кодекса ее следует исключить.

Перечень преступлений против правосудия был дополнен:

а) заранее не обещанным укрывательством (ст. 185) получения взятки при отягчающих обстоятельствах⁵, хищения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ⁶, повлекшего последствия, указанные в ч. 2 и 3 ст. 206 УК БССР, нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами⁷;

¹ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 26 августа 1970 г. (СЗ БССР. 1970. № 25. Ст. 342).

² Указ Президиума Верховного Совета БССР от 10 августа 1963 г. (СЗ БССР. 1963. № 22. Ст. 231).

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1970 г. (Социалистическая законность. 1960. № 7. С. 83); Указ Президиума Верховного Совета БССР от 27 апреля 1970 г. (СЗ БССР. 1970. № 13. Ст. 168).

⁴ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 15 мая 1961 г. (СЗ БССР. 1961. № 16. Ст. 148).

⁵ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г. (СЗ БССР. 1962. № 20. Ст. 142).

⁶ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 23 июня 1967 г. (СЗ БССР. 1967. № 18. Ст. 253).

⁷ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 16 сентября 1968 г. (СЗ БССР. 1968. № 27. Ст. 373).

б) недонесением (ст. 186) о получении взятки при отягчающих обстоятельствах¹ и о хищении огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ²;

в) побегом из лечебно-трудового профилактория (ст. 182)³.

Дополнение ст. 185 и 186 указанием на ответственность за заранее не обещанное укрывательство хищения оружия или недонесение о таком преступлении лишь частично расширило область уголовно наказуемого поведения. Хищение огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ до введения в Уголовный кодекс ст. 213-1 квалифицировалось как хищение социалистического имущества, заранее не обещанное укрывательство которого или недонесение о котором в случаях, указанных в ст. 185 и 186, вызывало и ранее уголовную ответственность.

Указом Президиума Верховного Совета БССР от 5 февраля 1965 г. «О принудительном лечении и трудовом перевоспитании злостных пьяниц (алкоголиков)»⁴ в республике были созданы лечебно-трудовые профилактории. В Указе говорилось, что лица, совершившие побег из профилактория или с пути следования туда, доставляющиеся в профилактории органами милиции. Поскольку такие побег не влекли каких-либо последствий для совершающих их, ст. 182, предусматривающая «побег с места ссылки или с пути следования в ссылку», была дополнена словами «либо побег из лечебно-трудового профилактория или с пути следования в профилакторий».

Ряд дополнений внесен в гл. 14 Уголовного кодекса. Преступлениями признаны: распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй (ст. 186-1); надругательство над Государственным гербом или флагом (ст. 186-2); организация или активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок (ст. 186-3)⁵; сопротивление работнику милиции или народному дружиннику, не соединенное с насилием или угрозой его применения

¹ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г. Здесь и ниже в тех случаях, когда называется уже упоминавшийся Указ, ссылка на издание, в котором он был опубликован, не повторяется.

² Указ Президиума Верховного Совета БССР от 23 июня 1967 г.

³ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 31 июля 1967 г. (СЗ БССР. 1967. № 22. Ст. 294).

⁴ СЗ БССР. 1965. № 6. Ст. 51.

⁵ Статьи 186-1, 186-2, 186-3 введены в Уголовный кодекс Указом Президиума Верховного Совета БССР от 13 октября 1966 г. (СЗ БССР. 1966. № 30. Ст. 397).

(ст. 187-1, ч. 1)¹; злостное нарушение иностранцами и лицами без гражданства правил передвижения на территории СССР (ст. 193-1)²; злостное нарушение правил административного надзора (ст. 194-1)³.

Действия, указанные в ст. 186-1, если они совершались с целью подрыва или ослабления Советской власти, квалифицировались по ст. 67 как антисоветская агитация и пропаганда. При отсутствии такой цели распространение ложных измышлений, порочащих наш строй, оказывалось не образующим состава преступления. Трудящиеся поставили перед законодательными органами вопрос о необходимости признания такой деятельности преступной, и она признана таковой во всех союзных республиках.

Надругательство над Государственным гербом или флагом СССР или союзной республики до введения в УК БССР ст. 186-2 могло быть признано преступлением, если оно совершалось из хулиганских побуждений, и в таком случае квалифицировалось как хулиганство.

Групповые действия, нарушающие общественный порядок, считались преступными и раньше, но при условии, что они подпадали под признаки, образующие составы хулиганства, массовых беспорядков или сопротивления представителю власти. Введение в Уголовный кодекс ст. 186-3 незначительно расширило область уголовно наказуемого поведения.

Включение в Уголовный кодекс ст. 193-1 вызвано тем, что некоторые иностранцы-туристы злоупотребляют гостеприимством и не соблюдают правила передвижения на территории республики.

Введению ст. 194-1 предшествовало утверждение Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. Положения об административном надзоре органов милиции за лицами, освобожденными из мест лишения свободы⁴.

Наиболее многочисленными были дополнения гл. 15 Уголовного кодекса.

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8. Ст. 83), Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1966 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 592), Указ Президиума Верховного Совета БССР от 26 августа 1966 г. (СЗ БССР. 1966. № 25. Ст. 310).

³ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 26 августа 1966 г.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 597. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. в это Положение внесены изменения (Советская юстиция. 1970. № 16. С. 30).

Преступлениями признаны мелкое хулиганство, совершенное лицом, к которому в течение года была применена мера административного воздействия за мелкое хулиганство (ст. 201)¹; сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 203)²; систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством (ст. 204)³; злостное уклонение от выполнения решения о трудоустройстве и прекращении паразитического существования (ст. 204-1)⁴; вовлечение несовершеннолетних в пьянство (ст. 205)⁵; управление автомобилем или городским электротранспортным средством в состоянии опьянения (ст. 206-1)⁶, самовольная без надобности остановка поезда (ст. 208-1)⁷.

Последнее впервые было признано преступлением на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 9 апреля 1941 г.⁸. В новом Уголовном кодексе, как уже отмечалось, такого состава не было. Практика показала, что административная ответственность за самовольную без надобности остановку поезда не оказалась достаточно эффективной.

В своей первой редакции ст. 203 предусматривала ответственность лишь за «приобретение имущества, добытого заведомо преступным путем». Между тем сбыт такого имущества представляет не меньшую общественную опасность. До внесения изменений в ст. 203 сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем, оставался безнаказанным или же иногда квалифицировался по ст. 203 как приобретение такого имущества, что, однако, противоречило закону.

Систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством согласно ст. 204 в первой редакции наказывалось «после повторного предупреждения, сделанного административными

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 595); Указ Президиума Верховного Совета БССР от 26 августа 1966 г.

² Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.

³ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 30 марта 1970 г. (СЗ БССР. 1970. № 10. Ст. 113).

⁴ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 30 марта 1970 г.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21 мая 1966 г. (СЗ БССР. 1966. № 16. Ст. 183).

⁶ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 16 сентября 1968 г.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1963 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1963. № 43. Ст. 446); Указ Президиума Верховного Совета БССР от 11 ноября 1963 г. (СЗ БССР. 1963. № 34. Ст. 346).

⁸ Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944. М., 1945. С. 246.

органами». Погашение административного предупреждения через год после его наложения затрудняло применение на практике ст. 204, что вызвало необходимость изменения ее редакции.

Уклонение тунеядца от работы, на которую он направлен по решению исполкома районного или городского Совета депутатов трудящихся, впервые было признано преступлением ст. 6 Указа Президиума Верховного Совета БССР от 30 декабря 1965 г.¹. До введения в Кодекс ст. 204-1 судебные органы квалифицировали подобные деяния по ст. 6 упомянутого Указа.

Признание преступлениями вовлечения несовершеннолетних в пьянство и управления автотранспортным средством в состоянии опьянения вызвано большим удельным весом так называемой алкогольной преступности. В БССР из общего числа осужденных совершили преступление в состоянии опьянения: в 1962 г. – 48,4 %, 1963 г. – 41,6 %, 1964 г. – 45,2 %, 1965 г. – 53,2 %, 1966 г. – 60,8 %, 1967 г. – 38 %, 1968 г. – 39 %, 1969 г. – 58 %, 1970 г. – 41 %. Исследования показали, что эти лица в большинстве своем стали приобщаться к спиртному еще в несовершеннолетнем возрасте и под влиянием взрослых, особенно родителей. Выборочными исследованиями 1962–1964 гг. установлено, что «число семей, где родители систематически пьянствовали, у преступников-подростков больше в 6–7 раз», чем у подростков контрольной группы (не совершавших преступлений)². Установлением уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в пьянство Советское государство стремится оградить подростков от опасного влияния некоторых взрослых людей.

Установление уголовной ответственности за управление автотранспортом в состоянии опьянения продиктовано исключительной опасностью пьянства водителей. Цифры жертв автоаварий велики и продолжают расти. Значительная часть аварий совершается в состоянии опьянения. По изученным автором в 1963 г. уголовным делам об автоавариях в 57 случаях (37 %) из 153 преступление совершено вследствие опьянения водителя.

Путешествие в автомобиле сейчас примерно в 10 раз опаснее, чем в поезде или самолете³. Если является преступлением управление в нетрезвом состоянии локомотивом или дрезиной, тем более необходима уголовная ответственность за управление в таком

¹ СЗ БССР. 1966. № 1. Ст. 1.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. № 2. С. 40.

³ Судебно-медицинская экспертиза. 1962. № 3. С. 10.

состоянии автомобилем или троллейбусом¹. Однако вряд ли обоснованы указанные в ст. 206-1 ограничения, не позволяющие привлечь к уголовной ответственности уже за первый случай управления машиной в состоянии опьянения. Опасность управления моторным транспортным средством в состоянии опьянения столь значительна, что для уголовной ответственности следует признать достаточным даже единичный факт.

Область уголовно наказуемого поведения расширена, как правило, за счет деяний, встречающихся редко, и установление уголовной ответственности направлено на их полное искоренение. Что касается деяний более или менее распространенных, то установление уголовной ответственности способствует их предупреждению, а также перевоспитанию правонарушителей.

3. После введения в действие нового Уголовного кодекса имело место и некоторое сужение области уголовно наказуемого поведения.

Формулировка состава «нарушение правил, установленных для учета военнообязанных, совершенное после применения мер административного воздействия» (ст. 200), предполагавшая со стороны субъективной вину умышленную либо неосторожную, заменена формулировкой «уклонение военнообязанного от воинского учета, если ранее за такое деяние к виновному были применены меры административного воздействия»², предполагающей лишь вину умышленную.

Статья 234 в первой редакции признавала самовольную отлучку только преступлением. Статья дополнена п. «г»³, позволяющим при наличии смягчающих обстоятельств считать самовольную отлучку, предусмотренную п. «а» ст. 234, проступком, влекущим применение правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил СССР.

4. Усиление ответственности за рецидив получило выражение в ст. 74-1, 85, ч. 2, 139, ч. 2, и 204, ч. 2, УК БССР.

Статьей 74-1 предусмотрена ответственность особо опасных рецидивистов и осужденных за тяжкие преступления лиц за терроризирование в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, или нападение на администрацию, а равно

¹ Действующие ныне уголовные кодексы Грузинской ССР (ст. 241), Литовской ССР (ст. 246), Украинской ССР (ст. 215), Молдавской ССР (ст. 177) и Узбекской ССР (ст. 208 и 209) предусмотрели ответственность за управление автотранспортом в состоянии опьянения еще в своей первоначальной редакции.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 января 1969 г. (СЗ БССР. 1969. № 4. Ст. 80).

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1965 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 5. Ст. 58), Указ Президиума Верховного Совета БССР от 13 февраля 1965 г. (СЗ БССР. 1965. № 7. Ст. 65).

организацию в этих целях преступных группировок или активное участие в них¹. Ранее такие действия рассматривались как преступления против личности или приготовление к ним либо покушение на совершение этих преступлений, что не отражало в достаточной мере степени социальной опасности лиц, посягающих на нормальную деятельность исправительно-трудовых учреждений. При такой квалификации к тому же стиралась грань между наиболее опасными и иными преступниками, отбывающими лишение свободы.

В число квалифицирующих обстоятельств в ст. 85 (нарушение правил о валютных операциях)², 139 (нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви)³ и 204 (систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством)⁴ выделено совершение преступления лицом, имеющим судимость за такое же преступление.

5. Значительное количество дополнений к Уголовному кодексу связано с введением видовых составов, имеющих целью конкретизацию уголовно-правового запрета и содействие судам в реализации принципа индивидуализации наказания.

В отдельные статьи выделены видовые составы: хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах (91-1)⁵, приписки и другие искажения отчетности о выполнении планов (149-1)⁶, нарушение Правил охраны линий связи (194-2)⁷, сопротивление работнику милиции или народному дружиннику (187-1), оскорбление работника милиции или народного дружинника (ст. 188)⁸ и посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника (ст. 189-1).

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 19. Ст. 207), Указ Президиума Верховного Совета БССР от 9 августа 1961 г. (СЗ БССР. 1961. № 25. Ст. 248).

² Указ Президиума Верховного Совета ССР от 25 марта 1961 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 13. Ст. 137), Указ Президиума Верховного Совета БССР от 9 августа 1961 г.

³ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 1 апреля 1966 г. (СЗ БССР. 1966. № 11. Ст. 120).

⁴ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 30 марта 1970 г.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г.

⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1961 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 22. Ст. 225), Указ Президиума Верховного Совета БССР от 9 августа 1961 г.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 21 ноября 1969 г. (СЗ БССР. 1969. № 3. Ст. 500).

⁸ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.

До выделения состава хищения социалистической собственности в особо крупных размерах такие преступления квалифицировались в зависимости от способа их совершения как хищение в крупных размерах (по ч. 3 ст. 87, ч. 3 ст. 88 и т.д.). С введением этого состава признано, что при упомянутых размерах хищения способ его совершения уже не имеет значения.

«Приписки в государственной отчетности и представление других умышленно искаженных данных о выполнении планов» (ст. 149-1) выделены из состава должностного подлога.

«Нарушение Правил охраны линий связи, повлекшее повреждение кабельной линии междугородной связи, если оно вызвало перерыв связи» (ст. 194-2), прежде могло бы квалифицироваться по ст. 98 Уголовного кодекса.

Составы, указанные ч. 2 в ст. 187-1, 188-1 и 189-1, введены в Уголовный кодекс¹ на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1962 г. «Об усилении ответственности за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников»². До принятия этого Указа упомянутые посягательства рассматривались по ст. 187 (сопротивление представителю власти или представителю общественной, выполняющему обязанности по охране общественного порядка), 188 (оскорбление представителя власти или представителя общественной, выполняющего обязанности по охране общественного порядка) или п. «в» ст. 100 (умышленное убийство в связи с выполнением потерпевшим служебного или общественного долга).

Упомянутый Указ издан, как сказано в его вводной части, «в целях усиления ответственности за посягательство со стороны преступных... элементов на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников, выполняющих важные обязанности по охране общественного порядка и прав граждан».

За посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника предусмотрено лишение свободы на срок от пяти до пятнадцати лет со ссылкой на срок от двух до пяти лет или без ссылки, а при отягчающих обстоятельствах – смертная казнь. Между тем санкция ст. 100 – лишение свободы на срок от восьми до пятнадцати лет со ссылкой или без ссылки или смертная казнь. Если по ст. 100 (п. «в»), по которой квалифицировалось

¹ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8. Ст. 83.

посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника до принятия Указа от 15 февраля 1962 г., минимальным наказанием является лишение свободы на срок в восемь лет, то в соответствии с упомянутым Указом минимальным наказанием стало лишение свободы на пять лет. Если для применения смертной казни по ст. 100 не требовалось каких-либо отягчающих обстоятельств, кроме указанного в п. «в», то для применения этого наказания по ст. 189-1 требуется еще отягчающее обстоятельство из числа названных в ст. 100 (помимо п. «в») или в ст. 38. Следовательно, с введением в Кодекс на основании Указа от 15 февраля 1962 г. ст. 189-1 посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника в связи с их служебной или общественной деятельностью по охране общественного порядка оказалось менее тяжким преступлением, чем умышленное убийство в связи с выполнением потерпевшим своего служебного или общественного долга (п. «в» ст. 100). Между тем эти преступления при прочих равных условиях по меньшей мере одинаково опасны.

В остальных случаях видовые составы выделены в квалифицированные (отдельные части статей). К ним относятся фальшивомонетничество в виде промысла (ч. 2 ст. 84)¹ нарушение правил о валютных операциях в виде промысла или в крупных размерах (ч. 2 ст. 85)²; организационная деятельность, направленная на нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви (ч. 2 ст. 139)³; уклонение военнообязанного от учебных или поверочных сборов, совершенное путем членовредительства, симуляции болезни или иного обмана, а равно совершенное при других отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 199)⁴; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицом, управляющим автомобилем, транспортным или городским электротранспортным средством, если оно повлекло гибель нескольких лиц (ч. 3 ст. 206)⁵; загрязнение водоемов и воздуха, причинившее существенный вред здоровью людей или сельскохозяйственному производству либо повлекшее массовую гибель рыбы (ч. 2 ст. 218)⁶; нарушение уставных правил сторожевой или патрульной службы,

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г., Указ Президиума Верховного Совета БССР от 9 августа 1961 г.

² Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 марта 1961 г., Указ Президиума Верховного Совета БССР от 9 августа 1961 г.

³ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 1 апреля 1966 г.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 27 апреля 1969 г.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 16 сентября 1968 г.

⁶ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 22 октября 1970 г. (СЗ БССР. 1970. № 30. Ст. 424).

повлекшее последствия, для предупреждения которых назначен сторожевой караул (пост) или патруль (п. «в» ст. 244)¹.

Наряду с введением в Кодекс новых видовых составов некоторые составы были объединены. Так, первоначально различалось нарушение правил безопасности движения автотранспорта, совершенное работником транспорта (ст. 206), и нарушение правил безопасности движения автотранспорта лицом, не являющимся работником автотранспорта (ст. 207). Позже² Кодекс был дополнен составом нарушения водителем самоходной машины установленных правил безопасности передвижения (ст. 207-1). Указом Президиума Верховного Совета БССР от 16 сентября 1968 г.³ перечисленные составы объединены в один состав нарушения правил безопасности движения и эксплуатации автотранспорта лицами, управляющими транспортными средствами (ст. 206), и из Кодекса исключены ст. 207 и 207-1. Объединение указанных составов основано на том, что правила безопасности движения едины и одинаковы для всех водителей независимо от того, являются ли они профессионалами или любителями и вообще имеют ли водительские права.

6. Значительное количество дополнений к Уголовному кодексу предусматривало назначение более тяжких наказаний.

В разное время установлены более высокие сроки лишения свободы за получение взятки (ст. 169), посредничество во взяточничестве (ст. 169-1) и дачу взятки (ст. 170)⁴, угрозу или насилие в отношении должностного лица (ч. 1 ст. 189)⁵, хулиганство (ст. 201)⁶ и нарушение уставных правил караульной службы (п. «а» ст. 244)⁷, а также повышен минимальный срок лишения свободы за умышленное убийство (ст. 101)⁸. В санкции ряда статей о государственных преступлениях (61–68, 74, 75, 83, 84, 85 и 86-1) введены

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1965 г., Указ Президиума Верховного Совета БССР от 13 февраля 1965 г.

² Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.

³ СЗ БССР. 1968. № 27. Ст. 373.

⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 февраля 1962 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 8. Ст. 85), Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.

⁵ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 26 августа 1966 г.

⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1966. № 30. Ст. 595), Указ Президиума Верховного Совета БССР от 26 августа 1966 г.

⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 января 1965 г., Указ Президиума Верховного Совета БССР от 13 февраля 1965 г.

⁸ Указ Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 г.

указания на возможность применения в качестве дополнительного наказания ссылки на срок от двух до пяти лет¹.

Параллельно с усилением ответственности в большинстве своем за наиболее тяжкие преступления в рассматриваемый период имело место и смягчение наказаний за менее опасные преступления.

В Кодекс введена ныне действующая ст. 91-2, установившая, что хищение социалистического имущества путем кражи, мошенничества, присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, совершенное впервые и в небольших размерах, если по обстоятельствам дела и с учетом личности виновного применение мер наказания, предусмотренных ст. 87, 90 и 91, не вызывается необходимостью, наказывается штрафом в размере до трехкратной стоимости похищенного². Было признано, что ст. 91-2 применяется, если стоимость похищенного не превышает 100 руб., а ст. 94 (мелкое хищение) – если стоимость похищенного не превышает 50 рублей.

Значительное смягчение наказания предусмотрено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июня 1970 г. «Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду»³. В ст. 1 Указа установлено, что «при назначении наказания совершеннолетнему трудоспособному лицу, впервые осужденному к лишению свободы на срок от одного года до трех лет, кроме лиц, перечисленных в ст. 2 настоящего Указа, суд, учитывая обстоятельства дела и личность виновного, а также возможность его перевоспитания без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ним надзора, может постановить об условном осуждении этого лица к лишению свободы с обязательным привлечением его на срок назначенного наказания к труду».

Смягчением ответственности для осужденных к лишению свободы явилось введение условного освобождения (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1964 г. «Об условном освобождении из мест лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, для работы на строительстве предприятий

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 5 мая 1961 г., Указ Президиума Верховного Совета БССР от 9 августа 1961 г. Еще ранее в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 февраля 1961 г. (Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 9. Ст. 91) санкция ч. 1 ст. 85 была дополнена указанием на возможность конфискации имущества.

² Указ Президиума Верховного Совета БССР от 17 апреля 1965 г. (СЗ БССР. 1965. № 14. Ст. 130).

³ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 4. С. 44–45.

народного, хозяйства»¹). Условное освобождение из мест лишения свободы для работы на стройках народного хозяйства может быть применено к трудоспособным лицам, на которых распространяется условно-досрочное освобождение и которые проявили желание честным трудом искупить свою вину, из числа осужденных впервые на срок:

- а) до трех лет лишения свободы включительно;
- б) до пяти лет включительно, если отбыто не менее одного года;
- в) до десяти лет включительно, если отбыто не менее двух лет;
- г) свыше десяти лет, если отбыто не менее пяти лет лишения свободы.

Сравнение дополнений к Уголовному кодексу, усиливающих наказание, и дополнений, смягчающих наказание, показывает, что, несмотря на численное преобладание первых, смягчение касается не меньшего числа лиц. Если по ст. 155 и 201 осуждается значительное число лиц, то не меньшее число осуждается с применением ст. 91-2 либо с применением Указа от 12 июня 1970 г. или направляется из мест заключения на стройки народного хозяйства.

¹ Изложение этого Указа дано в журнале «Социалистическая законность» (1964. № 5. С. 41-43).

Библиографический список трудов И.И. Горелика, опубликованных в настоящем издании

1. Горелик, И.И. Правовые аспекты пересадки органов и тканей / И.И. Горелик. – Минск : Высш. шк., 1971. – 91 с.
2. Горелик, И.И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья / И.И. Горелик. – Минск : Высш. шк., 1973. – 315 с.
3. Горелик, И.И. Понятие неосторожного преступления. Применение наказаний за техническую неосторожность / И.И. Горелик // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – С. 5–19.
4. Горелик, И.И. Признание лица особо опасным рецидивистом / И.И. Горелик // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – С. 19–24.
5. Горелик, И.И. Соучастие и квалифицирующие обстоятельства, относящиеся к исполнителю преступления / И.И. Горелик // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – С. 24–28.
6. Горелик, И.И. Отдельные вопросы назначения наказания / И.И. Горелик // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – С. 28–37.

7. Горелик, И.И. Условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду / И.И. Горелик // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – С. 37–43.
8. Горелик, И.И. Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему / И.И. Горелик // Применение уголовного законодательства в судебной практике БССР / И.И. Горелик, И.С. Тишкевич. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1982. – С. 43–54.
9. Горелик, И.И. Значение состояния опьянения при совершении общественно опасного действия (законодательство, судебная практика) / И.И. Горелик // Вопросы уголовного права и процесса. – Вып. 1. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1958. – С. 23–35.
10. Горелик, И.И. Развитие Особенной части Уголовного кодекса БССР 1960 г. / И.И. Горелик // Развитие уголовного права Белорусской ССР : сб. ст. / под ред. И.И. Горелика и И.С. Тишкевича. – Минск : Изд-во БГУ, 1973. – С. 107–126.

Научное издание

Наследие права

ГОРЕЛИК Иосиф Исаакович

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Ответственный за выпуск

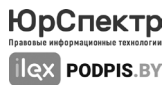
В.В. Куртова

Редакторы

Л.Ф. Остроумова, Е.П. Соболева

Компьютерная верстка

О.П. Карасюк

Подписано в печать 02.08.2021. Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд. л. 26,98. Тираж 300 экз. Заказ 2074.

Общество с ограниченной ответственностью «ЮрСпектр».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/531 от 27.06.2018.
Ул. Ф. Скорины, д. 40, комн. 328 (адм. корп.), 220141, г. Минск.

Общество с ограниченной ответственностью «Поликрафт».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 2/14 от 21.11.2013.
Ул. Кнорина, д. 50, корп. 4, комн. 401а, 220103, г. Минск.